

ФАКУЛЬТЕТ ЖУРНАЛИСТИКИ
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМЕНИ М. В. ЛОМОНОСОВА

СТИЛИСТИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ
МЕЖДУНАРОДНОГО КОМИТЕТА СЛАВИСТОВ

ISSN 2312-9751

Ежегодный международный научный журнал

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СТИЛИСТИКИ

№ 5

Факультет журналистики
Московского государственного университета
имени М. В. Ломоносова

Москва 2019

Редакционный совет:

- глава редакционного совета – член-корр. РАО, д-р филол. наук, профессор Е. Л. Вартанова
(Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова);
д-р филол. наук, профессор Д. Бжозовска (Опольский университет, Польша);
д-р филол. наук, профессор Т. А. Воронцова (Челябинский государственный университет);
д-р филол. наук, профессор С. Гайда (Опольский университет, Польша);
д-р филол. наук, профессор Я. Гоффманнова (Академия наук Чешской Республики);
д-р филол. наук, профессор М. В. Иванова
(Литературный институт имени А. М. Горького);
д-р филол. наук, профессор В. И. Ивченков (Белорусский государственный университет);
д-р филол. наук, профессор Н. И. Клушина
(Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова);
д-р филол. наук, профессор В. И. Коньков
(Санкт-Петербургский государственный университет);
д-р филол. наук, профессор Т. В. Кортава
(Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова);
д-р филол. наук, профессор Т. В. Кузнецова
(Национальный университет «Одесская юридическая академия», Украина);
д-р филол. наук, профессор Е. Малиновска (Опольский университет, Польша);
д-р филол. наук, профессор П. Мареш (Карлов университет в Праге, Чешская Республика);
д-р филол. наук, профессор П. Меич (Университет Мостар, Босния и Герцеговина);
д-р филол. наук, профессор О. Оргонева
(Университет имени Коменского в Братиславе, Словакия);
д-р филол. наук, профессор Л. Тантуровска
(Институт имени Крсте Мисиркова в Скопье, Македония);
д-р филол. наук, почетный профессор Б. Тошович (Университет Карла и Франца в Граце, Австрия).

Редакционная коллегия:

- д-р филол. наук, профессор Н. И. Клушина (главный редактор);
канд. филол. наук, доцент Н. Н. Василькова (заместитель главного редактора);
канд. филол. наук, доцент Н. В. Смирнова (шеф-редактор);
канд. филол. наук, доцент С. Ф. Барышева (ответственный секретарь);
канд. филол. наук, доцент И. А. Вещикова;
канд. филол. наук, доцент Н. Н. Вольская;
канд. филол. наук, доцент Л. Т. Касперова;
канд. филол. наук, доцент Л. Е. Малыгина;
канд. филол. наук, доцент А. В. Николаева;
канд. филол. наук, доцент Т. И. Сурикова;
Н. А. Примаченко;
Л. Я. Шнейберг;
М. А. Васильченко.

Контактная информация: 125009, г. Москва, ул. Моховая, д. 9

Электронный адрес редакции: apstil@yandex.ru

Все материалы рецензируются.

Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

© Актуальные проблемы стилистики. Все права защищены.

Editorial Council:

Vartanova E. L., Chair of Editorial Council,
Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Doctor of Philology, Professor
(Lomonosov Moscow State University);

Brzozowska D., Doctor of Philology, Professor (Opole University, Poland);
Gajda S., Doctor of Philology, Professor (Opole University, Poland);
Hoffmannová J., Doctor of Philology, Professor (Academy of Sciences of the Czech Republic);
Ivanova M. V., Doctor of Philology, Professor (Maxim Gorky Literature Institute);
Ivchenkov V. I., Doctor of Philology, Professor (Belarusian State University);
Klushina N. I., Doctor of Philology, Professor (Lomonosov Moscow State University);
Konkov V. I., Doctor of Philology, Professor (St.-Petersburg State University);
Kortava T.V., Doctor of Philology, Professor (Lomonosov Moscow State University);
Kuznetsova T. V., Doctor of Philology, Professor
(National University "Odesa Law Academy", Ukraine);
Malinowska E., Doctor of Philology, Professor (Opole University, Poland);
Mareš P., Doctor of Philology, Professor (Charles University in Prague, Czech Republic);
Meić P., Doctor of Philology, Professor (University of Mostar, Bosnia and Herzegovina);
Orgoňová O., Doctor of Philology, Professor (Comenius University in Bratislava, Slovakia);
Tanturovska L., Doctor of Philology, Professor (Institute "Krstе Misirkov", Skopje, Macedonia);
Tošović B., Doctor of Philology, Professor Emeritus (University of Graz, Austria);
Vorontsova T. A., Doctor of Philology, Professor (Chelyabinsk State University).

Editorial Board:

Klushina N. I., Editor-in-Chief, Doctor of Philology, Professor;
Vasilkova N. N., Deputy Editor-in-Chief, Candidate of Philology, Associate Professor;
Smirnova N. V., Managing Editor, Candidate of Philology, Associate Professor;
Barysheva S. F., Executive Secretary, Candidate of Philology, Associate Professor;
Veshchikova I. A., Candidate of Philology, Associate Professor;
Volskaya N. N., Candidate of Philology, Associate Professor;
Kasperova L. T., Candidate of Philology, Associate Professor;
Malygina L. E., Candidate of Philology, Associate Professor;
Nikolaeva A. V., Candidate of Philology, Associate Professor;
Surikova T. I., Candidate of Philology, Associate Professor;
Primachenko N. A.;
Shneiberg L. Y.;
Vasilchenko M. A.

Contact information: 9 Mokhovaya Street, 125009, Moscow

E-mail: apstil@yandex.ru

All articles are refereed.

The journal is included in the database of the Russian Science Citation Index (RSCI).

© Actual Problems of Stylistics. All rights reserved.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакционной коллегии 8

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ СТИЛИСТИКИ

Гайда Станислав (Ополе, Польша). Концепция позитивной стилистики 13
Клушина Н. И. (Москва, Россия). Современные стилистические исследования:
прогнозы и перспективы 20

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ СТИЛИСТИКА

Сиротинина О. Б. (Саратов, Россия). К вопросу о функционально-стилевых различиях
в русском языке и речи в XXI в. 27
Ларина Т. В. (Москва, Россия). Эмоции и вежливость
в стиле анонимной научной рецензии 40
Сурикова Т. И. (Москва, Россия). «Сим удостоверяю, что предъявитель сего...»:
о соотношении официально-делового стиля и делового дискурса
и их влиянии на коммуникацию и язык 47
Кочай Мир Сахиб Джан (Кабул, Афганистан). Научный стиль и его основные черты
в русском и пушту языках 53

СТИЛИСТИКА ЦЕРКОВНО-РЕЛИГИОЗНОЙ РЕЧИ

Москвин В. П. (Волгоград, Россия). О месте церковно-религиозной речи
в системе русского языка 61
Ван Цзясин, Ма На (Нанкин, КНР). Композиционно-коммуникативные особенности жанра
современного православного послания 73

МЕДИАСТИЛИСТИКА

Карасик В. И. (Москва, Россия). Политический эксперт как лингвокультурный типаж 87
Мальшева Е. Г., Рогалева О. С. (Омск, Россия). Концептуальные доминанты медиаобраза
«Губернатор» в региональном массово-информационном дискурсе 96
Барышева С. Ф. (Москва, Россия). Фоностилистические типы
информационно-публицистического теледискурса 104

ИНТЕРНЕТ-СТИЛИСТИКА

Николаева А. В. (Москва, Россия). Стилистика социальных сетей 111
Малыгина Л. Е. (Москва, Россия). «Давай поговорим!»:
Как виртуальные собеседники изменяют телевизионный промодискурс? 117

СТИЛИСТИКА И РИТОРИКА

<i>Василькова Н. Н. (Москва, Россия). Категориальная сущность фигуры как объекта стилистического исследования</i>	127
<i>Новоженова З. Л. (Гданьск, Польша). «Высокий стиль» в публичном дискурсе: теоретическая проблема и речевая практика</i>	132
<i>Ѓуркова Александра (Скопје, Македонија). Кохезивните елементи и стилот во беседите на Григор Прличев</i>	142
<i>Сидики Аниса (Кабул, Афганистан). Речевой этикет и его особенности в русском языке и в языке дари</i>	151

СТИЛИСТИКА ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕЧИ

<i>Караниколова-Чочоровска Луси (Глигор) (Штип, Македонија). Семантостилиемата „рака“ во романот „Ана Каренина“ од Лав Николаевич Толстой (морфостилистички и семантостилистички третман на детаљот-рака)</i>	159
<i>Гик А. В. (Москва, Россия). Язык и поэтика современной басни</i>	172
<i>Смирнова Н. В. (Москва, Россия). Референциальный статус антропонимов в рассказах В. Набокова</i>	179

НАУЧНЫЕ СОБЫТИЯ

<i>Клушина Н. И. (Москва, Россия). Международная научная конференция «Настоящее и будущее стилистики»</i>	189
<i>Синельникова Л. Н. (Ялта, Россия). Юбилейное заседание Ялтинского дискурсологического кружка</i>	196
<i>Ицкович Т. В. (Екатеринбург, Россия). Международная научная конференция «Аксиологические аспекты современных филологических исследований»</i>	201

СТИЛИСТИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО КОМИТЕТА СЛАВИСТОВ

<i>Касперова Л. Т. (Москва, Россия). Отчет о деятельности Стилистической комиссии за 2019 год</i>	208
<i>Сведения об авторах</i>	212

CONTENTS

On the part of the Editorial Board	8
--	---

GENERAL PROBLEMS OF MODERN STYLISTICS

<i>Gajda Stanisław (Opole, Poland)</i> . The concept of positive stylistics	13
<i>Klushina N. I. (Moscow, Russia)</i> . Modern trends of stylistic research	20

FUNCTIONAL STYLISTICS

<i>Sirotinina O. B. (Saratov, Russia)</i> . On functional-stylistic varieties in the Russian language and speech of the XXI century	27
<i>Larina T. V. (Moscow, Russia)</i> . Emotion and politeness in the style of blind peer-review	40
<i>Surikova T. I. (Moscow, Russia)</i> . "I simply that the representative of this ...": On the ratio of official business style and business discourse and their influence on communication and language	47
<i>Kochai Mir Sahib Jan (Kabul, Afghanistan)</i> . Scientific style and its main features in Russian and Pashto	53

STYLISTICS OF CHURCH AND RELIGIOUS SPEECH

<i>Moskvin V. P. (Volgograd, Russia)</i> . On the place of church and religious speech in the system of Russian language	61
<i>Wang Jiaying, Ma Na (Nanjing, PRC)</i> . The communicative characteristic of modern orthodox letters	73

MEDIA STYLISTICS

<i>Karasik V. I. (Moscow, Russia)</i> . Political expert as a linguocultural type	87
<i>Malysheva E. G., Rogaleva O. S. (Omsk, Russia)</i> . The conceptual dominants of media image «Governor» in the regional mass-informational television discourse	96
<i>Barysheva S. F. (Moscow, Russia)</i> . Phonostylistic types of information and publicistic television discourse	104

INTERNET STYLISTICS

<i>Nikolaeva A. V. (Moscow, Russia)</i> . Style of social networks	111
<i>Malygina L. E. (Moscow, Russia)</i> . "Let's talk!": How chat bots will change television promodiscourse?	117

STYLISTICS AND RHETORIC

<i>Vasilkova N. N. (Moscow, Russia). Categorical essence of the figure as an object of stylistic research</i>	127
<i>Novozhenova Z. L. (Gdansk, Poland). «High style» in public discourse: theoretical problem and practice language</i>	132
<i>Gjurkova Aleksandra (Skopje, Macedonia). Elements of cohesion and style in the orations by Grigor Prličev</i>	142
<i>Sidiki Anisa (Kabul, Afghanistan). Speech etiquette and its features in Russian and Dari</i>	151

LITERARY STYLISTICS

<i>Karanikolova-Chochorovska Lusi (Gligor) (Stip, Macedonia). Semantostylem arm in the novel “Anna Karenina” by L. N. Tolstoy (morfo-stylistic and semantostylistic treatment of the detail arm)</i>	159
<i>Gik A. V. (Moscow, Russia). Contemporary fable: language and poetics</i>	172
<i>Smirnova N. V. (Moscow, Russia). Referential status of anthroponyms in the stories by V. Nabokov</i>	179

SCIENTIFIC EVENTS

<i>Klushina N. I. (Moscow, Russia). International scientific conference “Present and future of stylistics”</i>	189
<i>Sinelnikova L. N. (Yalta, Russia). Anniversary meeting of the Yalta discoursological circle</i>	196
<i>Itskovich T. V. (Yekaterinburg, Russia). International scientific conference “Axiological aspects of modern philological research”</i>	201

STYLISTIC COMMISSION OF THE INTERNATIONAL COMMITTEE OF SLAVISTS

<i>Kasperova L. T. (Moscow, Russia). Stylistic Commission activity report, 2019</i>	208
Information about the authors	214

ОТ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Уважаемые читатели!

В этом номере журнала мы выносим на обсуждение научной общественности новые темы и важные дискуссионные вопросы современной стилистики.

Статья академика Станислава Гайды посвящена концепции позитивной стилистики. Это новое направление современной гуманитарной науки поднимает острые проблемы, связанные с «идеей хорошей жизни», с одной стороны, и с наблюдаемой в реальности «антропологической регрессией», с другой стороны. Ст. Гайда в рамках развиваемой им теории философской стилистики тесно увязывает валеологию с лингвоэкологией и обращает наше внимание на то, что с помощью языка мы можем не только описывать существующие изменения в нашей жизни, но и влиять на саму жизнь через социальные когнитивные структуры, формируемые посредством в том числе позитивной стилистики.

Важной темой номера является церковно-религиозная речь. В статье В. П. Москвина остро ставится вопрос о функционально-стилистической системе современного русского литературного языка. Надеемся, что именно эта статья откроет назревшую в научном сообществе дискуссию о функциональной стилистике, таксономии стилей и научном обосновании ее трансформации. Профессор В. П. Москвин аргументированно и последовательно разграничивает понятия стиль, дискурс, межстиль и предлагает не спешить с расширением системы функциональных стилей, поскольку зачастую подобное расширение не имеет под собой оснований. Это актуальный вопрос не только для русской, но и для всей славянской стилистики, поскольку речевые практики становятся все более разнообразными и их описание требует взвешенного научного подхода. Китайские исследователи Ван Цзясин и Ма На в своей статье, также представленной в рубрике о церковно-религиозной речи, подчеркивают необходимость изучения данного типа речи, который сегодня быстро и активно развивается, расширяет жанровый диапазон и стилистический потенциал.

Обращаем особое внимание на масштабную статью профессора О. Б. Сиротининой, посвященную современной языковой ситуации. В статье даны наблюдения над развитием каждого функционального стиля, подчеркнуты рискогенные зоны и дана оценка с позиций культуры речи.

О назревшей дифференциации официально-делового стиля и деловой речи говорится в статье доцента Т. И. Суриковой. Профессор Т. В. Ларина показывает эмотивные и стилистические различия в актуальном жанре анонимной научной рецензии в русском и англоязычном научном дискурсе. Изучению стилистических проблем на примере языков пушту и дари посвятили статьи афганские ученые Мир Сахиб Джан Кочай и Аниса Сидики. Такой интерес к стилям и жанрам в различных лингвокультурах подчеркивает необходимость дальнейшего обсуждения вопросов функциональной стилистики и ее жанровой системы.

В традиционных для нашего журнала рубриках «Медиастилистика» и «Интернет-стилистика» собраны статьи известных ученых В. И. Карасика, Е. Г. Малышевой, О. С. Рогалевой, С. Ф. Барышевой, А. В. Николаевой, Л. Е. Малыгиной, которые делятся своими наблюдениями над функционированием языка на различных медийных платформах (в социальных сетях, на телевидении, радио, в газетах и журналах) и над его семантическими, фоностилистическими, концептуальными, лингвокультурологическими доминантами.

В рубриках «Стилистика и риторика» и «Стилистика художественной речи» опубликованы статьи славянских стилистов Н. Н. Васильковой, З. Л. Новоженовой, А. Гурковой, Н. В. Смирновой, А. В. Гик, Л. Караниколовой-Чочоровски, исследующих риторические и стилистические возможности литературного языка, а также вопросы идиостилистики.

В рубрике «Научные события» профессор Л. Н. Синельникова, профессор Т. В. Ицкович, профессор Н. И. Клушина дали описание важнейших для Стилистической комиссии научных конференций 2019 г., которые прошли в Москве, Ялте и Екатеринбурге с участием членов комиссии, ученый секретарь Стилистической комиссии Л. Т. Касперова представила научный отчет о деятельности Комиссии за 2019 г.

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ СТИЛИСТИКИ

- ◆ Позитивная стилистика
- ◆ Идея хорошей жизни
- ◆ Валеология
- ◆ Аксионормативная мысль
- ◆ Языковое поведение
- ◆ Стилистическая комиссия
- ◆ Направления современных стилистических исследований
- ◆ Медийный поворот

Станислав Гайда:

«Человеческая деятельность определяется не только биологическим и культурным детерминизмом. Человек не только узник природы и культурных традиций. Будучи субъектами, силой своего духа люди могут влиять на течение индивидуальной жизни и совместно решать судьбу своих общин. Многие зависят от их изобретательности и творческой энергии, последовательности и эффективности, с которой они принимают и решают возникающие проблемы».

«Сущностью морали являются нравственные оценки, которые являются составной частью познавательных процессов. Эти процессы являются основой всех форм поведения, в том числе языковых, и включают две стадии: эмоционально-интуитивную (быструю и спонтанную) и интеллектуально-рациональную. Моральные оценки становятся более значимыми, весомыми при поведении, которое связано с выбором».

«Теоретической основой лингвистики и позитивной стилистики является размышление о языке, которое исходит из онтологического и эпистемологического предположения о взаимоотношениях между тремя сущностями: реальным миром, познающим разумом и языком и принимает тезис о множественных способах существования реальности».

«Задача позитивной стилистики – заботиться не только об идеале хорошей речи в целом, но и формировать хорошую речь в различных сферах и жизненных ситуациях. Это будет способствовать созданию жизненного пространства, в котором моральная ответственность играет решающую роль».

Наталья Ивановна Клушина:

«На рубеже веков стилистика стала вытесняться дискурсологией. Появилось множество научных работ, в которых термин дискурс вытеснил термин стиль. Подобная замена со стороны стилистов критически не осознавалась, это было следование моде. Возникла угроза поглощения дискурсологией стилистики».

«Свою миссию комиссия определяет как консолидацию ведущих стилистических школ, существующих в разных странах, тесное их сотрудничество и взаимодействие».

«Возникновение и стремительное развитие интернета как нового технологического канала, породившего особый тип коммуникации, предоставило стилистике новое поле для исследования».

Станислав Гайда
(Опольский университет, Польша)

КОНЦЕПЦИЯ ПОЗИТИВНОЙ СТИЛИСТИКИ

Термин *позитивная стилистика* относится к новой входящей в лингвистику исследовательской ориентации (*позитивная наука, валеология*), которая выдвигает идею хорошей жизни и является ответом на тревожные вызовы современности. Эта ориентация характеризуется концентрацией внимания на основных проблемах современного человека, междисциплинарным подходом, целенаправленной организацией исследований и аксиологической приверженностью. Идея хорошей жизни имеет очень старую родословную и иногда сочетается с каталогом универсальных моральных ценностей и добродетелей (например, мудрости, смелости, справедливости, духовности, свободы). Позитивная стилистика начинается с предположения, что языковое поведение зависит от социальных и мыслительных структур и видов деятельности, но также создает эти структуры и виды деятельности. Не отказываясь от сознательной аксионормативной мысли, стилистика должна формировать хорошую речь в различных сферах и жизненных ситуациях.

Ключевые слова: исследовательская ориентация, идея хорошей жизни, валеология, моральная ценность, добродетель, позитивная лингвистика.

Stanisław Gajda
(Opole University, Poland)

THE CONCEPT OF POSITIVE STYLISTICS

The term positive stylistics refers to the new research orientation entering into linguistics (positive science, valeology), which takes up the idea of a good life and is a response to the alarming challenges of modern times. This orientation is characterized by concentration of attention on the major contemporary human problems, transdisciplinary approach, task-oriented research organization and axiological commitment. The idea of a good life has a very old pedigree and is sometimes combined with a catalog of universal moral values and virtues (e.g. wisdom, courage, justice, spirituality, freedom). Positive stylistics starts from the assumption that language behavior depends on social and mental structures and activities, but also creates these structures and activities. Without escaping conscientious axi-normative thought, stylistics should shape good speech in various spheres and life situations.

Key words: research orientation, idea of a good life, waleology, moral value, virtue, positive linguistics.

1. Исследовательская ориентация

Выражение *позитивная стилистика* относится к новой исследовательской ориентации, которая выдвигает идею хорошей жизни (индивидуальной и коллективной). Эта идея не чужда философии и многим другим дисциплинам. Еще Платон считал, что наука должна объяснять природу хорошей жизни. В последнее время беспокойство по поводу направления развития нашей цивилизации способствовало повышению интереса к этой идее. Наука, стремясь исполнить свое общественное предназначение и миссию, обратилась к теории и практике такой жизни, ссылаясь на такой ее важный аспект, который выражен, в частности, терминами *счастье, благополучие, качество жизни*.

Определение *позитивный* появилось в термине *позитивная психология*, введенном в 1954 г. А. Маслоу, выдающимся представителем так называемой *гуманистической психологии*. Полвека спустя его популяризации способствовал М. П. Селигман, который создал основы позитивной психологии (Селигман 2005). В начале нашего столетия это определение вошло в термин *позитивные гуманитарные науки*, подчеркивая междисциплинарную направленность многих дисциплин в гуманитарных и общественных науках. Однако, поскольку новая ориентация все больше выходит за границы этих дисциплин, становясь значимой для биологии, нейробиологии, экологии, права, экономики, медицины и технических наук, можно было бы использовать новый, более широкий термин, например, *валеология* (от латинского *valeo* 'быть сильным, здоровым, не только в медицинском смысле').

Категория исследовательской ориентации появилась в метанаучном дискурсе сравнительно недавно, и здесь пока нет четкого методологического представления. Тем не менее, прежде чем он полностью выкристаллизуется, можно обратиться к его предварительной, временной характеристике. Внутренняя диверсификация и дезинтеграция науки и ее дисциплин приводят к тому, что ее подразделения не дают ясной картины достижений и препятствуют их синтезу и выполнению наукой ее общественных функций. Особенно гуманитарные и общественные науки стали пространством

динамической дифференциации (ср., в частности, оппозиции натурализм – антинатурализм, реализм – конструктивизм). Категория исследовательской ориентации, кажется, является одним из ответов на текущую познавательную ситуацию в науке и ответом на вызовы сегодняшнего дня.

Научную ориентацию характеризует прежде всего:

- сосредоточенность на основных современных проблемах человека и человечества,
- междисциплинарный подход,
- целенаправленная исследовательская организация,
- аксиологическое участие (особенно в позитивной науке).

В настоящее время наиболее заметными ориентациями являются: экология, медиаисследования, нейробиология и гендерные исследования.

Можно ли говорить о позитивной лингвистике / стилистике как о важном элементе гуманитарных наук / позитивной науки?

Концепция позитивных гуманитарных наук, которая выходит за рамки натуралистической науки, может вызвать возражения и противоречия. Неизбежно, в частности, появление такого обвинения: наивность, утопизм, аксиологическая приверженность. Однако утопизм как направленность на добро является отличительной чертой человеческого рода и основой культурной деятельности. Человеческая деятельность определяется не только биологическим и культурным детерминизмом. Человек не только узник природы и культурных традиций. Будучи субъектами, силой своего духа люди могут влиять на течение индивидуальной жизни и совместно решать судьбу своих общин. Многие зависят от их изобретательности и творческой энергии, последовательности и эффективности, с которой они принимают и решают возникающие проблемы.

И таких больших проблем, решение которых становится необходимым во имя не только улучшения условий жизни (в отношении экономики, окружающей среды, конкретных идеологий, нации и т. д.), но и во имя выживания человека, вовсе не так и мало. Человечеству угрожают:

- изменения окружающей природной среды;
- революционное развитие новых технологий, которые, помимо выгод, приносят неожиданные негативные последствия;
- угроза ядерной войны;
- замедление развития духовной (мировоззренческо-символической) сферы, доминирование поп-культуры, прогрессирующее невежество в обществе, редукционизм нравственного измерения существования.

2. Идея хорошей жизни

Идея хорошей жизни имеет вечные корни. Древние греки отличали приятную жизнь (гедонизм) и добродетельную жизнь (эвдемонизм). Концепция последней предполагала достижение определенных качеств – добродетелей и достоинств. Если следовать указаниям самых выдающихся мудрецов и философов из разных культур (китайской, индуистской, греческой, иудейской и европейской), то шесть добродетелей считаются универсальными: мудрость, смелость, гуманность, справедливость, сдержанность, духовность. Есть несколько способов достижения каждой добродетели – преимущества, которые являются желательными нравственно-психологическими качествами личности, поддерживаемыми культурными моделями, общественными ролями и институтами, а также языком. Например, добродетель духовности имеет такие преимущества, как: чувство красоты и совершенства, благодарность, чувство цели, надежда / оптимизм / доверие, прощение и жалость, юмор, воодушевление / увлечение / энтузиазм / страсть (Seligman 2005: 169–214).

В новые и новейшие времена идея хорошей индивидуальной и коллективной жизни воспринимается различными направлениями в философии и многими старыми и новыми дисциплинами. Психология за основу качества индивидуальной жизни признает степень интеграции трех уровней регуляции функционирования человека: нейробиологического (включая гены и удовлетворение биологических потребностей человека), психического и социокультурного (условия жизни, системы ценностей, межличностные отношения и т. д.).

Сильно развился популярный консультативный дискурс, который предлагает различные рецепты счастливой индивидуальной жизни. Общественные науки имеют так называемые показатели счастья обществ. Методология их построения различна, но чаще всего они касаются состояния здоровья граждан, экологической чистоты, социальных отношений, уровня безопасности и декларируемой удовлетворенности жизнью.

Нечеткое и неточное представление о хорошей жизни происходит, в частности, от того, что оно затрагивает многие фундаментальные онтологические и эпистемологические проблемы, включая такие, как природа человека, биологический и культурный детерминизм и человеческая субъектность, свободная воля, разум и эмоции, ценности и нормы, миссия науки и ее стандарты, интеграция знаний и т. д. Наука позитивная (валеология) стремится развивать, интенсифицировать и интегрировать познавательную и практическую деятельность, осуществляемую не только на научной основе, но и на обыденной, политической, художественной и религиозной. Она стремится сделать это на научной основе, ссылаясь на обоснованные предположения и утверждения, пытаясь понять человеческое стремление к полноценной жизни, т. е. приятной, хорошей и значимой.

Независимо от общепринятого понимания идеи хорошей жизни, ее содержательный центр включает в себя чувства, охватываемые понятием морали. В человеческом мире мораль играет основополагающую роль. Благодаря ей люди формируют сообщества, не связанные кровными узлами, что способствовало развитию цивилизации. Степень ее значимости может быть подтверждена ее абсолютной и божественной санкцией. Сущностью морали являются нравственные оценки, которые являются составной частью познавательных процессов. Эти процессы являются основой всех форм поведения, в том числе языковых, и включают две стадии: эмоционально-интуитивную (быструю и спонтанную) и интеллектуально-рациональную. Моральные оценки становятся более значимыми, весомыми при поведении, которое связано с выбором.

Критерии моральной оценки и иерархия ценностей являются предметом постоянного спора. З. Бауман признал принцип *Люби ближнего твоего как самого себя* за основу человечности. Он требует открытости Другому и взаимного признания своей уникальности и уважения, несмотря на различия. Быть открытым для Другого – предпосылка человечности, основанной на достоинстве. Все остальные ценности являются ценностями лишь в той степени, в какой они служат достоинству, культивируя и защищая его. Из этого принципа также следует, что истина в человеческом мире не может быть «единственной и неповторимой», потому что абсолютная истина будет означать конец диалога и, следовательно, конец человечности (Bauman 2007).

В свою очередь Дж. Хайдт выделяет шесть моральных универсалий, над которыми располагает более зависимые от культурной специфики достоинства и добродетели. В качестве моральной основы он считает следующие ценности:

- забота – ее эмоциональная основа – это сострадание и ориентация на благо конкретного человека;
- справедливость – здесь важны эмоции благодарности и гнева, функция этой ценности – способствовать сотрудничеству;
- лояльность – это возможность создания коалиций и успеха в соперничестве между общинами, основными эмоциями являются групповая гордость, а также гнев и презрение к предателям;
- авторитет – выстраивает позитивные отношения внутри социальных иерархий, используя эмоции уважения и страха;
- святость / чистота – позволяет избежать физического и символического загрязнения, обращаясь к чувству отвращения;
- свобода – ответственная и ограниченная правами и свободами других лиц.

Поэтому для Хайдта мораль сводится к моральным системам, которые включают в себя связанные своды ценностей, добродетелей, достоинств, норм и практик, идентичностей, институтов и эволюционно сформированных механизмов, которые действуют совместно, чтобы подавлять или регулиро-

вать эгоизм индивидов и позволить существовать сообществам, основанным на сотрудничестве. Мораль, следовательно, предназначена для достижения согласия (оно не сводится к единодушию).

Между тем современный мир превратился в практически неограниченное пространство параллельных источников информации, которые передают разные и не поддающиеся проверке образы мира. Человек обречен противостоять им или доверять только некоторым источникам, стоящим за ним. В результате социальный мир становится сообществом людей, опирающихся на различные источники и присоединяющихся к антагонистическим группам, которые руководствуются идеологиями, возбуждающими ненависть и исключают диалог и взаимопонимание. Это катастрофическое видение человеческого мира. Общество, однако, не является совокупностью разнородных и не связанных между собой лиц. Общественное МЫ относится к бытию-один-для-другого-человека, к социальному пространству, связанному моральной ответственностью, которую Я принимает и которую ожидает от Других.

Если человек считается свободным существом, которое, однако, имеет обязательства перед обществом, то предполагается, что свобода личности ограничена свободой Других. Право на реализацию противоречивых систем ценностей заставляет нас устанавливать индивидуальные ограничения прав и свобод. Это делается с помощью дискурсов, формулирующих определенные идеалы и метанормы, которые выражают так называемые согласованные ценности, например, в таких документах, как *Всеобщая декларация прав человека* (1948 г.), а также в правовых и этических кодексах различных профессиональных групп. Социальное принуждение и нормативные ограничения, налагаемые на индивидуальную и групповую свободу, служат для защиты межличностных связей от войны всех против всех и каждой личности во имя ее права на хорошую жизнь.

Однако в ситуациях конфликта ценностей могут ли люди достичь консенсуса в отношении правил, определяющих пределы прав и свобод? С теоретической точки зре-

ния это возможно (см.: Rawls 1994; Habermas 1999). Однако в жизненной практике идея толерантности часто сталкивается с нетерпимостью, провозглашаемой и практикуемой нетерпимыми субъектами. Кажется, что предел терпимости может определять употребление насилия, но точно указать этот предел непросто (см. различные виды насилия, например, физическое, психическое, символическое, словесное, а также различные степени нетерпимости).

3. Позитивная лингвистика / стилистика

Постулированная здесь концепция позитивной стилистики (и в более широком смысле лингвистики) выражает стремление ввести позитивную исследовательскую ориентацию в познавательное пространство лингвистики и стилистики, т. е. в поиск и реализацию идеала хорошей жизни через язык и в языке. Это стремление не является чуждым для науки о языке. Веками оно проявлялось в философии языка разных философских направлений, от Платона и Аристотеля до прагматической, аналитической и герменевтической философии. Лингвистика может также ссылаться здесь на риторические и филологические традиции или даже на более близкие прагмалингвистические предложения, или же предлагаемые культурой речи. Последняя в XX в. долго концентрировалась на аспекте правильности использования языка. Затем ее внимание переключилось на уместность, действенность речи. В последнее время ее интерес также включал эстетические и этические аспекты (ср. термин *этика слова*, см.: Puzynina 1988; Cegięła 2014 и Bartmiński 2017). В то же время вдохновляющими для стилистики в этом отношении представляются антинатуралистические прорывы (конца XIX и конца XX в.). Особенно значительным может быть рождение теории / анализа дискурса и особенно критического анализа дискурса (Duszak, Fairclough 2012).

Появляющаяся позитивная лингвистика ищет противовесы для так называемого *новояза* (Głowiński 1990) и для догматических нарративов. К последним относят прежде всего речь ненависти, которая, прибегая к оскорблениям и клевете и распространяя предрассудки, пробуждает ненависть,

а также опасную речь, ведущую к насилию, и «двойственную» речь, которая фальсифицирует образ мира и скрывает реальные намерения (Jakubowska-Branicka 2013). Эти три речи стремятся использовать символы, которые когнитивно бедны, но сильно эмоционально насыщены (в основном отрицательно). Они строят установку и вызывают поведение, которое ведет к фундаментализму и аксиологическому тоталитаризму.

Теоретической основой лингвистики и позитивной стилистики является размышление о языке, которое исходит из онтологического и эпистемологического предположения о взаимоотношениях между тремя сущностями: реальным миром, познающим разумом и языком и принимает тезис о множественных способах существования реальности.

Классическая философия представляла отношения между этими сущностями как линейные односторонние отношения – мир зеркально отражается в уме, и это отражение верно выражает язык. После картезианско-кантовского поворота к субъекту и инициированного Ю. Г. Гердером и В. Гумбольдтом языкового поворота этот классический подход был поставлен под сомнение и заменен новым. Он может быть представлен в виде треугольника, вершины которого представляют эти три сущности, а стороны – взаимные, интерактивные взаимодействия. Таким образом, подчеркивается активная роль мышления (ума) и языка.

Современная онтология принимает тезис о множественности способов существования реальности (ср. Strózewski 2004). Используя критерии: индивидуальный *vs* коллективный и объектный *vs* субъектный – можно выделить четыре способа существования:

- мир конкретных объектов, включая практические и жизненные действия человека и их продукты, частью которых являются языковые действия и их продукты в форме текстов, обладающие особыми свойствами (включая моральные);
- идеальный (интеробъективный) мир, например, в форме системы (сети) систем, включая языковую систему и аксиономативную систему;

- субъективный ментальный мир индивида, в том числе Я языковое и Я аксионормативное;
- интерсубъективный мир коллектива (например, национальный), охватывающий МЫ языковое и МЫ аксионормативное.

Следствием принятых допущений является признание различных способов существования текста и стиля как его наивысшей эмергентной категории, которую я описал как гуманистическую структуру текста (ср. Gajda 1983 и 2017; Гайда 2016). Соответственно, мы можем говорить об объективном стиле конкретного текста, об интеробъективном стиле узуальном (например, функциональном стиле), о субъективном индивидуальном стиле и об интерсубъективном стиле сообщества.

У лингвистики и стилистики есть проблемы с охватом всей сложной, многогранной языковой реальности. Они имеют сильную привязанность к натуралистической (позитивистской) исследовательской перспективе, для которой характерно сужение мира до материи (опредмечивание), сведение познания к эмпирически-рациональному (исключая аксионормативную составляющую). Однако на языковое мышление влияют различные варианты антипозитивистского тренда, которые рассматривают язык как динамическое человеческое творение, которое является не только зеркалом, но и инструментом конструирования мира и его образов. Человек не живет в готовом существующем мире, но он также создает его в совместных языковых процессах. Коммуникация и языковые практики проистекают

из действий, а также структур социальных и психических людей, и они же эти действия и структуры формируют.

Последние десятилетия вызвали все больший интерес к субъективному миру Я и МЫ. В сознании человека можно выделить:

- слабый субъект, который стоит за нашим автоматическим, биологически и культурно детерминированным поведением и подвержен внешнему контролю;
- сильный субъект, т. е. сознательный и преднамеренный субъект свободной, рациональной и моральной мотивации, осознающий себя и свою жизнь.

Проблема в том, что именно слабый субъект преобладает в сознании современных людей (можно говорить и о негативной стилистике).

От гуманитарной науки и стилистики можно ожидать противодействия антропологической регрессии. Современная наука не может быть в стороне от прочных эмпирических исследований, но она не может сторониться участия и отказываться от сознательной аксионормативной мысли. Задача позитивной стилистики – заботиться не только об идеале хорошей речи в целом, но и формировать хорошую речь в различных сферах и жизненных ситуациях. Это будет способствовать созданию жизненного пространства, в котором моральная ответственность играет решающую роль. Мы создаем из нашего мира ад. И мы либо принимаем его, становясь его частью, либо выбираем побег из этого мира, либо предпринимаем меры исцеления.

Литература

1. Гайда С. Стиль как вызов // Актуальные проблемы стилистики. – 2016. – № 2. – С. 13–22.
2. Bartmiński J. i in. (red.) *Etyka słowa. Wybór opracowań*. – Lublin: Wydawnictwo UMCS, 2017. – 602 s.
3. Bauman Z. *Szanse etyki w zglobalizowanym świecie*. – Kraków: Wydawnictwo Znak, 2007. – 288 s.
4. Cegieła A. *Słowa i ludzie. Wprowadzenie do etyki słowa*. – Warszawa: Dom Wydawniczy Elipsa, 2014. – 218 s.
5. Duszak M., Fairclough N. (red.) *Krytyczna analiza dyskursu*. – Kraków: Universitas, 2012. – 533 s.
6. Gajda S. *Styl jako humanistyczna struktura tekstu // Z polskich studiów slawistycznych*. – 1983. – T. 2. – С. 235–246.

7. Gajda S. Na tropach stylu // Poradnik Językowy – 2017. – № 4. – С. 7–20.
8. Głowiński M. Nowomowa po polsku. – Warszawa: Pen, 1990. – 146 s.
9. Habermas J. Teoria działania komunikacyjnego. Tt. 1–2. – Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 1999–2002.
10. Haidt J. Prawy umysł. – Sopot: Wydawnictwo Smak Słowa, 2014. – 512 s.
11. Jakubowska-Branicka J. O dogmatycznych narracjach. Studium nienawiści. – Warszawa: Wydawnictwo Trio, 2013. – 267 s.
12. Puzynina J. U podstaw etyki mowy // Ethos. – 1988. – № 2–3. – С. 129–133.
13. Rawls J. Teoria sprawiedliwości. – Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 1994. – 842 s.
14. Seligman M. E. Prawdziwe szczęście. Psychologia pozytywna a urzeczywistnienie naszych możliwości trwałego spełnienia. – Poznań: Media Rodzina, 2005. – 416 s.
15. Stróżewski W. Ontologia. – Kraków: Wydawnictwo Znak, 2004. – 320 s.

Н. И. Клушина

(Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова)

СОВРЕМЕННЫЕ СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ: ПРОГНОЗЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В статье дается информация о работе Стилистической комиссии Международного комитета славистов, формулируются актуальные проблемы современных стилистических исследований, раскрываются основные направления развития стилистики. Стилистика понимается как уникальная славянская наука, способная описать и объяснить функционирование языка в различных типах коммуникации и в различных условиях. Самостоятельными направлениями стилистических исследований стали интернет-стилистика, мультимедиаальная стилистика, медиастилистика, генераторская стилистика, манифестирующие медийный поворот в современной науке. Широкой научной дискуссии требует современное состояние функциональной стилистики. Дискуссионными являются и проблемы дифференциации и интеграции стилистики и дискурсологии, медиастилистики и медиалингвистики, а также стилистики и риторики.

Ключевые слова: Стилистическая комиссия, Международный комитет славистов, функциональная стилистика, интернет-стилистика, медиастилистика.

Natalia I. Klushina

(Lomonosov Moscow State University)

MODERN TRENDS OF STYLISTIC RESEARCH

The article presents information about the work done by the Stylistic Commission of the International Committee of Slavists, formulates the actual problems of modern stylistic research, and reveals the main directions for the development of stylistics. Stylistics is understood as a unique Slavic discipline capable of describing and explaining the language functioning in various types of communication and various conditions. Internet-stylistics, multimedia-stylistics, media-stylistics, and generator-stylistics, which promulgate media change in modern science, became independent directions of stylistic research. The current state of functional stylistics, which complicates the system of functional styles of the literary language, requires a wide scientific discussion. The issues of differentiation and integration of stylistics and discourse, media-stylistics and media linguistics, as well as stylistics and rhetoric are also debatable.

Key words: Stylistic Commission, International Committee of Slavists, functional stylistics, internet-stylistics, media-stylistics.

Стилистическая комиссия Международного комитета славистов (МКС) была создана академиком В. В. Виноградовым, который долгое время был ее председателем. Под его руководством велись активные исследования в области стилистики, инициировались масштабные международные дискуссии, в ходе которых выработывался категориальный аппарат, определялись и обсуждались дефиниции понятий *стиль*, *функциональный стиль*, *идиостиль*, отмечались тенденции и перспективы.

В 2013 г. на XV Конгрессе славистов в Минске (Беларусь) по инициативе координатора МКС академика Польской академии наук (ПАН) Станислава Гайды Стилистическая комиссия была вновь аффилирована в структуру МКС. В августе 2018 г. в Белграде (Сербия) на XVI Конгрессе славистов работа комиссии была одобрена на следующие пять лет до очередного съезда в Париже.

Свою миссию комиссия определяет как консолидацию ведущих стилистических школ, существующих в разных странах, тесное их сотрудничество и взаимодействие. В комиссии активно работают ведущие ученые из Чехии, бережно сохраняющие традиции Пражского лингвистического кружка, из Польши, Австрии, Словакии, Сербии, Македонии, Боснии и Герцеговины, Белоруссии, Болгарии, Украины, России и других стран, в которых стилистика является одним из приоритетных научных направлений. В работу комиссии включились и ученые из Китая, большой интерес к стилистике проявили и некоторые афганские ученые-слависты. Поэтому не случайно, по данным мониторинга ключевых слов в базе данных лингвистических журналов, который провел проф. А. К. Киклевич, слово «стилистика» занимает верхние строчки рейтинга.

Важнейшими задачами мы считаем включение нового стилистического знания в исследовательское поле современных гуманитарных наук, а также сохранение и развитие стилистики как уникальной общеславянской науки. Это не амбициозно декларативные, а, напротив, необходимые прагматические задачи, которые нам пришлось решать с 2010 г., когда началась подготовка к аккредитации Стилистической комиссии при МКС.

Тогда, десять лет назад, стилистика столкнулась с серьезными вызовами, на которые пришлось искать ответы. На рубеже веков стилистика стала вытесняться дискурсологией. Появилось множество научных работ, в которых термин *дискурс* вытеснил термин *стиль*. Подобная замена со стороны славистов критически не осознавалась, это было следование моде. Возникла угроза поглощения дискурсологией стилистики. Экспансия дискурсологической терминологии привела к кризису в стилистике, о котором первым в своих статьях и докладах стал говорить акад. Ст. Гайда. В 2010 г. он инициировал в Опольском университете международный круглый стол «Стиль и дискурс», на котором впервые была поднята проблема дифференциации стиля и дискурса и, следовательно, стилистики и дискурсологии. На этом круглом столе ведущие стилисты и дискурсологи пытались разобраться, что есть стиль и что есть дискурс, а также договориться о терминах. Результаты дискуссии были отражены в авторитетнейшем польском журнале «Stylistika» (Ополе) и затем в коллективной монографии «Дискурс и стиль» (М.: «ФЛИНТА», 2014 г.), которая стала первой книгой в серии «Научные дискуссии», выпускаемой издательством «Флинта» по инициативе нашей Стилистической комиссии.

Последовательное разграничение стилистики и дискурсологии, которое произошло в соответствии со сформулированным проф. Б. Тошовичем принципом «стилистика – контр-стилистика – антистилистика», позволило стилистике выйти из кризиса, дополнив свою теорию необходимым дискурсологическим инструментарием. Не случайно будущее стилистики акад. Ст. Гайда связывает с ее развитием как интегративной науки, объединяющей многосторонние и многоуровневые исследования функционирования языка различными гуманитарными науками. И такую стилистику он называет *интегративная стилистика*. Интеграция в стилистику достижений различных гуманитарных наук позволила миновать кризис и дать новые импульсы развития.

Преодолению кризиса в стилистике способствовал и медийный, или медиальный поворот, о котором пишут В. Е. Чернявская,

Ст. Гайда, Б. Тошович. Возникновение и стремительное развитие интернета как нового технологического канала, породившего особый тип коммуникации, предоставило стилистике новое поле для исследования. В 2015 г. выходит знаковая для нас книга проф. Б. Тошовича «Интернет-стилистика», затем в 2018 г. публикуется его монография «Структура интернет-стилистики» (М.: ФЛИНТА), в них сформированы основы данной новой области стилистики и показаны перспективы ее развития в этом направлении. И перспективы здесь очень широкие. Так, по инициативе Б. Тошовича в 2017 г. в г. Баня-Лука (Республика Сербская) была проведена международная конференция «Мультимедиаальная стилистика» (организаторы Д. Дойчинович и Г. Милашин), результаты которой отражены в одноименной коллективной монографии. Мультимедиаальная стилистика – отдельное направление интернет-стилистики, задачами которого являются изучение и описание стилистической природы и функций знаков различных кодов, переплетающихся в интернет-коммуникации и тем самым создающих особый мультимедиаальный язык общения.

Перспективной, но в то же время опасной, даже пугающей, по мнению Б. Тошовича, является еще одна область современного развития стилистики, которую профессор определяет как *генераторскую стилистику*. Это стилистика текстов, порожденных генераторами, роботами. Эта область технологически активно развивается: есть генераторы новостей Яндексса, генераторы стихов и других текстов.

Тексты генерируются машинами без участия человека-автора в данном процессе. И это заставляет задуматься над острыми стилистико-философскими вопросами. В классической формулировке академика Ст. Гайды «стиль – это гуманитарная структура текста», на каждом своем текстовом уровне доказывающая присутствие автора, его интенций, когний, эмоций через выбор и употребление им стилистических средств для реализации своего замысла. И тогда есть ли стиль у текстов, созданных роботами? Есть ли у сгенерированных текстов гуманитарная структура? Можно ли процесс генерации текстов считать творческим и кто

тогда творец – робот, программа или все же человек (например, программист)? Постмодернисты провозгласили смерть автора, некоторые современные ученые, наблюдающие за стремительными технологическими процессами, вслед за Макклюэном прогнозируют смерть языка и передачу информации напрямую, без барьера языкового кода, т. е. речь ведется об обмене мыслями без материализации их в языке. И если не нужен будет язык, будет ли стилистика? Является ли стиль, составляющий основной предмет стилистики, онтологической сущностью человеческого бытия?

Медийный поворот также «спровоцировал» формулирование *медиастилистики* как самостоятельной области общей теории стилистики, а не только как части функциональной стилистики (теории публицистического стиля). Это, в свою очередь, ставит вопрос о дифференциации *медиастилистики* (Н. И. Клушина) и *медиалингвистики* (Т. Г. Добросклонская) и их истоках, которые на российской почве мы видим в учении о языке СМИ как объекте междисциплинарного исследования (М. Н. Володина). Актуальные направления стилистики связаны с изучением коммуникации в целом (О. Органева) и с изучением различных профессиональных сфер общения, например телевизионной речи (И. А. Вещикова).

Будущее стилистических исследований связано не только с развитием новых направлений стилистики, но и с продолжением традиции. Традиционное знание не означает его незыблемости. Так, в функциональной стилистике, бесспорном достижении славянской стилистической науки, накопились проблемы, связанные с развитием и «ползучей» трансформацией системы функциональных стилей. Здесь назрела широкая научная дискуссия. В последние годы защищены интересные диссертации по религиозному стилю, при Международном комитете славистов создана Комиссия религиозного языка, поэтому кажется не случайным расширение системы функциональных стилей. В некоторых учебниках уже кодифицируется иная, чем классическая «пятистильная» система, она расширена до 6, а где-то и до 7+ стилей, поскольку, помимо религиозного, пытаются

включить рекламный и политический стили. Именно поэтому нам представляется необходимым выработать непротиворечивые критерии для трансформации функционально-стилистической системы, единые основания выделения для всех, в том числе и так называемых «новых» стилей, т. е. уточнить теорию функциональной стилистики, прежде чем поспешно «множить сущности». Вопросы развития функциональной стилистики в новых условиях мы формулируем как важнейшие в дальнейшей работе нашей комиссии.

Результаты работы нашей комиссии отражаются на страницах журнала «Актуальные проблемы стилистики», в монографиях серии «Научные дискуссии» издательства «Флинта», на сайте нашей комиссии (<http://stylistic-mks.com>), в Фейсбуке. Ежегодно на базе различных университетов мы проводим научные тематические конференции, на которые приглашаем всех желающих. Мы открыты широкому сотрудничеству и рады совместным проектам.

Литература

1. Вещикова И. А. Телевизионная речь в аспекте орфоэпии. – М.: ФЛИНТА, 2019. – 216 с.
2. Гайда Ст. Интегрирующая стилистика // Лингвистика речи. Медиастилистика: колл. монография, посвященная 80-летию профессора Г. Я. Солганика. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2012. – С. 93–104.
3. Гайда Ст. Актуальные задачи стилистики // Актуальные проблемы стилистики. – 2015. – № 1. – С. 11–21.
4. Гайда Ст. Стиль как вызов // Актуальные проблемы стилистики. – 2016. – № 2. – С.13–22.
5. Гайда Ст. Стиль – медиа – современное преобразование мира // Актуальные проблемы стилистики. – 2018. – № 4. – С.13–27.
6. Дискурс и стиль: теоретические и прикладные аспекты. Колл. монография / под ред. Г. Я. Солганика, Н. И. Клушиной, Н. В. Смирновой. – М., 2014. – 268 с.
7. Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ. – М.: Флинта: Наука, 2008. – 264 с.
8. Клушина Н. И. Медиастилистика. – М.: Флинта, 2018. – 184 с.
9. Мултимедијална стилистика / под ред. Д. Дојчиновић, Г. Милашин. – Бања Лука: Матица српска, 2018. – 174 с.
10. Organeva O., Bohunihka A. Interakcna Stylistika. – Bratislava: Univerzita Komenskeho v Bratislave, 2018. – 200 s.
11. Тошович Б. Интернет-стилистика. – М.: Флинта: Наука, 2015. – 238 с.
12. Тошович Б. Generatorska lingvistika. – Beograd: Svet knjigi, 2018. – 190 с.
13. Чернявская В. Е. Медиальный поворот в лингвистике: поликодовые и гибридные тексты // Вестник ИГЛУ. – 2013. – № 2(23). – С. 122–127.
14. Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования / под ред. М. Н. Володиной. – М.: Изд-во МГУ, 2003. – 458 с.

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ СТИЛИСТИКА

- ◆ Функционально-стилевые различия
- ◆ Тип речевой культуры адресанта
- ◆ Конструктивно-стилевой вектор
- ◆ Эмоции и вежливость
- ◆ Эмотивная экологичность
- ◆ Официально-деловой стиль
и деловой дискурс
- ◆ Русский научный стиль
- ◆ Научный стиль пушту

Ольга Борисовна Сиротинина:

«Каждая наука определяется своим объектом и методами его исследования. Стилистика как одна из современных отраслей лингвистики своим объектом имеет функции и цели текстов, изучение в них речевого выражения и его эффективности».

«Работа по изучению рискогенности современной коммуникации выявила неизбежную и очень частотную ее непреодоленную рискогенность во всех сферах общения».

«Поскольку в современном человеческом обществе сферы общения принципиально, несмотря на неизбежность существования и переходных зон, различаются по целям (функциям) использования языка, функционально-стилевая дифференциация в нем неизбежна».

Татьяна Викторовна Ларина:

«Несмотря на то, что жанр рецензии относится к научному дискурсу, для которого в наименьшей степени характерна эмоциональность, жанр анонимной рецензии непосредственно связан с эмоциональной составляющей коммуникации».

«Как и любой другой фрагмент коммуникации, анонимная научная рецензия является фрагментом культуры, в котором проявляются культурные ценности того или иного народа, сказывающиеся на предпочтительности коммуникативных стратегий, выборе языковых средств, формирующих в результате этнокультурный стиль коммуникации».

Татьяна Ивановна Сурикова:

«Само представление об официально-деловом стиле как системе, обслуживающей область делового, профессионального и в большинстве случаев институционального дискурсов, на наш взгляд, сужено и адекватно не отражает их вербальной специфики. Это искажает реальную картину влияния делового дискурса на коммуникацию, язык и языковое сознание».

«В деловом дискурсе сформировались фатические жанры: поздравление, приглашение и др., отражающие радостные поводы общения, в которых даже стремление к стандарту как конструктивный принцип официально-делового заменяется если не на креативность, то по меньшей мере на чередование экспрессии и стандарта».

Мир Сахиб Джан Кочай:

«Основателями научного стиля в Афганистане были сторонники условного или совместного правления: Абудул Хади Дави, Салех Махаммад Кандахари, Хабиби и известные ученые: Сидикула Ришътн, Абду Рауф Бенава, Абул Рахман Пажвак».

«Мы склонны полагать, что образность – это реликт художественного стиля, который используется в научных статьях исключительно как факультативная черта, связанная с образом автора научного текста, его стилиевой манерой и эстетическими предпочтениями».

О. Б. Сиротинина

(Саратовский национальный исследовательский
государственный университет имени Н. Г. Чернышевского)

К ВОПРОСУ О ФУНКЦИОНАЛЬНО-СТИЛЕВЫХ РАЗЛИЧИЯХ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ И РЕЧИ В XXI В.

В статье кратко освещается история появления функционально-стилевых различий в русском языке и их выделения в лингвистике; рассматриваются зависимость от целей общения, характерные для каждого стиля адресанты, адресаты и типы их речевой культуры, специфика выбора из языковых возможностей при реализации своих целей в речи, споры современных лингвистов, работающих в области функциональной стилистики. Доказывается языковой характер конструктивно-стилевых векторов (КСВ) В. Г. Костомарова и зависимость стилиевых нарушений в текстах от типа речевой культуры автора.

Ключевые слова: функционально-стилевая дифференциация, тип речевой культуры, стилиевые нарушения, функции, нормы, разновидности стилей.

Olga B. Sirotinina

(Saratov Chernyshevsky State University)

ON FUNCTIONAL-STYLISTIC VARIETIES IN THE RUSSIAN LANGUAGE AND SPEECH OF THE XXI CENTURY

The article gives a brief historical background of functional-stylistic varieties in the Russian language and their research in linguistics. The author analyses their dependence on communication goals, specific for every variety types of the addressor, addressee, and types of their speech culture, peculiarities of choosing language options while achieving one's purposes in communication, arguments of modern linguists studying functional stylistics. The article proves the language character of the defined by V. G. Kostomarov constructive-stylistic vectors (CSV) and the dependence of stylistic deviances in texts from the author's type of speech culture.

Key words: functional-stylistic varieties, type of speech culture, stylistic deviances, functions, norms, style types.

В учебниках по стилистике русского языка ХХI в. (Крылова 2006; Солганик 2006; Кожина, Дускаева, Салимовский 2008; Купина, Матвеева 2015) и в энциклопедических лингвистических словарях (Стилистический ... 2003; Матвеева 2010) функционально-стилевая дифференциация в языке / речи сомнению не подвергается и включается в многочисленные пособия по еще недавно обязательному курсу «Русский язык и культура речи» (Гольдин, Сиротинина, Ягубова 2001) в вузовской подготовке по всем специальностям, начиная с первого Саратовского 2001 г. (многократно переиздававшегося в Москве) и кончая завершающим, выстроенным и по необходимым базовым компетенциям (Базовые компетенции 2015) из 23 разделов в 2007 г.

Обычно выделяются функциональные стили: научный, официально-деловой, публицистический, художественный, разговорный. Не все они появились одновременно. Вероятно, первым появилось разграничение повседневной бытовой и публичной речи, начали формироваться отличия художественной (сказки, былины), а с появлением письменности и деловой письменной (грамоты-распоряжения). Трудно сказать, с формированием какого стиля связаны первые летописи. Вряд ли в них можно увидеть начало формирования научного стиля, который на русском языке начал складываться только в XVIII в.

Поскольку развитие публичной речи (на Новгородском вече, в обращениях князей к своим дружинам и т. д. происходило в устной форме, а в письменной неизвестно, в какой мере устной форме соответствовали), в основном связано с появлением печатных газет и журналов, но они тоже насчитывают уже несколько веков.

В эпоху А. С. Пушкина, справедливо считавшегося во второй половине XIX и в XX в. создателем современного литературного русского языка, в его художественных произведениях, письмах жене, друзьям и официальных, а также в «Истории Пугачева» было отражено наличие функционально-стилевых различий того времени. Кроме того, он дал толчок к стилизации в художественных текстах устной речи персонажей (Сироти-

нина 1995) и даже заявил в «Письме к издателю» о необходимости разграничения двух разных языков: разговорного и письменного (Пушкин 1949), опередив тем самым лингвистов, не подозревавших о принципиальных различиях устной и письменной форм речи до начала работ по автоматическому переводу в середине XX в. А споры об этих различиях (только форм реализации языка в речи или можно говорить и об особой системе в разговорном языке) продолжались и в конце XX в. (РРР 1973, 1981 и 1983).

В результате проведенной журналом «Вопросы языкознания» в 1953–1954 гг. дискуссии, итоги которой были подведены академиком В. В. Виноградовым, стало принято выделение 5 функциональных стилей: научного, официально-делового, публицистического, художественного и разговорного (в иной терминологии обыденно-бытового). Вошел в практику лингвистики термин функционально-стилевая дифференциация литературного языка в противовес не имеющим такой дифференциации просторечию, диалектам, жаргонам, как, например, в учебнике по общему языкознанию со специальным разделом о ней (Березин, Головин 1979).

Однако споры, несмотря на уже несчетное количество учебников по стилистике русского языка XX и ХХI вв., продолжают. Чаще всего в особые языки относят речь наиболее известных произведений художественной литературы, добавлены в споры, считать ли тот или иной функциональный стиль особым языком: разговорный, художественный, официально-деловой. Кроме того не все авторы упоминают о переходных – гибридных разновидностях того или иного стиля, а некоторые выделяют их в самостоятельный стиль. Популярную разновидность научного стиля в научно-популярный стиль, а религиозную публицистического теперь принято считать особым религиозным стилем, хотя во время церковной службы используется не русский, а церковнославянский (старославянский) язык, а в проповедях публицистический стиль с включением в него элементов церковнославянского языка, аналогично в житиях святых с добавлением гибридности с художественным стилем.

Второй предмет спора – речевой или языковой характер имеет функционально-стилевая дифференциация. Есть сторонники и речевого (Пермская школа), и языкового (Саратовская и Уральская школы).

Третий предмет спора – сохраняется ли эта дифференциация в современном узусе. В. Г. Костомаров считает, что уже не сохраняется. См. также понятие субкодов языка в докладе Л. Г. Чапаевой «Соотношение субкодов русского языка в филологических сочинениях первой половины XIX в.» на конференции «XLIX Виноградовские чтения» в 2018 г.

Остановимся на всем этом подробнее.

Стили и их разновидности.

Были и встречаются сейчас мнения (того же придерживается и автор статьи), что в речи на всех уровнях языка возможны переходные формы. Я сталкивалась даже с фактом опознания одной из студенток безошибочного разграничения *Ъ* и *е* в ее произношении, моем и других русских, о чем сами мы не подозревали. Естественно, что встречаются слова, которые трудно безоговорочно в некоторых предложениях отнести к существительным или прилагательным, многие осложненные простые предложения по своему смыслу являются сложными (Кормилицына 1988) и т. д. Ю. М. Скребнев в своей монографии (Скребнев 1985) и учебном пособии по стилистике (Скребнев 1975) специально обращает внимание на то, что функционирование языка в речи представляет собой непрерывный континуум, выделение частей которого всегда субъективно, зависит от автора этого выделения. Такого же мнения придерживается сейчас один из ученых Самарского педуниверситета (Савицкий 2004), еще чаще по отношению к стилистике.

Более сложная концепция представлена в монографии (Костомаров 2005): на основе анализа взаимодействия стилистики ресурсов языка и их употребления в современных текстах утверждается, что в них уже не разграничиваются функциональные стили, но должны действовать и действуют конструктивно-стилевые векторы (КСВ) выбора нужного из имеющихся в языке ресурсов. С точки зрения автора статьи, КСВ – это

и есть находящиеся в сознании адресанта функциональные стили языка. А реализация этих КСВ в конкретном тексте зависит от типа речевой культуры его автора, который отражает уровень и общей, и стилевой компетентности адресанта.

В лингвистике впервые о типах речевой культуры заговорил Н. И. Толстой (Толстой 1991), более дробную кодификацию представили В. Е. Гольдин, О. Б. Сиротинина и М. А. Якубова (Гольдин, Сиротинина, Якубова 2001) и, наоборот, более обобщенную всего в два типа носителей языка и его пользователей Т. П. Нешименко (Нешименко 2001) и в последующих ее публикациях.

В современной русской речи действительно далеко не всегда соблюдаются выделенные В. Г. Костомаровым КСВ, и отсюда встречаются стилевые нарушения в текстах как СМИ, так и художественных, деловых, даже научных лингвистических и обыденно-бытовых, адресантами которых являются пользователи языка (в терминологии О. Б. Сиротининой – среднелитературной, тем более разговорной речевой культуры, владеющие только разговорным стилем).

Безусловно, функционально-стилевые нарушения иногда намеренно включаются адресантом в свой текст (излишние терминологические или официально-деловые штампы в неофициальном разговоре), чаще как следствие недостаточной речевой компетентности во всем. Но все же в основном и в авторской речи художественной литературы, и в речи журналистов современных СМИ, в научных текстах и законах функционально-стилевая принадлежность текста отвечает нормам соответствующих КСВ, т. е. реализации определенного функционального стиля, если их адресант – носитель полнофункционального типа речевой культуры (носитель языка в терминологии Г. П. Нешименко). В. Е. Гольдин, О. Б. Сиротинина и М. А. Якубова в своем учебнике для нефилологов «Русский язык и культура речи» в 2001 г. и последующих изданиях считают владение всеми функциональными стилями определяющим признаком высокого уровня речевой культуры. Владение только одним профессионально необходимым в дополнение к разговорному, свойственное всем

говорящим на литературном языке, характеризует уже неполнофункциональный тип (к тому же для него типична неполная компетентность в знании форм и семантики слов литературного языка, характерная для среднелитературного типа). Для разговорного типа речевой культуры определяющим признаком является возможность использования только разговорной речи. Для таких людей характерны обычно всюду применяемые не только мат и неправильные формы склонения, спряжения, постоянные заполнители вынужденных пауз, использование *о том* после глаголов, требующих винительного падежа зависимого слова (*считает о том* вместо *считает владение...*) или творительного падежа прилагательного (*считает правильным*), придаточного с местоимением *что* (*считает, что это правильно*), но никак не *о том*.

Подобное встречается и у журналистов неполнофункционального типа в цейтноте спонтанной речи, у адресантов разговорного типа речевой культуры (в СМИ, но не журналистов) фактически всегда по аналогии с возможными *думать, говорить, мечтать, рассказывать (о том, что вспомнилось)*.

В. В. Виноградов, подводя итоги дискуссии, выделил, как было сказано в начале статьи, 5 функциональных стилей на основе ведущей функции каждого и определяющей ее сферы общения. Впоследствии с опорой на его концепцию в до сих пор не потерявших свою значимость учебниках и учебных пособиях по стилистике и статьях авторов разных школ уточнялись характерные черты каждого стиля, разновидности стилей, типы адресантов, адресатов, для каждого стиля его цели, жанры и т. д.

Наиболее подробно исследованы в Пермской школе научный стиль, в Саратовской – разговорный, например, в коллективных монографиях (Разговорная речь в системе ... 1983, 1992), а потом и другие сферы общения в коллективных монографиях (Функциональные стили ... 1993; Хорошая речь 2001; Рискогенность 2015) – первые две и «Хорошая речь» неоднократно переиздавались в Москве, а «Рискогенность ...» – дополнительным тиражом в 2016 г. Приемлемость и эффективность речи – в статьях М. А. Кор-

милициной, О. Б. Сиротининой и других по языку СМИ в журналах «Медиалингвистика», «Жанры речи», сборниках «Проблемы речевой коммуникации», «Стилистика сегодня и завтра».

Каждая наука определяется своим объектом и методами его исследования. Стилистика как одна из современных отраслей лингвистики своим объектом имеет функции и цели текстов, изучение в них речевого выражения и его эффективности. В современной антропоцентрической парадигме особую важность приобретают факторы не только адресанта и адресата, определяемые сферой общения, но и все другие особенности «конвоая» (термин Т. М. Николаевой) высказывания, которые в текстах каждого стиля тоже свои, как и в каждой разновидности и каждом жанре того или иного стиля. При этом растет и их количество. Так, в конце прошлого века «расцвели» гибридные разновидности научного стиля (его популярная и патентная разновидности); а сейчас еще и лишь недавно попавшая в поле зрения лингвистов околонучная – рассказ о своих исследованиях как особый жанр (Матяшевская 2018), адресатом которого является не просто неспециалист (как в обычной научно-популярной разновидности), а еще и человек, не имеющий цели повысить свои знания о какой-то науке.

Влияют на понимание научного текста, отчего зависит и его эффективность, не только адресант и адресат (его подготовленность к восприятию и оценке того, что в тексте содержится), но и даже такие факторы, как включенность в текст обыденного знания, у адресата потребности в получении новых знаний, навыки чтения: ознакомительное, справочное, углубленное исследовательское, редактирующее (Котюрова, Соловьева 2017). Очень многое зависит от формы речи: устная и письменная воспринимаются, а потому и понимаются по-разному. Письменная и интернет-речь допускают перечитывание (интернет-речь и переслушивание), а устная речь такой возможности адресату (и в процессе ее формирования адресанту) не дает, а из-за очень ограниченного объема оперативной памяти с длинными предложениями человек справиться не может. И не все поэтому

способны воспринимать устные доклады и лекции полностью, что также влияет на эффективность как собственно научной, так и лекционной речи учебной разновидности научного стиля.

Современные законодательные тексты, как и вообще тексты делового стиля, в устной форме восприняты быть не могут, и практически малоэффективны именно из-за трудности, во-первых, все предусмотреть, во-вторых, из-за неизбежной длины и сложности предложений, даже при их чтении воспринимающихся плохо, чаще всего не полностью. Поэтому в практику вошел выпуск специальных пособий для населения. См. о них в пособии (Что надо знать ... 2010).

Работа по изучению рискогенности современной коммуникации выявила неизбежную и очень частотную ее непреодоленную рискогенность во всех сферах общения. Стало ясно, что легче всего рискогенность преодолевается в неофициальном общении повседневной сферы, поскольку в ней чаще всего действуют и используются в качестве «конвои» следующие факторы: как правило, наличие общей апперцепционной базы (не всегда, но часто выручающее); то, о чем идет речь, чаще всего находится в поле зрения коммуникантов; почти всегда есть возможность переспроса в случае непонимания, если общение непосредственное (в телефонных разговорах возможность видеть отсутствует, а в бумажных письмах до предела ослаблена роль переспроса из-за времени получения ответа). Бумажные письма теперь из употребления почти вышли, предпочтением дается интернет-связи. Общность апперцепционной базы ослаблена за пределами семейного и дружеского общения, что послужило и причиной отграничения общения родственников от семейного в работах А. Н. Байкуловой (Байкулова 2012, 2014, 2015).

В научной сфере, как ни в одной другой, в достижении эффективности текстов играет роль не только компетентность адресанта, но и адресата (что он способен понять): даже специалист узкой области с трудом понимает общеспециальный текст, тем более узкоспециальный другой отрасли той же науки. Отсюда совершенно разные типы адресатов

в собственно научной и учебной разновидности, не говоря уже о научно-популярной.

Технические достижения играют в научной сфере очень большую роль, облегчая поиск научной информации, но и усложняя работу адресанта для облегчения такового. Отсюда новые требования к отзывам оппонентов, ведущей организации и заключениям советов, как и к авторефератам. Учеными они воспринимаются как излишне формализованные, но некоторые из них очень важны для оценки вклада диссертанта в науку из-за принципиальной неактуальности научного стиля, так как обязательно со временем теряется в текстах их дискурсивная информация новизны, теоретической и практической значимости полученных результатов (Коньков 2015, 2016). Мы читаем научные тексты прошлого, но не можем в полной мере их оценить. В этом, как и в основном анализе результатов познания мира и самого человека, специфика научного стиля.

Неактуальна и художественная речь, и произведения прошлого тоже воспринимаются сейчас уже совсем не так, как современниками их написания и издания, но еще больше их восприятие зависит и тогда и сейчас от адресатов, от того, кто читатель. Важен его жизненный опыт, характер, возраст, профессия (см., например, работы известного литературоведа В. В. Прозорова, посвященные проблемам писателя и читателя). Главное отличие художественного стиля – соблюдение КСВ создания образности текста как основного средства достижения цели. Образность не гарантирует ее однозначность, не всегда, но все же порождает споры даже литературоведов, тогда как в научной речи должна господствовать однозначность терминов, которая обеспечивает понимание адресатами одного и того же типа и подтипа.

Основная цель текстов художественного стиля – используя систему образов, не только развлечь и отвлечь человека (дать ему отдохнуть от трудов), но и побудить к размышлениям о том, что такое хорошо и плохо, задуматься о своем месте в жизни семьи, общества.

В публицистическом стиле (сфере самых разных СМИ) главная цель – воздействие на читателя или слушателя, все возрастающая

роль манипуляции потребителя данного СМИ и общества в целом. Хотя сами СМИ всегда и везде настаивают, что они средство информации.

Пожалуй, публицистический стиль в наше время самый разнообразный и по функционированию в нем в равной степени всех 3 форм языка (устная, письменная и интернет-речь), и по разнообразию адресантов: журналисты (очень разные в отношении языковой компетентности, и, в частности, знания норм), не менее разные чиновники и представители разных слоев общества (политологи, ученые, значительно реже деятели искусства, «простые люди») и опять-таки очень разный по своему составу массовый адресат. Есть монолог и чуть ли не больше диалог политических ток-шоу (часто одновременный полилог, исключающий возможность понимания позиций каждого из-за слишком яростной полемики) и интервью. Конечно, в газетах полилога нет, но печатаются разные точки зрения, статьи по спорным вопросам нашей жизни в очень сложной современной обстановке, разные взгляды в составе новостей. Среди адресатов одни отдадут предпочтение радио, другие – ТВ, третьи – интернету, особенно много времени проводя в соцсетях разного типа. Отсюда влияние речи СМИ и ее содержания на речь населения, настроения, и отношение людей буквально ко всему тоже разное.

Среди журналистов есть представители высокой культуры и мастера своего дела, есть пользователи языка, плохо знающие его нормы и КСВ публичной речи, сторонники действующей в стране власти и явные оппозиционеры и даже противники власти, а то и вообще России. К сожалению, свобода мнений нередко подменяется свободой выражения, хотя в законах о СМИ и о государственном языке РФ есть категорические запреты на многое, и по многим судебным искам проводятся лингвистические экспертизы. Выполняется только запрет на использование мата, заменяемого в звучащих СМИ свистом, а в печатных многоточием в скобках, иногда с начальной буквой. И то не всюду. Не обценную, но очень грубую лексику, прямые оскорбления можно увидеть и услышать. Широко употребляется

унижающий оппонента переход на *ты*: *Помолчи*, даже *Заткни рот*, обзывания идиотом, безмозглым (ведущий в таких случаях, конечно, вмешивается, но это фактически не действует). Выражения *хрен с ним*, *ни хрена*, *Ваше дерьмо* стали уже привычными, а у Ю. Латыниной на «Эхо Москвы» в ее передаче «Код доступа» нередко звучит и более грубый синоним на букву *г*. Вошло в моду защищать свое право на запретные выражения и бездоказательные обвинения употреблением оборотов, подчеркивающих, что это его/ее личное мнение: *Это мое мнение*; *Это мое личное убеждение*, звучащие даже несколько раз в одной реплике, не говоря уже обо всей передаче. В отличие от советских дикторов, которые выразительно и четко читали чужой текст, современные журналисты участвуют (или целиком готовят) в подготовке текста и делают вид, что не читают его, хотя он есть, а говорят. В диалогах чаще всего именно говорят и по привычке используют свойственную устной русской речи интонацию с проглатыванием конца фраз, хотя опять же по привычке, как в письменной речи подготовленного текста, размещают в нем рему в конце предложения. В результате, включая телевизор для прослушивания «60 минут» на последних словах Б. Корчевникова в передаче «Судьба человека», я еще ни разу не смогла понять главного: *Это была судьба* (чья?). Конечно, в данном случае это неважно: те, кто передачу смотрел, поняли. Но аналогичное звучит и в новостных программах о важных событиях. Как показало выполнение студентами домашних заданий, не услышанных рем – особенно неизвестных им фамилий, названий городов, улиц и т. д. очень много. То же касается начальных слов предложений о событиях, которые в новостных передачах следуют одно за другим без связи с предшествующим и произносятся журналистом без пауз и по привычке адресата слушать новости не целенаправленно, как в других сферах общения, а за едой, работой, разговором с другими членами семьи, даже чтением, не улавливаются им. Особенно, если это название неизвестного ему города, какой-то далекой страны, а потом слышит *там, в этом городе*, но когда и где именно что-то случилось, остается неизвестным.

Такая же неэффективность бывает в звучащих рекламах – в результате последующих замен название лекарства или прибора остается неизвестным, а заказать *это лекарство, этот прибор* невозможно. На ТВ на экране мелькает надпись, но обычно ее не успевают прочесть.

В целом в публицистическом стиле тексты многих журналистов характеризуются своим идиостилем подачи материала, но, конечно, не в такой степени, как в художественном. Важнее жанр: колонка, аналитическая статья, заметка, репортаж, интервью, в звучащих СМИ новости (под разными названиями), обсуждение каких-либо проблем, разного типа ток-шоу, интервью (опять же все под разными названиями). В разных газетах, на каналах ТВ и радиостанциях свои рубрики с разными названиями (Новости: *Время, Вести, Сегодня, События*) и с подразделениями (*Политика, Спорт, Культура, Загадки человечества, Экономика, Не понимаю* и т. д.). У каждого media свои адресаты, не всегда в полном смысле массовые, и все media стремятся к усилению интерактивности (голосование адресатов, призывы к обсуждению – особенно на радио), связь с адресатами через интернет (свои сайты) и во всех погоня за сообщением первым, что нередко подводит (не успевают проверить факты, а иногда это просто и невозможно), что подрывает доверие к СМИ из-за участвовавшей к тому же намеренной фейковой информации.

В целом, реализация публицистического стиля в СМИ – одна из наиболее исследованных лингвистами сфер: журфаками МГУ, СПбГУ, в Уральском и Саратовском университетах. СМИ, особенно интернет, благодаря мгновенности территориального охвата даже такой большой страны, как Россия (на 9 временных поясов), очень быстро формируют языковую моду, далеко не всегда на обогащение системы языка и стилевого лексикона, чаще на их обеднение из-за стремления к экономии умственных усилий и времени в формировании текстов. Отсюда рост различных, ранее неведомых хештегов (*Крымнаш, Нетдолгофф* и т. д.), употребление более диффузных по своему значению синонимов (стабильное *очень*, догоняющие его *крайне, сильно* даже в ненормативной со-

четаемости: *крайне полезно* – о лекарствах, приборах; *сильно ослаб; круто, крутой* – о чем угодно, в том числе *У него был крутой автомобиль* – это какой?). Если когда-то в употреблении различались *похожий* (внешне) и *сходный*, потом *похожий* вытеснил *сходный* и в тех случаях, когда речь шла о мыслях, решениях, то теперь на смену им пришло диффузное *схожий* и производное от него *схожесть*. Хотя в словарях до 2016 г. они считались просторечными, а в универсальном словаре (Морковкин 2016) объявлено разговорным, в XXI в. широко употребляется и за пределами повседневной речи. Конечно, не всеми журналистами, но в СМИ используются сейчас многими авторами и даже очень квалифицированными лингвистами в своих трудах (в монографии «Наш язык в действии» на с. 69 *Схожие мысли*. И это в монографии о стилистике!).

Глагол *одеть* фактически полностью вытеснил *надеть* – в начале 2016 г. была попытка в рекламе использовать *Шанку надеть!* Но это звучало очень недолго. К сожалению, СМИ, сейчас прежде всего интернет, так сильно влияют на речь людей, что, по моим наблюдениям, даже многие доктора филологических наук употребляют в своей речи только *одеть* (возможно, это связано с большим гнездом словообразования, тогда как с *надеть* ни *надежда*, ни *надеяться* по значению не связаны). Трудно объяснить, почему *достаточно* вытесняет более неопределенное *довольно* даже в таких случаях, как *В России достаточно много убийств; достаточно мало*, хотя *достаточно* требует после себя *для чего*, которого нет, и вообще оно не должно выступать интенсификатором, а только предикатом.

С 90-х гг. СМИ создают моду на англицизмы, причем часто используя их без объяснений. В результате создается впечатление, что «без знания английского языка читать газеты стало невозможно». В «Российской газете» – органе правительства – постоянно читаем без объяснения: *В этот момент рождается саспенс* – о фильме со Сталиным, постоянные *краудфандинг, буллинг* и т. д. Понятно, если они называют новые реалии нашего быта, но ведь у нас есть *ощущение*, уже адаптированное в русском языке *народное*

финансирование, чем лучше *краудфандинг*, которое в сознании тех, кто не знает английского, со словом *фонд*, уже адаптированным, не связывается. Аналогично в нашу «Службу языка» задавали вопросы, что означает *консалтинговые услуги*, не ощутив связи с уже адаптированным *консультация*. Дело в том, что раньше при адаптации заимствования опирались на транслитерацию, а теперь преобладает ориентир на произносительное звучание, затрудняющее поиски значения в англо-русских словарях. Видимо, в погоне за модой СМИ забывают о праве своего массового адресата на понимание сообщаемой информации. А ведь максимум заботы об адресате – основной закон риторики, знание которой – необходимое условие эффективной коммуникации с населением.

В научной сфере используется научный стиль, главная цель которого – наиболее эффективно донести до адресата результаты познания окружающего нас мира, самого человека, теперь и космоса. Это его функция и цель, а сфера применения – наука и образование, как дополнительная – популяризация науки. Отсюда и его разновидности: собственно научная (в другой терминологии академическая); учебная, близкая к собственно научной в высшем образовании и очень далекая от нее в начальной школе; научно-популярная (гибридная с публицистическим стилем) и патентная (с деловым).

Основные адресанты текстов научного стиля – специалисты, подтипы – специалисты разных наук, особенно различаются техники и гуманитарии, между которыми в роли и адресантов, и адресатов разница очень велика. Теперь познакомиться с новыми научными знаниями можно в электронных библиотеках, многое об авторах узнать в интернете, пройти там проверку на антиплагиат.

При этом не всегда соблюдается в публикуемых и озвученных материалах необходимая однозначность используемых в них терминов без замены на синонимичные в случае повторяемости и при их замене местоимениями. К сожалению, в лингвистике до сих пор, несмотря на все усилия, не удается преодолеть разнобой в употреблении терминов. На IV конгрессе славистов в Москве была

создана комиссия по разработке единой терминологии славянских языков, в результате ее 10-летней работы был создан 7-язычный словарь соответствий терминов на 7 славянских языках, но единая терминология так и не была создана.

В медицине, где от точного понимания зависит жизнь человека, существует и действует требование ВОЗ (Всемирной организации здравоохранения), предписывающее указывать единое для всего мира название действующего вещества, утвержденное ВОЗ, при разных запатентованных компаниями и даже странами названиях лекарств. Так, привычное для русских название *аспирин* теперь можно увидеть только в качестве элемента сложносоставной номинации *кардиоаспирин*, запатентованной одной из фармацевтических компаний, действующим же веществом этого лекарства указана *ацетилсалициловая кислота*.

Многие термины в своей основе имеют древнегреческие и латинские истоки. Так, по буквальному переводу *атом* (нечто неделимое) теперь понимается как элемент мироздания, состоящий из протонов, нейтронов, позитронов, электронов и еще более мелких все выделяемых частиц, иногда пока только прогнозируемых. Лежащая в основе некоторых терминов метафоричность в современном употреблении уже утрачена (*прилагательное, наречие, филология*, названия падежей, *парцелляция, корень, республика, демократы, радикалы, медиалингвистика, аппендикс, анекдот, акваланг, аккомпанемент* и т. д.) и, как правило, ощущаемая адресатом – в научном стиле большая редкость.

Доминантой научного стиля является понятийная точность или, что фактически то же самое, отвлеченно-обобщенность в отличие от делового, для которого важна точность не столько сигнификативная, сколько денотативная конкретность, например, в протоколе о ДТП фиксируются все его детали (какая машина, с какой скоростью ехала, кто был за рулем, в каком состоянии и т. д.).

В научном тексте с понятийной точностью должны употреблять не только сами термины, но и их замены: *теория* или *гипотеза*, *предположение*, *утверждение*, *факт*, *фактор*, тот или этот оборот, слово, усили-

тель и т. д. Все нарушения этой доминанты сказываются на эффективности научного текста, но, к сожалению, нередко встречаются в разных лингвистических трудах. Например, *предложением* называются самостоятельная предикативная единица и часть сложного предложения, при этом без предварительного указания на то, в каком значении тот или иной термин (в данном случае *предложение*) будет употребляться.

Главная функция делового стиля – регуляция официальных отношений и действий людей через предписания всего, что можно и чего нельзя делать, где и когда. Его адресанты – люди власти, адресаты – подчиненные, и те, и другие бывают конкретными лицами (президент страны, общества; руководитель организации) и коллективными (Госдума, Министерство и т. д.), в том числе и в роли адресатов (все население страны) и единичные обладатели власти (ректор, директор, декан, работодатель) – всегда подчиненные (адресанты только своего ответа начальнику), всегда в отношениях неравенства с начальствующим адресантом, даже если адресатом является все население страны или, наоборот, президент страны (адресант обращения к нему – его подчиненный). Невыполнение предписаний всегда грозит наказанием, причем незнание закона, приказа от наказания не освобождает, в чем опять-таки проявляется неравенство подчиненного и носителя власти.

Основная форма речи – письменная. Договор и приказ могут быть и устными, и письменными, но в принципе настоящая деловая речь во всей полноте требований официально-делового стиля реализуется именно в письменной форме, устная реализация характерна только для военных команд: *Вольно; Равняйся; Смирно*. В развернутом виде команды уже гибридные и недостаточно точны для их понимания в устной форме речи.

Совершенно особая реализация деловых переговоров наблюдается в радиообмене летчиков с диспетчером, патрульных машин полицейских с руководителями отделений. На любом языке в международных полетах это упрощенный английский (Прохожай 2011): из-за ограниченного объема оперативной памяти используются короткие предложе-

ния, обычно в основном только именительный падеж (*Улица такая-то*); *Магазин «Молоко»*; *Сработала сигнализация* (из когда-то представленной в радиопрограмме «Город принял» записи разговора). Никаких *Необходимо проехать на такую-то улицу к магазину «Молоко», где сработала сигнализация*. Такое упрощение – результат проведенных психологами исследований аварий в эру освоения сверхзвуковых полетов. Выяснилось, что многие катастрофы были результатом неправильного понимания летчиками распоряжений руководителя полетов из-за их длины.

Неофициальные переговоры участниками рабочего общения с отсутствием отношений по рангу А. Н. Байкулова относит, несмотря на его деловой характер, к разговорному стилю (Байкулова 2015). Однако отсутствие неравенства коммуникантов сочетается с КСВ делового стиля в отношении денотативной точности (хотя и в разговорных обозначениях предметов, связанных с регуляцией, но не имеющей характера предписаний). Поэтому, с точки зрения автора статьи, в рабочем общении осуществляется гибридная разновидность, переходная между деловым (без официозности) и разговорным стилями.

Художественный стиль многие предпочитают считать особым языком. Конечно, все классификации относительны и зависят от автора концепции. С точки зрения автора статьи, он – все-таки часть литературного русского языка, в течение долгих лет воспринимавшегося как эталон литературного русского языка. Однако очевидно уже, что не для науки (в 20-х гг. XX в. можно было прочитать в статье об открытии новой бактерии в одном из соленых озер, что она *прелестного голубого цвета*. Но как его опознать по такому субъективному восприятию? Теперь космонавты сверяют цвета Земли с точно пронумерованными в альбоме).

Для законодательства и науки из-за субъективности восприятия адресатами художественных описаний подобные определения неприемлемы. Поэтому это все-таки уже не эталон национального русского языка с ярко выраженным идиостилем каждого писателя и доминантного использования об-

разности. Функция художественного стиля – сообщить читателям именно свое видение окружающего нас мира в системе текста. В целях творчества писателя преобладает зависимость от жанра и рода произведения (в драматургии комедия, драма или трагедия, в поэзии лирика или эпиграмма, торжественная ода или философские стихи) и т. д. Но всегда это система каких-то образов, всегда субъективизм и взглядов, и формы их выражения. В послепушкинскую эпоху в художественном стиле сосуществуют авторская речь писателя и стилизованная под разговорную речь персонажей, создающая к тому же и их образы.

От писателя зависит характер стилизации и ее средства: у Л. Н. Толстого отличия от письменной речи представлены даже в избытке, что не всегда сохраняется в массовых изданиях (например, не сохраняется стилизация картавости персонажа). У А. П. Чехова – минимально, возможно только указание (на ту же картавость, интонационное выделение какого-то слова в авторском замечании). По-разному используются авторские ремарки в пьесах (Зорин 2010).

Подводя итоги, можно выделить следующее:

1. Адресант формулирует свой текст осознанно, если имеет соответствующую подготовку, или неосознанно, если своей практикой общения у него выработались соответствующие навыки отбора из возможностей языка того, что помогает строить свою речь, подчиняясь КСВ нужного функционального стиля.

2. Поскольку в современном человеческом обществе сферы общения принципиально, несмотря на неизбежность существования и переходных зон, различаются по целям (функциям) использования языка, функционально-стилевая дифференциация в нем неизбежна. В повседневной сфере это прежде всего взаимное общение, без которого невозможна сама жизнь людей. В научной сфере главное – формирование и освоение сообщений о результатах познания окружающего человека мира и самого человека. В деловой сфере – четкое разграничение неравенства (закон, приказ) и редкого равенства (договор) в общении, в ней господствуют

предписания возможного и запрещаемого с требованием их безоговорочного исполнения. Естественно, что указанные различия требуют и использования разных речевых средств.

3. Выделяются и очень отличаются сферы общения с принципиально массовым адресатом. В публицистическом стиле основной целью является через сообщение какой-либо информации воздействие на массы и отсюда широкое использование манипуляции массового адресата, хотя не исключается общение с ним.

4. Еще сильнее выделяется художественная сфера с ее принципиальной неактуальностью (писатель всегда формирует свое сообщение не только на сейчас и не для конкретного коммуниканта даже тогда, когда, как К. Чуковский, пишет свои произведения о мухе-цикотухе, мойдодыре, крокодиле и других сказочных персонажах, казалось бы, для своего конкретного ребенка или дед рассказывает сказку про репку, былинку об Илье Муромце, Святогоре и т. д., это всегда на века, а не элемент сегодняшнего общения с конкретным коммуникантом. И второе принципиальное отличие: любое художественное сообщение всегда продукт образного мышления о мире и поэтому использование и создание образных средств языка, выстраивание их в образные картины мира, систему образов данного произведения. Отсюда и частая неоднозначность ее понимания разными адресатами (не у всех развито образное мышление, и тогда воспринимается только фабула, у многих есть свое видение мира, и тогда чье-то чужое в голове плохо укладывается).

В каждой сфере общения свои принципиально разные адресанты, не только по профессии и родству, что в некоторых сферах очень значимо, а в некоторых непринципально. В деловой важнее единичность или коллективность (в научной сфере редко превышающая 4–5 авторов), а в художественной даже два – редкое явление (Ильф и Петров, братья Стругацкие), как правило, писатель индивидуален в своем видении мира и использовании языка (поэтому и говорят о языке «Войны и мира» Л. Толстого, например).

И в каждой сфере свои адресаты. Причем в повседневной принципиально конкретно единичные (даже если в семье несколько детей), а в деловой обычно каждый единичный подчиненный включен в массу (весь состав организации, все население страны).

В художественной сфере устное общение в театре, кино и на концертах, в том числе и через интернет, возможно лишь с предполагаемым или присутствующим и реагирующим (аплодирующим или уходящим с концерта) полиактивным адресатом, но без интерактивности. Однако, как правило, индивидуализированный адресат общается с не подозревающим об этом и невидимым адресантом – писателем.

5. «Конвой» тоже во всех сферах разный. Особенно важный и полный он в повседневной сфере с возможностью переспроса и нахождением того, о чем идет речь, в поле зрения коммуникантов. Самый ограниченный «конвой» в законодательной разновидности деловой сферы, но даже в военных устных приказах возможность переспроса полностью исключена, а в приказах и распоряжениях какого-либо руководителя почти исключена. Следствием такого почти отсутствующего «конвоя» является малая эффективность законодательства, от кото-

рой в очень большой степени зависит благополучие стран.

6. Повседневная и публичная сферы коммуникации принципиально актуальны, научная и художественная принципиально неактуальны, хотя их актуальность не исключена. В деловой все зависит от ее разновидности и стабильности законодательства. В Англии оно прецедентное, у нас постоянно меняется. И то, и другое на его эффективность влияет негативно.

7. И последнее: именно наличие функционально-стилевой дифференциации в литературном русском языке позволило придать ему статус государственного и обеспечивает ему реальность такого функционирования. Статус государственного, приданный языкам республик, во многих остается только на бумаге из-за фактического отсутствия в языке. В последнее время стало распространяться в корне ошибочное отождествление понятия «государственный язык» с официальным, но это исключает возможность межнационального повседневного общения на нем, восприятие общероссийских СМИ и произведений русской художественной литературы, что недопустимо, так как лишает его главной интеграционной функции, реально им осуществляемой (Экология 2017).

Литература

1. Базовые компетенции 2015 – Русский язык и культура речи (базовые компетенции): учебное пособие / под ред. проф. А. П. Сковородникова. – Красноярск: СФУ, 2015. – 516 с.
2. Байкулова А. Н. Неофициальное общение и его разновидности: критерии выделения и реальное функционирование / под ред. О. Б. Сиротининой. – Саратов: ИЦ «Наука», 2012. – 196 с.
3. Байкулова А. Н. Устное неофициальное общение и его разновидности: повседневная речь горожан. – Саратов: ООО Изд. центр «Наука», 2014. – 216 с.
4. Байкулова А. Н. Устное неофициальное общение и его разновидности: дисс. ... д-ра филол. наук. – Саратов, 2015. – 590 с.
5. Березин Ф. М., Головин Б. Н. Общее языкознание: учебник. – М.: Просвещение, 1979. – 415 с.
6. Гольдин В. Е., Сиротинина О. Б., Ягубова М. А. Русский язык и культура речи: учебник для студентов-нефилологов / под ред. О. Б. Сиротининой. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2001. – 212 с.
7. Зорин А. Н. Поэтика ремарки в русской драматургии XVIII–XIX веков: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. – Саратов, 2010. – 38 с.

8. Кожина М. Н., Дускаева Л. Р., Салимовский А. В. Стилистика русского языка. – М.: Флинта: Наука, 2008. – 464 с.
9. Коньков В. И. Слово живое и мертвое (о двух коммуникативных типах речи) // Актуальные проблемы стилистики. – 2015. – № 1. – С. 36–43.
10. Коньков В. И. Принципы описания актуальной медиаречи // Актуальные проблемы стилистики. – 2016. – № 2. – С. 106–115.
11. Кормилицына М. А. Семантически осложненное (полипропозитивное) простое предложение в устной речи / под ред. О. Б. Сиротининой. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1988. – 152 с.
12. Костомаров В. Г. Наш язык в действии: Очерки современной русской стилистики. – М.: Гардарики, 2005. – 287 с.
13. Котюрова М. П., Соловьева Н. В. Современный научный текст (сквозь призму дискурсивных изменений). – Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 2017. – 264 с.
14. Крылова О. А. Лингвистическая стилистика: в 2 кн. – Кн. 1. Теория: учебное пособие. – М.: Высшая школа, 2006. – 319 с.
15. Купина Н. А., Матвеева Т. В. Стилистика современного русского языка: учебник для академического бакалавриата. – М.: Юрайт, 2015. – 415 с.
16. Матвеева Т. В. Полный словарь лингвистических терминов. – Ростов н/Д.: Феникс, 2010. – 562 с.
17. Матяшевская А. И. Жанр открытой лекции как особая разновидность устной научной речи // Проблемы речевой коммуникации: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. М. А. Кормилициной, О. Б. Сиротининой. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2018. – Вып. 18. – Кн. II. – С. 109–118.
18. Морковкин В. В., Богачева Г. Ф., Луцкая Н. М. Большой универсальный словарь русского языка. – М.: Словари XXI века, АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2016. – 1456 с.
19. Нецименко Г. П. Динамика речевого стандарта современной публичной вербальной коммуникации: Проблемы. Тенденции развития // Вопросы языкознания. – 2001. – № 1. – С. 98–132.
20. Прохожай И. Н. Когнитивно-прагматические и психолингвистические особенности дискурса радиообмена при выполнении международных полетов: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Саратов, 2011. – 26 с.
21. Пушкин А. С. Письмо к издателю // Пушкин А. С. Собрание сочинений. В 10 т. – Т. VII. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1949. – С. 435–442.
22. Разговорная речь в системе ... 1983 – Разговорная речь в системе функциональных стилей современного русского литературного языка. Лексика / под ред. проф. О. Б. Сиротининой. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1983. – 255 с.
23. Разговорная речь в системе ... 1992 – Разговорная речь в системе функциональных стилей современного русского литературного языка: Грамматика / под ред. проф. О. Б. Сиротининой. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1992. – 312 с.
24. Рискогенность 2015 – Рискогенность современной коммуникации и роль коммуникативной компетентности в ее преодолении / под ред. О. Б. Сиротининой, М. А. Кормилициной. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2015. – 188 с.
25. РРР 1973 – Русская разговорная речь / под ред. Е. А. Земской. – М.: Наука, 1973. – 485 с.
26. РРР 1981 – Земская Е. А., Китайгородская М. В., Ширяев Е. Н. Русская разговорная речь: Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис / под ред. Е. А. Земской. – М.: Наука, 1981. – 276 с.
27. РРР 1983 – Русская разговорная речь: Фонетика. Морфология. Лексика. Жест / под ред. Е. А. Земской. – М.: Наука, 1983. – 240 с.
28. Савицкий Вл. М. Концепция лингвистического континуума: монография. – Самара: НТЦ, 2004. – 178 с.

29. Сиротинина О. Б. Разговорная речь в системе литературного языка и разговорность в истории русской художественной речи // *Stylistyka-IV*. – Opole, 1995. – С. 86–102.
30. Скребнев Ю. М. Очерк теории стилистики: учебное пособие для студентов и аспирантов филологических специальностей. – Горький, 1975. – 175 с.
31. Скребнев Ю. М. Введение в коллоквиалистику. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1985. – 169 с.
32. Солганик Г. Я. Практическая стилистика русского языка: учебное пособие. – М.: Академия, 2006. – 304 с.
33. *Стилистический ... 2003* – Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 696 с.
34. Толстой Н. И. Язык и культура (Некоторые проблемы славянской этнолингвистики // *Русский язык и современность: Проблемы и перспективы развития русистики*. – М.: Институт русского языка АН СССР, 1991. – Ч. 1. – С. 5–22.
35. *Функциональные стили ... 1993* – Функциональные стили и формы речи: колл. монография / под ред. О. Б. Сиротининой. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1993. – 172 с.
36. *Хорошая речь: колл. монография* / ред. М. А. Кормилицына, О. Б. Сиротинина. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2001. – 152 с.
37. *Что надо знать 2010 – Что надо знать гражданину о социальных пособиях*. Серия «Правовое просвещение населения». – М.: Мин. юст. РФ, 2010. – 56 с.
38. *Экология 2017 – Экология русского языка. Словарь лингвоэкологических терминов* / авт.-сост. д-р филол. наук, проф. А. П. Сковородников. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2017. – 384 с.

ЭМОЦИИ И ВЕЖЛИВОСТЬ В СТИЛЕ АНОНИМНОЙ НАУЧНОЙ РЕЦЕНЗИИ¹

Статья посвящена жанру анонимной научной рецензии, который рассматривается с позиций эмотивной экологичности и теории вежливости. Представлены результаты сопоставительного анализа русскоязычных и англоязычных рецензий, касающиеся структурных, функционально-стилистических и прагматических особенностей. Предпринята попытка объяснить выявленные различия через коммуникативные ценности и этнокультурные стили коммуникации. Ставится задача выработки норм эмотивной коммуникации, которые делали бы процесс анонимного рецензирования менее травмирующим, более позитивным и конструктивным.

Ключевые слова: анонимная научная рецензия, стиль, эмотивная экологичность, вежливость, английский язык, русский язык.

Tatiana V. Larina
(RUDN University)

EMOTION AND POLITENESS IN THE STYLE OF BLIND PEER-REVIEW

The article is devoted to the genre of blind peer-review which is studied from the standpoint of 'emotive ecology' and the theory of politeness. It presents some results of a comparative analysis of Russian-language and English-language reviews concerning their structural, functional, stylistic and pragmatic features. An attempt has been made to explain the revealed differences through communicative values and communicative ethno styles. The article sets forth the task of developing norms of emotional communication that would make the process of anonymous reviewing less traumatic, more positive and constructive.

Key words: blind peer-review, style, emotive ecology, politeness, English, Russian.

¹ Публикация подготовлена при поддержке Программы РУДН «5-100».

Автор выражает благодарность рецензентам журнала «Russian Journal of Linguistics», которые любезно разрешили воспользоваться текстами их рецензий для данного исследования.

Жанр анонимной рецензии (blindreview) относительно новый в русскоязычном научном дискурсе, как и новой является сама практика анонимного рецензирования, активно внедряющаяся в российские научные журналы и по-разному воспринимаемая научной общественностью. Суть анонимного рецензирования заключается в том, что рецензенту неизвестно, кому принадлежит авторство статьи, а автору, в свою очередь, неизвестно имя рецензента. В результате взаимодействие участников анонимного рецензирования, в отличие от традиционного, осуществляется анонимно, дистанционно и опосредованно, что создает иной социальный и психологический контекст, т. е. возникает новая коммуникативная ситуация.

Несмотря на то, что жанр рецензии относится к научному дискурсу, для которого в наименьшей степени характерна эмоциональность, жанр анонимной рецензии непосредственно связан с эмоциональной составляющей коммуникации. Это обусловлено по меньшей мере двумя причинами. Во-первых, уже по своей природе этот жанр является конфликтогенным, так как предполагает как позитивную, так и негативную оценку рецензента, от которой зависит возможность или невозможность публикации статьи. Во-вторых, анонимный характер рецензирования, по нашим наблюдениям, дает рецензенту чувство большей свободы в выражении своего мнения и эмоций, которые оказывают эмоциональное воздействие на автора статьи, а часто и на членов редколлегии, которые нередко принимают на себя ответные эмоциональные реакции. В результате в эмоциональную коммуникацию оказываются вовлеченными все участники данного процесса, что сказывается на эмоциональном состоянии каждого. Таким образом, анализ жанра анонимной рецензии в очередной раз подтверждает тот факт, что эмоции пронизывают все сферы коммуникации и типы дискурса (Шаховский 2008, 2009; Mackenzie, Alba-Juez 2018, Alba-Juez, Larina 2018 и др.) и научный дискурс не является исключением.

Рассмотрение эмоциональной составляющей жанра рецензии целесообразно проводить через призму эмотивной (не)экологичности (Ионова 2015, Шаховский 2013, 2015,

2016 и др.) и теории вежливости, между которыми можно проследить тесную взаимосвязь. Основным параметром эмотивной экологичности является «этичность в трансляции эмотивных смыслов (через баланс отрицательного и положительного модусов эмотивности)» (Солодовникова 2013: 45). Но теория вежливости также связана с этикой поведения. Категория вежливости определяется как система коммуникативных стратегий и тактик, нацеленных на бесконфликтную коммуникацию и взаимопонимание, она включает в себя все то, что способствует гармоничному, бесконфликтному общению (Ларина 2009: 167). Лингвоэкологи советуют «отказаться от примата эгоцентрической модели поведения в пользу ориентации на Другого» (Шаховский, Штеба 2013: 20). Они исходят из того, что каждое сообщение должно обладать терапевтическим воздействием, а не быть направленным на унижение, оскорбление и эмоциональное травмирование адресата (Шаховский 2016: 33), и считают, что в идеале даже негативная информация должна иметь позитивную репрезентацию, что оказывает положительное воздействие на адресата (там же: 20). Но на это нацеливают и основоположники теории вежливости (Brown & Levinson 1987, Leech 1983, 2014, Sifianou 2012 и др.). П. Браун и С. Левинсон, например, рекомендуют избегать разногласия, искать согласия, уделять внимание собеседнику, увеличивать и даже преувеличивать интерес к нему (Brown & Levinson 1987). Дж. Лич в своих последних работах на основе модификации максим вежливости (Leech 1983) представил Главную стратегию вежливости (Grand Strategy of Politeness), суть которой в том, чтобы ставить желания, качества, мнение и чувства другого выше собственных (Leech 2014, Leech & Larina 2014).

Как и любой другой фрагмент коммуникации, анонимная научная рецензия является фрагментом культуры, в котором проявляются культурные ценности того или иного народа, сказывающиеся на предпочтительности коммуникативных стратегий, выборе языковых средств, формирующих в результате этнокультурный стиль коммуникации (Ларина 2007, 2009, Larina 2015). По этой причине большой интерес представля-

ют сопоставительные исследования данного жанра. Они позволяют выявить его этнокультурные особенности, знание которых приобретает особо важное значение в ситуации расширения международного научного и академического сотрудничества.

Сопоставительный анализ текстов рецензий можно проводить по различным параметрам. В фокусе данного исследования – эмоциональная/эмотивная составляющая и стратегии вежливости, которые формируют стиль англоязычной и русскоязычной научной рецензии. Принимая во внимание тот факт, что стиль любого авторского текста имеет ряд индивидуальных особенностей, предопределяемых как идиостилем автора, так и его психологическими особенностями, а также иными факторами, мы тем не менее попытались выявить некоторые культурно-специфичные черты стиля анонимной рецензии, допуская при этом достаточно высокий уровень обобщения. Основной акцент был сделан на выражение отрицательной оценки рецензента и ее потенциальный перлокутивный эффект. С этой целью были рассмотрены рецензии с заключениями «Отклонить» или «Рассмотреть повторно после существенной доработки». Всего нами было рассмотрено 80 рецензий, полученных от российских и британских рецензентов. В центре внимания были языковые средства выражения оценки, стратегии (не)вежливости, структурные, функционально-прагматические и стилистические особенности текстов рецензий.

В связи с тем, что исследование проводилось на ограниченном материале, в данной статье в обобщенном виде представлены лишь некоторые предварительные результаты, которые, как нам представляется, все же позволяют обозначить основные тенденции.

В первую очередь полученные результаты показали, что российские и британские рецензенты руководствуются в некоторой степени разными коммуникативными целями. Российские рецензенты сфокусированы главным образом на тексте статьи и ее критическом анализе, ее автор в большинстве случаев оказывается за рамками их внимания. Английские рецензенты, делая критический анализ статьи, не забывают и о чувствах ее

автора. Давая статье негативную оценку, они прилагают большие коммуникативные усилия для того, чтобы смягчить ее, придать рецензии позитивную тональность и повысить ее терапевтическое воздействие на адресата. Данное различие наблюдается в структуре рецензии, в стратегиях вежливости, в используемых для их реализации языковых средствах и, как результат, в стилистических характеристиках текста рецензии.

Приведем некоторые аргументы и иллюстрации, которые позволили прийти к данным выводам.

Анализ структуры рецензии показал, что, хотя анонимная рецензия имеет более свободную структуру, чем традиционная, структура англоязычной рецензии более четкая и системная. Рецензенты последовательно оценивают статью по основным критериям, обращая внимание не только на недостатки, но и на положительные моменты, дают свои аргументы и постепенно подводят автора к своему заключению. Русскоязычные рецензии, как правило, носят более произвольный характер. Отрицательное заключение или оценка нередко дается в первой фразе рецензии, предваряя ее анализ, что является для автора сильным эмоциональным ударом:

(1) Данная статья не может быть опубликована в авторитетном научном журнале, так как в ней отсутствует система доказательств, подтверждающих основные наблюдения и выводы.

(2) Статья производит впечатление концептуального, логического и терминологического хаоса.

Вынося отрицательное заключение, русские рецензенты в основном сосредоточены на критическом анализе статьи и ее слабых сторонах. Положительная оценка, если и присутствует, может быть сведена к одной-двум положительным или нейтральным фразам, после чего идет перечисление недостатков.

(3) Сам посыл статьи весьма интересен и продуктивен. Однако замысел воплотился не в научную, а в публицистическую статью.

Английская рецензия, как правило, строится от позитива к негативу. Это касается как структуры всей рецензии, так и ее фрагментов и даже отдельных предложений:

(4) *This article represents a serious piece of work. It is carefully researched, well-structured and **extremely** well-written. But it looks closer to, for instance, Advertising than Linguistics* (букв.: Эта статья представляет собой серьезную работу. Она тщательно исследована, хорошо структурирована и чрезвычайно хорошо написана, но она, похоже, скорее о рекламе, чем о лингвистике).

(5) *The examples provided are **excellent** although they come quite late in the article making it harder to absorb* (букв.: Приведенные примеры отличные, хотя в статье они даны довольно поздно, что затрудняет ее усвоение).

(6) *What has been done **sounds extremely impressive**, but there are questions concerning methodology* (букв.: То, что сделано, звучит чрезвычайно впечатляюще, но есть вопросы, касающиеся методологии).

Как видно в примерах (4–6), предваряя негативную оценку положительными комментариями, английские рецензенты оказывают автору коммуникативную поддержку, дарят ему своеобразный «коммуникативный подарок» в виде положительных оценок, что характерно для английской вежливости в целом (Ларина 2009). Позитивная оценка может усиливаться и даже завышаться при помощи суперлативных оценочных прилагательных и наречий (*excellent, extremely, impressive* и др.), что свидетельствует об использовании стратегии преувеличения, являющейся одной из регулярных стратегий позитивной вежливости в английской коммуникативной культуре.

Как показывает наш анализ, баланс негативных и позитивных оценок, предписываемый эмотивной лингвоэкологией, в англоязычных рецензиях выдерживается четко. В целом можно заключить, что английская анонимная рецензия представляет собой пример отражения в коммуникации позитивного мышления, характерного для представителей англосаксонской коммуникативной культуры (Ларина, Озюменко, Ишанкулова 2011), и пример позитивной коммуникации, которую О. А. Леонтович определяет как «благоприятную, эффективную, конструктивную, выражающую положительную интенцию, оптимизм, психологическую поддержку собеседника, настрой

на положительный исход общения, прогресс и развитие» (Леонтович 2015: 167). Это, однако, не означает, что коммуникант всегда соглашается с партнером, но и несогласие, противоречие может быть выражено в позитивной, корректной и доброжелательной форме (Леонтович 2015: 169).

Для русскоязычных рецензий с отрицательной оценкой стратегии позитивной вежливости, по нашим наблюдениям, не характерны. Вместо усиления позитивной оценки в них, напротив, наблюдается усиление негативной оценки, для чего используется эмоционально окрашенная лексика, а также ее усилители:

(7) *Текст **крайне небрежен**.*

(8) ***В 99% случаев** анализ **совершенно** не развернут.*

(9) *Язык **очень некорректный**, изложение **часто хаотичное**, отдельные рассуждения в статье **крайне категоричны**.*

(10) *Статья по многим параметрам **не выдерживает никакой критики**.*

Данные примеры (7–10) – результат проявления эмоций рецензента, о чем свидетельствуют и некоторые стилистические погрешности. Элементы эмотивной коммуникации (Ларина 2015) в них отсутствуют, правило соблюдения баланса негативных и позитивных оценок здесь не только нарушается, но и явно игнорируется.

С целью смягчить эмоциональное воздействие на автора статьи английские рецензенты часто используют также стратегии негативной вежливости, такие как «выражайтесь косвенно», «предоставляйте выбор», «минимизируйте степень воздействия на адресата», «будьте пессимистом» (Brown & Levinson 1987, Ларина 2009: 172). Они реализуются при помощи модальных глаголов, как правило, в сослагательном наклонении (*should, could, might, would*), а также других единиц эпистемической модальности (*probably, perhaps, I think, I suppose, I would suggest* и др.)

(11) *The Author **could consider** making the style **slightly** more formal, although the current form is clear and effective* (Автор мог бы рассмотреть возможность сделать стиль немного более формальным, хотя нынешняя форма понятна и эффективна).

(12) *Perhaps it might be good to add a reference to Politeness Theory* (Возможно, было бы хорошо добавить ссылку на теорию вежливости).

При помощи субъектно-ориентированных конструкций – *I think* ‘я думаю’, *I suppose* ‘я полагаю’, *I would suggest* ‘я бы предложил’, *in my opinion* ‘с моей точки зрения’ и т. п. – рецензент осуществляет перенос коммуникативной нагрузки на себя, благодаря чему негативная оценка приобретает субъективный характер. Данная стратегия вежливости часто используется английскими рецензентами для смягчения воздействия на адресата, она снижает категоричность и негативную тональность как оценочного суждения, так и рецензии в целом:

(13) *I think the paper would benefit greatly from some more illustrations* (Я думаю, статья очень бы выиграла от добавления иллюстраций).

(14) *This is in many ways a strong article deserving of publication. But in my view there isn't enough Linguistics in it* (Это во многом сильная статья, заслуживающая публикации. Но, на мой взгляд, в ней недостаточно лингвистики).

(15) *I am still not sure if I have understood what is meant by<...>* (Я все еще не уверен, понял ли я, что подразумевается под <...>).

В русскоязычных рецензиях, для которых стратегии вежливости характерны в значительно меньшей степени, подобные средства смягчения, как правило, отсутствуют. Вместо них встречаем безличные оценочные суждения часто со средствами императивной модальности (*требуется, нужно, необходимо* и др.), что придает стилю русскоязычных рецензий категоричное звучание:

(16) *Ряд утверждений автора **требует пересмотра.***

(17) *Представленной статье **требуется** серьезная доработка.*

(18) ***Настоятельно требуется** уточнить области применения вышеназванных методов.*

(19) ***Очевидно,** что приведенных фактов недостаточно для сделанных выводов.*

(20) ***Необходимо** расширить теоретическую часть и уточнить методы исследования.*

Как видим, в данных оценках (16 – 20) отсутствует субъективность и, как результат, диалогичность. Согласно существующей традиции, русские рецензенты представляют свое мнение так, чтобы создать впечатление «некоей объективной истины, никак не связанной с личностью говорящего» (Лассан 2014: 233). В результате автор статьи получает обязательные к выполнению предписания, ему не предоставляется выбор как стратегия смягчения воздействия, возможность обдумать предлагаемое решение.

Ср.:

(21) *I think the results **could possibly** have been **more clearly** illustrated* (Я думаю, что результаты могли бы быть более наглядно проиллюстрированы).

(22) ***Необходимо** более четко проиллюстрировать результаты.*

Мы привели здесь лишь некоторые результаты проведенного исследования, однако они позволяют заключить, что жанр анонимной рецензии имеет свои культурно-специфичные особенности.

Как было показано, в текстах английских рецензий наблюдается комбинация стратегий позитивной и негативной вежливости, которая носит регулярный характер. Стратегии позитивной вежливости нацелены на комплиментарность, позитивную оценку, коммуникативную поддержку автора статьи, стратегии негативной вежливости – на смягчение негативной оценки. Благодаря этому соблюдается оптимальный баланс негативных и позитивных оценок. В результате англоязычные рецензии отличает конструктивная направленность, они побуждают автора к продолжению научного творчества. В них прослеживается ориентированность на эмоции адресата, что позволяет говорить о достаточно высокой степени их эмотивной экологичности.

В русскоязычных рецензиях стратегии вежливости используются гораздо реже, т. е. ни комплиментарность в виде положительных оценок, ни смягчение отрицательных оценок не носят регулярный характер. Как следствие, баланса негативных и позитивных оценок не наблюдается. Предпочтение отдается прямым, категоричным суждениям, эмоции автора статьи при этом, как правило,

игнорируются. В результате русскоязычные рецензии редко содержат позитивную репрезентацию, они чаще носят деструктивный характер и являются в большинстве своем неэкологичными. Напомним, в данном исследовании речь идет исключительно о рецензиях с отрицательным заключением.

Выявленные различия сказываются на стилях рецензий. Русскоязычные рецензии в своем большинстве отличаются эмоциональностью, прямолинейностью, категоричностью, ориентированностью на содержание, т. е. они в большей степени сфокусированы на оценке качества статьи, чем на форме ее выражения. Для англоязычных рецензий, напротив, характерны косвенность, эмоциональная сдержанность, но при этом высокая степень эмотивности, ориентированность на личность, т. е. на автора статьи и его чувства, их отличает позитивная тональность и конструктивность. Важно отметить, что стиль как русскоязычной, так и англоязычной анонимной рецензии соотносится с до-

минантными чертами английского и русского стилей коммуникации в целом (Ларина 2009), что в очередной раз свидетельствует о его системном характере и об определяющей роли социокультурного контекста в формировании стиля.

Еще раз отметим, что данное исследование проведено на ограниченном языковом материале, в связи с чем его результаты носят предварительный характер и, возможно, не лишены некоторой субъективности. Для более детальных и обоснованных выводов необходимо продолжение исследования. Тем не менее выявленные тенденции заставляют задуматься о необходимости учета фактора эмоционального воздействия на адресата даже в ситуации анонимной коммуникации, о повышении степени эмотивной экологичности взаимодействия и, возможно, о выработке норм эмотивной коммуникации, которые делали бы процесс анонимного рецензирования менее травмирующим и более гармоничным и конструктивным.

Литература

1. Ионова С. В. Эмоциональные эффекты позитивной формы общения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. – 2015. – № 1. – С. 20–30.
2. Ларина Т. В. Этностилистика в ее коммуникативном аспекте // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 2007. – Т. 66. – № 3. – С. 3–17.
3. Ларина Т. В. Категория вежливости и стиль коммуникации: Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. – М.: Языки славянских культур, 2009. – 507 с.
4. Ларина Т. В. Прагматика эмоций в межкультурном контексте // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. – 2015. – № 1. – С. 144–163.
5. Ларина Т. В., Озюменко В. И., Ишанкулова Д. Г. О позитивном мышлении представителей англосаксонской культуры и его отражении в языке и коммуникации // Вопросы психолингвистики. – 2011. – № 1 (13). – С. 52–63.
6. Лассан Э. Существует ли риторика научного дискурса? // Дискурс и стиль: теоретические и прикладные аспекты. – М.: Флинта: Наука, 2014. – С. 233–240.
7. Леонтович О. А. Позитивная коммуникация: постановка проблемы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. – 2015. – № 1. – С. 144–163.
8. Николаев А. М. Научная рецензия как специфический жанр научного дискурса // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2014. – № 3. – С. 228–235.
9. Солодовникова Н. Г. Содержание научного направления Эмотивная лингвоэкология: проблемы и перспективы // Шаховский В. И. (ред.) Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве. – Волгоград: Перемена, 2013. – С. 43–52.
10. Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций. – М.: Гнозис, 2008. – 416 с.

11. Шаховский В. И. Эмоции: Долингвистика, лингвистика, лингвокультурология. – М.: URSS, 2009. – 124 с.
12. Шаховский В. И. Эмоциональная коммуникация как модератор модуса экологичности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. – 2015. – № 1. – С. 11–19.
13. Шаховский В. И. Диссонанс экологичности в коммуникативном круге: человек, язык, эмоции. – Волгоград: Изд-во ИП Поликарпов, 2016. – 512 с.
14. Шаховский В. И., Штеба А. А. Экология, валеология, лингвистика – три источника лингвоэкологии // Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве: колл. монография. – Волгоград: Перемена, 2013. – С. 8–23.
15. Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве: колл. монография. – Волгоград: Перемена, 2013. – 449 с.
16. Alba-Juez L. and Larina T. Language and Emotion: Discourse-Pragmatic Perspectives // Russian Journal of Linguistics. – 2018. – Vol. 22. – No 1. – P. 9–37.
17. Brown P. and Levinson S. D. Politeness: Some Universals in Language Usage. – Cambridge: CUP, 1987. – 345 p.
18. Larina T. Culture-Specific Communicative Styles as a Framework for Interpreting Linguistic and Cultural Idiosyncrasies // International Review of Pragmatics. – 2015. – Vol. 7. – No 2. – P. 195–215.
19. Leech G. Principles of Pragmatics. – London: Longman, 1983. – 250 p.
20. Leech G. The Pragmatics of Politeness. Oxford Studies in Sociolinguistics. – Oxford: Oxford University Press, 2014. – 368 p.
21. Leech G. & Larina, T. Politeness: West and East // Russian Journal of Linguistics. –2014. – No 4. – P. 9–34.
22. Mackenzie J. L. & Alba-Juez L. Emotion in Discourse. – Amsterdam: John Benjamins, 2018. – 397 p.
23. Sifianou M. Disagreements, face and politeness // Journal of Pragmatic. – 2012. – Vol. 44. – No 12. – P. 1554–1564.

Т. И. Сурикова

(Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова)

**«СИМ УДОСТОВЕРЯЮ,
ЧТО ПРЕДЪЯВИТЕЛЬ СЕГО...»:
О СООТНОШЕНИИ ОФИЦИАЛЬНО-ДЕЛОВОГО СТИЛЯ
И ДЕЛОВОГО ДИСКУРСА И ИХ ВЛИЯНИИ
НА КОММУНИКАЦИЮ И ЯЗЫК**

В статье рассматривается соотношение официально-делового стиля в объеме и критериях, выделяемых функциональной стилистикой, и делового дискурса как поля его практической реализации; доказывается, что научные представления отражают не всю специфику последнего, что связано и с динамикой деловой коммуникации, и с особенностями ее описания. Выявляются зоны влияния официально-делового стиля и делового дискурса на коммуникацию, язык и языковое сознание, не совпадающие с традиционными представлениями.

Ключевые слова: официально-деловой стиль, деловой дискурс, уточнение смысла, рост предложного управления, заимствования, активные модели словообразования, новые фольклорные жанры.

Tatiana I. Surikova

(Lomonosov Moscow State University)

**“I SIMPLY THAT THE REPRESENTATIVE OF THIS...”:
ON THE RATIO OF OFFICIAL BUSINESS STYLE
AND BUSINESS DISCOURSE
AND THEIR INFLUENCE ON COMMUNICATION
AND LANGUAGE**

The article considers the relationship between the official-business style in the volume and criteria highlighted by the functional stylistics and business discourse as a field for its practical implementation; it is proved that scientific ideas do not reflect the entire specificity of the latter, which is associated with the dynamics of business communication and the features of its description. Areas of influence of official-business style and business discourse on communication, language and linguistic consciousness that do not coincide with traditional ideas are revealed.

Key words: official-business style, business discourse, clarification of meaning, growth of prepositional management, borrowing, active word-formation models, new folklore genres.

В функциональной стилистике и в преподавании утвердился стереотип, что официально-деловой стиль (далее ОДС) – наиболее закрытая функциональная система литературного языка, во-первых, сама слабо подверженная влиянию других функциональных систем (Солганик 2006); во-вторых, экспортирующая в литературный язык преимущественно «канцелярит», образцом которого стало подслушанное К. И. Чуковским в 1930–х гг. высказывание: *Девочка! Ты по какому вопросу плачешь?* (Живой как жизнь, 1962) – и который пародируют по крайней мере с XIX в. и до сих пор.

Вот несколько примеров «канцелярита», выделенных полужирным, в хронологическом порядке: *о сдернутии меня с кресла за ногу* (Г. Успенский. Очень маленький человек); *Сим удостоверяю, что предьявитель сего <...> провел упомянутую ночь на балу и сатаны, будучи привлечен туда в качестве перевозочного средства* (М. Булгаков. Мастер и Маргарита); *Об утопении и непотопляестве* (название анонимного интернет-комментария); *В реке утонул пьяный. Мент пишет: «Акт об утопении».* Подумал, зачеркнул и написал: *«Акт об утопии».* Зачеркнул и написал: *«Акт о входе тела в воду и невыходе тела из воды»* (анекдот из рунета).

Стереотипное представление о влиянии ОДС на язык состоит в том, что он экспортирует в смежные функциональные стили и в жизнь стилистическую «патологию»:

- плеонастические сочетания с экспансией предлога *по*, нанизыванием падежей, ошибками в управлении типа: *деятельность по координации контроля за исполнением программ по цифровизации экономики отрасли согласно намеченной дорожной карты*;
 - тяжеловесный именной строй речи на основе отглагольных существительных (пример выше);
 - неуместную, но липучую лексику ОДС, в частности нелепые, неблагозвучные и неприличные сложносокращенные слова типа *педобраз* – педагог дополнительного образования и аббревиатуры вроде МУДО – муниципальное учреждение дополнительного образования.
- Эта точка зрения не лишена основания.

Но, как всякий стереотип, сложившиеся представления о влиянии ОДС на коммуникацию и язык упрощенны и обобщенны, поскольку отражают лишь малую, хотя и самую наглядную, запоминаемую часть ОДС.

Однако и само представление об этом стиле как системе, обслуживающей область делового, профессионального и в большинстве случаев институционального дискурсов, на наш взгляд, сужено и адекватно не отражает их вербальной специфики. Это искажает реальную картину влияния делового дискурса на коммуникацию, язык и языковое сознание.

Начнем с общих современных тенденций развития языка, движущей силой которых не в последнюю очередь становится деловой дискурс как поле практической коммуникативной деятельности (Арутюнова 1990: 136–137). Дискурс реализует отбор рациональных средств из синонимических фондов языка и направляет его эволюцию.

Одна из основных современных тенденций развития языка – уточнение смысла (Валгина 2001), дифференциация смысловых оттенков высказывания и текста. Одно из средств ее реализации на уровне системы – развитие предложного управления (Валгина 2001): например, сочетание *опиум народа* в афоризме К. Маркса *Религия – опиум народа* (К. Маркс. К критике гегелевской философии права, 1843) превращается в *опиум для народа* в афоризме О. Бендера *Почем опиум для народа?* (И. Ильф, Е. Петров. Двенадцать стульев, 1927).

Логично предположить, что эти процессы стимулируются не в последнюю очередь деловым дискурсом, реализующим наивысшую потребность в эксплицировании смысла, откуда и вариативность типа: *контроль за /над / контроль чего; договор чего/ на что* и др.

Кроме того, с XVIII в. в языке в целом активизируется процесс образования производных предлогов, и прежде всего – в языке документов, который требовал особой точности и дифференцированности смыслов (Черкасова 1967). Процесс идет до сих пор. Уточнение смысла за счет эксплицитной семантики высказывания распространяется на литературный язык в целом, при этом часть

функционально прикрепленных к ОДС лексем расширяет сочетаемость. Например, у предлога *для* – доминанты синонимического ряда целеполагания – есть синонимы *во избежание, во исполнение, в целях, с целью*. В толковом словаре Д. Н. Ушакова предлог *во избежание* отмечен как книжный, канцелярский: в более позднем словаре С. И. Ожегова уже как книжный. А в «Словаре русского арго» В. С. Елистратова упомянуто пародийное восклицание *Во избежание!* Предлог *во исполнение* в словаре Д. Н. Ушакова отмечен как официальный, в «Толковом словаре русского языка с включением сведений о происхождении слов» под ред. Н. Ю. Шведовой он дан уже без помет. Большинство других составных предлогов в современном языке рассматриваются как нейтральные (Словарь структурных слов 1997).

Предлог *во исполнение* в словаре Д. Н. Ушакова и более поздних дан как нейтральный. Но примеры из «Национального корпуса русского языка» свидетельствуют о том, что он пришел из деловой письменности: таковы все примеры XVIII в. (первое упоминание в корпусе – в Копии с указа Правительствующего Сената об отсылке Каина с товарищами для следствия из Полиции в Сыскной приказ» 1749 г.).

В ряду причинных предлогов в добавление к стилистически нейтральным словам *по причине, по поводу* формируется, судя по данным словарей Д. Н. Ушакова и Н. Ю. Шведовой (2007), официальный – *по вопросу*, который, возможно, со временем утратит эту окраску.

Влияние ОДС, хотя бы точечное, но такое, которое мало заметно и поэтому не добавляет штрихов в стереотипное представление об ОДС и том, что он экспортирует в коммуникацию, можно проследить и в других областях. Так, предлог *согласно с чем* (в словаре Д. Н. Ушакова отмечено только это управление) под влиянием делового употребления приобретает вариант *согласно чему* (отмечен в «Толковом словаре с включением сведений о происхождении слов» под ред. Н. Ю. Шведовой), который, судя по данным «Национального корпуса русского языка», сейчас преобладает.

Представление об ОДС и соответственно зона его влияния (далее пойдет речь об ад-

министративно-управленческом подстиле) сужена рамками собственно администрирования как вида деятельности и соответствующих ему унифицированных, ограниченных формуляром или стереотипом документов, деловой переписки. В традиционной классификации, восходящей к концепции М. Н. Кожинной, ОДС описывает языковое своеобразие только названных областей и ориентирован на письменную речь. Вторая общепринятая классификация – концепция Д. Н. Шмелева (Шмелев 1977) – проводит границы ОДС по сути так же.

Как представляется, такая структура и границы ОДС сужают функциональную его область существовавшим общественным стереотипом относительно его сути, эксплицированным К. И. Чуковским в хлестком словечке *канцелярит*, и тем, что ОДС как функциональная область языка долго время была, по выражению Л. А. Булаховского, «нелюбимым ребенком русской стилистики», оставаясь недостаточно исследованной. Ее целенаправленное изучение началось тогда, когда основа представлений о функциональных стилях уже сложилась.

Деловая, профессиональная коммуникация охватывает большинство разновидностей институционального дискурса, поскольку в его рамках по крайней мере одна из сторон выполняет свои рабочие обязанности. А ее вербальная часть отражает своеобразие этих ситуаций, их предметов, жанров и адресатов, но при этом не укладывается в рамки ОДС. Вне ОДС оказываются не только новые дискурсивные действия (Стеблецова 2015) и жанры, например переговоры, презентации, но и традиционные, например трудоустройство, если не брать традиционные жанры заявления и автобиографии.

Некоторая неполнота ОДС косвенно отражена в педагогическом и научном дискурсах. Поскольку деловая коммуникация – одна из основ успешного бизнеса, эта сфера сейчас детально отражена в объемной методической и учебной литературе. Что интересно, предмет в ней в большинстве случаев обозначен как деловая коммуникация, деловое общение, культура деловой речи, деловая риторика (Зарецкая 2004, Основы русской деловой речи 2012, Трофимова, Купчик

2012), т. е. шире, чем ОДС. На наш взгляд, это мотивировано дискурсивной пресуппозицией несоответствия границ стиля коммуникативной практике, т. е. дискурсу, из которой исходят авторы.

В устной реализации деловой дискурс, как и любая устная практика, во многом повторяет то, что происходит в устной речи и, следовательно, с некоторыми ограничениями участвует в формировании активных процессов в языке, которые, перефразируя Л. В. Щербу, проходят горнило устной речи. Следовательно, и считать эту область непроницаемой вряд ли правильно.

Если рассматривать деловую коммуникацию в целом, то можно отметить по крайней мере несколько областей активного влияния деловой коммуникации на язык. И это влияние повторяет то, что уже было в его истории.

Скажем, в петровскую эпоху словарь был пополнен заимствованиями из разных языков и разных областей науки, культуры, государственного управления. А через какой дискурс они пришли сначала в коммуникацию, а потом в словарь? Через деловой.

То же самое повторяется сейчас: освоение заимствований сфер экономики, науки, государственного управления начинается в профессиональной среде, посредством массмедиа эта лексика входит в общий обиход с разной степенью специализации термина. Затем наиболее востребованные могут детерминологизироваться (Валгина 2001), мотивировать словообразование (*IT-специалист* → *ИТшник*, *Web-дизайнер* → *Web-дизайнерша*), метафоризироваться. Причем заимствование настолько активно, что одна лексема еще не освоена толком, а уже возникает конкурирующая (*кадровик* → *ректутер* → *ичар*; *оупенпейс* → *коворкинг*).

Поток заимствованной терминологии практически любой области поступает в язык через посредство СМИ из деловой сферы. Даже термины массовой коммуникации типа *пиар*, *информационная / гибридная война*, *фейк*, которые, казалось бы, сразу вошли в массовое употребление, минуя специальное, вошли тем же путем – через деловой дискурс. Только это был дискурс массмедиа.

Отмечают модели словообразования, которые деловая коммуникация поставляет через посредство СМИ в литературный язык. Среди них есть заимствования типа *офис-менеджер*, наиболее яркая часть подобных единиц – слова-кентавры вроде *СЕО-специалист*, *PR-менеджер*.

Общеизвестно, что широким распространением аббревиатур, сложносокращенных слов и графических сокращений литературный язык обязан деловому, в котором эти способы словообразования активизировались сразу после революции. Это один из немногих ресурсов, влияние которого входит в стереотип канцелярита. Естественно, что это объект серьезного обсуждения в СМИ, где уродливые плоды чиновничьего творчества оцениваются и с точки зрения этических и эстетических качеств. Некоторые из них, например аббревиатуру *ГАМНО* (*государственное автономное муниципальное некоммерческое образование*) совместными усилиями массмедиа и общества удается задушить в зародыше. Но сама она оказалась настолько выразительной, что вошла в разговорный фонд как эвфемизм хорошо известного оценочного слова, переполняет интернет и даже нашлась в «Национальном корпусе русского языка», правда только в одном примере.

Но влияние этих способов словообразования не ограничивается вхождением в коммуникацию на правах номенклатурных наименований: они стимулируют ироническое языковое творчество носителей лингвокультуры, в унисон ироническому осмыслению действительности как свойству современного языкового сознания (Блок 2008). Судя по степени распространения языковых игр с аббревиатурами (Санников 1999) и сокращениями, **сложились фольклорные жанры:**

- переосмысливания аббревиатур (*РСФСР – Ребята, смотрите, Федька сопли распустил* – пример: Санников 1999);
- сочинения нелепых и неприличных сокращений с приписыванием им статуса реально существующих, т. е. созданием фейков. Пример показал В. Маяковский, придумавший в пьесе «Баня» одному из героев, расхитителю умов Победоноси-

кову, должность *главначтупс* – главный начальник по управлению согласованиями. Но если с *главначтупсом* все ясно: это художественный вымысел, то относительно сокращения *замкомпоморде* – заместитель командира по морским делам—до сих пор дискутируют, была ли в 1920 г. такая должность на флоте. Не удастся остановить, факт или вымысел сокращение *зам. завкаф ТЯФ* [*теории ядерной физики* – Т.С.] А. Ф. Собакин. А интернет полон списками якобы реальных аббревиатур и сокращений, в которых невозможно отделить правду от вымысла и которые неприлично ни произнести, ни написать, потому что в них в полной мере отражено русское, как сказал А. С. Пушкин, «веселое лукавство ума, насмешливость и живописный способ выражаться»;

- в последние годы под влиянием иронического модуса осмысления действительности формируется аббревиация фатических клише и фразеологизмов. В отличие от того, что было ранее, ирония здесь направлена не на чиновничье творчество, т.е. объект внеязыковой действительности, – аббревиация становится выражением самоиронии, смехом над самим собой посредством языковой игры. Одним из первых стало сокращение *ИМНО* → в кириллице *ИМХО* английского выражения *in my humble opinion*. Потом появились «официально-деловые» синонимы русских не совсем приличных и совсем неприличных выражений. Приводим одно – *X3* – и надеемся на сообразительность тех, кто дочитал статью до этого места;
- наконец, в последние годы под влиянием современного стремления к поликодовости и визуализации появился еще один фольклорный жанр, в основе которого также самоирония, – остроумное ироническое иероглифическое изображение вышеназванных аббревиатур, а также метких русских слов и выражений из непечатного регистра. Чтобы избежать голословности, с извинениями приводим один, самый приличный пример:

Так что, возвращаясь к тезису о влиянии ОДС на язык, высказанному в начале, представляется возможным констатировать, что в типичных проявлениях, отраженных стереотипным представлением об этой функциональной разновидности языка, его влияние шире и глубже того, что ему приписывается традиционно, более того, становясь объектом языковой игры, оно распространяется и на языковое сознание.

А если принять за исходное положение, что ОДС суженно представляет деловую коммуникацию, то влияние делового дискурса в области заимствований и словообразования определяет современные, а не только долговременные тенденции развития языка.

Наконец, приведем последний аргумент как доказательство неполноты функционального описания ОДС, который отражает меняющуюся действительность и запаздывание ее научного описания. Это формирование фатической коммуникации в русском деловом дискурсе, традиционно ориентированном на выполнение статусных обязанностей и человека-функцию.

Это влияние прослеживается в деловой переписке в проблемных ситуациях, когда в инициальной части текста появляются комплименты адресату, подчеркивающие уважение к нему и его деловым качествам, а в конце – надежду на скорое преодоление проблем.

Кроме того, в деловом дискурсе сформировались фатические жанры: поздравление, приглашение и др., отражающие радостные поводы общения, в которых даже стремление к стандарту как конструктивный принцип официально-делового заменяется если не на креативность, то по меньшей мере на чередование экспрессии и стандарта. Конечно, интернет полон образцов типа: *Уважаемый....! В это знаменательный день ... и*

далее по тексту. Такие поздравления не возбраняются, но языковым сознанием не приветствуются, поскольку проскакивают незамеченными и, более того, становятся объектом пародии: *Так, дорогой Иа! В этот знаменательный день я хочу подарить тебе ... безвозмездно скромный, но очень полезный подарок – вот этот шнурок!* (А. Милн. Вيني-пух и все, все, все).

Таким образом, подводя итог, еще раз подчеркнем, что в традиционном описании

ОДС не в полной мере отражает специфику делового общения, что связано и с развитием области, и с историческими особенностями ее изучения. Стереотип влияния ОДС на коммуникацию и язык фиксирует только наиболее наглядные явления и те опять-таки неполно. А если принять в рассмотрение не только ОДС как научное описание, а деловой дискурс как поле практической коммуникативной деятельности, то влияние этой сферы оказывается еще многообразнее и глубже.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистически энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 136–137.
2. Блок А. Ирония, 2008. URL: http://az.lib.ru/b/blok_a_a/text_1908_ironia.shtml.
3. Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке. – М.: Логос, 2001. – 304 с. URL: <http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook050/01/about.htm>.
4. Зарецкая Е. Н. Деловое общение: в 2 тт. – М.: Дело, 2004.
5. Основы русской деловой речи / под ред. проф. В. В. Химика. – СПб.: Златоуст, 2012. – 448 с.
6. Санников В. З. Русский язык в зеркале языковой игры. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 541 с.
7. Солганик Г. Я. Практическая стилистика русского языка. – М.: Академия, 2006. – 297 с.
8. Стеблецова А. О. Деловой дискурс и его типы: алгоритм дискурсивного анализа // Вестник Московского гос. лингв. ун-та. Гуманитарные науки. – 2015. – Вып. 6 (717). – С. 532–544.
9. Трофимова О. В., Купчик Ев. Основы делового письма. – М.: Флинта: Наука, 2012. – 306 с.
10. Шмелев Д. Н. Русский язык в его функциональных разновидностях. – М.: Наука, 1977. – 168 с.
11. Черкасова Е. Т. Переход полнозначных слов в предлоги. – М.: Наука, 1967. – 280 с.

Источники

1. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru/new/>
2. Словари и энциклопедии на Академике. URL: <https://dic.academic.ru/>
3. Словарь структурных слов русского языка / под ред. В. В. Морковкина. – М.: Лазурь, 1997. – 497 с.
4. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / под ред. Н. Ю. Шведовой. – М.: Азбуковник, 2007. – 1175 с.

УДК 81'38

Мир Сахиб Джан Кочай
(Кабульский университет, Афганистан)

НАУЧНЫЙ СТИЛЬ И ЕГО ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ В РУССКОМ И ПУШТУ ЯЗЫКАХ

В статье рассматриваются жанры и подстили научного стиля, дана краткая история возникновения научного стиля, описаны стилевые черты научного стиля и выявлены его взаимосвязи с другими функциональными стилями.

Ключевые слова: стиль, жанр, подстиль, функциональный стиль, язык, речь.

Mir Sahib Jan Kochai
(Kabul University, Afghanistan)

SCIENTIFIC STYLE AND ITS MAIN FEATURES IN RUSSIAN AND PASHTO

The article discusses the genres and substrates of the scientific style, a short history of the scientific style, the relationship with other functional styles and the stylistic features of the scientific style.

Key words: style, genre, sub-style, functional style, language, speech.

Когда в Афганистане возник научный стиль? Кто был его основателем? Книги и интернет-ресурсы, к сожалению, не дают исчерпывающих ответов, поэтому я вынужден был обратиться к преподавателю кафедры языка пушту Кабульского университета Аджмалу Школаю, изучающему стилистику языка пушту. Вот интервью с ним:

– Г-н Школай, мы знаем и видим, что в Афганистане развивается наука, работает много ученых, поэтому представлены все жанры научного стиля. К какому времени Вы отнесли бы его возникновение?

Ответ: На мой взгляд, научный стиль возник во время правления Шах Амануллаха Хана (1919).

– По-вашему, кто является его основателем?

Ответ: Основателями научного стиля в Афганистане были сторонники условного или совместного правления: Абудул Хади Дави, Салех Махаммад Кандахари, Хабиби и известные ученые: Сидикула Ришътн, Абду Рауф Бенава, Абул Рахман Пажвак.

– С русским языком все понятно, как и с другими славянскими языками, где стилистика и стиль по-особому изучаются. Скажите несколько слов о стиле в языке пушту.

Ответ: 1. В языке пушту стиль определяется как способ работы автора (стиль Хушхал Хана, Рахман Баба, Хамза Шинвари, Хамид Муманд и мн. др.); как способ работы тех или иных авторов в определенный исторический период; как способ работы тех или иных деятелей культуры в определенной провинции (Хурасани стиль, Кандахари стиль). 2. В пушту опираются на арабский стиль как фундамент стиля. 3. Многие деятели художественной литературы берут за основу индийский стиль (Газанфар Асадуллах). 4. В пушту, как и в персидском языке, употребляются одни и те же языковые единицы для выражения разных оттенков: ha Гъ м ъ р.шо (Он умер) – говорящему безразлично; ha Гъ вафат шо (Он умер) – в этом предложении есть доля уважения; ha Гъ лъ де фани на ъ р.нъ рухсат шо (Он покинул этот переходящий (букв. Невечный) мир – в этом предложении есть и сочувствие, и уважение.

Согласно «Словарю лингвистических терминов», «стиль – одна из дифференци-

альных разновидностей языка, языковая подсистема со своеобразным словарем, фразеологическими сочетаниями, оборотами и конструкциями, отличающаяся от других разновидностей в основном экспрессивно-оценочными свойствами составляющих ее элементов и обычно связанная с определенными сферами речи» (Словарь лингвистических терминов 2005: 455).

Б. Н. Головин полагает, что стили языка – это типы его функционирования, его структурно-функциональные варианты, соотношенные с типами социальной деятельности и отличающиеся друг от друга совокупностями различий в степени активности средств языка, достаточными для их интуитивного опознавания в процессе общения (Головин 1988: 261). Французский писатель Бюффон считает, что стиль – это зеркало личности писателя.

Научный стиль является одним из пяти функциональных стилей, определяемых как «разновидность литературного языка, в которой язык выступает в той или иной социально значимой сфере общественно-речевой практики людей и особенности которой обусловлены особенностями общения в данной сфере» (Лингвистический энциклопедический словарь 2002: 709). В каждом функциональном стиле действуют свои объективные стилиобразующие факторы (Культура русской речи 1998: 569).

Функциональные стили взаимодействуют друг с другом, они создаются на базе средств общенародного языка, поэтому абсолютно замкнутых, непроницаемых стилей не существует. Научный стиль более открыт, проницаем, подвержен влиянию других стилей. В то же время он сам влияет на другие стили, обогащает их новыми знаниями, а значит, и смыслами, и способами их выражения (Григорьева 2000: 164).

Для научного стиля, по мнению многих ученых-стилистов, характерны специфические особенности (стилевые черты или стилевые доминанты), но единообразной классификации данных черт в стилистике не существует. Мы перечислим те из них, которые выделяет Н. И. Колесникова (Колесникова 2010), полагая, что именно их необходимо акцентировать в обучении студентов для

грамотного написания ими своих научных работ:

– Отвлеченность изложения. Создается за счет широкого использования языковых единиц абстрактного и обобщенного значения, способных передавать их в контексте научной речи.

– Объективность изложения – это попытка автора-ученого в своей статье излагать материал в максимальном соответствии с наблюдаемыми им явлениями действительности, а также отсутствие субъективной оценочности: «это изложение, где автор и его оценка отодвигаются на задний план, на переднем же – сам процесс» (Троянская 1985: 67–81). Объективность языка науки диктуется в первую очередь требованиями достоверности знания и отсутствием пристрастного взгляда на изучаемый объект.

– Подчеркнутая логичность помогает излагать материал последовательно, доказательно и аргументированно. Здесь важно умение выдвигать тезисы, а затем их убедительно доказывать. Подчеркнутая логичность требует специфического синтаксического оформления материала, при котором четко прослеживается причинно-следственная связь между описываемыми явлениями.

– Терминологичность. Использование особой терминологии было характерно для научного стиля «уже на заре его становления, когда его отличительное специфическое свойство не предполагало обязательного наличия других особенностей» (Митрофанова 1973: 147). Терминологичность способствует таким чертам научного стиля, как краткость и точность изложения.

– Точность изложения достигается выбором наиболее подходящего слова или грамматической конструкции, наиболее адекватно и однозначно выражающих смысл. Точности способствует употребление принятых в конкретной области науки терминов и слов с конкретной семантикой.

– Ясность признается также важной характеристикой научного стиля, поскольку часто сложные темы труднодоступны для понимания, если изложены недостаточно четко, если отсутствует однозначность в использовании терминосистемы, что нередко приводит к амфиболии и другим проблемам

декодирования. «Главное достоинство научного языка – ясность... хороший язык научной работы незаметен читателям. Заметной должна быть только мысль» (Д. С. Лихачев).

– Стандартность, или стереотипность, в какой-то мере даже клишированность языкового выражения через использование устойчивых лексических единиц и синтаксических конструкций (Разинкина 1985: 33–47).

– Лаконичность – умение кратко и сжато оформить результаты научного поиска. Но лаконичность не должна затруднять понимание материала, поэтому лаконичность должна уравниваться необходимым развернутым пояснением, если ученый представляет новый материал и новую концепцию.

– Безличность изложения в основном обусловлена коллективностью научного поиска, принадлежностью к определенной научной школе и устоявшейся национальной традицией. Безличность подчеркивает достоверность и обобщенность научного знания, в отличие от личностного, пристрастного, субъективного изложения.

– Некатегоричность, выраженная «во взвешенности оценок как в отношении степени изученности темы, эффективности теории и путей решения исследуемых проблем, степени завершенности результатов исследования, так и в отношении упоминаемых в работе и цитируемых мнений других авторов-ученых и своих личных» (Кожина 2003).

Описанные выше стилистические особенности научной речи, выделенные различными учеными, занимающимися вопросами стилистики научной речи, и скомпонованные Н. И. Колесниковой (Колесникова 2010) для педагогических целей обучения студентов навыкам академического письма, сближают научный стиль с официально-деловым стилем современного русского языка. Но исторически научный стиль вызревал и оформлялся в рамках художественного стиля, что до сих пор прослеживается в таких его стилевых особенностях, как:

– Эмотивность научной речи. По мнению В. И. Шаховского, эмоции свойственны любой человеческой деятельности, включая научную. Произведения научной прозы «не являются бледными и бесстрастными фотографиями

действительности; они представляют собой плоды мыслительной работы ученого, которые отражают, помимо объективной реальности, его отношение к ней, его оценки реальных фактов и иных попыток их осмысления, его собственный образ мыслей, его идейные и научные установки, его вкусы и, наконец, его стремление оказать на читателя определенное – прежде всего интеллектуальное – воздействие» (Наер 1985: 14–25). Эмотивность включает в себя экспрессивность и эмоциональность, которые можно рассматривать и как самостоятельные черты научного стиля.

– Экспрессивность и эмоциональность решают коммуникативную задачу – стремление сделать речь более убедительной и выразительной (Стилистический энциклопедический словарь 2003: 895).

– Образность. Несмотря на то, что в перечне стилистических черт образность оговаривается отдельно как черта, свойственная гуманитарной ветви знания, мы придерживаемся другой точки зрения, полагая, что образность зависит не столько от принадлежности к гуманитарной области, в

отличие от технической, сколько от истории формирования научного стиля в рамках стиля художественного. Мы склонны полагать, что образность – это реликт художественного стиля, который используется в научных статьях исключительно как факультативная черта, связанная с образом автора научного текста, его стилевой манерой и эстетическими предпочтениями.

Обобщенность, подчеркнутую логичность, объективность, некатегоричность, доказательность, точность и ясность исследователи называют стилевыми доминантами научного стиля, отражающими «типичные, регулярно повторяющиеся и потому стандартизированные характеристики, общие для каждого научного текста» (Чернявская 2006: 278). Перечень данных доминант включается в полном или усеченном виде в различные учебные пособия и практикумы. Это представляется очень важным для обучения навыкам академического письма в любом национальном сообществе. Также эти знания помогают обучению русскому языку как иностранному, в том числе в Афганистане.

Литература

1. Григорьева О. Н. Стилистика русского языка. – М.: НВИ-ТЕЗАУРУС, 2000. – 160 с.
2. Головин Б. Н. Основы культуры речи: учебник для вузов. – М.: Высшая школа, 1988. – 319 с.
3. Колесникова Н. И. Что нужно знать о языке и стиле научных текстов // Высшее образование в России. – 2010. – № 3. – С. 130–137.
4. Костомаров В. Г. Наш язык в действии: очерки современной русской стилистики. – М.: Гардарики, 2005. – 287 с.
5. Культура русской речи / под ред. Л. К. Граудиной и Е. Н. Ширяева. – М.: Издательская группа НОРМА-ИНФРА, 1998. – 560 с.
6. Кутина Л. А. Формирование языка русской науки. – М.–Л.: Наука, 1964. – 219 с.
7. Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Большая российская энциклопедия, 2002. – 682 с.
8. Митрофанова О. Д. Язык научно-технической литературы. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1973. – 145 с.
9. Митрофанова О. Д. Научный стиль речи: проблемы обучения. – М.: Русский язык, 1985. – 199 с.
10. Очерки истории научного стиля русского литературного языка XVIII – XX вв. В 3 т. / под ред. М. Н. Кожинной. – Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 1996–1998.
11. Разинкина Н. М. О понятии стереотипности в языке научной литературы // Научная литература: язык, стиль, жанры. – М.: Наука, 1985. – С. 33–47.

12. Разинкина Н. М. Стилистика английского научного текста. – М.: Едиториал УРСС, 2005. – 210 с.
13. Словарь лингвистических терминов / под ред. О.С.Ахмановой. – М.: КомКнига, 2005. – С. 455.
14. Соколова Г. В. «Я» и «мы» для обозначения автора в русском научном тексте // Лингводидактический поиск на рубеже веков. – М.: Изд-во ИРЯ им. А. С. Пушкина, 2000. – С. 202–212.
15. Троянская Е. С. Научное произведение в оценке автора рецензии (к вопросу о специфике жанров научной литературы) // Научная литература. Язык, стиль, жанры. – М.: Наука, 1985. – С. 67–81.
16. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 696 с.
17. Наер В. Л. Прагматика научных текстов (вербальный и невербальный аспекты) // Функциональные стили. Лингвометодические аспекты. – М.: Наука, 1985. – С. 14–25.
18. Чернявская В. Е. Интерпретация научного текста. – М.: КомКнига, 2006. – 128 с.

СТИЛИСТИКА ЦЕРКОВНО-РЕЛИГИОЗНОЙ РЕЧИ

- ◆ Церковно-религиозная речь
- ◆ Высокий стиль
- ◆ Функциональный стиль – дискурс – межстиль
- ◆ Современное православное послание
- ◆ Речевой жанр
- ◆ Композиционно-коммуникативные особенности

Василий Павлович Москвин:

«Думается, что церковно-религиозная речь в таксономическом и функциональном отношении коррелирует именно с культовым языком, а не с каким бы то ни было отдельным стилем».

«За трактовкой церковно-религиозной речи не как тематически интенционального единства, представленного рядом функциональных стилей, а как функционального стиля стоит нежелательное сближение понятий 'дискурс' (религиозный, медицинский, торговый, военный, etc.) и 'функциональный стиль'».

«Можно было бы предположить, что церковно-религиозный стиль многостилен подобно публицистическому (что, казалось бы, дает дополнительный аргумент в пользу языковой реальности данного стиля), однако отнесение ЦР к разряду функциональных стилей затрудняется тем, что ЦР, как показано нами выше, сводится не к единой функции, а к единой теме.

Думается, что церковно-религиозную речь нельзя считать функциональным стилем ввиду: 1) отсутствия единой системообразующей функции, объединяющей все указанные нами стилевые воплощения церковно-религиозной речи; 2) монотематичности церковно-религиозной речи; 3) ее незначительной жанровой флуктуации».

Ван Цзясин, Ма На:

«В связи с кардинальным изменением отношений между церковью и государством, церковью и обществом, ростом роли церкви в современном российском обществе, религиозная сфера становится все более и более интегрированной в политическую и массмедийную сферу, жанровые характеристики посланий РПЦ, возникших на современном этапе, существенно меняются».

«Современное православное послание нами понимается как открытое письменное обращение иерарха церкви, адресованное воцерковленным(ому) или невоцерковленным(ому) лицам(у), имеющее характер наставления, воздействия, пропаганды и этикета. Включая в себя послание, поздравление, приветствие, соболезнование, обращение и заявление, оно выступает в современном православном дискурсивном пространстве как особое крупное жанровое образование, обладающее опорой на содержание текстов Священного Писания, разнообразной темой, многоликим образом автора и адресата, достаточно стабильной композицией, специфическими языковыми средствами, отражает черты церковно-религиозного стиля, является особым составом жанровой системы церковно-религиозного стиля современного литературного русского языка».

В. П. Москвин

(Волгоградский государственный социально-педагогический университет)

О МЕСТЕ ЦЕРКОВНО-РЕЛИГИОЗНОЙ РЕЧИ В СИСТЕМЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

Рассмотрены основные особенности церковно-религиозной речи; представлены факты, демонстрирующие ее межстилевой характер и доказывающие нецелесообразность ее отнесения к числу функциональных стилей.

Ключевые слова: стиль, стилистика, церковно-религиозная речь, дискурс.

Vasily P. Moskvin

(Volgograd State Socio-Pedagogical University)

ON THE PLACE OF CHURCH AND RELIGIOUS SPEECH IN THE SYSTEM OF RUSSIAN LANGUAGE

The principal peculiarities of church-religious speech are regarded; the data which demonstrate its cross-style character and inadvisability of its treatment as a functional style are presented.

Key words: style, stylistics, church-religious speech, discourse.

Нельзя не понять логику некоторых исследователей, прежде всего Л. П. Крысина (Крысин 1994: 69–79), указавшего на необходимость изучения данного непростого вопроса¹, а также О. А. Крыловой, В. А. Салимовского и др., представляющих церковно-религиозную речь (далее ЦР) в целом ряде обстоятельных описаний как единый объект изучения и обучения. В реальности феномена ЦР нет сомнений, вместе с тем: 1) данный объект не кажется однородным в функционально-стилистическом отношении; 2) неясен таксономический статус ЦР в системе современного русского литературного языка. При рассмотрении ЦР с этих двух точек зрения возникает немало вопросов.

1. Вопрос о соотношении ЦР и высокого стиля. В европейской филологической традиции на религию как один из наиболее мощных источников возвышенного в христианской культуре впервые указал британский критик и драматург Дж. Деннис (1658–1734), который ввел понятие религиозной возвышенности (religious sublime, religious sublimity); основу его концепции составил тезис о том, что «[...] the design of the Christian Religion is the very same with that of Poetry [...]» ‘у христианской религии и поэзии один механизм’ (Dennis 1704: 102, см. также обзор: Morris 1972: 14–78).

Тот факт, что ЦР обладает ярко выраженной интенцией к возвышению, до сих пор не получил объяснения. Нам видится две причины такой интенции:

1) ЦР либо обращена к Богу (Богородице, святому, ангелу-хранителю), либо связана по содержанию со словом Божиим; в первом случае тенденция к возвышению определяется фактором адресата (в молитве, исповеди), во втором – характером содержания (в проповеди, поучении, притче, житии);

2) высокий стиль отдаляет понятия от бытовой реальности и тем самым эстетически «рафинирует», очищает их от натуралистических, физиологических, бытовых и житейских деталей и ассоциаций. Типовыми приемами такого отдаления, а значит, и возвышения представляются:

¹ Историю и предысторию постановки данного вопроса освещает И. М. Гольберг (Гольдберг 2002: 4–8).

а) архаизация – замена нейтральной номинации устарелым словом: так, когда мы говорим *уста*, возникает «[...] поэтический образ, исключая натурализм и несопоставимый с “физиологическим” представлением о губах как продолжении слизистой оболочки рта» (Сапаров 1982: 87); здесь высокий стиль стремится отдалиться от реальности, заменяя *глаза – очами, лоб – челом*, ибо «[...] чело – это не часть черепа, а “вместитель мысли”, очи – это не орган зрения, а “зеркало души” [...]» (Реформатский 1996: 97), ср: *И он к устам моим приник, И вырвал грешный мой язык...* (А. С. Пушкин. Пророк);

б) метономазия – замена своих номинативных единиц чужими, прежде всего заимствованиями из культурно престижных языков: а) церковнославянского, ср. нейтр. *полюбить* и высок. *возлюбить*, нейтр. *город* и торж. *град*, нейтр. *говорить* и высок. *вещать*, нейтр. *оратор* и высок. *вития*; б) латыни, ср. нейтр. *множество* и высок. *легион*, нейтр. *группа* и торж. *когорта*. Древние языки, ассоциируемые с религиозными текстами, т. е. с «божественными персонажами и событиями», и в бытовой сфере неприменимые, именуют священными: таковы, в частности, язык Авесты, санскрит, а также языки Библии – иврит, древнегреческий, латынь и церковнославянский (vide, e.g.: Bennett 2018). Последние представляют собой не отдельные функциональные либо иные стили, а полистилевые культовые языки. Думается, что ЦР в таксономическом и функциональном отношении коррелирует именно с культовым языком, а не с каким бы то ни было отдельным стилем.

Активное использование архаизации и метономазии, а также некоторых иных приемов лежит в основе возвышенно-поэтического стиля, в греческой традиции именовавшегося кенологией [греч. *καινολογία* ‘странноречие’]. Эта номинативная техника возвышает предмет и, по определению И. Эрнести, которое находим в его обстоятельнейшем «Лексиконе технических средств греческой риторики», «[...] a vulgari et simplici dicendi ratione abhorret [...]» ‘отдаляет речь от примитивного плебейского языка’ (Ernesti 1795: 165), ср. у Дионисия Галикарнасского: «[...] καὶ τῆ ἄλλῃ καινολογία καταπληττόμενοι τὸν

ιδιώτην [...]» ‘от низкого языка простолюди-на’ (Dionysii 1775: 458).

Л. П. Крысин (Крысин 2007: 15) также сближает ЦР с высоким стилем; В. А. Салимовский, называя в качестве «конструктивного принципа» ЦР «особую содержательно-смысловую и собственно речевую организацию текстов, назначение которой состоит в содействии единению человеческой души с Богом», понимает под такой организацией прежде всего «архаически-возвышенную тональность речи», которую он считает «важнейшей стилиевой чертой» ЦР (Кожина et al. 2010: 414–415). Определение, предложенное В. А. Салимовским, требует некоторых уточнений, в частности:

а) функциональный конкретизатор *единение человеческой души с Богом* (словом *Божьим*, учением *Иисуса* как темой проповеди, поучения, притчи, жития? или *Богом* как адресатом молитвы, исповеди?) лишен однозначности, что вступает в конфликт с правилами составления логической дефиниции²;

б) едва ли «единение души с Богом» может составить цель всех жанров ЦР, тут видится *saltus in concludendo*: так, молитва бывает обращена не только к Богу, но и к Богородице, к святому, к ангелу-хранителю.

Типовое утверждение о возвышенности как черте ЦР, например об «особой благоговейной тональности, являющейся доминантной характерологической чертой религиозного стиля» (Ицкович 2016: 88), выглядит слишком жестким; точнее было бы констатировать общую интенцию ЦР к возвышению, поскольку ЦР использует не только тактику возвышения стиля, но и фигуру батоса (прием резкого снижения), а также средний стиль, ср.: *После того дом у меня он отнял, а меня выгнал, всего ограбив, и на дороге хлеба не дал. А в то время родился сын мой Прокопий, что ныне сидит с матерью и с братом в земле закопан. И я, взяв клюку, а мать – некрещеного младенца, пошли с бра-*

тьями и домочадцами, куда Бог наставит [...] (Житие протопопа Аввакума, им самим написанное).

Под «архаически-возвышенной» (В. А. Салимовский), или «благоговейной тональностью» (Т. В. Ицкович) ЦР явно имеется в виду *возвышенность* стиля; между тем это качество речи относится не к функциональным, а к тематическим (Москвин 2017) стилям, т. е. к парадигме «высокий стиль – средний – сниженный»; с учетом данного вполне очевидного факта присоединение ЦР к традиционной пятичленной парадигме функциональных стилей оказывается лишенным единого логического основания.

2. Вопрос о функционально-стилевой принадлежности проповеди. В составе ЦР «выделяются такие речевые жанры, как поучение, молитва, притча, исповедь, проповедь» (Крысин 2007: 15; ср.: Крысин 1996: 135–138), при этом последний жанр считается ядерным для ЦР, отсюда одно из названий данного стиля: *религиозно-проповеднический стиль* (Крысин 1994: 70). Сфера использования проповеди – публичная коммуникация, функция – инфлюативная, связанная с воздействием на убеждения и ценностные ориентиры аудитории, а значит, с наставлением, поучением, дидактизмом.

Проповедь предполагает контакт с аудиторией, а также желание адресанта «сделать речь живой, а общение с паствой непринужденным» (Крылова 2005: 12), отсюда случаи применения сниженной, разговорной лексики, ср.:

Во имя Отца и Сына и Святого Духа!

Ночь, темнота, вокруг тишина. Земля спит под снежным убором, и стужа, холод зимний сковали жизнь. Эта ночь и эта зима являются собой символ. Человечество в лице первого человека и в лице всех нас с вами выбрало путь в никуда. И, засучиваясь, галопом и с гиком бежит в это бездонное никуда. Господь сотворил человека и жизнь. Бог не творил греха и смерти. Смерти не существует. Есть Бог, есть жизнь, есть радость, есть любовь. Но когда Адам избрал путь не с Богом, он не обрел смерть, он не обрел погибель, он не обрел бесцелие, бессмыслицу, он обрел нечто более худшее. Бог не творил

² В таком (логически безупречном) определении назначение ЦР практически полностью совпадает с содержанием теософии, ср.: «Теософия – религиозно-мистическое учение Е. П. Блаватской и её последователей о единении человеческой души с божеством [курсив наш. – В. М.]» (Алексеев et al. 2006: 34–35).

смерть, но человек, отказавшись от Бога, источника жизни, впал в нежизнь. **Эх, умереть бы, вот была бы радость! Сдохнуть раз и навсегда, отмучиться от всего.** Но не получится, нет возможности. Господь сотворил нас бессмертными, и, отрекаясь от Бога, мы впадаем в нежизнь (Протоиерей Владимир Головин. Проповедь «Рождество Христово»).

Однако снижающие средства, в частности батос, вступают в конфликт с интенцией ЦР к возвышению, а потому если и приемлемы здесь, то лишь на правах отдельных вкраплений; с учетом данного факта трудно принять утверждение о том, что для проповеди характерна «[у]становка на устность, разговорность [курсив наш. – В. М.]» (Истормина 2013: 14).

Проповедь как инфлюативный жанр используется в двух функциях, определяющих ее стилевой характер.

1) Первая функция – разъяснение религиозно-философских, моральных истин, т. е. основ христианского вероучения. Такую проповедь именуют учительной, или богословской (см., например: Айснер 2010: 14 и 15). По нашим наблюдениям, проповедь данного функционального типа нередко принимает очертания богословского, а значит, научного в своей функционально-стилевой основе дискурса. Традиция приближения языка проповеди к научному восходит в европейской теологии к трудам немецкого богослова XII–XIII вв. И. Экхарта (Eckehart 2016: 32; cf. Broadus 2000: XIV). В этом случае проповедь может строиться по законам научного текста, т. е.:

а) с использованием научной, в частности богословской терминологии: *мученик, праведник, спасение, промысл Божий, Воплощение Сына Божия* (Звездин 2011: 264–265; ср. Иеромонах Афанасий 2016: 12–13);

б) с приведением фактов, подтверждающих выдвигаемый тезис;

в) с активной аргументацией к авторитету (vide, e.g.: Прохвятилова 2000: 43; Савин 2009: 21), что влечет обильное цитирование:

Сам Господь во Святом Евангелии неоднократно уверяет нас в бытии будущей загробной жизни: «Истинно, истинно говорю вам: наступает время, ... когда мертвые услышат глас Сына Божия и, услышав, оживут ...

и изыдут творившие добро в воскресение жизни, а делавшие зло – в воскресение осуждения» (Ин. 5, 25, 29). Святые Апостолы, имея твердую веру в будущую жизнь, все свои послания основывали на этой незыблемой вере. Святой Апостол Павел глаголал: «Как в Адаме все умирают, так во Христе все оживут... как мы носили образ перстного [Адама], будем носить и образ небесного [Адама] (Христа)» (1 Кор. 15, 22, 49). Наконец, есть и опытное доказательство действительного существования будущей жизни – явление душ умерших (Архимандрит Кирилл Павлов. Проповедь «О достоверности будущей вечной загробной жизни»).

Для проповедей данного типа характерна такая яркая черта научного стиля, как использование: а) описательных предикатов: *совершать молитву* (ср. *молиться*), *создать исцеление* (ср. *исцелить*); б) полипропозитивных конструкций. Активность описательных предикатов и полипропозитивных сверток – одна из причин: а) именно характера специальной речи, т. е. высокого удельного веса отглагольных имен существительных; б) активизации категории среднего рода; в) экспансии формы родительного падежа: *бытие будущей загробной жизни, существование будущей жизни, явление душ умерших*. Как и для научной речи, для проповеди этого типа характерно внимание к строгой доказательности утверждений, а значит, к причинно-следственным связям, к закономерностям исследуемого предмета:

Не могут не обратить на себя нашего внимания слова из прочитанного Евангелия, сказанные Господом исцеленному расслабленному: «Вот, ты выздоровел; не греши больше, чтобы не случилось с тобою чего хуже» (Ин. 5:14). Из этих слов видно, что между болезнью и грехом существует самая наитеснейшая связь. Пока первые люди не согрешили, до тех пор они были здоровы и телом и душой. А после того, как не смогли уберечь себя от греха, – вслед за грехом последовали и болезни. Это явление повторяется и сейчас, и закон этой зависимости будет в силе до скончания века. Всякое нарушение закона, как в области телесной, так и в области нравственной, влечет за собой расстройство природы нашей и непременно

сопровождается болезнями. А *посему*, зная эту истину, будем всемерно избегать греха как *причины* разрушения нашей душевной и телесной природы (Архимандрит Кирилл Павлов. Проповедь «О терпении»).

Некоторые исследователи (Мишланов, Худякова 2008) пытаются обосновать «невозможность отнесения богословских текстов к научному стилю» (хотя предварительно следовало бы доказать тот едва ли доказуемый тезис, что теология не является наукой). Приводятся, в частности, следующие доводы: 1) «[И]спользование в качестве доказательства [...] авторитетных текстов». Однако аргументация к авторитету в научном дискурсе практикуется традиционно. 2) «[Д]екларативность, аксиоматичность утверждений, восходящих к церковным догматам». Но аксиоматические и догматические утверждения характерны и для научной речи. 3) «В научном тексте [в отличие от богословского. – В. М.] диалогичность эксплицитно включает только отношения автора и читателя внутри научного сообщества». Однако для выведения этих отношений за пределы научного сообщества предназначен, как известно, научно-популярный стиль.

В специальной литературе неоднократно отмечался тот факт, что «строго научный стиль (rigorously scientific style)» делает проповедь малопонятной для большей части аудитории (см., например: Broadus 2000: 8), отсюда стремление к упрощению ЦР. Оптимальной для популярного преподнесения религиозных истин и внедрения их в общественное сознание оказались:

а) семантически непрямая, образная, зачастую аллегорическая проза:

Сколько семян упало напрасно! Сколько было задушено бурьяном, сколько семян оказалось без корня! И только одно выросло на доброй почве и дало плод. Что это значит? Это значит, что Слово Божие, Дух Божий, сила Таинств, которые дает нам Церковь, – все это может оказаться напрасным и бесплодным. Потому что участь Божьего семени зависит также от того, на какую почву оно упало. Как бы ни была велика сила Слова Божьего, Его спасающей благодати, если мы с вами, наше сердце, наша душа, вся наша жизнь не будут готовы принять этот Бо-

жественный дар – все окажется бесполезным (Протоиерей А. Мень. Проповеди по евангельским чтениям);

б) стихотворная форма изложения, которая легла в основу кондака – «развернутой богословской поэмы-проповеди» (Владышевская 2006: 354), раскрывающей суть определенного церковного праздника (таков, например, кондак на Рождество Богородицы, написанный Романом Сладкопевцем).

Обе формы приближают текст богословской («учительной») проповеди к художественной речи. В этой связи вполне приемлема мысль о том, что «[...] художественная форма [...] более близка малограмотной народной аудитории, чем речи традиционных клириков» (Эркинов 2016: 775).

2) Вторая функция проповеди – агитация и пропаганда³. Проповедь, используемая в данной функции, обретает свойства публицистического текста:

Аще тако о высокой державе от Бога нам заповедуется, то каковыя вины извинят нас, аще кто державе не повинится дерзнет! И аще противится Богу самому противляйся властем строптивым и Бога не знающим, то кое воздадим слово, непросто противляющися, но и большее держающе на монарха благоверного и толико Россию пользовавшаго, яко от начала государства Всероссийского, елика могут обрестися истории, сему равного не покажут. Ибо понеже на двоих сих вся государская должность висит, на гражданском, глаголю, и воинском деле (Феофан Прокопович. Проповедь «Слово о власти и чести царской»).

Такую проповедь именуют публицистической. При анализе процесса становления публицистического стиля Нового времени подмечено следующее: «Духовная проповедь начала XVIII в. прониклась злобой дня, превратившись по существу в публицистический литературный жанр [...]» (Шарыпкин 1980: 39). Эту же «злобу дня» нередко наблюдаем и в современной проповеди:

Греческое слово «кризис» на русский язык переводится как «суд». Всякий кризис в жизни есть суд Божий, а суд Божий отделяет

³ В этом плане справедливо отмечается «социально-политическая функция» проповеди (Айснер 2010: 6).

правду ото лжи, суд Божий обнажает человеческую неправду. И если сегодня экономический кризис, значит, этот суд обнаруживает некую глобальную человеческую неправду. Кризис начался не в нашей стране, мы сейчас только чувствуем его холодное прикосновение, но, тем не менее, должны знать, что это суд Божий над человеческой неправдой, над алчностью, над непомерным желанием иметь как можно больше, над потерей контроля над своим потреблением, суд над стремлением богатеть любыми средствами, забывая, что подлинные ценности, в том числе и деньги, есть результат человеческого труда, а не финансовых схем и операций (Митрополит Кирилл Гундяев. Рождественская проповедь. 7.01.2009).

В классификациях проповедей (Прохватилова 2000: 33–35; Звездин 2012: 10–13) названный нами функциональный параметр не применяется, между тем факты свидетельствуют о том, что проповедь полифункциональна, именно поэтому она, в зависимости от интенций адресанта, может приближаться к сферам действия: а) научного, б) художественного, в) публицистического стилей. Ограничение стиля проповеди «художественной формой» упускает из вида более чем очевидный факт ее разностильности, ограничение функций проповеди «пояснением [...] богословских понятий и законов духовной жизни» (Сибирева 2008: 4) оставляет без внимания вторую ее функцию.

3. Соотношение ЦР и публицистического стиля. Существует мнение, согласно которому церковно-религиозный стиль «близок к публицистическому стилю, т. к. в нем язык используется в своей агитационной функции [...], однако, в отличие от публицистики, здесь используются [...] слова и выражения, принадлежащие высокому стилю» (Крысин 2007: 15). Вместе с тем: а) публицистический, в частности ораторский характер может приобретать проповедь, но едва ли молитва, притча, исповедь; б) публицистическому стилю отнюдь не чужды моменты возвышения, ср.:

Товарищи красноармейцы и краснофлотцы, командиры и политработники, партизаны и партизанки! На вас смотрит весь мир

как на силу, способную уничтожить грабительские полчища немецких захватчиков. На вас смотрят порабощенные народы Европы, подпавшие под иго немецких захватчиков, как на своих освободителей. Великая освободительная миссия выпала на вашу долю. Будьте же достойными этой миссии! Война, которую вы ведете, есть война освободительная, война справедливая. Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков – Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова! Пусть осенит вас победоносное знамя великого Ленина!

*За полный разгром немецких захватчиков!
Смерть немецким оккупантам!*

Да здравствует наша славная Родина, ее свобода, ее независимость!

Под знаменем Ленина – вперед, к победе! (Речь И. В. Сталина на Красной площади. 7.11.1941).

Приподнятый характер данного образца ораторской речи определяется: а) пространностью периодов⁴, усиленной попарным перечислением (на этой фигуре основано здесь обращение) и гипозевсисом (лексико-синтаксическим параллелизмом), что создает основу для синтаксической ритмизации⁵; б) эксплуатацией торжественных выражений: *миссия, великий, победоносный, на вас смотрит весь мир, да здравствует, под знаменем Ленина*.

4. Отношение ЦР к художественному стилю. Жанром ЦР считается житие (Грекова 2014)⁶, между тем еще В. О. Ключевский

⁴ Правило, сформулированное Деметрием Фалерским, гласит: «Речь о предметах величественных требует удлинения колонов», и наоборот: «краткие колоны к предметам мелким применимы» (Δημητρίου 1743: 7).

⁵ Данный тип ритмизации рассмотрен в монографии (Москвин 2019).

⁶ Заметим, что при этом автор говорит о происшедшем в древнерусской агиографии «поиске выразительных художественных средств, которые могли бы адекватно и наиболее полно отразить динамику и экспрессию человеческой жизни» (с. 107), о «художественном мире жизнеописания» (с. 179), констатируя, что в настоящее время жанр жития «характеризуется тягой к беллетристичности» (с. 125).

(1959: 73) отметил, что «[ж]ития древнерусских святых по своей литературной форме, установившейся к XVI в., могут быть причислены к художественным назидательным произведениям древнерусской литературы»; В. В. Виноградов (1978: 112) указывает на то, что «[...] специфические свойства художественности речи обнаруживаются в таких жанрах, как жития святых [...]». Чтобы убедиться в справедливости данного мнения, рассмотрим следующий текст:

Мать Матроны решила отдать будущего ребенка в приют кн. Голицына в соседнее село Бучалки, но увидела вещей сон. Еще не родившаяся дочь явилась Наталии во сне в виде белой птицы с человеческим лицом и закрытыми глазами и села ей на правую руку. Приняв сон за знамение, богобоязненная женщина отказалась от мысли отдать ребенка в приют (Житие блаженной Матроны Московской).

В основе данного текста, равно как и любого иного жития, лежит художественная дескрипция – фигура описания объекта (в данном случае – событийной цепочки) «путем перечисления реальных или выдуманных наблюдаемых [курсив наш. – В. М.] деталей» (Lausberg 1998: 359). С помощью слов дескриптивной, т. е. «наблюдаемой», изобразительной, в частности конкретной семантики создаются художественные образы. Дескрипции сравнивают с *картинами*, писателя называют *художником слова*; эта же метафора лежит в основе терминов *художественная литература* и *художественная речь*; именно последняя наиболее ярко реализует изобразительную функцию языка. Эти же типовые свойства наблюдаем и в притче, представляющей собой аллегорическую, т. е. семантически двуплановую дескрипцию события.

Если обратиться к рассмотрению стилового характера молитвы, то оказывается, что она: а) тяготеет к высокому стилю, поскольку обращена к Богу или святому; б) бывает эстетична по своей форме, регулярно использует изобразительные средства, что сближает ее с художественной речью:

О, Господень Великий Архангеле Михаиле! Демонов сокрушителю, запрети всем врагам, борющимся со мною, и сотвори их яко

овцы, и смири их злобные сердца, и сокруши их яко прах перед лицом ветра.

О, Господень Великий Архангеле Михаиле! Архистратиже, шестокрылый первый княже, воевода Небесных Сил – Херувим и Seraфим и всех святых.

О, Угодный Михаиле Архангеле! Хранителю неизреченный, буди нам великий помощник во всех бедах, скорбях, в печалях, в пустынях, на распутьях, на реках и на морях тихое пристанище. <...> (Молитва Архангелу Михаилу).

Декоративность и изобразительность здесь создают: а) эпитеты (*шестокрылый, тихое*); б) перифразы (*демонов сокрушителью, воевода Небесных Сил*); в) образные метафоры (*перед лицом ветра, тихое пристанище*); г) сравнения (*яко овцы, яко прах*). Эстетичность формы, в частности ритмичность, обеспечивают: а) изóколон – нагнетание соразмерных по длине синтаксических единиц; б) гипозевксис в сочетании с библейским по своему происхождению, а значит, торжественным по своей тональности полисиндетоном на «и» (*и сотвори их яко овцы, и смири их злобные сердца, и сокруши их яко прах*); в) синтаксическая анафора (за счет повтора обращения); г) хиазм (*Архангеле Михаиле – Михаиле Архангеле*). Известно, что для молитвы характерен монотонный гипнотический ритм, нередко сквозной (Swartz 1992: 6 & 207)⁷. Тот факт, что молитва ритмически интенциональна, подтверждается существованием: а) тропарей – кратких молитвенных песнопений (например, «Свете тихий»); б) жанра стихотворной молитвы, который, по наблюдениям специалистов, активно использовался в русской поэзии XVIII–XX вв. (Перевалова 2015: 5).

5. Отношение ЦР к официально-деловому стилю. Рассмотрим фрагмент текста, принадлежащего жанру монастырского устава:

В случае отлучки, болезни или смерти Настоятеля во временное отправление его обязанностей вступает Казначей монастыря, получающий в таких случаях наименование Заместителя Настоятеля монастыря.

⁷ Эта особенность звучания характерна и для православной молитвы (Прохватилова 2000: 12).

В. А. Мишланов и Е. С. Худякова (2008) видят здесь «церковно-религиозный стиль», однако в данном примере налицо такие характерные приметы специальной речи, как использование: а) полипропозитивных структур *в случае отлучки Настоятеля* (ср. *в случае, если Настоятель отлучится*); б) описательных предикатов *получить наименование Заместителя* (ср. *наименоваться Заместителем*). Эти же приметы наблюдаем, к примеру, и в «Уставе караульной и гарнизонной служб вооруженных сил РФ», ср.:

Все военнослужащие во время нахождения в отпуске или в командировке обязаны иметь отпускной билет или командировочное удостоверение при себе и предъявлять его по требованию начальников и старших. В случае перемены адреса, получения разрешения на продление отпуска или срока командировки, болезни или по другим причинам, задерживающим своевременный выезд, военнослужащие должны немедленно сообщать об этом дежурному по военной комендатуре или в военный комиссариат или органы государственной власти и органы местного самоуправления (где встали на учет).

С этой точки зрения трактовка монастырского устава как принадлежащего «церковно-религиозному стилю» (Мишланов, Худякова 2008) не выглядит убедительно; здесь видится смешение понятий официально-делового стиля и всевозможных его тематических применений. В равной мере на том лишь основании, что в языке военных есть определенные лексико-тематические и некоторые иные особенности (например, эктасис, внутрисловная пауза и слоговая парцелляция при оформлении команд: *На[е:] - во! Кр[у:] - гом!*), едва ли стоит говорить о «военном стиле изложения» (Дормидонтов et al. 1972: 16). В. А. Мишланов указывает на «формы, имеющие хождение лишь внутри церковно-религиозного стиля» (*в случае нужды, по опытности и благочестию*) (Мишланов, Худякова 2008), но такие «формы» регулярно встречаются и в официально-деловом стиле: а) [...] *с коими в случае нужды можете соединиться или испросить себе подкрепление* (М. И. Кутузов. Сборник документов и материалов); б) *пенсия по старости, по выслуге лет, по инвалидности*. Е. С. Худякова (Худякова 2009: 12) относит к сфере ЦР «[...]

жанры церковного права (правоустанавливающие жанры, например, устав, протокол, отчет, решение, распоряжение и др.), жанры богословия (жанры утверждения вероучения и выработки его категорий, например, статья, монография, лекция и др.) [...]». Думается, абсолютно прав был А. Д. Шмелев (Шмелев 2007: 614), отмечая, что «богословские трактаты принято писать научным стилем», «бытовой разговор на религиозную тему ведется в значительной мере средствами разговорной речи», а для «официальной документации церковного прихода» характерен официально-деловой стиль.

6. Вопрос о системообразующей функции ЦР. Для выделения функциональных стилей принято использовать два основания: а) сферу применения (коррелирующую с определенной формой общественного сознания); б) функцию. По мысли О. А. Крыловой (Крылова 2001: 268), сфера применения ЦР – «церковная деятельность», соответствующая форма общественного сознания – религия. Если полагать, что функцией ЦР является религиозно-просветительское, религиозно-пропагандистское и воспитательно-дидактическое воздействие (Крылова 2003: 614), то окажется, что к сфере ЦР нельзя отнести молитву, поскольку она, по верной оценке А. Д. Шмелева (Шмелев 2007: 613), «обладает совсем иным иллюкутивным потенциалом». Л. П. Крысин (Крысин 2007: 15) считает, что ЦР используется «в агитационной функции», но с этой функцией не связаны ни молитва, ни притча, ни тем более исповедь.

Некоторые трактовки церковного стиля не указывают его функцию, ср.:

1) «**Церковный** стиль – это функциональный стиль современного русского литературного языка, закрепившийся в **церковной** сфере, представленный текстами в письменной и устной формах, которые характеризуются особым отбором и сочетанием языковых средств» (Бугаева 2005: 6). Если заменить здесь слово *церковный* на: а) *военный* (*медицинский, химический, астрономический* и т. д.); б) *официально-деловой* (*научный, медийный, художественный, разговорно-бытовой*), то мы убедимся в том, что данное (явно тавтологическое, idem

per idem) определение, ввиду отсутствия в нем функционального конкретизатора, окажется применимо не только к любому подъязыку специальной речи, но и к любому к функциональному стилю.

2) «Имеет смысл говорить о духовной речи как особом функциональном стиле русского литературного языка, лингвистическое отличие которого от других функциональных стилей, основанных только на современном русском языке, состоит в **синтезе церковнославянской и русской речи**» (Волков 2001: 287–288; ср.: Прохвятилова 2000: 4; Лопушанская 1997: 6–17). Однако результат такого синтеза представляет собой, как известно, современный русский литературный язык в целом⁸, в частности высокий стиль, именно поэтому мы говорим, что, к примеру, стихотворение «Пророк» А. С. Пушкина написано высоким, а не «церковно-религиозным» или «духовным» стилем.

7. Соотношение ЦР и публичной речи.

О. А. Крылова (Крылова 2006: 184 и 191) называет среди жанров ЦР проповедь, церковное послание, надгробное слово, исповедь, а далее указывает на такую черту данного стиля, как «обращенность к массовому адресату». Однако исповедь обращена не к «массовому адресату», а к Богу, свидетелем же исповеди выступает лишь священник; едва ли к «массовому адресату» (*horribile dictu!*) обращено и надгробное слово.

О. А. Крыловой принадлежит и утверждение, согласно которому «тексты, выдержанные в церковно-религиозном стиле, обращены к массовой аудитории, следовательно, представляют собой *публичную* [здесь и далее курсив наш. – В. М.] официальную речь, а *потому* церковно-религиозный стиль является книжным *функциональным стилем* кодифицированного литературного языка» (Крылова 2006: 614–615). Но из того факта, что ЦР в ряде ее жанров публична, не вытекает (*non sequitur*) то, что она является «функциональным стилем», ибо в функциональном отно-

⁸ Cf., e.g.: «Новый литературный язык, предусматривая синтез церковнославянской и русской грамматической структуры, тем более предусматривал синтез церковнославянского и русского словарного материала [...]» (Живов 1996: 290).

шении публичная речь, как известно, многостильна, т. е. может быть: а) научной, например лекция как жанр академического красноречия; б) официально-деловой, в частности судебной, например защитительная речь как жанр судебного красноречия; в) публицистической, например программа М. Леонтьева «Однако» или политическая передача «Вечер с Владимиром Соловьевым».

8. Соотношение понятий ‘ЦР’, ‘дискурс’ и ‘функциональный стиль’.

М. Н. Кожина полагает, что понятия дискурса и функционального стиля «очень близки между собой», отмечая, что «постепенно происходит их сближение, иногда говорят о синонимичности этих направлений», а также указывая, со ссылкой на цитируемую ниже статью Ю. С. Степанова, на то, что «введение термина-понятия *дискурс* [в начале 70-х гг. – В. М.] было связано с необходимостью заполнить отсутствие в англо-саксонской традиции понятия “функциональный стиль”» (Кожина et al. 2010: 191 и 200). Нельзя, однако, не согласиться с мыслью о том, что в современной российской науке о языке «дискурс не может быть сведен к стилю» (Степанов 1995: 41), поскольку, если понимать под семантически диффузным термином *дискурс* конситуативно⁹ и тематически¹⁰ охарактеризованную

⁹ С этой точки зрения дискурс трактуется как «[...] связанный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами [...]»; как «речь, “погружённая в жизнь”» (Арутюнова 1990: 136 и 137), ср.: «Дискурс (в широком смысле) есть коммуникативное событие, происходящее между говорящим, слушающим (наблюдателем и др.) в процессе коммуникативного действия в определённом временном, пространственном и проч. контексте» (Ван Дейк: 46).

¹⁰ Ср. франц. *discours* ‘рассуждение < на определённую тему >’. Данное понимание указанного термина восходит к средневековой научной традиции; приведём в этой связи типовые наименования научных трактатов этой и более поздних эпох: «Discours des presages et miracles» ‘Рассуждение о предзнаменованиях и чудесах’, «Discours sur le bannissement de la guerre civile» ‘Рассуждение об искоренении гражданской войны’, «Discours de la methode» ‘Рассуждение о методе’, «Discours sur le luxe» ‘Рассуждение о свете’, etc.

речь, «функциональное единство и тематическое единство – это совсем не одно и то же» (Шмелев 2007: 613).

Думается, что за трактовкой ЦР не как тематически интенционального единства, представленного рядом функциональных стилей, а как функционального стиля стоит нежелательное сближение понятий ‘дискурс’ (религиозный, медицинский, торговый, военный, etc.) и ‘функциональный стиль’.

Приведенные нами факты и доводы говорят о том, что постулировать функционально-стилевой статус ЦР преждевременно. Прислушаемся в этой связи к мнению Н. И. Клушиной (Клушина 2011: 25–27): «Поскольку речевая практика все время развивается, постольку функциональную стилистику все время пытаются реформировать, добавляя в нее все новые и новые стили. <...>

На наш взгляд, функциональная стилистика (какой она сложилась в русской научной традиции) не нуждается ни в реформировании, ни в какой-либо модернизации».

Можно было бы предположить, что церковно-религиозный стиль многостилен подобно публицистическому (что, казалось бы, дает дополнительный аргумент в пользу языковой реальности данного стиля), однако отнесение ЦР к разряду функциональных стилей затрудняется тем, что ЦР, как показано нами выше, сводится не к единой функции, а к единой теме.

Думается, что ЦР нельзя считать функциональным стилем ввиду: 1) отсутствия единой системообразующей функции, объединяющей все указанные нами стилевые воплощения ЦР; 2) монотематичности ЦР; 3) ее незначительной жанровой флуктуации¹¹.

Литература

1. Айснер Л. Ю. Православная проповедь как феномен русской культуры: история и современность: автореф. дисс. ... канд. культурологии. – Красноярск, 2010. – 24 с.
2. Алексеев А. П., Васильев Г. Г., Воробей Ю. Д. и др. Краткий философский словарь / под ред. А. П. Алексеева. – М.: Проспект, 2006. – 492 с.
3. Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 136–137.
4. Бугаева И. В. Стилистические особенности и жанры религиозной сферы // Стилистика текста. – Нижний Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2005. – С. 3–11.
5. Ван Дейк Т. А. Язык. Познание. Коммуникация. – М.: Прогресс, 1989. – 312 с.
6. Виноградов В. В. История русского литературного языка. – М.: Наука, 1978. – 320 с.
7. Владышевская Т. Ф. Музыкальная культура Древней Руси. – М.: Знак, 2006. – 472 с.
8. Волков А. А. Курс русской риторики. – М.: Изд-во храма св. муч. Татианы, 2001. – 336 с.
9. Гольберг И. М. Религиозно-проповеднический стиль современного русского литературного языка. Моральные концепты: дисс. ... канд. филол. наук. – М., 2002. – 16 с.
10. Грекова И. В. Эволюция агиографического жанра в функционально-стилистическом аспекте: дисс. ... канд. филол. наук. – Бийск, 2014. – 22 с.
11. Дормидонтов А. А., Нелюбин Л. Л., Васильченко А. А. Учебник военного перевода. – М.: Воениздат, 1972. – 601 с.
12. Живов В. М. Язык и культура в России XVIII века. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 591 с.

¹¹ На незначительное число жанров как причину, затрудняющую отнесение ЦР к разряду функциональных стилей, указала проф. Т. Н. Колокольцева в беседе с автором настоящей статьи.

13. Звездин Д. А. Православная проповедь как жанр церковно-религиозного стиля современного русского литературного языка: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Челябинск, 2012. – 20 с.
14. Звездин Д. А. Церковнославянская лексика и фразеология православной проповеди: лексикографический аспект (на примере «Слов» архимандрита Кирилла (Павлова) // Проблемы истории, филологии, культуры. – М. et al., 2011. – № 3(331). – С. 463–468.
15. Иеромонах Афанасий (Иванов). Стилистические и риторические приемы проповедей святителя Иннокентия (Борисова): автореф. дисс. ... канд. богословия. – Сергиев Посад, 2016. – 22 с.
16. Истомина И. А. Современная православная проповедь: дисс. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2013. – 24 с.
17. Ицкович Т. В. Религиозный функциональный стиль в жанровом аспекте: к постановке проблемы // Жанры речи. – 2016. – №1. – С. 87–93.
18. Ключевский В. О. Курс лекций по источниковедению // Ключевский В. О. Сочинения. В 8 т. – Т. 6. – Специальные курсы. – М.: Госполитиздат, 1959. – С. 5–128.
19. Кожина М. Н., Дускаева Л. Р., Салимовский В. А. Стилистика русского языка. – М.: Флинта: Наука, 2010. – 464 с.
20. Клушина Н. И. От стиля к дискурсу: новый поворот в лингвистике // Язык, коммуникация и социальная среда. – Вып. 9. – Воронеж, 2011. – С. 26–33.
21. Крылова И. А. Современная православная проповедь в функционально-стилистическом аспекте: дисс. ... канд. филол. наук. – СПб., 2005. – 227 с.
22. Крылова О. А. Лингвистическая стилистика. Кн. 1. Теория. – М.: Высшая школа, 2006. – 313 с.
23. Крылова О. А. Церковно-религиозный стиль // Стилистический энциклопедический словарь. – М., 2003. – С. 612–616.
24. Крылова О. А. Можно ли считать церковно-религиозный стиль современного русского литературного языка разновидностью газетно-публицистического? // Стереотипность и творчество в тексте. – Пермь: Пермский государственный ун-т, 2001. – С. 259–270.
25. Крысин Л. П. Современный русский язык: лексическая семантика, лексикология, фразеология, лексикография. – М.: Академия, 2007. – 240 с.
26. Крысин Л. П. Религиозно-проповеднический стиль и его место в функционально-стилистической парадигме современного русского литературного языка // Поэтика. Стилистика. Язык и культура: Памяти Т. Г. Винокур. – М.: Наука, 1996. – С. 135–138.
27. Крысин Л. П. Об одной лакуне в системе функциональных стилей современного русского языка // Русский язык в школе. – 1994. – № 3. – С. 69–79.
28. Лопушанская С. П. Разграничение старославянского и русского староцерковнославянского языков // Вестник Волгоградского гос. ун-та. – Сер. 2. Филология. – Вып. 2. – Волгоград, 1997. – С. 6–17.
29. Мишланов В. А., Худякова Е. С. О жанровой специфике текстов церковно-религиозного стиля // Филологические заметки. – Т. 2. – Пермь, 2008. URL: <http://elibrary.ru/download/45727212.pdf>
30. Москвин В. П. Ритм и язык. – М.: Флинта, 2019. – 328 с.
31. Москвин В. П. О приемах возвышения стиля в русском языке // Russian Linguistics. – Vol. 41. – 2017. – № 3. – С. 283–315.
32. Перевалова О. А. Стихотворная молитва в русской поэзии XIX века: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2015. – 28 с.
33. Прохватилова О. А. Речевая организация звучащей православной проповеди и молитвы: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. – М., 2000. – 46 с.
34. Реформатский А. А. Введение в языковедение. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 536 с.
35. Савин Г. А. Коммуникативные стратегии и тактики в речевом жанре современной православной проповеди: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М., 2009. – 26 с.

36. Сапаров М. А. Словесный образ и зримое изображение (живопись – фотография – слово) // Литература и живопись. – Л.: Наука, 1982. – С. 66–92.
37. Сибирева М. В. Проповедь митрополита Филарета (Дроздова) в русской литературе: проблемы жанра и стиля: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М., 2008. – 25 с.
38. Степанов Ю. С. Альтернативный мир, дискурс, факт и принцип причинности // Язык и наука конца XX века. Сб. статей. – М.: Изд. центр РГГУ, 1995. – С. 35–73.
39. Худякова Е. С. Социальная обусловленность системы жанров и жанровой компетенции в церковно-религиозной сфере: на примере текстов Русской Православной Церкви и Украинской Православной Церкви Московского Патриархата: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Пермь, 2009. – 19 с.
40. Шарыпкин Д. М. Скандинавская литература в России. – Л.: Наука, 1980. – 320 с.
41. Шмелев А. Д. Языковые особенности различных видов религиозного дискурса // Язык в движении. К 70-летию Л. П. Крысина. – М.: Языки славянской культуры, 2007. – С. 612–621.
42. Эркинов А. С. Исламский институт маддахов-проповедников в Туркестанском крае: идеологизация русской администрацией репертуара их проповедей // *Ars Islamica*. В честь Станислава Михайловича Прозорова. – М.: Наука, 2016. – С. 746–797.
43. Bennett V. P. *Sacred languages of the world*. – Oxford: John Wiley & Sons, 2018. – 240 p.
44. Broadus W. A. *On the preparation and delivery of sermons*. – Mulberry: Sovereign Grace Publishers, 2000. – 227 p.
45. Δημητρίου Φαληρέως Περί Ἑρμηνείας. – Glasgae: Ex officina Roberti Foulis, 1743. – 197 p.
46. Dennis J. *The grounds of criticism in poetry*. – London: Printed for Geo. Straban, 1704. – 127 p.
47. Dionysii Halicarnassensis *De Lysia iudicium* // *Dionysii Halicarnassensis Operum volumen quintum*. – Lipsiae: Impensis Gotth. Theoph. Georgi, 1775. – P. 452–534.
48. Eckehart M. *The life, selected sermons and treatises*. – New York: Revelation Insight Publishing, 2016. – 396 p.
49. Ernesti I. Chr. Th. *Lexicon Technologiae Graecorum Rhetoricae*. – Lipsiae: Sumtibus Caspari Fritsch, 1795. – 400 p.
50. Lausberg H. *Handbook of literary rhetoric*. – Leiden: Brill, 1998. – 921 p.
51. Morris D. B. *The Religious Sublime. Christian poetry and critical tradition in 18th-century England*. Univ. – Lexington: Press of Kentucky, 1972. – 274 p.
52. Swartz M. D. *Mystical prayer in Ancient Judaism. An analysis of Maaseh Merkavah*. – Tübingen: Mohr-Siebeck, 1992. – 268 p.

Ван Цзясин, Ма На
(Нанкинский университет, КНР)

КОМПОЗИЦИОННО-КОММУНИКАТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЖАНРА СОВРЕМЕННОГО ПРАВОСЛАВНОГО ПОСЛАНИЯ¹

Данная статья посвящена исследованию композиционно-коммуникативных особенностей современного православного послания как жанра церковно-религиозного стиля русского литературного языка. Рассматривая современное православное послание как особое крупное жанровое образование, включающее множество жанровых разновидностей (послание, обращение, поздравление, приветствие, соболезнование, заявление), авторы статьи уделяют особое внимание определению коммуникативной цели, описанию содержательной стороны, выявлению образа автора и характера адресата, раскрытию структурной композиции текстов данных жанров. Анализ текстов посланий Патриархов Московских и всея Руси Кирилла и Алексия II, опубликованных на официальном сайте Московского Патриархата и в «Журнале Московской Патриархии» с 1991 г. по 2018 г., позволяет вскрыть существенные характеристики жанра православного послания, уточнить его место в полевой структуре церковно-религиозного стиля, стать важным дополнением к теории церковно-религиозного стиля.

Ключевые слова: русский литературный язык, церковно-религиозный стиль, православное послание, речевой жанр, композиционно-коммуникативные особенности.

Wang Jiaying, Ma Na
(Nanjing University, PRC)

THE COMMUNICATIVE CHARACTERISTIC OF MODERN ORTHODOX LETTERS

This paper is devoted to the study of the characteristic of modern Orthodox letters. The modern Orthodox letter, as Russian standard religious language, is a special genre with many variants (letters, notices, congratulations, welcome words, condolence letters, and statements). Excerpting data from the official website of Moscow Orthodox Church and the letters between the Patriarch Kirill and Alexei II published in The Journal of St. Patriarch's Office of Moscow Orthodox Church, the author of this paper focuses on the communication purpose, the content, the image of the writer(s), the characteristic of the reader(s) and the textual structure of this genre. This study not only can reveal the essential characteristic of modern Orthodox letters, but also can identify its position in religious language and enrich the theory of the genre.

Key words: Russian standard, religious style, Orthodox letter, speech genre, the communicative characteristic.

¹ Статья подготовлена в рамках проекта, поддержанного «The Fundamental Research Funds for the Central Universities (грант № 0106/14370404)».

Значительные изменения отношений между церковью и государством, между обществом и церковью в России в годы перестройки и в постперестроечное время привели к тому, что «слово священника звучит сегодня не только в храме, перед прихожанами, но и по радио, по телевидению; представители духовенства выступают в парламенте, на митингах и собраниях, на всевозможных презентациях, освящают открывающиеся школы, больницы, дома культуры; в некоторых учебных заведениях слово Божие вводится как учебный предмет; получает широкое распространение религиозная литература. Эти виды речевой деятельности характеризуются своеобразием в отборе и использовании словесных и синтаксических средств русского языка» (Крысин 1994: 70). Такая ситуация дает основание для выделения в функционально-стилистической парадигме современного русского литературного языка особой функционально-стилевой разновидности, которая обслуживает сферу религии и именуется у разных исследователей религиозно-проповедническим (Крысин 1994: 71), религиозным (Прохватилова 2007: 59), церковно-религиозным стилем (Крылова 2006: 183).

У каждого стиля свой репертуар жанров, потому что «функциональный стиль, существующий реально как совокупность жанров, представляет собой научную абстракцию более высокого порядка, чем жанр» (Солганик 1978: 9); «функциональные стили – это не что иное, как обобщенные речевые жанры» (Долинин 1978: 60). Церковно-религиозный стиль воплощен также набором жанров. Но вопрос о формах существования данного стиля представлен в литературе неоднозначно. Так, Л. П. Крысин выделяет следующие жанры в церковно-религиозном стиле: поучение, молитва, притча, исповедь, проповедь (Крысин 1994: 72). О. А. Крылова относит к нему церковное послание, проповедь, напутственное слово, надгробное слово, поучение, обращение, исповеди (Крылова 2006: 184). Более того, у разных исследователей имеются неодинаковые, даже противоположные взгляды на место одного и того же жанра в полевой структуре церковно-религиозного стиля.

Так, О. А. Крылова рассматривает церковное послание как важный жанр данного стиля (Крылова 2006: 18). В. А. Мишланов называет его центральным жанром религиозного стиля (Мишланов 2008). Е. С. Худякова относит его к периферийным жанрам, находящимся в области пересечения церковно-религиозного стиля и публицистического стиля (Худякова 2009: 137). А по мнению Н. А. Шляховой, церковное послание рождается в периферии религиозного стиля и официально-делового стиля (Шляхова 2014: 83). О. Е. Павловская и А. С. Стаценко неоднократно отмечают: «если описание лексических, морфологических, синтаксических и других особенностей церковно-религиозного стиля не вызывает затруднений, представлено во многих работах, то выделение жанров церковно-религиозного стиля и последующее их изучение – задача, которую до сих пор окончательно не решили» (Павловская, Стаценко 2014: 102). В этом заключается важная причина фокусирования нашего внимания на жанре православного послания.

Предваряя наше исследование, хотелось бы выяснить понятие современного православного послания. Несмотря на то что православное послание как жанровое образование в религиозной коммуникации привлекает внимание некоторых исследователей, большинство его описаний вплоть до настоящего времени ограничивается изучением посланий высших духовных лиц, адресованных всем православным верующим и посвященных двум самым значительным христианским праздникам – Рождеству Христову и Пасхе. Исследования Со Ын Ен (Со Ын Ен 2000) и Д. В. Ореховой (Орехова 2015) проводятся именно на материале текстов рождественских и пасхальных посланий. И. Ю. Ярмульская в своей работе дает такую дефиницию: «Духовное послание представляет собой открытое письменное обращение церковного иерарха к своей пастве и имеет характер наставления, поучения» (Ярмульская 2006: 10). Согласно нашим наблюдениям над большим количеством материалов, темы современного православного послания не ограничиваются только традиционными религиозными праздниками, это могут быть

и светские праздники, юбилеи со дня рождения святых, юбилеи событий с исторической значимостью в России, неожиданное чрезвычайное происшествие в православной и общественной жизни, кончина или гибель общественных или официальных лиц с высоким социальным статусом и авторитетом и т. п. Круг адресата посланий значительно расширяется, далеко не всегда православные верующие (чада церкви) являются адресатами православных посланий, в роли адресата имеют возможность выступать невоцерковленные лица. Кроме того, адресат послания может быть индивидуальным и массовым. Основываясь на материалах рождественских и пасхальных посланий, можно сделать вывод, что исследование православных посланий не является достаточно полным. По нашему мнению, в связи с кардинальным изменением отношений между церковью и государством, церковью и обществом, ростом роли церкви в современном российском обществе, религиозная сфера становится все более и более интегрированной в политическую и массмедийную сферу, жанровые характеристики посланий РПЦ, возникших на современном этапе, существенно меняются.

В диссертационных исследованиях Со Ын Ен (2000), Д. В. Ореховой (2015) и И. Ю. Ярмульской (2006) жанр церковного послания, по мнению Е. С. Худяковой, рассматривается в своей канонической разновидности, которая в метаязыковом осмыслении адресантов получает наименование «послание» (Худякова 2009: 179). Рассматривая тексты, функционирующие в современном православном коммуникативном пространстве, мы заметили, что в этой сфере существует целый ряд текстов, имеющих типологическое сходство, но получающих разные названия: заявление, обращение, поздравление, приветствие, соболезнование и послание. Как указывает Т. В. Шмелева, «однако на основе такой лексики нельзя, как представляется, составить полное и адекватное представление о РЖ, хотя бы потому, что одним именем могут обозначаться несколько жанров или их разновидностей и, напротив, один жанр может иметь ряд наименований (так, существует по крайней мере три жалобы, у имени жалоба есть синонимы lamentация, иереми-

ада)» (Шмелева 1997: 90). Изучение вышеуказанных типов текстов, функционирующих в современном православном коммуникативном поле, убеждает нас в существовании особого крупного жанрового образования, с некоторой долей условности называемого нами посланием. Кстати сказать, на официальном сайте Московского Патриархата в рубрике Патриарха выделена специальная тематическая полоса посланий, в которой публикуются тексты послания, соболезнования, поздравления, приветствия, заявления и обращения.

Что касается параметров описания речевого жанра, то нельзя не упомянуть об определенном «портрете» жанра, предложенном Т. В. Шмелевой для выделения и классификации жанровых групп. Эта «анкета» состоит из семи параметров: 1) коммуникативная цель жанра; 2) образ автора; 3) образа адресата; 4) образ прошлого; 5) образ будущего; 6) диктумное (событийное) содержание; 7) языковое воплощение. По мнению ученого, несмотря на то, что изложенные здесь параметры модели не исчерпывают всех возможных сторон описания РЖ, в них заданы основные жанрообразующие моменты (Шмелева 1997: 91–92, 98). Учитывая предложенный Т. В. Шмелевой «портрет» речевого жанра, в нашем исследовании композиционно-коммуникативных особенностей современного православного послания мы выбираем следующие параметры: коммуникативную цель, тему и содержание, образ автора, характер адресата и особого участника коммуникации и композиции. Материалом для нашего исследования служат тексты современных православных посланий, опубликованные с 1991 по 2018 г. в печатных и электронных СМИ. Авторами посланий являются Патриархи Московские и всея Руси Кирилл и Алексей II. Анализу подвергнуто более 110 текстов современных православных посланий.

Коммуникативная цель. Коммуникативная цель текста «может быть связана со стремлением воздействовать на те или иные стороны адресата коммуникации – на его эмоциональную и интеллектуальную сферу, побуждать его к действию» (Аругтюнова

1992: 82). В речевом жанре действует определенная целевая установка. Наши наблюдения над огромным количеством текстов православных посланий показывают, что для современного православного послания главная коммуникативная цель – воздействие на адресата и усиление социального влияния РПЦ. Основная цель уточняется рядом важных частных целей, к которым относятся следующие:

1) Положительное эмоциональное воздействие на адресата. Религия опирается на эмоцию, эмоция является основным источником религиозного верования. Д. М. Угринович пишет: «чувства в сфере религии играют важнейшую, первостепенную роль» (Угринович 1986: 56). В текстах православных посланий используются не только экспрессивно окрашенные лексические и синтаксические средства, но и слова и выражения, принадлежащие высокому стилю, нередко архаичные, эти языковые средства с большой экспрессивно-эмоциональной нагрузкой значительно стимулируют создание и поддержание эмоционального воздействия на аудиторию. Так, в посланиях, поздравляя верующих, иерарх стремится создать у них праздничное, торжественное, приподнятое настроение и тем самым оказать положительное эмоциональное воздействие на аудиторию. Например: *Ныне мы празднуем Пасху Христову, Светлое Христово Воскресение! От всего сердца, с чувством духовного ликования поздравляю всех вас, дорогие мои, с этим светлым и благословенным праздником!* (ППА–1998).

2) Религиозное просвещение аудитории. Раскрывая события в жизни церкви и общества, автор православного послания связывает его с определенным событием из библейской истории, напоминая о котором он стремится к религиозному просвещению адресата. Вспоминание библейского события представлено в виде краткого пересказа или описания одного из эпизодов библейской истории с добавлением цитат из Священного Писания. Например: *Как мы слышали сегодня в Евангелии, Пророк Иоанн был усечен мечем во время пира, устроенного царем Иродом... даже до полцарства. Пьяное веселье привело к смерти мужа праведного и святого (см. Мк.*

6:20). И донныне подобные застолья с обильными возлияниями нередко заканчиваются человеческими трагедиями, принося многие беды как отдельным людям, так и их семьям и близким, а в конечном итоге – обществу в целом (Обращение Святейшего Патриарха Кирилла по случаю восстановления празднования Дня трезвости 11 сентября).

Кроме того, эта цель достигается с помощью толкования православных и христианских основных познаний, учения о Христе, текстов Священного Писания. Например, толкование догмата о Боговоплощении в рождественском послании патриарха Кирилла 2015 г.: *Ныне созерцаая тайну Боговоплощения, мы стремимся понять, каков смысл события, произошедшего две тысячи лет назад в Вифлееме, и какое отношение оно имеет к нам и нашим современникам... Христос родился – и никто да не верит в торжество зла, ибо мы спасены благодатью через веру, и сие не от нас, Божий дар (Еф. 2:8)* (РПК–2015).

3) Воспитательно-дидактическая цель. Призывая к соблюдению христианских заповедей, сохранению религиозных традиций, соблюдению церковных инструкций, корректированию своего поведения в соответствии с нравственными дарованными Богом установками или с текущей ситуацией жизни страны, автор православного послания поучает аудиторию, преследует цель воспитания ее в религиозном духе. Эта интенция осуществляется с помощью форм совместного действия, языковых единиц с побудительной модальностью долженствования и необходимости, императивных глагольных форм второго лица множественного числа. Например: *Цените труд преподавателей, умножайте знания, приобщайтесь к российской научной традиции, возрастайте духовно, будьте достойными сыновьями и дочерьми нашего Отечества* (Приветствие Святейшего Патриарха Кирилла участникам торжеств по случаю 100-летия Воронежского государственного университета).

4) Пропаганда позитивной роли РПЦ в жизни современного общества. Оценивая важнейшие события и явления в церковной и общественной жизни с точки зрения религиозной нормы и ценностей, деятельности

почившего человека с высоким социальным статусом и большим авторитетом с точки зрения религиозной морали, своевременно реагируя на значительные внезапные события, происходящие в России, странах СНГ и ее дружественных странах, высказывая свое суждение по актуальным международным проблемам и предлагая решение, автор не только стремится к наставлению аудитории, но и подчеркивает позитивную роль русской православной церкви, т. е. достигает одной цели пропаганды позитивной роли РПЦ в жизни современного общества.

Приведем пример. После того как в московском метро произошли террористические акты, святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл сразу выступил с заявлением:

***Болью** отозвались в моем сердце произошедшие сегодня утром в московском метро террористические акты. **Молюсь о упокоении** убиенных, о **утешении** их родных и близких, о **скорейшем исцелении** получивших ранения. **Прошу Господа о помощи** в трудах спасателей, медиков и всех, кто работает ради облегчения последствий катастроф. **Мною дано указание священнослужителям** посетить пострадавших в больницах.*

*К несчастью, это не первый за последние месяцы теракт, совершенный в России. И мы отчетливо видим, что **опасность** подстерегает каждого из нас в любую минуту.*

*Но **отвечать** на эту опасность нужно не страхом, не паникой и не озлоблением. Пусть **нашим ответом** станет **единство** нашего народа, его **твердая воля** к тому, чтобы остановить террористов и тех, кто их поддерживает, финансирует или оправдывает. Их постигнет Божия кара. **Верю**, что не замедлит и человеческая справедливость* (Заявление Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла в связи с терактами в московском метро).

В тексте патриарх Кирилл с позиции главы РПЦ резко осудил это жестокое преступление, выразил соболезнование и призвал ответить на эту опасность единством народа и твердой волей. С одной стороны, он дал наставления массовой аудитории, с другой стороны, осуществил цель пропаганды и проявил позитивную роль РПЦ.

5) Реализация этикета. Выражая поздравление с праздником, юбилеем, годовщиной, назначением на высокую должность, днем рождения и т. п., приветствие участников какого-либо общественно значимого события, соболезнование в связи со стихийными бедствиями, крупными авариями, терактами, кончиной или гибелью человека с высоким социальным статусом и большим авторитетом, автор преследует цель реализации этикета. Например: *Сердечно **поздравляю** Вас с **назначением на пост** Генерального секретаря Организации Объединенных Наций* (Патриаршее поздравление Пан Ги Муну в связи с его назначением на пост Генерального секретаря Организации Объединенных Наций); *Выражаю Вам глубокое **соболезнование в связи с кончиной** Анатолия Борисовича Свенцицкого - Заслуженного артиста России и Литовской ССР* (Патриаршее соболезнование по случаю кончины заслуженного артиста России А. Б. Свенцицкого).

Эти частные цели не всегда работают в комплексе. Их реализация сильно зависит от конкретной коммуникативной ситуации. Так, в текстах обращения, поздравления, соболезнования, приветствия автор прежде всего преследует цели реализации этикета, пропаганды позитивной роли РПЦ в жизни современного общества, иногда еще воспитательно-дидактическую цель в зависимости от характера адресата.

Тема. Содержательная сторона текста включает тему и собственно содержание. Тема соотносится с содержанием, представляет собой смысловое ядро текста, свернутое содержание текста, предмет речи. Тема проанализированных нами современных православных посланий не ограничивается двумя самыми значительными праздниками РПЦ – Рождеством Христовым и Пасхой, в определенной степени характеризуется разнообразием. По степени включенности события в церковную жизнь темы современных православных посланий разделяются на:

1) церковный праздник (например, *Рождественские и пасхальные послания*);

2) важнейшее событие в жизни РПЦ (например, *Послание Святейшего Патриарха Кирилла в связи с 1000-летием преставления*

святого равноапостольного великого князя Владимира);

3) светское событие, совершающееся при покровительстве РПЦ (например, *Приветствие Святейшего Патриарха Кирилла участникам международного съезда «Содружество православной молодежи»*);

4) событие в общественной жизни России, но не прямо касающееся церковной жизни (например, *Соболезнование Святейшего Патриарха Кирилла в связи с трагедией в московском метрополитене*);

5) светский праздник (*Патриаршее поздравительное послание министру иностранных дел Российской Федерации С. В. Лаврову по случаю Дня дипломатического работника*);

6) событие, имеющее отношение к зарубежным странам (например, *Соболезнования Святейшего Патриарха Алексия Президенту Черногории Ф. Вуяновичу по поводу крушения пассажирского поезда*);

7) событие в жизни одного человека, имеющего высокий статус и большой авторитет в обществе (*Патриаршее поздравление Пан Ги Муну в связи с его назначением на пост Генерального секретаря Организации Объединенных Наций*).

Содержание. По В. В. Одинцову, содержание определяется как данное конкретное решение темы, материал действительности, использованный для раскрытия темы, те факты, явления, которые подверглись обработке в речи (Одинцов 2004: 42). В соответствии с классификацией информации текста, предложенной И. Р. Гальпериним, в текстах современного православного послания наличествует три стороны: диктумное содержание, модусное и подтекстовое.

К диктумному содержанию относится непосредственно то событие, которому посвящена речь: церковный праздник, светский праздник, юбилей, событие с исторической значимостью в России, событие из жизни святых и великомучеников РПЦ, важнейшее событие в жизни РПЦ и государства на текущий момент, неожиданное чрезвычайное происшествие в жизни РПЦ и России, СНГ или дружественных стран, кончина или гибель человека с высоким социальным статусом и большим авторитетом и т. п. В рож-

дественских и пасхальных посланиях диктумное содержание, как правило, состоит из компонентов трех типов:

1) напоминания о тех библейских событиях, по поводу которых были установлены христианские праздники. Описание таких событий представлено в виде краткого пересказа эпизода библейской истории или ссылки из Священного Писания. Например: Все святые евангелисты повествуют о Воскресении Христовом. У апостола Матфея Ангел Господень так говорит женам-мироносицам: *не бойтесь, ибо знаю... Когда же шли они возвестить ученикам Его, и се Иисус встретил их и сказал: радуйтесь!* (Мф. 28, 5–7, 9) (ППА–1995);

2) рассказа о важнейших событиях в жизни РПЦ на текущий момент. К нему относятся важные для истории церкви даты, отмечавшиеся в последнее время, перенос или открытие церковных святынь, открытие или восстановление различных храмов или монастырей, поездки патриарха по епархиям. В рождественских посланиях компоненты этого типа представлены в виде итогов прошедшего года, а в пасхальных посланиях в виде итогов прошедшего квартала и предсказания торжеств. Например: *Минувший год в жизни Церкви нашей был отмечен многими важными событиями... избрал... его преемника... Совершая богослужения в Москве, в ряде российских епархий, а также на Украине... (РПК–2010); Нынешний год примечателен тем, что в январе исполнилось..., а в июле нам предстоит отметить...* (ППА–1993);

3) описания значительных событий социально-политической и экономической жизни российского общества, и даже общества стран СНГ. Они обычно излагаются в достаточно общем виде в плане оценки состояния общества. Например: *Глубокое чувство горечи по-прежнему вызывают кровопролитные конфликты в России и некоторых других странах СНГ...* (РПА–1996).

В православных посланиях модусные компоненты содержания эксплицитно представлены поздравлением, приветствием, соболезнованием, пожеланиями, наставлением, призывом, благодарением, восхвалением роли РПЦ, оценкой события или почившего

человека с высоким социальным статусом и большим авторитетом. Именно эти составляющие создают специфическую обработку темы, придавая текстам православных посланий характер эмоционального воздействия, религиозного просвещения, воспитания, пропаганды РПЦ и этикета.

Помимо компонентов диктумного и модусного содержания, по нашему мнению, в православном послании существует подтекстовое содержание. В исследовании И. Р. Гальперина содержательно-подтекстовая информация понимается как «скрытая информация, извлекаемая из содержательно-фактуальной информации благодаря способности единиц языка порождать ассоциативные и коннотативные значения, а также благодаря способности предложений внутри СФЕ приравнивать смыслы» (Гальперин 2016: 28). Оно представляется двумя типами: ситуативной и ассоциативной СПИ. Ситуативная СПИ возникает в связи с фактами, событиями, ранее описанными в больших повестях, романах. Ассоциативная СПИ не связана с фактами, описанными ранее, а возникает в силу свойственной нашему сознанию привычки связывать изложенное вербально с накопленным личным или общественным опытом (Гальперин 2016: 45). Отсюда видно, что порождение содержательно-подтекстовой информации в значительной мере зависит от способностей ассоциации получателя текста.

Так, в православном послании напоминание о событиях древнейшей библейской истории, существующее в составе диктумного содержания, не только является воспоминанием, но и реальностью воспоминаемых событий. «Ветхозаветные и новозаветные события занимают совершенно особое место в системе времени средневекового сознания. Хотя они относятся к прошлому, но в каком-то отношении они одновременно являются и фактами настоящего» (Лихачев 1987: 559). Так что в данной составляющей диктумного содержания событие древнейшей библейской истории не только вспоминается, но и рассматривается как событие, происходящее и локально воспроизводящееся во время празднования. Данный тип диктумного содержания в сочетании со вторым и третьим –

описанием событий в церковной жизни и изложением событий в общественной жизни формирует вневременную перспективу содержания текста, с одной стороны, а с другой стороны, создает реальный и идеальный миры в сознании верующего. Более того, в православных посланиях широко используются семантические библеизмы и фразеологические библеизмы, которые создают вневременную перспективу содержания текста. Но подтекст в православном послании отличается от подтекста в художественном тексте тем, что в сознании верующих как получателей текстов наличествуют четкие правила интерпретации символического содержания. Верующий приобщается к религиозной культуре и осваивает правила интерпретации религиозных текстов при профильном обучении или с помощью специальных дисциплин или посредством чтения проповеднических и богословских произведений, текста Священного Писания. Иными словами, возникновение подтекстового содержания православных посланий в значительной мере зависит от освоения адресатом четких правил интерпретации религиозного символического содержания.

Образ автора. Православное послание представляет собой открытое письменное обращение иерарха церкви, адресованное воцерковленным(ому) или невоцерковленным(ому) лицом(у), имеющее характер наставления, воздействия, пропаганды и этикета. Поэтому образ автора текста послания тесно связан с иерархом православия. Автор православного послания, выступающий в качестве посредника между церковью как наместницей Бога на земле и народом, имеет постоянные характеристики: это человек старшего поколения, мужского пола, представитель высокообразованный, знающий, пользующийся непререкаемым авторитетом в церковных кругах, принадлежащий к высшему духовенству.

В процессе развертывания текста в зависимости от конкретной коммуникативной цели автор посланий выступает перед аудиторией с различных позиций. А смена позиций выражается, в частности, в варьировании языковой формы обозначения субъекта

речи. Выражая поздравление с праздником, юбилеем, годовщиной, назначением на высокую должность, днем рождения и т. п., приветствие участников какого-либо общественно значимого события, соболезнование в связи со стихийными бедствиями, крупными авариями, терактами, кончиной или гибелью человека с высоким социальным статусом и большим авторитетом, автор преследует цель реализации этикета и пропаганду позитивной роли РПЦ, выступает в качестве главы РПЦ. Роль главы РПЦ автора, как правило, оформляется с помощью использования формы первого лица ед. ч. глагола, а местоимение в форме 1-го лица ед. ч. не появляется. Например: **Выражаю** глубокие соболезнования... **Возношу** молитвы Всемилостивому Господу... (Соболезнование Святейшего Патриарха Кирилла в связи с кончиной академика РАН М. Л. Титаренко).

Позиция главы РПЦ продемонстрирована с помощью рассказа о событиях из жизни РПЦ: *Истекивший год принес нам много трагических событий... С особым духовным подъемом мы совершили празднование векового юбилея прославления преподобного Серафима Саровского* (РПА–2004). Здесь автор выступает от лица главы РПЦ, а повествование ведется от первого лица мн. ч. Форма «мы–инклюзивная» (Даниэль 2002: 239) объединяет автора с адресатом, формирует позицию автора, находящегося в единстве с адресатом. Данная позиция автора как верного члена церкви является основой для остальных ролей автора.

Призывая к соблюдению христианских заповедей, сохранению религиозных традиций, соблюдению церковных инструкций, корректированию своего поведения в соответствии с нравственными дарованными Богом установками или с текущей ситуацией жизни страны, автор православного послания наставляет и поучает аудиторию, преследует цель воспитания ее в религиозном духе, выступает с позиции духовного пастыря. Он активно использует языковые средства со значением совместности, показывающие его сопричастность, а не отстраненность, в силу чего наставление и поучение направляются на каждого члена церкви, в том числе на самого автора как главу церкви. Например: **Мы, православные, должны быть той**

доброй закваской, о которой пишет святой апостол Павел. Мы должны быть делателями неукоризненными на ниве Христовой... (РПА–2000).

Комментируя социальные и политические события из жизни России, автор выступает с позиции обычного гражданина РФ, находящегося в единстве с русским народом, причем гражданина образованного, знающего, авторитетного и имеющего право на оценку. Например: ... **И мы отчетливо видим, что опасность подстерегает каждого из нас в любую минуту. Но отвечать на эту опасность нужно не страхом, не паникой и не озлоблением. Пусть нашим ответом станет единство нашего народа...** Это фрагменты из Заявления Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла в связи с терактами в московском метро. Хотя автор от имени главы церкви выступил с заявлением, но в тексте его роль меняется. Это варьирование образа автора выражается прежде всего в варьировании языковой формы обозначения повествователя. Выражая свою печаль, вызванную терактом, молясь об упокоении убиенных и скорейшем исцелении раненых, автор использовал «я авторское», за которым стоит глава РПЦ. А комментируя теракт и наставляя адресата, автор использовал «мы–инклюзивное», за которым стоит нераздельный образ всего русского народа, включая и автора заявления.

Характер адресата. В соответствии с классификацией адресатов, предложенной Н. И. Формановской, в современных православных посланиях существуют обобщенный прогнозируемый, массовый публичный конкретизируемый, и персональный, единственный конкретный адресат (Формановская 2002: 77–79). В православном послании ориентация текста прежде всего обозначена в заглавии текста и обращении.

Заглавие текста современного православного послания, как правило, включает три компонента: наименование автора, адресата и определение тематики послания. Например: *Рождественское послание Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II* **Архипастырям, пастырям, монашествующим и всем верным чадам**

Русской Православной Церкви (РПК–2005); Обращение Святейшего Патриарха Кирилла к Президенту России В.В. Путину в связи с похищением двух иерархов в Сирии; Соборознования Святейшего Патриарха Алексия Президенту Черногории Ф. Вуяновичу по поводу крушения пассажирского поезда; Приветствие Святейшего Патриарха Кирилла участникам IX Международного Славянского форума искусств «Золотой витязь»; Патриаршее поздравительное послание министру иностранных дел Российской Федерации С. В. Лаврову по случаю Дня дипломатического работника; Патриаршее соборознование Святейшему Патриарху Болгарскому Неофиту в связи с наводнением в стране; Патриаршее обращение к народу Украины. Из заглавий посланий ясно, что в роли адресата послания выступают верующие, глава государства, участники какого-либо общественно значимого события, руководитель важного учреждения и организации, церковный иерарх, народ страны. Кроме того, адресатами являются родные и близкие почившего человека с высоким социальным статусом и большим авторитетом, родные и близкие погибших в результате катастрофы, которые обычно не обозначены в заглавии текста (например: *Соборознование Святейшего Патриарха Кирилла в связи с кончиной писателя В. Г. Распутина*).

Дело обстоит так, что современные православные послания обращены, с одной стороны, ко всем православным христианам, всему народу страны, участникам какого-либо общественно значимого события, родным и близким почившего человека и погибших в результате катастрофы, т. е. обобщенному и массовому адресату, а с другой стороны, к официальному лицу (глава государства, руководитель важного учреждения, организации) и церковному иерарху, т. е. единичному, конкретному адресату – светскому или церковному адресату.

Обращение является средством адресации. Православное послание (за исключением заявления) начинается с обращения церковного иерарха к адресату. Например: *Возлюбленные о Господе архипастыри, всечестные отцы, боголюбивые иноки и инокини, благочестивые миряне, дорогие бра-*

тья и сестры!; Дорогие братья и сестры!; Глубокоуважаемый Дмитрий Анатольевич!; Его Превосходительству господину Башару Асаду, Президенту Сирийской Арабской Республики! Эти обращения не только выполняют функцию адресации, контактоустанавливающую функцию, но и выражают эмоционально-оценочное отношение автора к адресату, которое достигается благодаря скоплению сакрально-богослужебной и церковно-религиозной лексики, использованию образительно-выразительных средств.

Особый участник коммуникации.

В православном послании кроме автора и адресата еще существует особый участник коммуникации – Бог. Как известно, религиозное общение основывается на так называемом евангельском диалоге, структура которого содержит помимо двух позиций говорящего и слушающего третью божественную позицию: «Где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них» (Мф. 18:20). Как отмечает В. И. Карасик, «уникальная специфика РД состоит в том, что к числу его участников относится Бог. Всевышний в религиозном дискурсе распадается на две сущности: собственно Бог и тот, кому он открылся, т. е. пророк. Пророк выступает в качестве материального носителя высшего божественного содержания» (Карасик 2002: 221).

Хотя православное послание не так, как молитва и исповедь, непосредственно обращается к Богу, но в его конкретных текстах так же существует Всевышний, пророк как особый участник общения. Бог скрыто, невидимо существует и воображается в православном послании, выступает в роли адресата и адресанта. Когда автор послания за прямого адресата молится Богу, адресатом является Господь, Христос. При цитировании Священного Писания Всевышний или пророк как адресант сообщения возникает в православном послании. Например: *Сердечно поздравляя вас с нынешним торжеством, молитвенно испрашиваю всем нам у Богомладенца Христа духовных и телесных сил (РПК-2013); Святой апостол Павел пишет: «Когда пришла полнота времен... дабы нам получить усыновление» (Гал. 4:4–5) (РПК–2015).*

Композиция православного послания.

Как показывает анализ имеющихся в нашем распоряжении материалов, композиционно-речевая структура текстов современного православного послания характеризуется стабильностью, состоит из следующих частей: вступления, информационно-повествовательной части, назидательно-интерпретирующей части и окончания. Каждая из этих частей структуры обладает своими содержательными и формальными особенностями.

Так, вступление современного православного послания, в котором обычно формулируется его тема, традиционно начинается с обращения церковного иерарха к читающим, например: *Преосвященные архипастыри, досточтимые отцы, всечестные иноки и инокини, дорогие братья и сестры! Уважаемые участники и гости выставки! Ваше Высокопреосвященство, дорогой Владыка Митрополит!*), которое, в свою очередь, может сопровождаться этикетным приветствием: поздравлением, приветствием (например: *От всего сердца поздравляю вас с великим праздником Рождества Господа и Спасителя нашего Иисуса Христа!* (РПА–1994); *Сердечно приветствую всех вас, собравшихся для участия в XX Всемирном конгрессе русской прессы* (Приветствие Святейшего Патриарха Кирилла участникам XX Всемирного конгресса русской прессы).

По нашим наблюдениям, особенностью обращения как важного компонента вступления православного послания является то, что оно содержит, как правило, наименование адресата с обязательным оценочным компонентом, передающим отношение уважительности автора послания к адресату (например: *Возлюбленные о Господе Преосвященные архипастыри, всечестные пресвитеры и диаконы, боголюбивые иноки и инокини, дорогие братья и сестры!*). Такое обращение является языковым средством выражения социального и эмоционального отношения говорящего к слушателям (Прохватилова 2002: 336).

Во вступлении формулируется тема православного послания, обозначается повод написания послания. Во вступлении праздничного послания называется праздник или

праздничное событие, которому посвящено церковное послание. Во вступлении непраздничного послания обозначается важное событие в жизни РПЦ и России, страны СНГ или других дружественных стран. Например: *Господь по великой милости Своей вновь дарует нам радость празднования Рождества Христова...* (РПА–2014); *Ныне Русская Православная Церковь совершает молитвенную память священномученика Ермогена, патриарха Московского и всея России...* (Патриаршее послание по случаю празднования 400-летия со дня преставления священномученика Ермогена, Патриарха Московского и всея России). Таким образом, вступление современного православного послания не только устанавливает контакт между автором послания и адресатом, но и является своеобразной рациональной подготовкой адресата к восприятию последующего содержания текста, обладает сильным эмоциональным зарядом.

Следующий за вступлением информационно-повествовательный компонент православного послания представляет собой раскрытие темы. В этой части автор рассказывает о различных библейских фактах, православных событиях, религиозных явлениях, событиях из жизни святых, священномучеников, деятельности почившего человека с высоким социальным статусом и большим авторитетом. Описываются праздничные явления, исторические факты, важные события в жизни РПЦ и России, страны СНГ или других дружественных стран.

За информационной частью следует назидательно-интерпретирующий компонент. В эту композиционную часть обычно включается толкование религиозного понятия, объяснение происходящего в Библии, комментарий к отдельным отрывкам священных текстов, оценка и разъяснение значительного события и явления, ценные авторские рекомендации, наставления, увещания, призывы, пожелания, советы, что создает особый поучительный характер всего текста православного послания. Сила убеждения осуществляется при помощи использования модальных предикатов *должен, надо, необходимо, надлежит* в сочетании с инфинитивом, императивных форм

2-го лица множественного числа, формы со значением совместности – формы будущего простого времени глаголов совершенного вида и формы будущего сложного времени глаголов несовершенного вида, сочетаний форм глагола 3-го лица единственного или множественного числа с частицами *да* или *пусть*. Например: *Все мы должны твердо помнить и знать...; Но отвечать на эту опасность нужно не страхом, не паникой и не озлоблением; Цените труд преподавателей, умножайте знания, приобщайтесь к российской научной традиции, возрастайте духовно, будьте достойными сыновьями и дочерьми нашего Отечества; Будем всеми силами стараться познать...; Пусть Пасха Христова водворит мир...*

Окончание как завершающая часть православного послания обычно содержит поздравительное слово, пожелание, молитву. В окончании канонических православных посланий часто встречаются *Аминь! Да будет так!*, которые являются традиционными в православии заключительными формулами. Например: *Пусть... согревают и утешают, даруют подлинную радость бытия и вдохновляют на добрые дела пламенные слова пасхального благовестия: Христос воскрес! Воистину воскрес Христос!* (ППК–2015); *Благословение Господне на вас, Того благодатию и человеколюбием, всегда, ныне, и присно, и во веки веков. Аминь!* (РПА–2003); *Господь да хранит во благоденствии Святую Русь... Аминь* (Патриаршее послание архипастырям, пастырям, монашествующим и всем верным чадам Русской Православной Церкви в связи с 25-й годовщиной трагедии на Чернобыльской АЭС); *Молюсь об упокоении убиенных... Милосердный Господь да поможет нам пережить эту трагедию* (За-

явление Святейшего Патриарха Кирилла в связи со взрывом в аэропорту «Домодедово»). В окончании православного послания конструкция с частицей *да* используется с высокой частотностью, которая является реликтом системы императивных форм старославянского языка, обладает архаически-возвышенной стилистической окраской. Сочетание слова *Господь* и этой конструкции *Господь да...* представляет собой формулу благопожелания, выражает молитву автора Господу о защите и покровительстве над адресатом.

Таким образом, композиция православного послания, включающая такие составные части, как вступление, информационно-повествовательную часть, назидательно-интерпретирующую часть и окончание, является стабильной.

Итак, современное православное послание нами понимается как открытое письменное обращение иерарха церкви, адресованное воцерковленным(ому) или невоцерковленным(ому) лицам(у), имеющее характер наставления, воздействия, пропаганды и этикета. Включая в себя послание, поздравление, приветствие, соболезнование, обращение и заявление, оно выступает в современном православном дискурсивном пространстве как особое крупное жанровое образование, обладающее опорой на содержание текстов Священного Писания, разнообразной темой, многоликим образом автора и адресата, достаточно стабильной композицией, специфическими языковыми средствами, отражает черты церковно-религиозного стиля, является особым составом жанровой системы церковно-религиозного стиля современного литературного русского языка.

Литература

1. Арутюнова Н. Д., Булыгина Т. В., Кибрик А. А. Человеческий фактор в языке. Коммуникация, модальность, дейксис. – М.: Наука, 1992. – 280 с.
2. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. – М.: URSS, 2016. – 139 с.
3. Даниэль М. А. Является ли инклюзив местоимением первого лица? (Терминологический экскурс в типологической перспективе) // Языки мира, типология, уралистика. Памяти Т. Ждановой. – М.: Индрик, 2002. – С. 238–257.

4. Долинин К. А. Стилистика французского языка. – Л.: Просвещение, 1978. – 303 с.
5. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
6. Крылова О. А. Лингвистическая стилистика. – М.: Высшая школа, 2006. – 313 с.
7. Крысин Л. П. Об одной лакуне в системе функциональных стилей современного русского языка // Русский язык в школе. – 1994. – № 3. – С. 69–71.
8. Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. Избранные работы. В 3 т. – Т. 1. – Л.: Художественная литература, 1987. – 655 с.
9. Мишланов В. А., Худякова Е. С. О жанровой специфике текстов церковно-религиозного стиля // Филологические заметки. – 2008. – Т. 2. – С. 28.
10. Одинцов В. В. Стилистика текста. – М.: URSS, 2004. – 261 с.
11. Орехова Д. В. Церковно-религиозный и политический типы дискурса сквозь призму диалогичности (на материале жанра послания): дисс.... канд. филол. наук. – М., 2015. – 251 с.
12. Павловская О. Е., Стаценко А. С. Научный взгляд на современное общество // Сборник статей Международной научно-практической конференции. – Уфа, 2014. – С. 101–103.
13. Прохвятилова О. А. Композиционно-речевая структура современной православной проповеди // Мир Православия. – Вып. 4. – Волгоград, 2002. – С. 335–351.
14. Прохвятилова О. А. К вопросу о стилевом статусе современной духовной речи // Стереотипность и творчество в тексте. – Пермь, 2007. – Вып. 11. – С. 58–66.
15. Солганик Г. Я. Введение // Вакуров В. Н., Кохтев Н. Н., Солганик Г. Я. Стилистика газетных жанров. – М.: Высшая школа, 1978. – С. 9.
16. Со Ын Ен. Речевой жанр современного церковно-религиозного послания: дисс. ... канд. филол. наук. – М., 2000. – 188 с.
17. Угринович Д. М. Психология религии. – М.: Политиздат, 1986. – 352 с.
18. Формановская Н. И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход. – М.: Русский язык, 2002. – С. 77.
19. Худякова Е. С. Социальная обусловленность системы жанров и жанровой компетенции в церковно-религиозной сфере: дисс. ... канд. филол. наук. – Пермь, 2009. – 339 с.
20. Шляхова Н. А. Полевая структура религиозного дискурса // Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева. – 2014. – № 4(17). – С. 80–91.
21. Шмелева Т. В. Модель речевого жанра // Жанры речи. – Вып. 1. – Саратов: Колледж, 1997. – С. 88–98.
22. Ярмульская И. Ю. Духовное послание в документоведческом и стилистическом освещении: дисс.... канд. филол. наук. – Волгоград, 2006. – 167 с.

МЕДИАСТИЛИСТИКА

- ◆ Лингвокультурный типаж
- ◆ Коммуникативное поведение
- ◆ Медийный дискурс
- ◆ Медиаобраз
- ◆ Концептуальные доминанты
- ◆ Сегментные и просодические признаки
- ◆ Фоностилистическая классификация

Владимир Ильич Карасик:

«Для выделения политического эксперта как типажа существенными оказываются такие признаки его коммуникативного поведения, как способы самопрезентации и/или презентации со стороны журналистов, умение формулировать суть обсуждаемой проблемы, демонстрация профессиональной эрудиции, выражение личной позиции по теме комментария, умение вести полемику, высокий уровень владения литературным языком и умение адаптироваться к широкой аудитории».

«Стиль комментариев эксперта в значительной мере зависит от имиджа того средства массовой информации, которое обращается к нему за оценкой того или иного политического явления или события».

Елена Григорьевна Малышева, Ольга Сергеевна Рогалева:

«Медиаобраз – это «репрезентированный в медиатекстах фрагмент информационной (медийной) картины мира; относительно устойчивая, непрерывно развивающаяся виртуальная модель того или иного объекта/явления действительности, конструируемая СМИ, которая как отражает, так и рефреймирует и/или формирует знания и представления адресата».

«Конфликтность» медиаобразов губернатора, конструируемых различными телевизионными СМИ региона, была обусловлена в первую очередь отличием взгляда на один и тот же объект, в чем и обнаруживается сущность медиаобраза как виртуальной модели бытия, неравнозначной реальной действительности».

Светлана Фридриховна Барышева:

«Современный информационный теледискурс с фоностилистической точки зрения не моноструктурен и включает несколько фоностилистических подтипов».

«Важнейшее требование к публицистической речи – ее лексическая четкость».

«В современном российском информационном теледискурсе представлены три фоностилистических типа: 1) официально-публицистический в разновидностях 1а (официальный мелодический монотон) и 1б (нейтральные мелодические повышения); 2) разговорно-публицистический в разновидностях 2а (разговорность на уровне просодики), 2б (разговорность на уровне звукового состава слов) и 2в (разговорность на обоих уровнях); 3) сниженно-публицистический».

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЭКСПЕРТ КАК ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ ТИПАЖ

Рассматриваются характеристики коммуникативного поведения политического эксперта (политического аналитика) как лингвокультурного типажа – узнаваемого обобщенного образа специалиста, выступающего с комментарием в средствах массовой информации по поводу актуальных вопросов современности. Презентационные знаки данного типажа сводятся к его статусной характеристике и указанию на степень известности при характеристике эксперта со стороны журналиста. Политической экспертизе в медийном дискурсе присущи следующие характеристики: 1) идеологическая ангажированность, составляющая суть политического дискурса, 2) таргетизация (нацеленность на определенный контингент адресатов), сближающая его с рекламным дискурсом, 3) упрощенная подача оценочного мнения, в определенной мере сближающая его с религиозным дискурсом.

Ключевые слова: лингвокультурный типаж, медийный дискурс, политический эксперт, медийный имидж, презентационные знаки.

Vladimir I. Karasik

(Pushkin State Russian Language Institute)

POLITICAL EXPERT AS A LINGUOCULTURAL TYPE

The paper deals with image indicators of political media expert (analyst). This type of media specialists is recognized in both traditional and electronic mass information communicative practice due to their function (giving professional comments to important public events) and communicative style (thoroughly considered rational explanation of the facts and reasons which may be obscure to layman). Usually experts are introduced with indication of their academic or political status. The style of commentaries depends on the image of a mass media source and tends to be either official or non-official, but in any case an analysts emphasize their own point of view. The following features make the image of a media political expert recognizable: an expert is always connected with a certain political party and expresses their position though often behaving as if in an independent way; there is a choice of addressees for a commentary and such targeting blends media and market discourse; a commentary must be simple enough to be understood by common people and in this respect it may resemble catechism in religious discourse.

Key words: linguistic and cultural personality type, media discourse, political expert, media image, presentation index.

Изучение лингвокультурных типажей – узнаваемых типизируемых личностей, в поведении которых прослеживаются ценности, нормы и традиции определенных этносов и групп в их составе, – привлекает внимание многих современных лингвистов, поскольку дает возможность охарактеризовать лингвистически релевантные особенности картины мира с позиций антропологического языкознания (Асадуллаева, 2011; Бровикова, 2013; Валяйбоб, 2013; Гуляева, 2009; Дервянская, 2008; Дмитриева, 2007; Карасик, Дмитриева, 2005; Карасик, Ярмахова, 2006; Коровина, 2008; Мищенко, 2005; Мурзинова, 2009; Попова, 2011; Рощина, 2012; Селиверстова, 2007; Скачко, 2005; Ярмахова, 2005). В ряду таких типажей выделяются те или иные личности на основании признаков их реального либо фикционального существования (учительница начальных классов – сказочная фея), преимущественно этнокультурного либо социокультурного статуса (русский интеллигент – футбольный фанат), исторической либо географической принадлежности (жена декабриста – москвич), профессиональной либо какой-либо иной характеристике (адвокат – коллекционер) и др. При описании лингвокультурных типажей мы обращаем внимание на их основной вид деятельности, стиль жизни, речь, типичную внешность и поведение, а также на их оценку представителями разных групп населения.

Одним из возможных новых подходов к характеристике типажей может быть их описание с позиций того дискурса, в котором они преимущественно проявляются. Применительно к медийному дискурсу можно выделить типаж «политический эксперт» («политический аналитик») – человек, который публично высказывается как специалист на определенные политические темы, с которым проводят интервью журналисты для получения его авторитетного мнения по вопросам, относящимся к сфере политики и интересным для широкой аудитории. Предполагается, что такие эксперты объективно выделяются в коллективном сознании как типизируемые личности, у них есть узнаваемый стиль речевого поведения, их мнение получает отклик у публики.

В качестве материала были проанализированы беседы с политическими экспертами, транслируемые по российскому телевидению, и мнения экспертов, опубликованные в сети интернет в 2017–2019 гг.

Основным видом деятельности эксперта является экспертиза – «рассмотрение, исследование чего-либо специалистами для правильной оценки чего-либо, заключения и т. д.» (БАС). Специалист, в свою очередь, это «человек, профессионально владеющий какой-либо специальностью (во 2-м знач.), обладающий специальными знаниями в какой-либо области науки, техники, искусства» (там же). Экспертиза может быть предназначена для ограниченного числа людей, которым нужно принять то или иное решение, требующее экспертной оценки (например, судебная или медицинская экспертиза) либо для широкой общественности, которую интересуют мнения специалистов в определенной области знания. Политическая экспертиза в медийном дискурсе предназначена для неопределенно большого числа заинтересованных адресатов.

Изучению медийного дискурса посвящено множество работ (Анненкова, 2012; Добросклонская, 2008; Дускаева, 2012; Клущина, 2008; Коньков, 2015; Корконосенко, 2001; Костомаров, 1994; Маклюэн, 2003; Солганик, 2012; Тertyчный, 2000; Хорольский, 2015; Чернышова, 2009). Основные цели этого дискурса сводятся к воздействию на аудиторию, ее информированию и развлечению. Политический эксперт в этом плане неизбежно оказывается идеологически ангажированным, хотя и может конструировать имидж объективного беспристрастного наблюдателя. Специфика информирования состоит в том, что оно может носить научный либо популярный характер, в первом случае эксперт ориентируется на адресатов, имеющих высокий уровень знаний по обсуждаемому вопросу, владеющих терминами, понятиями и фактами, во втором случае он должен адаптироваться к усредненному потребителю информации, исходить из необходимости разъяснения и приведения примеров по аналогии. Развлекательный момент в коммуникативном поведении эксперта, выступающего публично, заключается

в умении поддерживать интригу, показывая адресату, что есть информация, остающаяся за кадром, а также в умении полемизировать со своими оппонентами, поскольку драматизация является важнейшим признаком зрелища.

В чем состоит отличие политической экспертизы от научной, искусствоведческой или медицинской? Научная экспертиза определяет состоятельность той или иной концепции, достоверность полученных выводов, адекватность фактического материала поставленной цели исследования; искусствовед должен подтвердить подлинность произведения искусства; медицинская экспертиза устанавливает причины заболевания и смерти человека; политический эксперт характеризует некоторую ситуацию в ее динамике, определяет интересы ее участников и делает явный или неявный политический прогноз.

Представляется, что для выделения политического эксперта как типажа существенными оказываются такие признаки его коммуникативного поведения, как способы самопрезентации и/или презентации со стороны журналистов, умение формулировать суть обсуждаемой проблемы, демонстрация профессиональной эрудиции, выражение личной позиции по теме комментария, умение вести полемику, высокий уровень владения литературным языком и умение адаптироваться к широкой аудитории. Эти признаки не исчерпывают всех характеристик поведения политического эксперта, но являются определяющими для того, чтобы зрители, слушатели или читатели приняли его именно в этом качестве.

Политическая экспертиза является разновидностью профессионального дискурса и в этом плане соответствует его основным признакам: 1) институциональному, обусловленному выполнением перформативной, нормативной, презентационной и парольной функций; 2) профильному, характеризующему профессионально детализированную предметную сферу, профессиональные оценки и профессиональные способы ведения диалога, 3) предметному, в данном случае относящемуся к сфере политики (Бейлинсон, 2010).

Презентация политического эксперта в телевизионном дискурсе осуществляется ведущим журналистом:

Россия 24. Вести, интервью. Башкирия. Тема: Предварительные выборы в партии «Единая Россия» в Башкирии перед выборами в Государственную думу республики Башкортостан.

Ведущая: О результатах голосования нам расскажет политолог Николай Евдокимов. Зрителям надо объяснить, что произошло, что это было за внутривнутрипартийное голосование. Я сама видела только заголовки, и происходящего не поняли большинство населения.

Эксперт: На самом деле праймериз имеют богатую историю, но не у нас в России. В России они начали внедряться только несколько лет назад. Для чего проходят праймериз? Это так называемое предварительное голосование, суть которого состоит в том, что нужно определить кандидатов в депутаты. Почему «Единая Россия» их проводит? Потому что партия имеет наибольшее представительство и, соответственно, там идет наибольшая конкуренция за то, чтобы стать кандидатами на выборах (<https://gtrk.tv/proekty/series/vesti-intervyu-nikolay-evdokimov-4>).

Обратим внимание на знаки статусного позиционирования в речи журналиста и эксперта: «зрителям надо объяснить», «большинство населения не поняли», «на самом деле». Эти знаки являются индикаторами неравноправия участников дискурса, публика заведомо признается интеллектуально несостоятельной. Такое неравноправие наблюдается в разных видах дискурса – педагогическом, религиозном, административном, военном, юридическом. Но в медийном обществе популяризация и адаптация содержания должны строиться на демонстрации уважительного отношения к аудитории. Эксперт использует объяснительную коммуникативную стратегию, в приведенном примере видно, что в сознание публики внедряется заимствованный из американской политической практики концепт «праймериз»: *primary or primary election – an election in which people in a particular state in the US choose their candidate for president (Macmillan English Dictionary) –*

выборы, на которых жители определенного штата в США выбирают своего кандидата в президенты. Активно используется риторический вопрос как способ разъяснения. Такой способ общения соответствует модели катехизиса, краткому изложению в виде вопроса и ответа, например: *Почему в начале нужна вера? Вера нужна потому, что, как свидетельствует слово Божие, без веры угодить Богу невозможно.* Объяснение в виде катехизиса сближает медийно-политический и религиозный типы дискурса.

В газетном формате разъяснению эксперта предшествует обозначение темы и презентация приглашенного гостя:

Два дня назад Северная Корея произвела запуск нескольких «ракетных систем», что вызвало пристальное внимание и различные комментарии со стороны военных и политических экспертов соседних стран. Мы попросили известного российского эксперта по военной проблематике Корейского полуострова Владимира Хрусталева высказать свое мнение и прокомментировать ситуацию.

«Российская газета»: Что же все-таки запустила Северная Корея? Было ли что-то новое, необычное?

Владимир Хрусталев: Исходя из того, что было опубликовано, вполне возможно, что ничего особого нового и не было. Вполне могли быть просто учения с уже испытанным оружием либо совмещенное мероприятие. На практических стрельбах применялись 240-мм РСЗО, которые давно известны, 300-мм РСЗО, которые впервые были открыто показаны в 2015 году на параде, и некая новая оперативно-тактическая ракета.

«РГ»: В чем особенности этой ракеты с военно-технической точки зрения и в чем важность в военном плане?

Хрусталев: Это ракета твердотопливная, что сильно сокращает время предстартовой подготовки. Подобным ракетам нет необходимости долгое время находиться на стартовой позиции, когда они наиболее уязвимы. То есть время на обнаружение-подтверждение-поражение у противника намного меньше! Да и обслуживание твердотопливных ракет требует меньшего количества смежных обеспечивающих машин в составе ракетных формирований по сравне-

нию с теми же жидкотопливными системами (<https://rg.ru/2019/05/06/ekspert-phenian-otvetil-na-dejstviia-potencialnyh-protivnikov.html>).

Обратим внимание на прием топикализации освещаемого события, которое привлекло внимание военных и политических экспертов. Политический аналитик позиционируется как известный российский эксперт. В приведенном примере эксперт доказывает свой профессиональный статус, используя специальную терминологию, и приводит аргументацию, адаптируя сообщаемые сведения к уровню неподготовленной аудитории. Показательны объяснительная перифраза и уточнение информации. Коммуникативный стиль общения эксперта с аудиторией выдержан в уважительной тональности к адресатам, что можно рассматривать как знак самопозиционирования ведущей отечественной газеты.

Заслуживает внимания иная тональность экспертных заключений:

На Украине предложили минировать ядерными боеприпасами границу с Россией. В милитаристском угаре эксперты сомнительных знаний рассуждают на тему, как остановить «вторжение российских оккупантов». Один из таких экспертов из киевского Института евроатлантического сотрудничества Игорь Козий в эфире «ObozTV» заявил, что границу с Россией нужно заминировать. Он на полном серьезе предложил сделать это не традиционными минами, а ядерными боеприпасами. «Он, очевидно, понял, что сказал глупость, – поясняет «МК» заявление Козия военный эксперт Олег Желтоножко. – С военной и политической точки зрения минировать границу – это полный бред. К тому же, создание даже такого маломощного ядерного оружия – это самый сложный технологический процесс, который требует огромных инженерных и интеллектуальных затрат. Но прежде всего – денежных, а лишних финансов на Украине уже нет давно» (<https://www.mk.ru/politics/2019/05/08/eksperty-rasskazali-o-perspektivakh-ustanovki-yadernykh-min-na-rossiyskoukrainskoj-granice.html>).

Полемический коммуникативный стиль газеты и эксперта обусловлен тем, что ситуация на востоке Украины относится к числу

наиболее болезненных тем современной политической реальности для нашей страны, с одной стороны, и стилистика молодежного издания включает эпатажность как способ привлечения к себе внимания, с другой стороны. К тому же тема обсуждаемого события представляется абсурдной. Обратим внимание на характеристику украинских политических аналитиков: «эксперты сомнительных знаний». Российский эксперт дает недвусмысленную оценку предложению заминировать границу ядерными боеприпасами: «глупость», «бред». Эта эмоциональная квалификация дополняется рациональной аргументацией: сложностью процесса и нехваткой финансов для осуществления этого проекта.

Представляют интерес комментарии политических аналитиков, направленные на построение базовых пресуппозиций аудитории:

Нынешняя денежная масса должна быть разделена на две категории: наличные денежные средства и электронные деньги с высоким обменным курсом, а также максимальным затруднением использования наличности в любых расчетах. ... На происходящее, конечно, можно было бы смотреть с иронией. Концепция свободных денег является типичным примером либеральной ошибки. ... Если заработок должен немедленно полностью тратиться, значит, люди будут работать только за еду. Наивно предполагать, что за одну зарплату они смогут купить еще и сразу дом и прочие необходимые вещи долговременного использования. К примеру, в США приобретение жилья сопряжено с выплатой около трети годового дохода на протяжении тридцати лет. ... Считается, что сегодня 1% самых богатых людей Земли в сумме владеют состояниями, превосходящими стоимость активов 99% остальных людей Земли. Богатейшие 62 человека имеют столько же, сколько беднейшая половина населения планеты. В действительности это не совсем так. Подобные расчеты основаны на ряде, мягко скажем, не совсем адекватных допущений, о них поговорим отдельно. Однако в главном смысл остается верным (А. Запольских. Капитализм возвращается к рабству. URL: <http://www.iarex.ru/articles/66196.html>. 25.04.2019).

Этот текст является примером срастания аналитического заключения и публицистической статьи. В сознание публики внедряется идея новой цикличности общественного развития: рабовладение – феодализм – капитализм – новое рабовладение. Эта схема имеет право на существование как одно из теоретических допущений. Политическая позиция эксперта выражена прямо: капиталистическая модель развития общества по своей сути антигуманна, поскольку ведет к обнищанию подавляющего большинства человечества. Эксперт пользуется приемом упреждающего самооправдания, говоря, что цитируемые расчеты «основаны на не совсем адекватных допущениях». Вместе с тем понятно, что в сознании многих читателей останется основной пафос комментария, состоящий в обличении несправедливости нынешнего политического мироустройства.

Специалисты в области зарубежной политики объясняют читателям ту или иную ситуацию, требующую уточнения:

Время для того, чтобы лишить лидера оппозиции Хуана Гуайдо неприкосновенности, выбрано верно. Так эксперт по геополитике, член-корреспондент РАЕН Константин Соколов прокомментировал соответствующее обращение Верховного суда Венесуэлы к Национальному Учредительному собранию. «Парламент Венесуэлы — независимая организация, выборная, законодательный орган страны. Конечно, это обращение с просьбой, потому что принуждать парламент даже Верховный суд не может. В данной ситуации уже прошло довольно много времени с начала острых событий. И население измучено неопределенностью, нарушением нормального образа жизни. Мне кажется, что время выбрано правильно, многие депутаты могут пойти на лишение Гуайдо иммунитета», – цитирует «ПолитЭксперт» Соколова. Одобрение Национальным Учредительным собранием такого решения и последующий арест Гуайдо будет означать его политическую смерть, отметил он (<https://www.business-gazeta.ru/news/419297>).

Объясняя читателям специализированной газеты развитие кризиса в Венесуэле, эксперт констатирует особенности юридического устройства этой страны, его прогно-

стика выдержана в мягкой вероятностной модальности («мне кажется»). Таргетизация комментария обусловлена классом читателей, на которых сориентировано данное издание, и поэтому его знаком является подчеркнутая демонстрация уважения к адресатам. Редакция посчитала нужным подчеркнуть академический статус эксперта (член-корреспондент РАЕН).

На наших глазах происходит срастание коммуникативных способов подачи новостей и комментариев, присущих разным форматам средств массовой информации. В телевизионном формате ведущий может вести разговор с группой экспертов, тем самым достигается многомерность освещения события и некоторая драматизация, вытекающая из возможного несовпадения мнений. Этот способ подачи информации и комментариев используется и в газетах:

Якутия (Саха) оказалась на втором месте в мартовском «Рейтинге протестной активности российских регионов», подготовленном Институтом региональной экспертизы. Как отмечается, в Якутии уголовное преступление [изнасилование местной жительницы мигрантом] спровоцировало взрыв социального недовольства и фактический выход ситуации из-под контроля региональной власти. Подобные кризисные ситуации, по оценкам составителей исследования, «ставят под угрозу стабильное политическое существование данных региональных политиков». По мнению опрошенных Институтом региональной экспертизы специалистов, сегодня властями республики необходимо выстраивать коммуникацию с населением, а не заниматься попытками решать вопросы посредством популистских мер.

Как пояснил руководитель «Политической экспертной группы» Константин Калачев, гражданское общество в Якутии развито. «Люди там неравнодушные. Люди, которые любят свою землю. Если протестуют, значит, есть поводы. Для власти есть только одно решение – не создавать поводы. Желательно также вовремя включаться в обсуждение волнующих людей вопросов и не подливать масла в огонь», – пояснил эксперт. По его оценкам, «Якутия в чем-то опережает остальную Россию, поэтому опыт рабо-

ты власти с протестными настроениями там может служить полезным кейсом для других».

Антимигрантские настроения – это главная на сегодняшний день болевая точка в регионе, утверждает заведующий сектором Института социологии РАН, доктор социологических наук Владимир Мукомель. Волнения, которые начались после изнасилования местной жительницы, еще полностью не сошли на нет, полагает эксперт. Однако меры, реализуемые местными властями в качестве ответа на народные волнения, Мукомель считает во многом популистскими.

Политолог, руководитель агентства «Социальные коммуникации» Илья Паймушкин пояснил, что протесты, которые недавно прошли в Якутске, стали несколько подогретым всплеском недовольства населения. «Исходя из информации, которая уже известна правоохранительным органам, после совершения преступления группой лиц, представителями некоторых национально настроенных движений, было организовано распространение информации о преступлениях в национальном контексте. Жителей Якутска призывали на несанкционированный митинг. Руководитель администрации главы и правительства Якутии Федор Борисов, пришедший туда, пригласил всех, кто хочет поговорить на эту тему на следующий день, на городской стадион. На стадионе выступавшие, в том числе глава Республики Айсен Николаев и Сардана Авксентьева, выступали с риторикой, на которую и были настроены собравшиеся», – пояснил Паймушкин (<http://irex.group/articles/kak-holodnaya-yakutiya-stala-goryachei-tochkoi-respubliku-sotryasaut-protesty-retsepta-ot-kotoryh-pokane-naideno>).

Политические эксперты в приведенном тексте характеризуют ситуацию, сложившуюся в Якутии, с разных позиций. Первый эксперт высоко оценивает уровень политической активности населения республики, второй акцентирует внимание на сути протестов населения («антимигрантские настроения»), третий критически отзывается о действиях региональной власти. Главное обвинение состоит в том, что власть потеряла контроль над ситуацией и стала поды-

грывать населению. Порядок высказываний показывает, что в сильную финальную позицию вынесено именно обвинение власти в том, что ситуация стала неуправляемой. Обратим внимание на то, что базовые установки аналитиков отражают традиционную систему ценностей: народ всегда прав, политическая стабильность есть благо, эмоции населения должны быть под контролем власти, националистическая интерпретация развития событий в полиэтничном регионе является опасной.

Средства массовой информации последовательно проводят в жизнь тезис о том, что они являются четвертой властью в демократическом обществе. Заслуживает внимания пример, в котором политический эксперт полемизирует с представителем исполнительной власти (министерство внутренних дел):

Все участники интернет-дискуссий должны отказаться от анонимности и общаться под своими реальными именами. С таким предложением выступил новый начальник Управления «К» МВД России Алексей Машков. По его словам, социальные сети нередко несут в себе потенциальную угрозу устоям общества. Там экстремистские группы организуются, ведут агитацию, собирают деньги для преступных групп, а законопослушным людям, по мнению Машкова, нет смысла прятаться в Интернете за вымышленными именами. Эту тему для «Вестей ФМ» прокомментировал директор центра IT-исследований и экспертизы Академии народного хозяйства и госслужбы при президенте Михаил Брауде-Золотарев.

«Вести ФМ»: Михаил, ваше мнение интересно узнать по поводу этой инициативы.

Брауде-Золотарев: Вы знаете, она меня довольно сильно удивила. Я думаю, что она появилась в связи с 4 декабря и последовавшими за ним событиями в Интернете. Но мне кажется, что эта реакция не совсем адекватна ситуации. Мне кажется, что нет ни оснований к таким действиям или попыткам действий, ни перспектив вот таких действий. Даже если предположить, что анонимность в Интернете несет какие-то самостоятельные угрозы обществу, я не уверен, что это так. Я не уверен, что, если

эти угрозы есть, они сколько-нибудь существенны. Я думаю, что те преимущества, которые общество имеет благодаря нынешнему Интернету, многократно превышают эти гипотетические недостатки. И в этом смысле нет необходимости ни в каких мерах по запрету анонимности. Те сайты, те контрагенты, которые хотят иметь дело с авторизованными пользователями, всегда это могут сделать. Те же банки, те же интернет-провайдеры и прочее. В тех случаях, когда люди хотят общаться так, как они общаются, им не следует мешать. Я не думаю, что такие меры реалистичны. Количество людей, которым нравится нынешний Интернет, которые его используют и которые не захотят отказываться от этих преимуществ, не столь наглядных для правоохранительных органов, но очень наглядных для людей, их так много, что я думаю, что «поезд уже давно ушел».

«Вести ФМ»: Как это вообще технически можно сделать?

Брауде-Золотарев: Да, по сути дела, никак. Речь идет о создании фактически закрытой системы, изолированной от остального мира, получается. Можно как бы предложить архитектуру, описать ее, но это не реалистичная архитектура. По сути, это предложение, если быть последовательным, означает закрытие российского Интернета, его изоляцию.

«Вести ФМ»: По паспорту регистрироваться?

Брауде-Золотарев: Да, каким-то таким образом. Просто это все совершенно нереалистично, главное – совершенно не нужно, потому что Интернет ничего сам по себе не порождает. Интернет, так же как и прочие технологии, – это отражение общества, его потребности, его развития. И рассматривать его как самостоятельно действующую какую-то сущность, которую надо изолировать или прихлопнуть как-то, например, изменить, – это просто надо быть очень наивным и самонадеянным. Это невозможно сделать (<https://radiovesti.ru/brand/61177/episode/1392276>).

В качестве эксперта в данном случае, как и во многих других, выступает представитель академической общественности. Тезис

о том, что виртуализация общения в интернете может содержать социальные риски, не нов. Дистанцированность такой коммуникации и возможность выступить под маской-ником порождает много проблем, но, как справедливо отмечает эксперт, попытка устранить анонимность в интернете будет, по сути, означать устранение интернета, который стал в наши дни неотъемлемой частью современной жизни для большинства населения. Журналист и эксперт едины в том, что свобода личности не должна быть под угрозой. Эксперт признает, что анонимность допускает распространение вредной информации, но четко определяет типы авторизации пользователей (в финансовых операциях анонимность исключена, в других форматах общения она допустима). Упрек эксперта в адрес органов внутренних дел, выступивших с инициативой устранения анонимности в интернете, сводится к констатации нереалистичности этого предложения. Политический эксперт как типаж в данном случае выражает определенную систему ценностей, которые составляют фундамент демократического общества, с одной стороны, и базируются на постулате реалистичности в принятии решений, с другой стороны. Обратим внимание на то, что эксперт не высказывает предложений по поводу повышения ответственности пользователей интернета за со-

держание и форму компьютерно опосредованного общения.

Резюмирую.

Политический эксперт как медийный лингвокультурный типаж представляет собой обобщенный образ специалиста, выступающего с комментарием в средствах массовой информации по поводу актуальных вопросов современности. Презентационные знаки данного типажа сводятся к его статусной характеристике и указанию на степень известности при характеристике эксперта со стороны журналиста.

В телевизионном формате комментариев эксперта встречаются вербальные знаки статусного неравноправия эксперта и публики. Стилль комментариев эксперта в значительной мере зависит от имиджа того средства массовой информации, которое обращается к нему за оценкой того или иного политического явления или события.

Политической экспертизе в медийном дискурсе присущи следующие характеристики: 1) идеологическая ангажированность, составляющая суть политического дискурса, 2) таргетизация (нацеленность на определенный контингент адресатов), сближающая его с рекламным дискурсом, 3) упрощенная подача оценочного мнения, в определенной мере сближающая его с религиозным дискурсом.

Литература

1. Анненкова И. В. Медиариторика: основные направления исследований // Меди@льманах. – 2012. – № 1. – С. 6–13.
2. Асадуллаева А. В. Исторический криминальный лингвокультурный типаж «английский пират»: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2011. – 22 с.
3. Бейлинсон Л. С. Профессиональный дискурс: признаки, функции, нормы: монография. – Волгоград: Перемена, 2009. – 265 с.
4. Бровикова Л. Н. Лингвокультурный типаж «английский викарий»: эмблематические характеристики: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2013. – 26 с.
5. Валяйбоб А. В. Лингвокультурный типаж «американский первопроходец»: символические характеристики: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2013. – 20 с.
6. Гуляева Е. Ю. Лингвокультурный типаж «американский адвокат»: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2009. – 23 с.
7. Деревянская В. В. Лингвокультурный типаж «британский колониальный служащий»: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2008. – 21 с.

8. Дмитриева О. А. Лингвокультурные типажи России и Франции XIX века: монография. – Волгоград: Перемена, 2007. – 306 с.
9. Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ: учебное пособие для вузов. – М.: Флинта: Наука, 2008. – 263 с.
10. Дускаева Л. Р. Диалогическая природа газетных речевых жанров / под ред. М. Н. Кожинной. – СПб.: СПбГУ, филологический факультет, 2012. – 274 с.
11. Карасик В. И., Дмитриева О. А. Лингвокультурный типаж: к определению понятия // Аксиологическая лингвистика: Лингвокультурные типажи. – Волгоград: Парадигма, 2005. – С. 5–25.
12. Карасик В. И., Ярмахова Е. А. Лингвокультурный типаж «английский чудак». – М.: Гнозис, 2006. – 238 с.
13. Клушина Н. И. Стилистика публицистического текста. – М.: МедиаМир, 2008. – 244 с.
14. Коньков В. И. Речевые технологии в массовой коммуникации. – Ч.1. – СПб.: СПбГУ, институт «Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций», 2015. – 130 с.
15. Корконосенко С. Г. Основы журналистики: учебник для вузов. – М.: Аспект Пресс, 2001. – 287 с.
16. Коровина А. Ю. Лингвокультурный типаж «английский сноб»: автореф. дисс. ...канд. филол. наук. – Волгоград, 2008. – 22 с.
17. Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. – М.: Педагогика-пресс, 1994. – 247 с.
18. Маклюен М. Понимание Медиа: Внешние расширения человека. – М.; Жуковский: КАНОН-пресс-Ц, Кучково поле, 2003. – 464 с.
19. Мищенко М. В. Лингвокультурный типаж «американский ковбой» // Аксиологическая лингвистика: Лингвокультурные типажи. – Волгоград: Парадигма, 2005. – С.166–173.
20. Мурзинова И. А. Лингвокультурный типаж «британская королева»: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2009. – 24 с.
21. Попова С. В. Лингвокультурный типаж «школьная учительница»: субъектное позиционирование: дисс. ... канд. филол. наук. – Астрахань, 2011. – 24 с.
22. Рощина А. А. Эмблематические характеристики лингвокультурного типажа «китайский врачеватель»: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2012. – 23 с.
23. Селиверстова Л. П. Лингвокультурный типаж «Звезда Голливуда»: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2007. – 19 с.
24. Скачко Е. Ю. Лингвокультурный типаж «английский рыцарь» // Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типажи. – Волгоград: Парадигма, 2005. – С. 88–104.
25. Солганик Г. Я. Язык политики, язык СМИ (газеты) и литературный язык // Язык СМИ и политика. – М.: Изд-во Московского университета, 2012. – С. 245–262.
26. Тертычный А. А. Жанры периодической печати: учебное пособие. – М.: Аспект Пресс, 2000. – 312 с.
27. Хорольский В. В. Медийность текстов в средствах массовой коммуникации: монография. – М.: Флинта, 2015. – 242 с.
28. Чепкина Э. В. Русский журналистский дискурс: текстопорождающие практики и коды (1995 – 2000). – Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 2000. – 279 с.
29. Чернышова Т. В. Тексты СМИ в ментально-языковом пространстве современной России: монография. – М.: URSS, 2009. – 290 с.
30. Ярмахова Е.А. Лингвокультурный типаж «английский чудак»: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2005. – 19 с.

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ДОМИНАНТЫ МЕДИАОБРАЗА «ГУБЕРНАТОР» В РЕГИОНАЛЬНОМ МАССОВО-ИНФОРМАЦИОННОМ ДИСКУРСЕ¹

Статья посвящена анализу концептуальной и прагматилистической специфики репрезентации медиаобраза губернатора в региональном массово-информационном телевизионном дискурсе Омской области.

Эмпирическим материалом для исследования послужили медиатексты новостных программ омских телевизионных СМИ за период с 2003 по 2019 г.

За это время в Омской области сменилось три губернатора, медиаобразы которых существенно отличаются с точки зрения концептуальных доминант, являющихся базой для создания медиаобраза, и репертуара прагматилистических средств и приемов, используемых при их создании.

В статье предложена методика выявления и верификации концептуальных доминант медиаобраза, анализа трансформации прагматилистической парадигмы репрезентации медиаобраза, сделаны выводы о факторах и причинах, влияющих на корректировку и/или кардинальное изменение создаваемого в региональных СМИ медиаобраза губернатора, об аксиологической и когнитивной природе изучаемого феномена.

Ключевые слова: медиаобраз, концептуальные доминанты, массово-информационный дискурс, телевизионный медиатекст, прагматилистика.

Elena G. Malysheva, Olga S. Rogaleva
(Dostoevsky Omsk State University)

THE CONCEPTUAL DOMINANTS OF MEDIA IMAGE «GOVERNOR» IN THE REGIONAL MASS-INFORMATIONAL TELEVISION DISCOURSE

The article is devoted to the analysis of conceptual and pragmatylistic specificity of the Governor's media image representation in the regional mass information television discourse of the Omsk region.

The empirical material for the study was media texts of news programs of Omsk television media for the period from 2003 to 2019.

During this time, in the Omsk region three governors were replaced. Their media images differ significantly in terms of conceptual dominants, which are the basis for creating a media image and in terms of repertoire of pragmatylistic tools and techniques used when creating them.

The article proposes a method of identification and verification of conceptual dominants of the media image, a method of analysis of the pragmatylistic transformation of the Governor's media image. Conclusions are made about factors and causes which affect the adjustment and/or radical change in the media image of the Governor created in the regional media, about the axiological and cognitive nature of the studied phenomenon.

Key words: media image, conceptual dominants, mass-informational discourse, television media text, pragmatylistic.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Омской области в рамках научного проекта № 18-412-550001.

Если реципиент воспринимает информацию из СМИ, он имеет дело не с конкретными событиями, фактами, явлениями – не с объективным бытием, а с определенным медийным образом этого бытия. В. А. Конев отмечает, что посредник создает видимость реальности, а не саму реальность (Конев 2009: 4). Пожалуй, это обстоятельство является основополагающим для определения медиаобраза.

В отечественной науке понятие «медиаобраз» терминологически определилось сравнительно недавно, при этом во многих работах исследователи до сих пор не разграничивают понятия «медиаобраз» и «концепт», «медиаобраз» и «имидж» (Терских 2015).

Медиаобраз как «совокупность эмоциональных и рациональных представлений, основанных на информации, получаемой из СМИ» (Марущак 2012: 95), а также как «особый образ реальности, предъявляемый массовой аудитории медиаиндустрией» (Богдан 2007: 124) обладает рядом дифференциальных признаков (Сезонов 2015: 35–37): стереотипность: медиаобраз формируется СМИ в склонном к стереотипизации массовом сознании аудитории, готовой к образному анализу и легко воспринимающей мифы и символы; утрированность: наиболее яркие черты объективного бытия, которое представляет медиаобраз, возводятся в наивысшую степень; кратковременность: медиаобраз динамичен, а его «срок жизни» задается рядом параметров, среди которых можно назвать социальные, экономические, политические факторы, узнаваемость объекта отражения и т. д.; двойственность: медиаобраз базируется на объективном бытии, отражает ее, однако в то же время является искусственно созданным продуктом медиаиндустрии; эмоциональность: медиаобраз апеллирует к эмоциональности, на основе которой формируется отношение к реальному объекту действительности.

Полагаем, можно добавить к данному списку еще два важных дифференциальных признака: медиадискурсивная детерминированность (медиаобраз создается непосредственно СМИ и предъявляется массовой аудитории, потребителю информации) и референциальность (соотнесенность с объектом действительности).

Таким образом, с учетом вышесказанного можно предполагать, что воздействующий потенциал медиаобраза, т. е. его способность влиять на массовое сознание, зависит в основном от трех параметров: частотность позиционирования того или иного объекта реальной действительности, степень эмоциональности и близость референта к аудитории. Действительно, для того, чтобы медиаобраз эффективно воздействовал на массовую аудиторию, необходимо, во-первых, чтобы он постоянно подкреплялся новыми сообщениями о конкретном объекте. Во-вторых, медиаобраз тем сильнее рефреймирует знания и представления об объективном бытии, чем «изолированнее» от непосредственного восприятия находится референт медиаобраза. Например, медиаобраз Омска для омичей может подвергаться сомнению, критике, поскольку жители города непосредственно воспринимают все происходящее в нем. Медиаобраз геополитического конфликта, на наш взгляд, подвергается меньшему сомнению, поскольку аудитория «выключена» из непосредственного восприятия событий и вынуждена получать исключительно обработанную массмедиа информацию. Наконец, медиаобраз не может существовать вне прагматики. Именно процессы негативизации или, наоборот, позитивизации бытия создают определенную картину мира в сознании адресата.

Представляется целесообразным в связи со сказанным выше уточнить дефиницию понятия «медиаобраз». Итак, **медиаобраз** – это «репрезентированный в медиатекстах фрагмент информационной (медийной) картины мира; относительно устойчивая, непрерывно развивающаяся виртуальная модель того или иного объекта/явления действительности, конструируемая СМИ, которая как отражает, так и рефреймирует и/или формирует знания и представления адресата» (Малышева, Гриднев 2017: 58).

Полагаем, следует сделать еще одно важное замечание о природе медиаобраза. На наш взгляд, медиаобраз — «эластичная» категория, объем которой зависит от специфики дискурса, в котором он конструируется, и медиаполя, в котором функционирует дискурс. Например, можно выделить телеви-

зионный медиаобраз города. В этом случае внимание акцентируется на дискурсивном параметре. В то же время, когда мы говорим о медиаобразе города в региональных СМИ, мы обуславливаем характеристику медиаполя. Очевидно, что медиаобраз одного и того же объекта будет отличаться, если рассматривать его в разных типах дискурса и в разных измерениях медиаполя.

В настоящем исследовании медиаобраз губернатора Омской области рассматривается в разных типах дискурса – телевизионном и интернет, которые объединены базовой коммуникативной установкой – информирование адресата. Измерения медиаполя также различны: рассматривается специфика конструирования медиаобраза в региональном и федеральном массово-информационном дискурсе.

Термин «массово-информационный дискурс» предложен А. В. Оляничем и определен как «сложный конструкт, дискурс-гибрид, содержащий различные... типы взаимопроникающих и трансформирующихся дискурсов, транспортирующих разнообразные образы и концепты окружающего мира в индивидуальное и массовое сознание» (Олянич 2007: 13).

Массово-информационный дискурс рассматривается в настоящей работе как пространство конструирования медиареальности и создания медиаобраза.

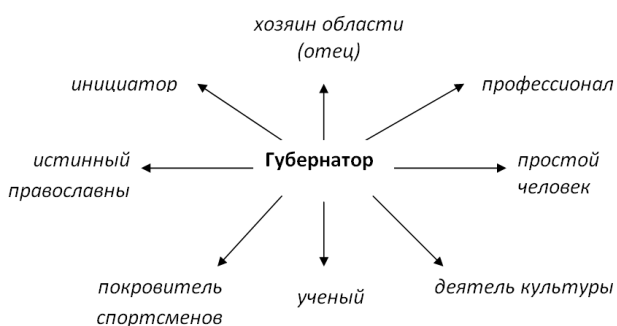
Медиаобраз как ментальный конструкт интерпретируется посредством системы концептуальных доминант, в роли которых могут выступать концептуальные модели (метафорические и метонимические), когнитивные стереотипы и т. п., «задающие» семантическое и коммуникативно-прагматическое своеобразие текстов, в которых происходит языковая объективация медиаобраза. Языковое воплощение названных доминант в дискурсе происходит прежде всего на лексико-семантическом уровне за счет актуализации лексем, входящих в те или иные тематико-аксиологические группы.

Воспользовавшись методикой когнитивного моделирования, рассмотрим, посредством каких базовых концептуальных метонимических моделей происходила интерпретация медиаобраза «Губернатор» в

массово-информационном региональном телевизионном дискурсе в 2003–2007 гг., во время правления первого губернатора Омской области Л. К. Полежаева.

В результате проведенного анализа нами выявлена система концептуальных моделей с означаемым «Губернатор», или когнитивно-языковая карта, где означаемые очерчивают понятийные сферы исследуемого феномена и позволяют выделить его базовые концептуальные признаки.

В названной системе концептуальных моделей выделяется центральная, наиболее общая, инвариантная концептуальная модель «Губернатор – хозяин области» и более частные модели. В схематическом виде система концептуальных моделей с означаемым «Губернатор» может быть представлена следующим образом:

Определяющей для создаваемой средствами СМИ того периода картины мира является концептуальная модель «Власть – это губернатор», наиболее полным языковым репрезентантом которой можно считать формулу *правительство Омской области и лично (вариант – в лице) Леонид Константинович Полежаев*, которая воспроизводит стереотипы недавнего исторического прошлого.

Данные концептуальные модели реализуются в словесных клише и стереотипных сочетаниях, устойчивых лексических формулах, употребление которых было частотно, если не сказать навязчиво.

Реконструируем фрагмент медийной картины мира того периода, созданный в массово-информационном региональном телевизионном дискурсе и эксплицирующий медиаобраз главы региона.

Итак, именно губернатор ежедневно ставит задачи, задумывает и воплощает в жизнь грандиозные программы и проекты, стройки века. По инициативе губернатора создается все в нашем регионе: мосты, дороги, дома, храмы, театры, спортивные сооружения, больницы. С его помощью и при его поддержке одерживают спортивные победы, развивается наука, культура и искусство.

Степень положительной оценки в лексемах, характеризующих деятельность губернатора, часто «зашкаливает»: он наделяется эпитетами *мудрый, дальновидный, волевой, хозяйственный, решительный, внимательный*. При этом примеров нейтрального или тем более отрицательного отношения как к самому губернатору, его личным качествам, так и к его работе в текстах исследуемых СМИ не обнаружено. Впрочем, губернатор-человек, с его личной жизнью и человеческими слабостями, почти не репрезентирован в СМИ, он – явно фигура государственная, масштабная, которой чужды колебания, рефлексия, слабости и сомнения. Тем не менее образ губернатора не совсем лишен простых человеческих черт: иногда демонстрируется его любовь к спорту, искусству, детям, родному краю, его отеческая забота и человеческая близость к простому народу.

Особенно ярко названные семантические признаки исследуемого медиаобраза реализуются в достаточно новых жанровых формах массово-информационного дискурса, каковыми являются уже ставшая традиционной программа «Губернаторский час», представляющая собой, по сути дела, диалог губернатора с населением и журналистами, а также интерактивные конференции на заданные темы, где главным действующим лицом также является губернатор.

В медийной картине мира, репрезентированной в массово-информационном региональном телевизионном дискурсе периода правления Л. К. Полежаева, практически не находят отражения объективно существующие проблемы и трудности региона, с которыми сталкиваются его жители и которые не замечает и не решает региональная власть, в том числе в лице губернатора. А если какие-либо временные проблемы и обнаруживаются, то благодаря вмешательству губернатора

они становятся незначительными или вовсе исчезают.

В СМИ постоянно подчеркивается благополучная и созидательная жизнь Омского региона в сравнении с другими областями России: журналист Е.Вовк в специальной рубрике нескольких выпусков «Часа новостей» сравнивала, насколько лучше живут омские пенсионеры, насколько лучше работает омский транспорт, омские больницы и пр., и верифицировала свои выводы интервью с жителями нашего и соседних регионов, статистическими выкладками, таблицами и графиками. При этом журналист постоянно подчеркивала, что жители нашей области должны быть благодарны мудрой политике областной власти во главе с губернатором.

Таким образом, время правления первого губернатора Омской области отмечено, на наш взгляд, явным возвратом региональных СМИ к деформированной идеологической картине мира тоталитарного периода, которая воплощается в исчислимом наборе «новоидеологем», политических клише, формул и стереотипов.

Характерной прагмастилистической чертой телевизионных медиатекстов, эксплицирующих медиаобраз «Губернатор», становится появление в репортажах языковых признаков художественного эпического произведения. Видимо, такого рода жанрово-стилистические «смещения» были призваны дать новое видение образа Власти и событий, происходящих в регионе, показать масштабность, историчность, эпохальность этих свершений.

Показательным в этом смысле является прямой телерепортаж М. Кононова с открытия метрополитана им. 60-летия Победы:

Добрый день, уважаемые телезрители! Я вам скажу, день сегодня действительно добрый, особенный! День – исторический! Я настаиваю на этой формулировке! Нет никаких сомнений: 18 октября 2005 года будет вписано в историю Омска, в историю региона. В историю России!

Два года назад – вспомните – здесь не было ничего! Катил свои воды седой Иртыш, да чайки летали. Город задыхался от транспортных потоков, а бездельники ворчали: «Так все и будет!» Стратегическое

предвидение, точный расчет и политическая воля! Губернатор-зодчий, губернатор-строитель сказал: «Будет! Обязательно будет!» – и стал мост, и распростер свои крылья, утвердился опорами, зажегся ночными огнями, и корабли отдают ему салют!..

Обратим внимание на несвойственную прямому репортажу лексику и синтаксические конструкции, имитирующие былинный сказ. Эпичен в этом репортаже и образ моста, который, безусловно, был нужен городу, но вряд ли заслуживал таких сравнений и эмоций журналиста.

Примечательно, что для актуализации в структуре медиаобраза «Губернатор» семантических признаков 'инициатор', 'деятельный', 'работающий' в тексте использована смысловая оппозиция, выраженная лексемами *бездельники* и *губернатор*, контекстная близость которых подчеркивает их противопоставленность.

Заметим, что «народ» в интерпретации СМИ того времени всецело одобрял работу властей и – главное – отождествлял все позитивные перемены в области с именем губернатора.

Таким образом, когнитивная и прагматическая специфика репрезентации медиаобраза губернатора региональными СМИ заключается в следующем (Кузьмина 2007: 197): отсутствие «аксиологического плюрализма»; тенденциозность и односторонность отражения общественно-политических процессов, происходящих в регионе; отождествление образа губернатора с самим понятием «власть», акцентирование внимания на единоличном владении ею, а также сакрализация персоны главы региона в рамках регионального массово-информационного дискурса; сходная с «новоязом» тоталитарной эпохи языковая репрезентация этого концепта, а именно использование многочисленных клише и готовых идеологических формул, языковых стереотипов и устойчивых номинаций, часто семантически опустошенных, которая, по сути дела, позволяет говорить о «новой волне идеологизации языка СМИ, создающей новые идеологемы», такие как медиаобраз «Губернатор».

Подчеркнем, что «новая идеологизация» омских региональных СМИ все-таки не была

типичным явлением для массово-информационного дискурса других регионов. Приход к власти в 2012 г. нового губернатора Омской области – В. И. Назарова – продемонстрировал резкую смену прагматическо-стилистического вектора в вербализации медиаобраза «Губернатор», причем если областной «12 канал» начал освещать действия региональной власти преимущественно в нейтральном ключе, то появились региональные телевизионные СМИ, такие как телеканал «Продвижение», которые демонстрировали новое для медиаполя Омской области явление – тенденцию к негативизации образа областной власти и губернатора.

Так, в медиатекстах канала «Продвижение» губернатор представляется 'некомпетентным', 'слабым лидером': *Фантомас, магистр Йода, Смеагол. Вымышленные персонажи, по мнению омичей, больше подходят на роль губернатора Назарова; В списке аутсайдеров. Виктор Назаров вошел в пятерку самых неэффективных губернаторов; Вызвали на ковер. Губернатору пришлось объясняться перед премьер-министром за бездорожье в горode.*

Некомпетентность главы региона подчеркивается не только репрезентацией его места в межрегиональном списке эффективных губернаторов (конец списка), но и через ироническое сравнение Виктора Назарова с вымышленными персонажами фантастических кино- и литературных произведений (злодей Фантомас из одноименной кинотрилогии, «мудрейший и сильнейший» джедай магистр Йода из киноэпопеи «Звездные войны», обезумевший от власти Кольца Всевластья Смеагол, также известный как Голлум из произведения Дж. Р. Р. Толкина «Властелин колец»). При этом подчеркивается, что вышеперечисленные персонажи «больше подходят» на роль регионального главы, что создает когнитивный стереотип 'Губернатор Омской области настолько плох, что на его месте лучше справился бы кинозлодей', а также 'Управление Омской областью можно доверить только существу со сверхспособностями'. Слабость губернатора как лидера отмечается в контекстах *вызвали на ковер, пришлось объясняться*, что создает образ слабого и провинившегося руководителя.

«12 канал» конструирует образ главы региона совершенно иначе: **Точку в споре поставил губернатор. Одинокие старики не будут платить за капремонт; Цветы из рук главного мужчины региона. Виктор Назаров наградил омичек в преддверии праздника; Полторы тысячи вопросов и 2,5 часа общения. Диалог с губернатором бьет рекорды. И кто уже получил ответы на обращения, прозвучавшие в прямом эфире?; Беспозных дорог стало меньше. После обращения в программу «Диалог с губернатором» в регионе началась масштабная инвентаризация автотрасс.**

Как видим, «12 канал», отказавшись от создания «сакральной» фигуры «хозяина» региона, тем не менее продолжает конструировать позитивный медиаобраз губернатора Виктора Назарова, что достигается путем частотных сообщений о деятельности главы региона, его активном участии в жизни омичей, стремлении помочь «всему миру». Губернатор характеризуется как ‘безусловный лидер’, способный «поставить точку» в сложных, но важных социальных проблемах. Виктору Назарову приписывается образ ‘главного мужчины региона’ – добродушного «хозяина».

Итак, смена прежде всего «когнитивных установок», задающих смысловую интерпретацию медиаобраза «Губернатор», привела к трансформации фрагмента медийной картины мира, который создавался в массово-информационном региональном телевизионном дискурсе в период с 2012 по 2017 гг. При этом впервые телевизионные СМИ Омской области «предъявили» массовому адресату медиаобраз губернатора, который отмечен асимметричными аксиологическими признаками. Причина этого кроется в неодинаковой интерпретации журналистами одного и того же информационного повода. Думается, «конфликтность» медиаобразов губернатора, конструируемых различными телевизионными СМИ региона, была обусловлена в первую очередь отличием взгляда на один и тот же объект, в чем и обнаруживается сущность медиаобраза как виртуальной модели бытия, неравнозначной реальной действительности.

Однако «действительность» все же оказывает существенное влияние на формиро-

вание доминирующих когнитивных черт в структуре медиаобраза, а значит, тоже определяет смену прагматилистической парадигмы в языковой экспликации медиаобраза губернатора в СМИ. Показателен в этом смысле следующий текст с «говорящим» заголовком «Хороший человек» Назаров так и не стал губернатором: **Но уже скоро стало понятно, что «хороший человек Виктор Иванович» как политик и рядом не стоит со своим предшественником... Элиты также не восприняли приход «мягкого» губернатора, последовавший за «тоталитарной» (по мнению некоторых политологов) эпохой Полежаева. Статья объединяющим центром для бизнеса, промышленности, депутатов, силовиков и федеральных структур он не смог, да, может, и не захотел** (РИА Омск-Информ. 09.10.2017).

В 2017 г. произошло два значимых для регионального медиапространства события. В июне 2017 г. произошло реформирование телеканала «Продвижение»: руководство отказалось от региональных новостей в пользу развлекательного контента. 9 октября 2017 г. президент назначил временно исполняющим обязанности губернатора Омской области А. Л. Буркова.

Медиаобраз губернатора продолжает оставаться ключевым для массово-информационного регионального дискурса, где упоминания об А. Л. Буркове появляются в октябре 2017 г., когда он становится врио губернатора. Следует отметить, что созданный на этом этапе образ А. Л. Буркова не отличается большим разнообразием оценок. Новостные сообщения основываются на комментариях региональных политиков, которые связывают с новым губернатором улучшение экономической и политической ситуации в регионе: **Эксперты считают, что опыт Александра Буркова сыграет на руку Омской области** («12 канал». 09.10.2017); **Секретарь омского обкома КПРФ пожелал Александру Буркову найти «пути возрождения» региона** («12 канал». 17.10.2017).

В дальнейшем в региональных СМИ происходит актуализация следующих признаков: 1) пользуется поддержкой федеральной власти: **Олег Смолин присоединился к предвыборному штабу Александра Бурко-**

ва. Депутат Госдумы уверен, что именно врио губернатора добьется социальной справедливости в Омском регионе («12 канал». 24.08.2018); *Президент России отметил успехи Буркова в Омской области* («12 канал». 28.08.2018); 2) успешный политик/управленец: Александр Бурков *сделал Омск Дельфийской столицей*. Александр Бурков и директор международного дельфийского комитета Владимир Понявин подписали соглашение («12 канал». 05.09.2018); 3) «жесткий» стиль руководства: Александр Бурков *потребовал* выплатить компенсации фермерам, пострадавшим от АЧС, четко в срок («12 канал». 17.10.2017); Александр Бурков *жестко раскритиковал* работу двух ресурсных компаний. Он поручил областному Минстрою взять на контроль деятельность «ОмскОблВодопровода» («12 канал». 28.11.2018). В новостных сообщениях частотными оказываются глаголы *потребовал, раскритиковал, призвал, выяснил*.

Образ эффективного управленца создается путем транслирования информации о решении социально-экономических проблем региона: Глава Омской области *нашел инвестора для тарского леса*. Александр Бурков *договорился* с компанией «ЭкспортЛес» о реализации инвестиционного проекта по созданию деревообрабатывающего производства в Тарском районе («12 канал». 14.08.2018); Глава Омской области *заключил с Минсельхозом России соглашение* о возмещении затрат («12 канал». 20.08.2018); *После вмешательства* Александра Буркова в Омской области достроили дом для переселенцев из ветхого жилья («12 канал». 27.08.2018); Александр Бурков *позаботился о поставке* в Омскую область машин скорой помощи и школьных автобусов. Они будут куплены на федеральные средства («12 канал». 07.09.2018).

Образ социально ориентированного руководителя конструируется посредством распространения информации о планах по реализации социальных программ, направленных на улучшение жизни населения Омской области: Александр Бурков: *самое главное – решать вопросы повышения уровня жизни и комфорта* на Омской земле. Врио губернатора Омской области *вступил в должность и обозначил задачи, которые на-*

мерен решать в первую очередь («12 канал». 11.10.2017); Александр Бурков: *Правительство Омской области гарантирует исполнение всех социальных обязательств* («12 канал». 25.10.2017).

Образ квалифицированного эксперта формируется путем сообщений о его инициативах модернизации различных сфер жизнедеятельности региона, в том числе на федеральном уровне: Александр Бурков *намерен модернизировать систему наблюдения за выбросами в Омске*. В Правительстве региона прошло большое совещание по экологии с участием Дениса Храмова («12 канал». 9.08.2018); Александр Бурков *запустил пилотный проект* по переводу энергетической инфраструктуры Омска на цифровые технологии («12 канал». 14.08.2018).

Как видим, медиаобраз губернатора в региональных СМИ строится на информационных сообщениях о направлениях деятельности главы региона – преимущественно управленческой и хозяйственной, но не политической.

По данным компании «Медиалогия», составившей медиарейтинги губернаторов за ноябрь 2018 г., Александр Бурков занял третье место в рейтинге губернаторов СФО (3728 сообщений в СМИ): Губернатор Омской области Александр Бурков в Москве провел ряд встреч в федеральном Минстрое по проблемам дольщиков. Также СМИ сообщали, что губернатор Александр Бурков добился привлечения дополнительных средств из федерального центра на участие региона в национальных проектах. Помимо этого сообщалось, что на XV Форуме Межрегионального сотрудничества Казахстана и России губернатор Омской области Александр Бурков представил Президенту РФ Владимиру Путину и президенту Казахстана Нурсултану Назарбаеву фонтан из сгущенного молока. Омский государственный драматический театр «Галерка» представил первый спектакль в обновленном здании. Постановку «Сергей Есенин» посетил глава региона Александр Бурков (<https://www.mlg.ru/ratings/vlast/governors/6381/>).

Отметим, что со времени правления первого губернатора Л. К. Полежаева кардинально изменилась структура регионального медиаполя: ведущую роль в формировании медиаобраза губернатора заняли интернет-СМИ, которые, в отличие от телевизионных,

более детально, многосторонне и системно конструируют изучаемый медиаобраз, демонстрируя динамику его развития.

Так, после периода констатации ожиданий от прихода нового главы региона, рассмотрения его политической биографии и достижений наступает период осмысления первых итогов правления. Власть не просто больше не сакрализуется, журналисты не стремятся создать образ «хорошего человека» или «мудрого хозяина». Медиаобраз губернатора сегодня – это прежде всего образ успешного/неуспешного, эффективного/неэффективного управленца, менеджера, способного взаимодействовать с федеральной властью и местными элитами.

Критика нового главы региона осуществляется в региональных интернет-СМИ прежде всего в комментариях политологов: ... *обновление состава правительства идет крайне медленно, и направления работы Буркова в кадровом вопросе постоянно меняются. Первое, с чего он начал, – привлечение своих людей из Екатеринбурга... Обращаться по любому вопросу к федеральному центру – это излюбленная риторика Буркова* (Новый Омск. 22.11.2018).

Таким образом, сквозь призму смены прагматистической парадигмы репрезентации медиаобраза «Губернатор» нами выявлена смена концептуальных доминант, интерпретирующих изучаемый медиаобраз. Продемонстрирована валидность различных методик и методических приемов, использованных при анализе: изучение тематико-аксиологических групп лексики, посредством которых происходит вербализация медиаобраза; выявление базовых концептуальных признаков медиаобраза; когнитивное моделирование и создание когнитивно-языковой карты медиаобраза; реконструкция фрагмента медийной картины мира, детерминированной изучаемым феноменом.

Проведенное исследование позволяет сделать противоречивые выводы о том, что медиаобраз губернатора обладает всеми признаками, выделенными нами ранее при характеристике данного объекта, в том числе чрезвычайно важным представляется замечание о том, что медиаобраз, с одной стороны, основывается на объективном бытии, отражает ее, с другой стороны – является медийным конструктом.

Литература

1. Богдан Е. Н. Медиаобраз России как средство консолидации общества: структурно-функциональные характеристики: дисс. ... канд. филол. наук. – М., 2007. – 224 с.
2. Конев В. А. Медиа-реальность и реальность медиа // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Философия. Филология». – 2009. – № 2. – С. 3–10.
3. Кузьмина Н. А. Деидеологизация или новая идеологизация? (Идеологемы нового времени) // Язык и стиль современных средств массовой информации. Межвузовский сборник научных трудов Всероссийской конференции, посвященной 80-летию профессора Н. С. Валгиной. – М.: МГУП, 2007. – С.192–198.
4. Малышева Е. Г., Гриднев Н. А. Реконструкция медиаобраза Омска (на материале текстов регионального телевизионного массово-информационного дискурса и данных ресурса «Медиалогия») // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. – № 4 (17). – 2017. – С. 57–61.
5. Марущак А. В. Политико-социальный образ России в американском медиапространстве // Журналистский ежегодник. – 2012. – № 1. – С. 93–96.
6. Олянич А. В. Презентационная теория дискурса: Монография. – М.: Гнозис, 2007. – 407 с.
7. Сезонов Т. В. Концептуализация медиаобраза IT-Girl в российском медиапространстве глянцевого журнала: дисс. ... канд. филол. наук. – М., 2015. – 177 с.
8. Терских М. В., Маленова Е. Д. Медиаобраз сибирского региона: лингвокогнитивное моделирование: монография. – Омск: ЛИТЕРА, 2015. – 157 с.

С. Ф. Барышева

(Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова)

ФОНОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ ТИПЫ ИНФОРМАЦИОННО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ТЕЛЕДИСКУРСА

В статье предпринята попытка фоностилистической классификации звучащих текстов информационно-публицистического теледискурса (жанр «новости») на основе соотношения нейтральных и ненейтральных (разговорных, официальных) признаков двух классов: сегментных и просодических. Выделены три фоностилистических типа информационных телепередач, а также их разновидности.

Ключевые слова: фоностилистика, информационно-публицистический дискурс, жанр «новости», сегментные и просодические признаки.

Svetlana F. Barysheva

(Lomonosov Moscow State University)

PHONOSTYLISTIC TYPES OF INFORMATION AND PUBLICISTIC TELEVISION DISCOURSE

The article attempts to classify the sounding texts of information and journalistic television discourse (genre “news”) on the basis of the ratio of neutral and non-neutral (colloquial, official) features of two classes: segmental and prose. Three phonostylistic types of information TV programs, as well as their varieties, are distinguished.

Key words: phonostylistic, information and publicistic discourse, «news» genre, segmental and prose-directional features.

Жанр новостей уже привлекал внимание исследователей-фонетистов. Сегментная фонетика этого жанра и тенденции ее организации рассматривались в работах Ж. В. Ганиева (Ганиев 1990) и И. А. Вещиковой (Вещикова 2007). Сегментные и суперсегментные особенности дикторской речи середины – второй половины XX в. были предметом внимания И. А. Вещиковой (Вещикова 2019: 102–114), конца XX в. – С. М. Кузьминой (Кузьмина 1996: 10–11) и О. А. Прохвятиловой (1996: 115–121); начала XXI века – М. Л. Каленчук и Р. Ф. Касаткиной (Каленчук, Касаткина 2007). О. А. Прохвятилова исследовала ритмическую сторону дикторской речи (Прохвятилова 2014). Л. А. Нефедова описала просодические особенности новостного жанра на период начала XXI века в аспекте противопоставления его с другими тележанрами (спортивным репортажем, ток-шоу, авторской аналитической программой, прогнозом погоды и др.) (Нефедова 2008: 30). Эти и подобные работы сосредоточены на описании новостного тележанра как статичного комплекса фонопризнаков, некоего, по выражению И. А. Вещиковой, «произносительного медиастандарта».

С нашей точки зрения, современный информационный теледискурс с фонетической точки зрения не моноструктурен и включает несколько фонетистических подтипов. Подтверждением этого являются результаты проведенного нами фонетистического анализа материалов Мониторинга речевого поведения русскоязычных журналистов в России, странах ближнего и дальнего зарубежья, организованного РОПРЯЛ в 2018 г.

Описание фонетистических типов информационно-публицистического теледискурса мы проводим по соотношению нейтрально-нормативных и ненейтральных явлений в двух областях: сегментной и просодической.

Анализ звучащего материала позволил выделить следующие фонетистические жанры информационно-публицистического теледискурса.

1. Официально-публицистический тип

В этом случае произношение ведущего/тележурналиста является образцом ней-

трального стиля произношения в области сегментной фонетики и образцом официально-публицистического стиля в области просодики.

Проявлением официально-публицистического стиля в просодике являются отсутствие эмоционально-экспрессивных реализаций ИК, интонационный рисунок в этом случае однотипен и состоит из нейтральных неэмоциональных реализаций; отмечается стабильный ускоренный темп и средняя громкость; паузация грамматическая и представлена фразовыми паузами, преимущественно короткими; тембр голоса безэмоционален. На звуковом уровне тексты эти типа характеризуются полным стилем произнесения, т. е. отсутствием разговорных стяжений.

Анализ звукового материала показывает, что в этой группе можно выделить две подгруппы: к первой (условно 1а) относятся тексты с максимально «официальной» просодикой, выражающейся в намеренном просодическом монотоне; ко второй группе (условно 1б) относятся тексты с мелодическими повышениями. Пример текста типа 1а¹:

- Нам удалОсь побывать за кули^бсами и посмотреть кАк готовятся артисты к грандиозному шоу «Алые паруса» / Организаторы как всегда приготовили множество сюрпризов Ведь гЛАвная особенность праздника в том что представления никогда не повторяются / До начала основного конце^рта на сцЕне выступали молодежные коллективы победившие

¹ При записи звучащей речи не используются знаки препинания; речь записывается как речевой поток, прерываемый паузами (значки / или //). Используются большие буквы как сигнал новой фразы или собственного имени. При описании используются некоторые специальные значки:

се^гд^ня – тип интонационной конструкции

се^гОд^ня – слово с акцентным выделением

сегод^ня – замедленное произнесение

э – редуцированный гласный как заполнитель паузы

сегод^ня – ускоренный темп

/ или // – паузы, соответственно короткая и длинная

се[во:]д^ня – удлинение звука

| - психологическая пауза

в конкурсе который проводился в городе уже во второй раз / Не обошлось и тут без приятных неожиданностей / Второй год подряд с песней посвященной любимому городу победил коллектив «Петербургская лексема» / Особенность этого коллектива в том что все его участники инвалиды по слуху / Именно Их своим специальным призом отметила газета «Известия» которой в этом году исполнилось / сто лет // Ребята узнали о награде прямо на сцене когда на нее вышел заместитель главного редактора издания Сергей Коротеев (Санкт-Петербург).

Перед нами один из образцов нейтрального стиля произношения: речь ведущего характеризуется полным стилем произношения, на просодическом уровне господствует мелодический монотон среднего тона как в конечных, так и в неконечных тактах, «компенсируемый» логическими ударениями и строго синтаксическими паузами.

Ко второй этой группе мы относим тексты с частотным высотным диапазоном типа ИК-3 и ИК-6. Традиционно в фоностилистике первые трактовались как разговорные контуры, а вторые как поэтические. Но в настоящее время стилевые эффекты этих конструкций нейтрализуются (Иванова-Лукиянова 2004). Примеры текстов данного типа более многочисленны. Приведем один из них:

- Межрегиональный айти-форум «Современные информационные технологии для государства и общества» прошел в Вологде шестого седьмого апреля / Уже в девятый раз он собрал представителей айти-сферы из нескольких регионов России / Организаторы масштабного мероприятия клуб айти-директоров города Вологды / и правительство Вологодской области / [регистр повышен:] Центральной темой деловой части форума / стала цифровая экономика / Мир активно стремится к новой экономической реальности / Эксперты айти-форума убеждены / что новая эра уже на пороге / Переход на электронный документооборот и внедрение онлайн-ресурсов только начало новой жизни / Полностью ни одна страна не живет в

этой реальности / Но технологический прорыв наметился / И он вполне может произойти / в России // (ГТРК «Вологда»).

Авторское чтение отличают четкая дикция при среднем темпе, правильные логические ударения, наличие межфразовых пауз. Мелодика конечных тактов – преимущественно ИК-1, неконечных – ровная или с повышениями типа ИК-3 и ИК-6.

2. Разговорно-публицистический тип

Этот тип также неоднороден в своих проявлениях, и в нем можно выделить несколько подтипов:

а) произношение (звуковой состав слов) – нейтральный стиль, просодика – разговорный (просодические контрасты, эмоциональные реализации)

- Приморье в объективах наших фотографов на выставке в центре народной культуры Здесь самые живописные места края животные дети / Фестиваль «Глубина реальности» приурочили / к восьмидесятилетию края / Он объединил как любителей так и профессионалов / для популяризации искусства и обмена опытом (нижний регистр:) Из более чем девятисот работ выбрали шестьдесят три фотографии в пяти / номинациях / (Приморский край).

В дикторском чтении с нейтрально-нормативным (полным) стилем произношения контрастируют нагромождения эмоциональных ИК-5, психологические паузы, а также смена темпа и регистра. Неоднократны и случаи нарушения целостности фонетического слова в виде отрыва предлога.

б) произношение – разговорный стиль, просодика – официально-публицистический стиль

Как уже отмечалось, разговорный фонетический стиль характеризуется прежде всего звуковыми эллипсисами. В проанализированных нами информационных выпусках примеров разговорного эллипсиса в сочетании с официально-публицистической просодикой немного. Этот тип информационного теледискурса встречается редко. Один из таких примеров приведен далее:

- Серьезные изменения произошли в сфере регистрации сделок с недвижимостью / Президент Владимир Путин подписал новый федеральный закон Часть его по-

ложений уже вступила в силу / Итак о чем они гласят / Все договоры ипотеки долЕй уже удостоверяются нота²риусом До сих через нотариуса / совершались сделки продАжи дарЕния мЕ⁴ны долей в со[пстн]ости на недвижимо[с'] / С Этого момента Росреестр НЕ регистрирует договор ипо-теки на дОлю в кварти⁶ре / если они не заверены нотариально / А с первого фев-раля две тысячи девятнАдцатого года / нотариус / удостоверив сдЕлку с недви-жимостью сАм в течение одного дня / на-правит в Росреестр заявление / о государ-ственной регистрации прав / и необхо-димые документы в электрОнном ви¹де / Для грАждан услуга будет бесплатной / Кроме того в закОне предусмотрены но-вые возможности электрОнного нота-риата / Клиент в присутствии нотариуса подписывает электронный документ про-стОй электронной подписью / А затем но-тариус удостоверяет этот документ своей усИленной квалифицированной подпи-сью В этом случае электронный документ создастся без серьезных затрат / Теперь в законе четко определены дЕйствиЯ нота-риуса при удостоверении сде¹лки с недви-жимостью (Хабаровский край).

Случаи разговорного эллипсиса здесь представлены в отрезке «в со[пстн]ости на недвижимо[с']». Речь ведущего максимально безэмоциональна на мелодическом уровне: это монотон, «компенсируемый» грамматическими паузами и большим количеством логических ударений.

в) произношение и просодика – разго-ворный стиль

В отличие от предыдущего типа, количе-ство текстов, где разговорный эллипсис ак-тивно «поддерживает» разговорные интона-ционные реализации, довольно много.

- Здравствуйте «Тульские вЕсти» продол-жают эфир телеканала «Россия» В сту-дии Олег Масальский Запасаем[с'а:-э] голови⁴ми уборами водо³й-и главное | одеваемся совсем легко В Тулу | воз(в)ращается изнуряющая жара / И (в)от что у нас сегодня в выпуске далее // Вывоз и утилизация твердых коммунальных отходов по-нОвому Какая организация в Туле теперь займе⁶тся этой работой и

изменяться ли тарИфы за вЫвоз мусора (Тульская область).

Отметим разговорный контраст тем-пов смежных отрезков: Запасаем[с'а:-э] го-лови⁴ми уборами, причем последние слова произнесены сверхбыстро и «смазанно» в дикционном отношении. Есть примеры раз-говорного звукового эллипсиса и удлинения гласного, психологических пауз.

Приведем еще один пример².

- Пожа⁵рные (и) строи⁵тели инже⁵ры и ме⁵дики води⁵тели и шве⁵и / Сегод-ня воспи⁸танники подготовительной группы пЕрвого детского сада Костро-мы⁸ / приме[ра]ют на себя ещЕ одну¹ специально[с'] почвоЕда¹ / (высокий регистр:) Знакомятся (низкий регистр:) со спецоде⁶ждой и инструме¹нтами / с важным видом рассматривают образцы через микроскоп / и да⁶же ставят ма-ленькие опыты / проверяя как ка⁶ждый из видов по⁶чвы пропускает воду / Ито-⁵гом их игрового занЯ⁵тия / станет не то⁶лько выбор идеальной земли для по-садки растений но и понимАние / чем нрАвится чем не нравится заниматься / Заня⁵тия де⁵ти / ка⁶ждый раз / ждут с не-терпением / (Кострома).

Среди случаев разговорного эллипсиса особенно отметим случай, приведший к искажению смысла фразы: вместо *пожарные и строители* телезрители слышат *пожарные строители*. В области просодики отметим разнообразие ИК, в том числе частотность эмоциональной ИК-5; контрасты высотного регистра. Можно отметить недостатки так-тового членения и логического ударения, за-темняющие смысл фразы.

Итак, если говорить о соотношении ти-пов второй группы, можно выделить количе-ственное преобладание текстов первого (2а) и третьего (2в) типа.

3. Сниженно-публицистический тип

Текст в этом случае произносится непри-емлемо либо в дикционном отношении, либо

² В тексте встретится интонационная кон-струкция, отсутствующая в системе Е. А. Брыз-гуновой, но выделенная Л. Л. Касаткиным (Ка-саткин 2003). Это конструкция, «зеркальная» к ИК-5, которую мы в тексте условно обозначили как ИК-8.

в тембровом отношении (гнусавый голос), либо в просодическом отношении (несоответствие ИК и выражаемого смысла, нарушение смыслового членения фразы и т. п.), а иногда в сочетании этих параметров.

- В эфире программа канала (нрзб) В студии Николай Сальников / Здра²вствуйте / (быстро, смазана артикуляция:) Бу⁵дни позади⁵ Самое время узнать о | ключевых событиях недели Авторы репорта⁴жей / Коротко о том что взволновало жителей региона / в эти семь дней / (Новосибирская обл.).

Нарушено важнейшее требование к публицистической речи – ее дикционная четкость: отдельные части текста мы смогли расшифровать только при обращении к письменной версии на сайте канала. Оказалось, в начале выпуска ведущий должен был

сказать: ОТС «Итоги недели». Понимание смысла затрудняет и непродуманное тактовое членение.

Таким образом, в современном российском информационном теледискурсе представлены три фоностилистических типа: 1) официально-публицистический в разновидностях 1а (официальный мелодический монотон) и 1б (нейтральные мелодические повышения); 2) разговорно-публицистический в разновидностях 2а (разговорность на уровне просодики), 2б (разговорность на уровне звукового состава слов) и 2в (разговорность на обоих уровнях); 3) сниженно-публицистический.

В количественном отношении преобладают тексты первого и второго типа, при этом первого в разновидности 1б, а второго – в разновидностях 2а и 2в.

Литература

1. Вещикова И. А. Орфоэпия: основы теории и прикладные аспекты. – М.: Флинта: Наука, 2007. – 310 с.
2. Вещикова И. А. Телевизионная речь в аспекте орфоэпии. – М.: Флинта, 2019. – 212 с.
3. Ганиев Ж. В. Фонетика и орфоэпия. – М.: Высшая школа, 1990. – 174 с.
4. Иванова-Лукьянова Г. Н. Культура устной речи: интонация, паузирование, логическое ударение, темп, ритм. – М.: Флинта: Наука, 2004. – 200 с.
5. Каленчук М. Л., Касаткина Р. Ф. Звучащая речь в средствах массовой информации // Язык массовой и межличностной коммуникации. – М.: МедиаМир, 2007. – С. 301–320.
6. Касаткин Л. Л. Фонетика современного русского языка. – М.: Изд-во Московского университета, 2003. – 224 с.
7. Кузьмина С. М. Состояние и задачи исследования русской фонетики в функционально-стилистическом аспекте // Русский язык в его функциональных разновидностях – Т. 2. – М.: Наука, 1996.
8. Нефедова Л. А. Фоностилистика современного немецкого языка. – М.: МАКС Пресс, 2008. – 156 с.
9. Прохвятилова О. А. Фоностилистика: Стилистический анализ звучащей речи. – Волгоград: Изд-во Волгоградского государственного университета, 1996. – 107 с.
10. Прохвятилова О. А. О специфике ритмической организации дикторской речи (на материале речи телеведущих новостных телепрограмм) // Вестник Волгоградского государственного университета. – Серия 2. Языкознание. – Вып. 2. – Волгоград, 2014. – С. 7–13.

ИНТЕРНЕТ-СТИЛИСТИКА

- ◆ Стилистика интернет-текста
- ◆ Блогостиль
- ◆ Стилистика социальных сетей
- ◆ Виртуальные собеседники
- ◆ Телевизионный промодискурс
- ◆ Автоматическая генерация осмысленных текстов

“

Анастасия Владимировна Николаева:

«Интернет-стилистика – феномен, выходящий за рамки собственно текста, поэтому необходимо изучать стилистические особенности разных социальных сетей, оказывающих непосредственное влияние на блогостиль и оформление авторских текстов».

«На общезначимые признаки блоготекста, такие как нелинейность, подвижность, мультимедиальность и интерактивность, дополнение текста авторскими комментариями, ориентацию на игровые стратегии, мозаичность и гибридность, накладываются особые экстралингвистические и интралингвистические факторы, присущие конкретной площадке».

«Ориентация на разговорный стиль, живую спонтанную речь – главная примета интернет-коммуникации».

Лидия Евгеньевна Малыгина:

«Специалисты, разрабатывающие дизайн личности чат-бота, нуждаются в помощи профессиональных филологов, психологов, писателей, сценаристов и драматургов, способных выстраивать максимально эффективные диалоги человека и машины».

«Создание сценариев для чат-ботов, анализ данных учащихся и создание самого обучающего контента останутся необходимым даже при использовании искусственного интеллекта, кроме того, чат-боты не заменят саму необходимость обучения как такового».

«На настоящем этапе развития технологии искусственного интеллекта робот не может заменить человека (например, телевизионного журналиста, копирайтера) при решении задач, требующих творческого подхода. Кроме того, виртуальные собеседники (помощники) пока не способны распознавать иронию в речи и самостоятельно делать оригинальные выводы в созданном ими тексте».

”

А. В. Николаева

(Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова)

СТИЛИСТИКА СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ

Интернет – это тот коммуникативный канал, в недрах которого развивается и формируется современный стилистический материал. Интернет-стилистика – феномен, выходящий за рамки собственно текста, поэтому необходимо изучать стилистические особенности разных социальных сетей, оказывающих непосредственное влияние на блогостиль и оформление авторских текстов.

Ключевые слова: блогостиль, стилистика интернет-текста, социальная сеть, Фейсбук, Инстаграм, ЖЖ, Яндекс. Дзен.

Anastasia V. Nikolaeva

(Lomonosov Moscow State University)

STYLE OF SOCIAL NETWORKS

Analysis of Internet-language makes it possible to underline different forms of text organization of recent years and it helps to categorize Internet-texts. Internet stylistics is a phenomenon that goes beyond the text itself, so it is necessary to study the stylistic features of different social networks that have a direct impact on the author's style and design of texts.

Key words: style online text, social network, Facebook, Instagram, LiveJournal, Yandex. Zen.

В условиях стремительного развития интернет-пространства особое значение приобретает описание стилистических особенностей медиатекстов на разных площадках. Концепция медиатекста как многоуровневого явления требует комплексного описания его параметров, одним из которых является размещение текста в границах той или иной интернет-площадки.

Каждая платформа в интернете требует от автора ориентации на определенный формат, который тиражируется именно в границах этой сети/мессенджера. Подобный формат, как правило, легко узнаваем читателем, несмотря на бесконечное разнообразие тем и способов оформления авторских текстов.

На общезначимые признаки блоготекста, такие как нелинейность, подвижность, мультимедийность и интерактивность, дополнение текста авторскими комментариями, ориентацию на игровые стратегии, мозаичность и гибридность, накладываются особые экстралингвистические и интралингвистические факторы, присущие конкретной площадке. Для каждой социальной сети они свои. «Интернет-стилистика в базовых аспектах много не отличается от существующих стилистических направлений – в ней тоже проводится анализ стилистического потенциала языковых уровней (стилистика ресурсов), экспрессивности и выразительности (экспрессивная стилистика), стилей (функциональная стилистика)» (Тошович 2015: 53).

Стилистика ресурсов включает в себя общие признаки стилистического оформления интернет-текста. Но при этом каждая социальная сеть имеет специфические, ей присущие характеристики.

Начать рассмотрение стилистических особенностей площадок необходимо с Живого журнала. Здесь работали первые блогеры Рунета, постепенно формировался и оттачивался блогостиль.

ЖЖ

Живой журнал (www.Livejournal.com) – это популярный сайт, который позволяет вести онлайн-дневник.

Коммуникация в блогах организована вокруг личной странички пользователя (юзера). Каждый юзер присутствует в сети

под никнеймом. В самом начале развития социальных сетей никнеймы были в основном игровыми. Сейчас все чаще автор выступает под своим реальным именем.

Так, популярный блогер Живого журнала Илья Варламов вел блог, используя никнейм *ZYALT*, сейчас он выступает в блоге под своей фамилией, персонализируя контент, хотя на сегодняшний день его блог – это уже не личный дневник, не страничка автора, а полноценное СМИ.

Однако до сих пор, в силу традиции, большая часть ников в ЖЖ – игровая: *REBRO_A_DAMA* (дневник многодетной мамы), *DOKTORBEL* (журнал о медицине).

Аватара (ава) – это та картинка, под которой стоит ник. Именно с этим изображением у читателей ассоциируется юзер. В ЖЖ по-прежнему много картинок, изображающих животных, героев фильмов и мультфильмов, персонажей книг... Т. е. авы здесь тоже игровые или прецедентные.

Далее (под ником) следует слоган – девиз, название журнала:

МІЗСН

ответы на незадаанные вопросы

MASTEROK

Хочу все знать

Название/ слоган может относиться к самому автору, указывая, например, на его профессию, возраст и предпочтения, а может описывать тот контент, который читатель найдет в блоге:

SAPOJNIK

Размышления вольного социолога

SHAKKO_KITSUNE

Необычный блог про историю искусства

Во многих блогах ЖЖ существует так называемый «верхний пост», в котором автор может рассказать о себе, предложить перечень ссылок на важные, с его точки зрения, посты и указать на то, что он не хочет видеть на своей страничке:

asya_matroskina

... Я не буду добавлять копипастные журналы ни в коем случае. Простите. Времени не всегда хватает даже на пробег настоящему интересным для меня – дыбровых – журналов.

Агрессивные, недалекие, безграмотные; гомофобы, ксенофобы, шовинисты, мизогины, националисты любой направленности,

религиозные фанатики, нарциссы и аферисты – следуйте мимо, пожалуйста.

Как-то так.

Так что тематическая направленность журнала, его стратегия и в целом стилистическое оформление задаются уже ником, авой, названием журнала и нередко конкретизируются в так называемом «верхнем посте».

Для ЖЖ важна тема блога. Выбор темы, имени, слогана накладывает свой отпечаток на весь контент.

В ЖЖ используются текстовые заголовки, тогда как ни в ФБ, ни в Инстаграме их нет. Эти заголовки эмоциональны, экспрессивны. Часто это кликбейт. Названия материалов на первой странице ЖЖ (ТОП) 15 декабря, 2019:

Шакалы – LENA-MIRO

Аритмия – очень страшный фильм – PROSTITUTKA_KET

Ждал красоту, пришла бегомотиха с завышенным самомнением – ELSHIN

не плачь, дядя, не ты один сиротка – MI3CH

Дело-труба – EL_MURID

Для создания заголовков используются эмоционально окрашенные слова, прецеденты, зоометафоры. Такие заголовки Журнала похожи на названия материалов в СМИ эпохи девяностых. Сейчас уже все издания перешли к денотативным названиям, отражающим ту информацию, о которой пойдет речь в материале, СМИ активно борются с кликбейтом. В ЖЖ редакционная политика иная: авторов не наказывают за кликбейт. Поэтому эмоциональные и образные заголовки – стилистическая особенность именно этого ресурса.

В ЖЖ важен лид, так как большая часть текста не видна полностью на главной странице ресурса и часто убирается самим автором под кат внутри личного блога. Поэтому именно название и три-четыре первых предложения должны создавать интригу, заставлять читателя кликнуть на ссылку.

МАХИМ_ММ

Так, друзья – сегодня будет интересный пост о том, как совковые книги и фильмы программировали людей не на успешную и состоятельную жизнь – а на бедность и нищету. Думаю, все вы встречали совков, которые время от времени вскрикивают – «деньги не главное!»

Лид в ЖЖ – обычно просто верхняя часть текста, гораздо реже лид выстроен по

принципу перевернутой пирамиды, когда самая главная информация дается сначала, кратко. Лид является своеобразной приманкой для читателя. Поэтому авторы нередко рекламируют свой пост в первых двух строчках: *сегодня будет интересный пост; спорим, что про такое вы никогда не читали...*

В ЖЖ, как и во всем интернете, присутствуют все функциональные стили: художественный, официально-деловой, научный, разговорный. Последний, конечно, играет особую роль. И не только для видеоконтента, но и для текстового контента. Ориентация на разговорный стиль, живую спонтанную речь – главная примета интернет-коммуникации.

Ресурс специализируется на лонгридах. Поэтому многие ЖЖ-авторы используют художественный функциональный стиль, предлагая своим читателям небольшие рассказы. Чаще всего от первого лица. Это в традиция ЖЖ, так как Журнал создавался именно как площадка для ведения авторских электронных дневниковых записей.

PESEN_NET

Нас позвали замуж. Это финал. Я прошел Игру!

Пошаговая стратегия ОТЕЦ начиналась с простых заданий. Нащупать и соединить в темноте две фигуры. Помню, было много радости.

Теперь же, на высших уровнях – нуар и триш. Я плету интриги, слежу за кустами в бинокль, не сплю вообще никогда.

Пару дней назад так называемые дети пошли гулять в лес. И случайно вышли к моргу. И тот, кого я называю про себя «потерпевший», сказал:

– Маша, вот если бы я позвал тебя замуж возле морга, ты бы что ответила?

Не случайно именно посты блогеров ЖЖ первыми стали издавать в качестве отдельных сборников. Например, издательство АСТ основало серию «ТОП 30 LiveJournal».

В ней вышла и моя книжка «Я-муары», составленная из дневниковых записей, размещенных ранее именно в ЖЖ. Т. е. онлайн-тексты легко переходят в офлайн, и это очень интересный факт.

Во всем мире сейчас книги блогеров выходят огромными тиражами. Это десятки и даже сотни тысяч экземпляров. В США некоторые блогеры продают книги миллионными тиражами. Еще в 2004 г. The New Yorker

предсказывал, что выход блогеров в офлайн станет настоящим культурным феноменом.

Графическая стилистика. В ЖЖ тяжело приживаются эмодзи и пиктограммы. Зато смайлики, зачеркивание – литуративы, лаптоп, т. е. все то, что существовало еще на заре Рунета, представлены обильно. Литуратив – популярная игровая стратегия в ЖЖ. Он позволяет авторам оформить при помощи зачеркивания фрагмент текста. Если зачеркивание на письме используется для уничтожения части текста, указывает адресату, что то, что зачеркнуто, надо игнорировать, то игровое зачеркивание в блогах – привлечение особого внимания к тому, что автор зачеркнул.

Это игровая стратегия, в основе которой понимание того, что набор авторского текста в офлайне не требует зачеркиваний в том случае, если автор хочет убрать часть текста. Тогда как намеренное перечеркивание слов требует дополнительных усилий и привлечения редакторской клавиши «зачеркнуть». Литуратив практически не используется в других социальных сетях и мессенджерах.

В ЖЖ активно применяется гипертекст – ссылки на другие тексты внутри материала. Это обусловлено тем, что все новости в Живом журнале вторичны – блогеры только интерпретируют новостную ленту. Если даже текст не построен на общезначимой новости, то все равно, как правило, автор дает ссылку на свои предыдущие тексты по схожей тематике. Кроме того, сам ресурс автоматически выставляет после поста ссылку на предыдущий пост автора. Интересно то, что во всем интернете гиперссылки помогают делать информацию надличностной, тогда как в ЖЖ информация из разных источников становится именно мнением одного лица. Ракурс, авторская оценка – это то, что ищет читатель в Живом журнале. Поиск смыслов и интерпретаций – важный запрос читательской аудитории Рунета, который превращает блогеров в «лидеров мнений».

В конце материала обычно размещаются хештеги.

Хештег можно определить как выделенный особым знаком маркированный элемент предложения или текста, который имеет специальный коммуникативный статус и определяется авторской интенцией. В ЖЖ теги,

скорее, номинации для поиска однородных материалов. Очень много игровых тегов: *околоисторическое, былоЭ, матьПеремать*.

ФБ

Фейсбук – это, условно говоря, промежуточное звено между ЖЖ и Инстаграмом. Тут, как и в Живом журнале, могут быть объемные художественные тексты, аналитические статьи, обзоры, рецензии, но чаще пост состоит из картинки и небольшой сопроводительной записи, как это принято в Инстаграме. Если Живой журнал создан для авторского контента, то ФБ все же в большей степени для общения и обмена информацией, что и обуславливает стилистические особенности этой площадки.

Сила ФБ в персонализации. Фейсбук – это прежде всего визитная карточка, на что указывает информация в верхнем левом углу виртуальной страницы: образование, семейное положение, должность, опыт работы...

Это, как и ЖЖ, площадка «для взрослых».

Здесь авторы оставляют разного рода информацию «для друзей»: от бытовых подробностей личной жизни до ссылок на ту информацию, которая заинтересовала юзера. Если пост в ЖЖ требует от автора, как правило, развернутого высказывания по заявленной теме, то тут достаточно одной картинки. И не обязательно авторской. Котики, мемы, открытка вполне допустимы в ленте ФБ, но вызовут недоумение в ЖЖ.

Аватара здесь, как правило, личная фотография владельца страницы, никнейм – реальное имя пользователя. Однако есть набор рамок, которые можно использовать для авы. Это, например, праздничные рамки к определенным датам или те рамки, которые показывают отношение юзера к тем или иным актуальным событиям в онлайн: белая лента, триколор...

Гиперссылки используются, но не так активно, как в ЖЖ. Фейсбук не любит указания на сторонние источники и ограничивает подобные посты в показах.

Пост, как и в ЖЖ, дополнен комментариями фолловеров. Есть система тегов. Теги, в отличие от ЖЖ, несут более содержательную функцию. При помощи тегов нередко оформляется флешмоб. Например, флешмоб #10YearChallenge, в рамках которого пользователи сравнивают свои фотографии 10 лет назад и сейчас.

Графическая стилистика. В ФБ гораздо активнее, чем в ЖЖ, используются смайлы, эмодзи, пиктограммы. Так создается иллюзия эмоционального, яркого высказывания, что очень подходит для ситуации непосредственного общения, иллюзию которого и предлагает нам ФБ.

Инстаграм

Особое место в социальных сетях занимает Инстаграм. Это площадка для размещения фотографий. Текст здесь – пояснение к фото. Особое значение имеют хештеги, которые включают в себя и эмодзи, и пиктограммы.

Любое СМИ, имеющее свою страницу в Инстаграме, адаптирует контент под молодежную аудиторию и выводит на первый план привлекающую внимание картинку. Можно посмотреть, как Лента трансформирует заглавие, текст и визуальный ряд, размещая свой контент в Инстаграме.

11:49, 28 октября 2018

Миллион россиян не сможет выехать из страны из-за кредитов

25 10 33 Добавить в «Моя Лента»

Илья Питалев / РИА Новости

Более миллиона жителей России не смогут выехать за ее пределы из-за долгов перед банками. Об этом сообщили в Федеральной службе судебных приставов (ФССП), передает ТАСС.

16:01 ETOLENTARU Posts etolentaru

25 000 000 россиян не смогут уехать на новогодние каникулы из-за долгов. Причем каждый 10-ый не платит из принципа

54 likes etolentaru 25 миллионов человек не смогут выехать из России на новогодние каникулы из-за долгов. Причем неплательщики алиментов составляют всего 1,5... more View 1 comment 2 hours ago See Translation

Пост в блоге может выглядеть так: красивая фотография блогера и подпись: alinavalitovaMEOW!@polek офигенно меня сфотографировала • на мне sweater @zara • tights @tezenisofficial • hat @hm • bag @loveweavesbags from @tkmaxx • brooch @mineralweather #отстилизуйсебясама.

Часть хештегов – указание на бренды, своеобразная гиперссылка. Инстаграм превращается в электронный магазин. Большое значение в Инстаграме имеет видеоконтент. Графическая стилистика представлена в полном объеме. Комментарии присутствуют.

Яндекс.Дзен

Люди уже привыкли пользоваться социальными сетями и мессенджерами – LiveJournal, Facebook, «ВКонтакте», Instagram. Контент на этих платформах получают прежде всего друзья и подписчики пользователя. Но за последние три года в мире социальных медиа произошла тихая революция. Появилась совершенно новая категория платформ с алгоритмическими фидами: TikTok, Toutiao, Дзен.

Платформы становятся гибридными: контент распространяется не только среди друзей и подписчиков, но и в зависимости от интересов пользователей. Даже классические платформы – Youtube, Instagram, Facebook – уже создали отдельные вкладки с трендами и фактически тоже становятся алгоритмическими фидами по интересам.

Дело в том, что пользователь хочет читать не только посты своих друзей, он готов получать актуальную и разнообразную информацию.

Одна из новых площадок, работающая именно по такому принципу, – это Яндекс.Дзен. Площадка может обеспечить своим авторам показы на огромную аудиторию Яндекса.

Для Дзена, как и для ЖЖ, особенно важна «шапка» материала – название и лид. Читатель в ленте видит заголовок и два первых предложения. Однако в Дзене обязательна картинка, под которой и размещены название и лид. Поэтому интересная фотография или необычный рисунок здесь необходимы. Иногда даже первичны по отношению к текстовым элементам: читатель замечает прежде всего картинку.

Редакционная политика платформы не позволяет авторам использовать кликбейт: если заголовок расценивается алгоритмом

как кликбейт, авторский канал будет пессимизирован, а при повторных нарушениях – удален. Название должно строго отражать то, о чем идет речь.

Но, как часто бывает, практика расходится с теорией. Так, в конце 2019 г. премия за лучший рекламный текст была присуждена Дзеном публикации вот с таким названием: «Мой первый... Валерий Степаныч».

Если принять во внимание, что это реклама сайта репетиторов для школьников, то становится ясно: мы здесь встречаемся не просто с кликбейтом, но и с нарушением этической нормы. Удивительно, что таков выбор редакции Яндекс. Дзен.

Яндекс Дзен Лента Подписки Каналы Скачать приложение

ОЛЬГА САВЕЛЬЕВА (ПОПУТЧИЦА)
21 393 подписчика
Разблокировать ...

Мой первый... Валерий Степаныч
5 сентября 20 тыс. дочитываний 2,5 мин.

При поддержке PROFI.RU

Однажды мне порекомендовали сурдопедагога для дочери.

Сказали: «Ира — огонь».

Сначала мне понравилась Ира.

У Иры был опыт.

И модельная внешность.

А еще Ира была дорогая, по сравнению с другими. Я приценивалась на сайте, где подбирают профессионалов.

На profi.ru, например, были варианты в два раза дешевле

Сами тексты на платформе очень разные: от лонгридов до нарративов. Под нарративом в Дзене понимается рассказ, состоящий из нескольких картинок (не менее 5) с кратким текстовым пояснением. Такой формат платформы активно продвигает.

Гиперссылки есть. Но их немного. Если читатель видит ссылку в начале или в середине текста, то может уйти по ней. Переход на другие площадки понижает «дочитываемость» авторского материала. А это важный критерий оценки контента для Яндекса.

Графическая стилистика здесь примерно та же, что и в ЖЖ. Функция тегов – определительно-навигаторская.

Площадка находится в процессе становления, но является потенциально интересной и перспективной для авторов.

Интернет – это тот коммуникативный канал, в недрах которого развивается и формируется современный стилистический материал. Интернет-стилистика – феномен, выходящий за рамки собственно текста, именно поэтому необходимо изучать стилистические особенности разных социальных сетей, оказывающих непосредственное влияние на авторский стиль и оформление текстов.

Литература

1. Клушина Н. И., Николаева А. В. Стилистика интернет-текста. – М.: Издательство Эдитус, 2019. – 175 с.
2. Николаева А. В. Кликбейт в СМИ // Русская речь. – 2018. – № 3. – С. 43–47.
3. Николаева А. В. Интернет-текст как новый вид коммуникации // Русская речь. – 2016. – № 3. – С. 46–50.
4. Пиперски А. Ч., Сомин А. А. Литуративы в русском интернете: семантика, синтаксис и технические особенности бытования // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 29 мая – 2 июня 2013 г.). – 2013. – № 12 (19). – С. 605–618.
5. Тошович Б. Интернет-стилистика. – М.: Флинта, 2015. – 229 с.

Л. Е. Малыгина

(Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова)

«ДАВАЙ ПОГОВОРИМ!»: КАК ВИРТУАЛЬНЫЕ СОБЕСЕДНИКИ ИЗМЕНЯТ ТЕЛЕВИЗИОННЫЙ ПРОМОДИСКУРС?

В статье рассматриваются различные направления использования виртуальных собеседников (чат-ботов) и автоматической генерации осмысленных текстов в телевизионном промодискурсе, анализируются ситуации, в которых использование чат-ботов оказывается эффективным, выявляются задачи, которые виртуальные собеседники решить не в состоянии; описываются способы обучения чат-ботов, а также сам процесс проектирования личности виртуального собеседника, в том числе проектирование эмоций, присвоение человеческих мотиваций, убеждений и чувств боту.

Автор анализирует риски и возможности использования виртуальных собеседников и искусственного интеллекта в образовании (на примере обучения телевизионных журналистов), в средствах массовой информации и в бизнесе.

Ключевые слова: автоматическая генерация осмысленных текстов, виртуальные собеседники, искусственный интеллект, чат-боты, телевизионный промодискурс, адресант, адресат.

Lidia E. Malygina

(Lomonosov Moscow State University)

“LET’S TALK!”: HOW CHAT BOTS WILL CHANGE TELEVISION PROMODISOURSE?

The article discusses various areas of using chat bots and artificial intelligence (by the example of automatic generation of meaningful text) in a television promo discourse, analyzes situations in which the use of chat bots turns out to be effective, identifies tasks that chat bots – not able to sew; describes how to learn bots, and the process of designing the personality of the bot, including designing emotions, assigning human motivations, beliefs and feelings to the robot.

The author analyzes the reasons for the success and failure of the use of chatbots and the automatic generation of meaningful texts in the media, in business and in education (for example, training television journalists).

Key words: television promo discourse, television promotion, artificial intelligence, chat bots, addressee, addresser, automatic generation of meaningful texts.

Современный телевизионный медиабизнес в России готовится работать в принципиально новых технологических условиях (Малыгина 2011; Никитинский 2016; Носов, Соколов 2016). Это во многом связано с ориентацией медиаменеджеров на нового адресата телевизионного промодискурса – «цифровую молодежь» как перспективную целевую аудиторию российских телевизионных каналов. Данная аудитория интуитивно ориентируется в современных цифровых технологиях, в отличие от представителей «поколения адаптации», которые вынуждены специально осваивать, например, автоматическую генерацию осмысленных текстов и виртуальных собеседников, примеры использования которых рассматриваются в настоящей статье.

Виртуальные собеседники, или чат-боты, – компьютерные программы, предназначенные для автоматизации коммуникации и процесса общения, способны поддерживать диалог с человеком, используя технологии распознавания речи либо работая по заранее настроенным сценариям «вопрос – вариант ответа». Активное внедрение телевизионными каналами технологии искусственного интеллекта, например применение виртуальных собеседников, способных персонально общаться с адресатом (зрителем) от лица медиабренда, относится к экстралингвистическим факторам, оказывающим существенное влияние на трансформацию телевизионного промодискурса.

Фактор массовости в направленности текстов ТВ-промодискурса способствует реализации не только информационной, рекламной, творческой, но и семиотической, оценочной, интертекстуальной и др. функций дискурса СМИ, а также пропагандистской и суггестивной функций, доминирующих в настоящее время в коммуникативном пространстве (Zheltukhina, Klushina, Ponomarenko et al. 2017; Repina, Zheltukhina, Kovaleva et al. 2018; Zheltukhina, Busygina, Merkulova et al. 2018). При рассмотрении ТВ-промодискурса как разновидности дискурса СМИ и частного случая телевизионного дискурса (Малыгина 2013) существенным оказывается *фактор адресанта* (непрямое, разделенное в пространстве и во времени

воздействие адресанта на адресата; односторонность воздействия от адресанта к адресату) и *фактор адресата* (публичность – неограниченный, надперсональный круг потребителей; массовая разнородная и анонимная аудитория; непостоянный характер аудитории телевизионного канала; немедленное восприятие информации аудиторией; быстрая реакция на воспринятый креолизованный текст) (Желтухина 2003).

Анализу проблем коммуникации, вопросам эффективного взаимодействия адресанта и адресата посвящено большое количество лингвистических исследований (К. Бессер-Зигмунд, Л. Ю. Буянова, В. В. Зеленская, О. С. Иссерс, В. И. Карасик, Л. Е. Малыгина, Г. Г. Почепцов, А. Г. Сонин, Ю. А. Сорокин, D. Grieswelle, K. Hudson, D. Keyes и др.). В таких специфических характеристиках телевизионного промодискурса, как диалогичность, оценочность, агональность, инсценированность, заложены основания для осуществления сильного воздействия на адресата, проявления суггестивности, причем методы речевого воздействия, которые были эффективными для традиционной аудитории телевизионных каналов в возрастной группе 45+, оказываются неэффективными для «цифровой молодежи», не испытывающей стресса от вербального общения с виртуальными собеседниками в процессе решения бизнес-задач, обучения и потребления медиапродукта.

История развития виртуальных собеседников началась в 1950 г., когда появился тест Тьюринга, позволяющий определять способность машины мыслить. На эту тему в журнале *Mind* была опубликована статья *Computing Machinery and Intelligence*. В 1961 г. был создан первый виртуальный голосовой ассистент *Shoebot* от IBM. В 1961 г. увидел свет первый виртуальный собеседник *Элиза* (*Eliza*), в 1972 г. – *Парри* (*Parry*) – чат-бот, имитирующий собеседника с психическим расстройством. В 1984 г. был отмечен появлением бота *Mark V. Shaney* (Марк В. Шейн), созданного по технологии «цепь Маркова». В 1988 г. появился чат-бот *Джаббервоки* (*Jabberwacky*), по кличке «Бот-Болтун». В 1990 г. была учреждена Премия Лебнера (*Loebner Prize*) для виртуальных собеседников.

В 1995 г. был разработан виртуальный собеседник A.L.I.C.E. – первый чат-бот на основе обработки естественного языка (natural language processing, NLP). В 1996 г. компания Microsoft выпустила виртуального помощника Клиппи (Clippy, Clippit). Конкурирующая компания Apple в 2010 г. представила бота Сири (Siri) для системы iOS. В 2014 г. на рынке чат-ботов появляются все более совершенные новинки: виртуальные помощники Алекса и Кортана от Amazon и Microsoft. В 2015 г. создается API для разработчиков ботов в Facebook Messenger. В 2017 г. появляются Бикси (Bixby) от Samsung и Алиса от Яндекс, а в мае 2018 г. – технология для добавления человеческого голоса виртуальному ассистенту Google Assistant.

Термин *виртуальный собеседник* возник еще в 1994 г., но только через двадцать лет эта технология стала трендом. В 2018 г. уже существует множество виртуальных помощников, с которыми можно сыграть в шахматы, поговорить, заказать доставку продуктов питания на дом или обед в офис, вызвать такси. Виртуальные собеседники помогают подобрать тур, забронировать гостиницу, купить билеты на поезд или самолет. Роботы-дикторы заменяют ведущих информационных программ на телевидении и «пишут» финансовые новости в деловых онлайн-СМИ. Все более популярными становятся обучающие чат-боты. С их помощью можно пройти курс дистанционного обучения, изучить необходимые материалы, выполнить тесты и сдать выпускной экзамен. Основная «среда обитания» чат-ботов – мессенджеры (Viber, Telegram, Facebook Messenger), а также веб-чаты на интернет-сайтах.

На данном этапе развития технологий создание и полноценное функционирование чат-ботов, т. е. программ, разработанных на основе технологий машинного обучения и нейросетей для достижения человеком определенных целей, требуют значительного вмешательства человека (например, для подготовки корпуса, для прямого задания определенных шаблонов поведения, в том числе ответов на вопросы) (Никитинский 2016; Носов, Соколов 2016).

Отдельную проблему представляет проектирование (дизайн) личности чат-бота.

Кандидат экономических наук, ректор КУ DreamStudy Юрий Белоножкин считает, что лучшей стратегией для создания чат-бота является наделение робота чертами языковой личности человека, обладающего собственным стилем разговора. Специалисты, разрабатывающие дизайн личности чат-бота, занимаются в том числе проектированием эмоций, присвоением человеческих мотиваций, убеждений и чувств неодушевленным вещам. Но подобный антропоморфизм не означает учета всех нюансов человеческой личности, а предполагает использование только тех черт, которые будут необходимы и полезными для взаимодействия человека и робота (компьютера).

Специалисты, разрабатывающие дизайн личности чат-бота, нуждаются в помощи профессиональных филологов, психологов, писателей, сценаристов и драматургов, способных выстраивать максимально эффективные диалоги человека и машины.

Стандартная подготовка к созданию диалогового интерфейса включает создание личности чат-бота (ср.: образ оратора в античном риторическом каноне), определение цели диалога и особенностей диалога (ср.: этап инвенции в риторике), построение общей логики процесса общения (ср.: выбор риторической стратегии и речевых тактик), написание детального сценария диалога.

При создании «одушевленного» бота общие рекомендации практиков, специализирующихся на продвигающей коммуникации, сводятся к необходимости обращаться к адресату от имени бренда (например, телеканала), требованию приватного общения, требованию лаконичности диалога, требованию выдавать советы адресату частями, требованию соблюдать рамки приличия в шутках, а также требованию не пропускать реакцию персонажа (чат-бота) на слова и действия человека. Важно допускать изящное признание чат-ботом собственных ошибок, все сообщения бота, которые звучат как написанный текст, необходимо переписывать в разговорном стиле, живым человеческим языком. Кроме того, бот не должен слишком долго притворяться, что он печатает ответ на вопрос.

Говоря о перспективе использования чат-ботов и искусственного интеллекта в телеви-

зионном промодискурсе (Малыгина 2013), целесообразно рассмотреть различные направления использования искусственного интеллекта в обучении, бизнесе и средствах массовой информации, чтобы проанализировать ситуации, в которых использование виртуальных помощников оказывается эффективным, а также выявить задачи, которые чат-боты решить не в состоянии.

Самой сильной чертой обучающего бота является индивидуализация. Вместо традиционного потока информации сверху вниз от преподавателя к ученикам чат-бот создает эффект «индивидуального внимания каждому ученику», т. е. направленности коммуникации на учащегося, создает иллюзию облегчения процесса обучения вместо усиления стресса от постоянного контроля преподавателя, обещает сформировать и закрепить новые навыки учащегося во время самого процесса обучения вместо обычного оценивания, осуществляет контроль нарушения цикла обучения и препятствует забыванию изученного материала.

К самым распространенным заблуждениям, касающимся использования чат-ботов и искусственного интеллекта в процессе обучения, относится миф о том, что искусственный интеллект обязательно сократит объем работы. Это утверждение справедливо только в ситуациях, когда происходит массовое обращение (например, телевизионных журналистов) или учащиеся задают одни и те же вопросы, на которые необходимо оперативно отвечать, а время специалиста (преподавателя) ограничено. Также распространен миф о том, что при массовом внедрении чат-ботов в процесс обучения потребность в формировании новых навыков упадет. Создание сценариев для чат-ботов, анализ данных учащихся и создание самого обучающего контента останется необходимым даже при использовании искусственного интеллекта, кроме того, чат-боты не заменят саму необходимость обучения как такового.

Примерами чат-ботов, описанных в данном исследовании, являются Эффекикус, который способен рассказать об основах эффективного онлайн-обучения, а также робот Продуктикус (для директора, например, телевизионного канала). Продуктикус

для тележурналиста или менеджера телеканала и Продуктикус для инженера / технического специалиста телеканала помогают менеджерам разных уровней изучать основы повышения производительности труда. Примечательно, что в процессе обучения для генерального директора телеканала создают одни темы и примеры, для руководителя отдела маркетинга – другие, а для главного редактора и журналистов – третьи, но сам бот при этом один и тот же.

К предварительным результатам использования ботов в корпоративном обучении телевизионных журналистов относятся: во-первых, успешное создание аналога тренера (на любые вопросы, касающиеся обучения, бот отвечает гораздо быстрее, чем специалисты, его создавшие); во-вторых, если бот обучен как тренер, то отпадает необходимость дополнительно планировать обучение; в-третьих, доступ к образовательным материалам и сам процесс обучения происходит так же, как и в системах дистанционного обучения (LMS), но без сложных интерфейсов или подписок на курс; в-четвертых, у учащихся возникает ощущение более персонализированного и эффективного обучения.

В практике применения виртуальных собеседников в обучении (на примере корпоративного обучения телевизионных журналистов) можно выделить три важнейшие составляющие эффективности процесса обучения. К ним относятся: цель – сделать процесс обучения захватывающим, запоминающимся и более эффективным; метод – дизайн личности чат-бота приближен к человеку, бот визуален и конструктивен; технология – готовность к мультимодальному (голос + текст) общению с функциями искусственного интеллекта и продуктивной аналитики.

Виртуальные собеседники активно используются в различных сферах бизнеса (в страховых компаниях, банках, интернет-магазинах), в службах технической поддержки, в тех ситуациях, когда у клиента компании есть типовый вопрос (например, чат-боты осуществляют круглосуточную информационную поддержку клиентов, обращающихся в колл-центры крупных компаний). Из любой точки земного шара клиент может обратиться в мессенджере к чат-боту и мгновенно

венно получить ответ на запрос, исходя из заранее подготовленных вариантов ответа. Если в сценарии бота нет подходящего ответа на вопрос, то робот переключает клиента на дежурного оператора.

Благодаря чат-ботам также происходит автоматизация процессов бэк-офиса компании, что упрощает и ускоряет коммуникации между сотрудниками внутри компании (например, сотрудник может оперативно выяснить, сколько осталось дней до отпуска, каков статус заявки на ремонт ноутбука, спросить о дате пролонгации контракта).

Внедрение искусственного интеллекта приводит к тому, что сферы образования, здравоохранения, бытовых услуг, юриспруденции, логистики, индустрия развлечений (например, кинематограф и массмедиа) существенно модернизируются (частотными становятся соответствующие специальные обозначения: edutech, legaltech и medtech и т. п.): появляются виртуальные системы безопасности, внедряется 5D-сканирование, для нужд здравоохранения разрабатываются виртуальные доктора-консультанты и приложения-диагносты, роботы-юристы для судов, чат-боты уже заменяют преподавателей в дистанционном обучении.

Правоохранительные органы используют современные беспилотные аппараты, системы прогнозирования поведения и распознавания лиц. Это приводит к снижению влияния «человеческого фактора» в экстремальных ситуациях и позволяет высококвалифицированным специалистам сосредоточить внимание на решении более глобальных задач.

Благодаря искусственному интеллекту (ИИ-системам) виртуальное пространство становится более киберустойчивым и безопасным (повышается эффективность борьбы с хакерством и пиратством), доступ к мультимедийным ресурсам в интернете регулируется автоматически, релевантность информации, выдаваемой по запросу пользователя, растет и т. д.

В сфере здравоохранения внедряются виртуальные доктора-консультанты и приложения-диагносты (например, сервис Coremergy, позволяющий контролировать сердечный ритм; ассистент хирурга

ARiadna – AR/MR), которые уже успешно осуществляют первичный осмотр. Технологии искусственного интеллекта позволяют мгновенно проанализировать список симптомов, внесенных пациентом, и после тестирования поставить предварительный диагноз, выдать рекомендации по дальнейшей диагностике заболевания, предложить возможные варианты лечения.

С 2016 г. в США искусственный интеллект активно внедряется в сферу юриспруденции (например, робот-юрист, работающий на основе искусственного интеллекта, используется в юридической компании «Baker & Hostetler», а робот Росс, созданный компанией IBM на базе компьютера Watson, управляет отделом по делам банкротства). Другой пример роботизации правовой системы – разработанный американскими программистами алгоритм, позволяющий в 70% случаев верно предсказывать решение Верховного суда США. В Великобритании сайт donotpay.co.uk, позволяет автовладельцам после получения квитанции о штрафе автоматически составить и направить апелляцию в суд. Данная технология, разработанная 18-летним программистом, позволила гражданам Великобритании в течение шести месяцев сэкономить почти 3 млн долларов.

Современные технологии позволяют конструировать чат-боты без привлечения программистов. Например, бот-конструктор Beesender дает возможность преподавателям автоматически оценивать уровень знаний слушателей дистанционных курсов обучения, принимать решение о зачислении, распределении, отчислении, переводах слушателей на другие курсы. Современные технологии распознавания речи уже позволяют создавать речевые бот-конструкторы для обучения детей, которые не любят печатать в мессенджерах, предпочитая разговор с ботом.

По данным основателя компании Beesender Олега Чаевского, 30% пользователей, общающихся с самообучающимся ботом, пытаются его «троллить», т. е. задавать вопросы таким образом, чтобы бот сдался, затем сделать скрин-шот переписки и выложить ее в сеть. В случае с rule-based-ботами это невозможно. Данные боты являются бо-

лее простыми, но они не обладают изъясными обучающих ботов: у них отсутствует погрешность в реакции бота на реплику пользователя, кроме того, подобные боты создаются значительно быстрее и требуют меньших финансовых затрат.

Чат-боты можно использовать в любых сферах деятельности, коммуникацию в которых можно описать с помощью алгоритма, поэтому в ближайшее десятилетие чат-боты могут найти активное применение в том числе и на телевидении. Это может быть не только контроль медиаменеджером исполнения поручений сотрудниками телеканала, но и регистрация участников рекламных игр (телезрителей) в целях продвижения телевизионного продукта, аутентификация зрителей на сайте телеканала, напоминание о выходе в эфир долгожданной программы или анонс премьеры сериала.

Наиболее ценным преимуществом использования чат-ботов на современном телевидении является возможность сохранить и проанализировать историю каждого диалога с телезрителем. Таким образом телекомпания формирует архив со всеми вопросами и ответами по каждому чату, касающемуся той или иной промокампании. Подобная информация позволяет на основании цифровых показателей анализировать структуру коммуникаций телевизионного канала в разных аспектах. У медиаменеджеров появляется дополнительная возможность видеть рейтинги наиболее популярных тем обращений телезрителей, списки самых активных телезрителей или самых востребованных телевизионных программ и сериалов. Также чат-боты могут использоваться для проведения опросов телезрителей и оценки удовлетворенности зрителей просмотренными программами.

Рассматривая проблему автоматической генерации осмысленных текстов, следует отметить, что первый в истории русскоязычной журналистики текст о любовных отношениях, целиком написанный роботом, был опубликован в журнале Elle в октябре 2017 г. После этого появилась колонка робота Дженни на главную тему номера (материалы «Elle колонки Дженни»: «Толерантность как понятие негативной свободы», «Семья будущего – какая она?», «Что такое фанатизм?»).

«Работа» бота заключалась в том, чтобы на заданную тему найти в интернете тексты с ключевыми словами, проанализировать их и передать содержание данных текстов методом рерайтинга («своими словами»). Создание текста в 4 500 знаков (стандартная журнальная полоса текста) занимало около 30 минут. О результатах эксперимента научному сообществу рассказал Виктор Шкулев – президент компании Hearst Shkulev Publishing, издающей и распространяющей в России журналы Elle, Psychologies, Maxim: «Оказалось, что робот может только генерировать текст, но не в состоянии сделать самостоятельный вывод».

Активное использование роботов в творческих видах деятельности (например, в журналистике) связано с модой и является, скорее, инструментом промоушна, средством привлечения внимания аудитории, а не производственной необходимостью. «В 2018 году все силы технологических компаний брошены на исследования в области ИИ, и мы не можем игнорировать глобальное внедрение систем машинного обучения во все сферы жизни. В то время, как робот София ходит на свидания с Уиллом Смитом, а гуманоид Атлас Boston Dynamics овладевает сальто, мы можем лишь начать осваивать автоматическую генерацию осмысленных текстов. Пока что они выглядят угловато и не совсем по-человечески, но даже на примере четырех колонок очевиден прогресс» (Смицкий 2018), – говорится на сайте журнала Elle в материале Сергея Смицкого «В Elle появилась колонка, которую пишет робот. Зачем это происходит?».

На настоящем этапе развития технологии искусственного интеллекта робот не может заменить человека (например, телевизионного журналиста, копирайтера) при решении задач, требующих творческого подхода. Кроме того, виртуальные собеседники (помощники) пока не способны распознавать иронию в речи и самостоятельно делать оригинальные выводы в созданном ими тексте.

Активное совершенствование технологий искусственного интеллекта и постоянное взаимодействие представителей «цифровой молодежи» с виртуальными собеседниками в повседневной жизни приводит

к тому, что у людей формируется привычка общения с роботами, но из-за постоянных односложных ответов на стандартные вопросы чат-ботов речь человека становится все более «шаблонной» (примитивной и

предсказуемой), в то время как робот в процессе развития технологий приобретает все больше различных черт языковой личности человека – роботы «очеловечиваются», люди «роботизируются».

Литература

1. Бессер-Зигмунд К. Магические слова. – СПб.: Питер Пресс, 1997. – 224 с.
2. Буянова Л. Ю., Зеленская В. В. Эмоция, коммуникация, текст: Линии взаимокорреляции // Вербальные аспекты семантических архитектур языка. – Краснодар: КубГУ, 1998. – С. 69–91.
3. Желтухина М. Р. Тропологическая суггестивность массмедиального дискурса: о проблеме речевого воздействия тропов в языке СМИ. – М.: Ин-т языкознания РАН; Волгоград: Изд-во ВФ МУПК, 2003. – 656 с.
4. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. – М.: Едиториал УРСС, 2002. – 284 с.
5. Карасик В. И. Языковая спираль: ценности, знаки, мотивы. – Волгоград: Парадигма, 2015. – 432 с.
6. Леонтьев А. А. Психолингвистические единицы порождения речевого высказывания. – М.: Наука, 1969. – 307 с.
7. Малыгина Л. Е. Современный телевизионный анонс: информирование или манипулирование? // Национальный психологический журнал. – 2011. – № 2 (4). – С. 60–63.
8. Малыгина Л. Е. Телевизионный анонс: лингвистическая трансформация жанра: монография. – М.: Факультет журналистики МГУ, 2013. – 311 с.
9. Никитинский Н. С. Чат-боты: обзор и состояние технологий в отрасли // NLPx Tales of Data Science. – 2016. URL: <http://nlpx.net/archives/425>.
10. Носов Н. Ю., Соколов М. Д. Тенденции развития искусственного интеллекта // Современные научные исследования и инновации. – 2016. – № 5. URL: <http://web.snauka.ru/issues/2016/05/68404>.
11. Поберезникова Е. В. Телевидение взаимодействия: интерактивное поле общения. – М.: Аспект-пресс, 2004. – 224 с.
12. Почепцов Г. Г. Коммуникативные аспекты семантики. – Киев: Вища школа, 1987. – 131 с.
13. Почепцов Г. Г. О коммуникативной типологии адресата // Речевые акты в лингвистике и методике. Межвузовский сборник научных трудов. – Пятигорск: Изд-во ПГПИИЯ, 1986. – С. 10–17.
14. Смицкий С. А. В Elle появилась колонка, которую пишет робот. Зачем это происходит? // Elle. – 2018. URL: <https://www.elle.ru/stil-zhizni/auto/elle-robot-id6770141/>.
15. Сонин А. Г. Экспериментальное исследование поликодовых текстов: основные направления // Вопросы языкознания. – 2005. – № 6. – С. 115–123.
16. Сорокин Ю. А. Зоны риска в средствах массовой коммуникации // Реальность, язык и сознание: Межвузовский сборник научных трудов. Вып. 1. – Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 1999. – С. 51–58.
17. Эко У. К семиотическому анализу телевизионного сообщения. – М.: Прогресс, 1988. – С. 103–121.
18. Grieswelle D. Rhetorik und Politik: Kulturwissenschaftliche Studien. – München: Minerva, 1978. – 155 p.
19. Hudson K. The Language of Modern Politics. – L.; Basingstoke: Macmillan, 1978. – 167 p.
20. Keyes D. Flowers for Algernon. – London: Gollancz, 2006. – 238 p.

21. Kress G., Hodge R. *Language as Ideology*. – L. etc.: Routledge a. Kegan Paul., 1979. – 163 p.
22. Repina E. A., Zheltukhina M. R., Kovaleva N. A., Popova T. G., Garcia Caselles C. International media image of Russia: trends and patterns of perception // *XLinguae*. – 2018. – Vol. 11. – No. 2. – P. 557–565.
23. Zheltukhina M. R., Busygina M. V., Merkulova M. G., Zyubina I. A., Buzinova L. M. Linguopragmatic aspect of modern communication: main political media speech strategies and tactics in the USA and the UK // *XLinguae*. – 2018. – Vol. 11. – No. 2. – P. 639–654.
24. Zheltukhina M. R., Klushina N. I., Ponomarenko E. B., Vasilkova N. N., Dzyubenko A. I. Modern Media Influence: Mass Culture – Mass Consciousness – Mass Communication // *XLinguae Journal*. – 2017. – Vol. 10. – Issue 4. – P. 96–105.

СТИЛИСТИКА И РИТОРИКА

- ◆ Стилистические фигуры
- ◆ Категориальная сущность фигур
- ◆ Высокий стиль
- ◆ Публичный дискурс
- ◆ Аксиологическая субъективная модальность
- ◆ Когезивные элементы
- ◆ Стилистические характеристики
- ◆ Речевое поведение
- ◆ Речевой этикет в языке дари

Наталия Николаевна Василькова:

«Главным основанием для выбора термина «стилистическая фигура» является то обстоятельство, что фигуры выступают стилистически маркированным средством речевого контакта в коммуникации в качестве адресованной единицы общения, выражающей намерение автора».

«Наиболее важным категориальным критерием является функционально-стилевое значение фигур, которое непосредственно связано с лингвистическими понятиями экспрессивности, эмоциональности и выразительности текста».

Зоя Леонидовна Новоженова:

«В широком смысле слова под публичным дискурсом можно понимать все информационно-речевое пространство, ориентированное на массового адресата и предполагающее публичное и официальное общение на общественно значимые темы».

«Речевые средства, претендующие на стилистическое значение «высокое», в разных сегментах публичного дискурса различаются по представленности, по функциям, по прагматическим целям. Эту возможность генерирует сам публичный дискурс, который характеризуется полидискурсивностью, многожанровостью и текстоцентричностью».

Александра Ѓуркова:

«Дејствувањето претставува составен дел од однесувањето на човекот во општеството, а во врска со тоа како основен концепт се издвојува интенционалност. Притоа, треба да се разликува поимот на интенција кој се врзува со вообичаеното значење на намера од значењето во теоријата на интенционалност».

«Во лингвистичката наука се издвојуваат, генерално, две определби на текстот. Првата е во рамките на структуралистичката лингвистика односно во генеративно-трансформациската граматика при што главна карактеристика на текстот е да биде кохерентен, додека втората определба се јавува во рамките на лингвистичката прагматика и е насочена кон сфаќањето на текстот како комуникациска единица».

Аниса Сидики:

«Использование речевого этикета можно наблюдать даже в самых отдаленных районах Афганистана».

«В Афганистане и сейчас в селах и аулах многие люди при знакомстве стесняются и не могут знакомиться без посредника. Особенно когда речь идет об их знакомстве со старшими или невестой, с тестем и свекровью. Хотя в наше время прежние правила не соблюдаются, и современный этикет со своими правилами во многом отличается от традиционного».

Н. Н. Василькова

(Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова)

КАТЕГОРИАЛЬНАЯ СУЩНОСТЬ ФИГУРЫ КАК ОБЪЕКТА СТИЛИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Эффективность речевого произведения, а также общая эмоциональная выразительность медиатекста создается средствами стилистических единиц экспрессивного синтаксиса, к которым наряду с другими синтаксическими средствами относятся и стилистические фигуры. Стилистическая фигура является устойчивым синтаксическим образованием, которое отличается от синтаксических построений нейтральной речи, определение структурно-функциональных особенностей этих единиц экспрессивного синтаксиса требует обращения к категориальной сущности фигур. Эмфатические, суггестивные и изобразительные фигуры широко представлены в самых разных типах медиатекста.

Ключевые слова: стилистическая фигура, единица экспрессивного синтаксиса, грамматическая категория, типология стилистических фигур, суггестивные, эмфатические, изобразительные фигуры.

Natalia N. Vasilkova

(Lomonosov Moscow State University)

CATEGORIAL ESSENCE OF THE FIGURE AS AN OBJECT OF STYLISTIC RESEARCH

The effectiveness of the speech is created by means of stylistic units of expressive syntax, to which speech figures belong. A stylistic figure is a stable syntactic formation, which differs from the syntactic constructions of neutral speech, the definition of structural and functional features of these units of expressive syntax requires an appeal to the categorical essence of the figures. Emphatic, suggestive and figurative units are widely represented in various types of media text. However, their role is especially great in public speech and in journalism, which are characterized as modally-emotional, evaluative style of narration

Key words: stylistic figure, expressive syntax unit, grammatical category, typology of stylistic figures, suggestive, emphatic, figurative figures.

Целенаправленное речевое воздействие, реализуемое во всех областях человеческой деятельности, сопровождается, как правило, использованием ярких средств речевой выразительности и экспрессивности, среди которых стилистические фигуры по праву занимают значительное место.

Следует сразу оговориться относительно термина «стилистическая фигура», так как наряду с ним используется также термин «риторическая фигура». Надо заметить, что прилагательное *риторический* закреплено в номинациях некоторых конкретных фигур (риторический вопрос, риторическое обращение, риторическое восклицание и т. д.). Главным же основанием для выбора термина «стилистическая фигура» является то обстоятельство, что фигуры выступают стилистически маркированным средством речевого контакта в коммуникации в качестве адресованной единицы общения, выражающей намерение автора.

В традиционном понимании стилистические фигуры могут быть отнесены к ярким средствам создания экспрессивности и выразительности текста, которое выходит «за рамки практически необходимых норм» (Квятковский 1966: 321). Однако это отклонение от норм нулевой стилистически нейтральной речи не представляет собой явления спонтанного, хаотического, бессистемного. В действительности отход от нейтральной нормы повествования с помощью использования стилистических фигур является заранее продуманным, намеренным и системным. Поэтому вычленение структурно-функциональных особенностей этих единиц экспрессивного синтаксиса требует обращения к категориальной сущности фигур.

Категория представляет собой родовое понятие, которое объединяет в один класс однородные явления, выделяемые по одному или ряду существенных признаков. Существенно в этом плане то определение «фигуры речи», которое было сформулировано Ю. М. Скрбневым в энциклопедии «Русский язык». Под фигурами понимаются «синтагматически образуемые средства выразительности». Причем в определении подчеркивается, что «фигуры речи образуются путем особого стилистически значимого

построения словосочетания, предложения или группы предложений в тексте» (Русский язык 1979: 368–369).

Традиционный подход предполагает взгляд на фигуры как на средство организации текста, способ установления внутритекстовых изобразительных связей. При этом весь корпус фигур подразделяется на два крупных разряда – фигуры слов, характеризующихся взаимодействием понятийных обозначений в синтагме или основанных на соразмерности звуковых элементов, и фигуры предложений, которые составляют экспрессивно-стилистические варианты высказывания, соответствующие более крупным, чем слово и словосочетание, единицам текста – предложению или даже группе предложений.

Стилистическая фигура является устойчивым синтаксическим образованием, которое отличается от синтаксических построений нейтральной речи, и наиболее существенной чертой фигуры является ее принадлежность к стилистическим текстообразующим единицам экспрессивного синтаксиса. Стержень категориального наполнения фигур составляет двухуровневая оппозиция. Во-первых, имеет значение место фигуры в стилистической системе: они являются экспрессивными средствами языка, которые воспринимаются по контрасту с нейтральным стилистическим фоном. Первая оппозиция реализуется в противостоянии фигуры как устойчиво употребляющейся стилистически маркированной единицы нейтральной синтаксической структуре. Другой уровень оппозиции связан с различиями вариантов этих единиц внутри самого класса фигур: фигуры слов на фоне фигур мыслей, «фигуры добавления» на фоне «фигур убавления», вопрос – на фоне ответа, бессоюзие – на фоне многосоюзия и т. д.

Таким образом, наиболее важным категориальным критерием является функционально-стилевое значение фигур, которое непосредственно связано с лингвистическими понятиями экспрессивности, эмоциональности и выразительности текста.

Разграничение экспрессивного и эмоционального в языке было введено Е. М. Галкиной-Федорук, которая отмечала, что «экспрессия проявляется не только

в речи, но и в жесте, мимике, общем поведении. Необходимость различать экспрессивные и эмоциональные элементы в языке диктуется тем, что функциональные задачи у них разные, несмотря на их взаимосвязь. Эмоциональное состоит в одном ряду с интеллектуальным и волевым, экспрессивность может пронизывать как эмоциональное, так и интеллектуальное и волевое в их проявлении. Поэтому экспрессивность гораздо шире эмоциональности в языке. Экспрессия – усиление выразительности, образительности, увеличение воздействующей силы сказанного» (Галкина-Федорук 1958: 107–108). И, разграничивая эти два понятия, Е. М. Галкина-Федорук подчеркивает: «Эмоциональные средства языка всегда экспрессивны, но экспрессивные средства могут и не быть эмоциональными» (там же).

Экспрессивность как категория характеризуется разнообразными формами проявления выразительной функции языка. Экспрессивность фигур заключается в их способности выражать многообразие оценочных отношений субъекта речи. Категория экспрессивности охватывает все фигуры речи; при этом используется вся палитра языковых средств и способов для своего формального выражения, включая и имплицитные средства (ср. фигуру умолчания).

Эмоциональные же средства речи служат, с одной стороны, функции выражения собственно эмоционального отношения в высказывании, а с другой стороны, целенаправленному воздействию на чувства, определенные эмоции, которые надо вызвать у реципиента. Так, существуют определенные фигуры, рассчитанные на то, чтобы вызвать эмоцию удивления, сомнения, улыбку и т. д. (парапросдокия – прием, основанный на обманутом ожидании; каламбур и т. д.). Экспрессивные средства нередко включают эмоциональные, но могут обходиться и без них.

В XX в. о важности экспрессивного элемента в синтаксисе писал Шарль Балли (Балли 1961: 394). Он показал, что синтаксические средства – их он относил к выразительным косвенным средствам, в отличие от лексических, которые называет прямыми, – способны придавать речи особый эффективный заряд.

Принадлежность стилистических фигур к средствам языковой экспрессии обуславливает ее стилистическую маркированность в тексте. Эффективность речевого произведения, а также общая эмоциональная выразительность высказывания создается средствами стилистических единиц экспрессивного синтаксиса, к которым наряду с другими синтаксическими средствами относятся и фигуры речи.

Представляется целесообразным очертить границы, которые отделяют фигуры от других близких и сходных образований, которые фигурами не являются.

Разработка понятия синтаксической экспрессии связана с именем В. В. Виноградова. В 30-е гг. он выдвигает понятие субъективно-экспрессивных форм синтаксиса как средств экспрессивной образительности. Субъективные формы, содержащие экспрессивное начало, более всего представлены на уровне предложения, объективные же – на уровне синтагм, под которыми понимаются простейшие синтаксические единицы, семантически и интонационно ограниченные и обладающие более или менее замкнутыми формами словосочетания. Идеи В. В. Виноградова, трактующего экспрессивное в синтаксисе как специальный речевой прием, сопровождаемый конструктивными изменениями, были развиты в 60-е гг., когда и появился термин «экспрессивный синтаксис». Экспрессивные конструкции образуют открытый ряд, значительную часть которого составляют стилистические фигуры. К экспрессивным синтаксическим средствам, не являющимся стилистическими фигурами, относятся определенные приемы построения текста, например, инверсия, усечение (незавершенность структуры), эллипсис и др. К экспрессивному синтаксису можно отнести также использование вводных слов и конструкций, которые вносят в предложение модальную, экспрессивную и эмоциональную оценку сообщения. Однако грань, отличающая эти явления друг от друга, достаточно подвижна и размыта, в связи с чем нередко можно встретить противоположные трактовки одного и того же явления (например, эллипсис или парентеза).

Функционирующие стилистические фигуры входят в состав контекстных средств выразительности, которые рядом исследователей названы экспрессемами (Григорьев 1979: 343). Экспрессивность является неотъемлемым свойством тех языковых средств, которые со времен античности рассматривались в общем разделе орнаментальной части риторики, однако всегда были представлены раздельно. К этим языковым средствам относятся тропы и фигуры. Тропы отличаются от фигур тем, что первые строятся по принципу образной иносказательности, на основе переносов (по сходству, по смежности, по контрасту), а вторые – по принципу прямых переносных словесных значений, создающих однако особый речевой ход – фигуру.

Составляя часть структурного множества экспрессем, стилистические фигуры обладают дополнительным статусом самостоятельности. Наряду с особенностями семантики и наличием разнообразных модально-субъективных значений, стилистические фигуры характеризуются целым рядом регулярных формальных показателей, воспроизводимых в речи в процессе функционирования. Хотя по числу абстрактных моделей набор фигур ограничен, они сохраняют структуру и неизменность инвариантных форм на протяжении столетий. Фактическое многообразие лексических наполнений фигуры обеспечивает ее жизнеспособность. Структурно-семантические особенности строения модели той или иной фигуры предполагают подбор ярких элементов композиции, в которой наиболее значимо соотношение этих элементов, а также их расположение по отношению друг к другу. Примером может служить градация, в которой особую значимость приобретает закрепленность позиции в расположении лексем – в порядке их возрастающего или убывающего значения. Такими же особенностями построения обладают фигуры хиазм, антитеза, анафора/эпифора и т. д.

Стилистические фигуры, служащие целям коммуникативного воздействия на аудиторию, достаточно широко представлены в самых разных типах медиатекста. Однако их роль особенно велика в публичной медиаречи и в публицистике, для которых

характерен не столько информационный и прагматичный, сколько модально-эмоциональный, оценочный стиль повествования. Своей яркостью и экспрессивностью фигуры оказывают существенное влияние на весь стилистический статус текста. Применяя такие стилистические приемы, журналисты достигают необходимой симметрии текста и гармоничного сочетания смыслового и звукового ритма речи.

Для эффективного воздействия на массовую аудиторию автору (в самом широком смысле этого слова) необходимо учитывать коммуникативные характеристики языковых средств, их выбор, применение и действенное сочетание в медиаречи.

Однако даже в рамках традиционного газетно-журнального печатного текста использование единиц экспрессивного синтаксиса не может быть однородным. Так, для информационных медиатекстов, наиболее формализованных, нацеленных на передачу факта, с минимально выраженным авторским началом, использование стилистических фигур в целом не является уместным. Можно констатировать употребление единиц экспрессивного синтаксиса преимущественно в заголовочном комплексе информационных медиатекстов. В аналитических и художественно-публицистических медиатекстах палитра применения фигур оказывается намного разнообразнее. Специфика употребления фигур в публицистических текстах обусловлена необходимостью реализации коммуникативных намерений автора. Так, журналисты предпочитают фигуры, характеризующиеся взаимодействием понятийных, смысловых обозначений в синтагме. Это группа эмфатических фигур (греч. выразительный, подчеркнутый), к которым относится, например, антитеза, градация, парцелляция, парентеза, антиципация и др.

В устных медиатекстах, таких, как социально-бытовые или общественно-политические ток-шоу, тяготеющих к спонтанному речевому выражению, участники отдают предпочтение суггестивным стилистическим фигурам. Суггестивные фигуры (лат. *suggestio* – внушение) основаны на соразмерности звуковых элементов, ритмичности разнообразных повторов, создании своего рода мелодии

фразы. Надо сказать, что суггестивные фигуры придают речи особую интонацию и ритмическое звучание высказыванию, при котором смысловая фактура фигурной синтагмы предстает в определенной стилистической и звуковой гармонии. К этому типу фигур относятся все виды повторов, особые типы паронимических созвучий и все приемы использования фигур перечисления.

В аналитических статьях, комментариях и, конечно, в медиатекстах, тяготеющих к художественно-публицистическим жанрам, авторы используют еще один тип фигур, фигуры предложений. Они составляют особую (третью) группу фигур и соответствуют экспрессивно-стилистическим вариантам высказывания, т. е. более крупным, чем слово и словосочетание, единицам текста – предложению или даже группе предложений. К таким фигурам относятся риторический вопрос, риторическое восклицание, риторическое обращение, прошение, сентенция, афоризм и т. п.

Основное отличие фигур третьей группы от двух других заключается в том, что коннотативные значения этих изобрази-

тельных фигур создаются не на основе взаимодействия понятийных (семантических) единиц, как в первой группе, и не на основе определенных ритмических и повторяющихся элементов речи (как во второй группе). В качестве текстообразующих выступают высокоуровневые единицы – мысль, суждение. Основной отличительной чертой фигур этого типа является тот факт, что они не могут быть разрушены путем извлечения или замены какого-либо слова из их состава.

Во всех медиатекстах использование единиц экспрессивного синтаксиса варьируется в зависимости от канала передачи информации, от объема текста, от степени креолизованности медиатекста и, конечно, от языковых вкусов и компетенций автора.

Однако необходимо констатировать очевидное: в каком бы медиатексте ни использовались единицы экспрессивного синтаксиса, значительную часть которых составляют стилистические фигуры, осознанное и грамотное их применение значительно повышает воздействующий потенциал и эффективность речевого произведения.

Литература

1. Балли Ш. Французская стилистика. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1961. – 394 с.
2. Виноградов В. В. Поэтика и риторика. Избранные труды. О языке художественной прозы. – М.: Наука, 1980. – 511 с.
3. Виноградов В. В. Проблемы русской стилистики. – М.: Высшая школа, 1981. – 320 с.
4. Галкина-Федорук Е. М. Об экспрессивности и эмоциональности в языке // Сборник статей по языкознанию. – М.: Изд-во МГУ, 1958. – С. 103–124.
5. Граудина Л. К., Кочеткова Г. И. Русская риторика. – М.: Центрполиграф, 2001. – 668 с.
6. Григорьев В. П. Поэтика слова. – М.: Наука, 1979. – 343 с.
7. Квятковский А. П. Поэтический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1966. – С. 321.
8. Москвин В. П. Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры. Терминологический словарь. – М.: URSS, 2006. – 376 с.
9. Русский язык. Энциклопедия. – М.: Советская энциклопедия, 1979. – С. 368–369.
10. Сковородников А. П. Экспрессивные синтаксические конструкции современного русского литературного языка. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1981. – 255 с.
11. Скребнев Ю. М. Очерк теории стилистики: учебное пособие для студентов и аспирантов филологических специальностей. – Горький, 1975. – 175 с.
12. Солганик Г. Я. Стилистика текста: учебное пособие. – М.: Флинта: Наука, 2018. – 256 с.
13. Хазагеров Т. Г., Ширина Л. С. Общая риторика: курс лекций и словарь риторических фигур. – Ростов н/Д.: Изд-во Ростовского ун-та, 1994. – 191 с.

З. Л. Новоженова
(Гданьский университет, Польша)

«ВЫСОКИЙ СТИЛЬ» В ПУБЛИЧНОМ ДИСКУРСЕ: ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА И РЕЧЕВАЯ ПРАКТИКА

В статье анализируется стилистическая категория «высокий стиль» с точки зрения ее функционирования в публичном дискурсе. Определены параметры публичного дискурса и описана реализация данной категории в различных секторах публичного дискурса (дипломатический, религиозный, публицистический). Показана историческая детерминированность категории «высокий стиль».

Ключевые слова: публичный дискурс, высокий стиль, стилистическая коннотация, аксиологическая субъективная модальность.

Z. L. Novozhenova
(University of Gdansk, Poland)

«HIGH STYLE» IN PUBLIC DISCOURSE: THEORETICAL PROBLEM AND PRACTICE LANGUAGE

In the article the author examines the stylistic category of «high style» from the perspective of its functioning in public discourse. The parameters of public discourse are defined and realization of the «high style» category is described in different sectors of public discourse (diplomatic, religious, journalistic). The author also showed historical determinacy of the category «high style».

Key words: public discourse, high style, stylistic connotation, textual modality.

Масштабы и вариативность языковых средств, являющихся первоосновой всех дискурсивных форм и используемых в публичном дискурсе, определяются масштабом и разнообразием выполняемых ими задач. Поэтому публичный дискурс не мог не стать тем горнилом, говоря высоким стилем, в котором плавится языковой материал.

Термин «публичный дискурс», достаточно свободно употребляемый в публицистике (в публичном дискурсе!), в науке закрепляется для обозначения также широкого, без четких границ, информационного пространства, о котором будет сказано ниже. В науке для обозначения данного информационного поля (пространства) используются и конкурирующие термины: медиасфера, публичная речь, массмедийное пространство, язык СМИ, публичная коммуникация (см. об этом: Воронцова 2008; Сидоров 2013).

В широком смысле слова под публичным дискурсом можно понимать все информационно-речевое пространство, ориентированное на массового адресата и предполагающее публичное и официальное общение на общественно значимые темы, в связи с чем предмет обсуждения публичного дискурса «должен быть значим и интересен для максимально широкой публики» (Воронцова 2008: 18). Важно подчеркнуть, что общение в публичном дискурсе регулируется действием этических, правовых и коммуникативно-речевых норм.

По мнению Воронцовой, публичный дискурс берет на себя всю «тяжесть» социально-информационного взаимодействия в публичном пространстве: личности и власти, власти и общества, власти и общественных институтов и взаимоотношения между общественными институтами. Вместе с тем информационное взаимодействие в публичном дискурсе личностно выражено и организовано по проблематике, тематике и смыслу. В нем осуществляется и выполняется важнейшая функция – рефлексии над общественным бытием.

Публичный дискурс по своей сути является массовой коммуникацией и включает в себя практически все официально-статусные и институциональные отношения. Этим

и объясняется тематическое разнообразие публичного дискурса, которое затрагивает не только политику и экономику, но и проблемы этики, религии, нравственности, здоровья, культуры, искусства, образования. Кроме того к чертам современного публичного дискурса (публичной коммуникации), обусловленным внешним контекстом, можно отнести его демократизацию, вторжение в публичный дискурс процессов глобализации, новых технологий и массовой культуры, а также гламуризации, интеллектуализацию, вульгаризацию, медиатизацию.

Публичный дискурс проявляет многие процессы, происходящие с языком в целом и непосредственно влияющие на судьбу высокого стиля. К таким процессам можно отнести ориентацию публичного дискурса в целом не на высокую, элитарную, а на массовую культуру (что выражается в том числе в сокращении числа лиц, владеющих элитарной речевой культурой), расширение сферы средне-литературной нормы (Гольдин, Сиротина 1997: 413–415), снижение языкового стандарта, коловкиализацию, варваризацию и вульгаризацию публичного дискурса (Химик 2004), проникновение в публичный дискурс большого количества нелитературных элементов (диалектных, регионально-просторечных, жаргонных), снятие языковых табу на использование в публичном дискурсе вульгарной и бранной лексики. На фоне снижения языкового стандарта, победы узальной нормы над литературной нормотворческая инициатива переходит из сферы художественной литературы в сферу публицистики и публичного дискурса в целом. Все эти процессы потеснили элементы высокого стилистического слоя, сократили его долю и объем в публичном дискурсе. Однако полностью «избавиться» от высокого стиля в публичном дискурсе невозможно и не нужно.

Что же представляет собой стилистическая категория «высокий стиль»? Эта категория довольно активно обсуждается в науке (Е. Ф. Петрищева, С. Д. Петрищев, А. Н. Кожин, О. А. Крылова, Е. Н. Басовская, Н. А. Кожевникова, В. В. Одинцов и др.). Стилистическая категория «высокий стиль» трактуется в науке в двух ракурсах: прежде всего

как коннотация слова, стилистическое значение, отражающее стилистический компонент значения слова, и как текстовая категория. О. А. Крылова, представляющая наиболее распространенную точку зрения на эту категорию, различает по стилистической окраске (значению коннотации) книжные, нейтральные, разговорные языковые средства. Стилистическая окраска «высокое» включается ею в «книжное» (Крылова 2008: 73–91). Различные виды стилистической окраски слов отражены и в словарных пометах: *книжное, высокое, традиционно-поэтическое, народно-поэтическое* и др. Стилистическая окраска *высокое* распространяется учеными на все языковые средства и оценивается как особый вид экспрессии – торжественной, риторической, официальной, патетической (Бельчиков 2003: 698). В целом в русском языкознании сформировалось понимание «высокого» как стилистической коннотации в структуре стилистического значения слов, представляющего собой комплекс признаков: специфика значения (*благодаяние, благословить*); культурная история (*битва, бичевать*); регулярное попадание в патетический контекст (*беззаветный, бессмертный*); закрепленность за определенными жанрами, для которых характерен большой эмоциональный накал (*безвременный* (некролог), *благодарственное* (письмо) (Смерчко 1974: 4–7; Басовская 2016: 38–48).

Функционально-прагматическое понимание категории «высокое» делает акценты на особой манере выражения (Кожина 2011), на оценочном модальном характере данной категории как категории текстовой (Солганик 2003).

На ситуативный (тематический) характер данной категории обращает внимание Е. М. Лазуткина: «Тема разговора диктует говорящему способы ее представления в речи. Так, тема патриотизма, личности и общества, долга, любви требуют особой лексики, средств субъективной авторской модальности, отличной от тех, которые могут быть употреблены при обсуждении кулинарных рецептов или в рассказе о шумном застолье» (Лазуткина 1998: 64).

Г. Я. Солганик усиливает функциональный аспект в понимании категории конно-

тации, правомерно и логично приводя ее к понятию субъективной модальности: «Коннотация связана со всеми эмотивно-прагматическими аспектами текста, создающими его экспрессивную окраску. Все языковые средства, содержащие коннотацию, реализуясь в речи, придают высказыванию (тексту) субъективную модальность» (Солганик 2003: 266). Функционально-прагматическое понимание категории «высокое» присутствует у В. Я. Голуб, которая видит в коннотации одно из средств создания тональности текста. Именно функционально-прагматическое понимание категории «высокое», ее взаимосвязь с такими текстовыми категориями, как модальность и тональность, позволили некоторым авторам включить в ее состав «слова высокие с точки зрения содержания» (Голуб 1977: 18).

Языковые средства высокого стиля могут формировать следующие типы тональности: торжественную, патетическую, приподнятую, возвышенную (Новоженова 2016). Тональность, формируемая высоким стилем, выступает как один из способов оценки предмета и речи со стороны говорящего субъекта, обнаруживая тем самым его прагматические цели и интенции.

Речевые средства, претендующие на стилистическое значение «высокое», в разных сегментах публичного дискурса различаются по представленности, по функциям, по прагматическим целям. Эту возможность генерирует сам публичный дискурс, который характеризуется полидискурсивностью, многожанровостью и текстоцентричностью.

Речевые средства, и прежде всего лексика, имеющая коннотацию «высокий» в разных текстовых образованиях, жанрах и дискурсах, могут выступать в различных функциях: может быть стилистическим маркером жанров (текстов дипломатического и официально-делового дискурсов); участвовать в создании текстовой модальности и тональности (торжественности, возвышенности, патетичности и под.), что связано с прагматическими целями воздействия на адресата (онтологизация знания) (Баранов, Паршин 1986: 100–103). Коммуникативно-речевые функции высокой лексики также связаны с «воздействующими способностями»: «часть

возвышенной лексики не просто обозначает соответствующее явление, но и выражает его оценку. Слова этого подкласса часто используются для выражения высокой оценки событий и лиц. Соединяя в себе такие качества, как образность, эмоциональность, оценочность, они оказывают максимальное воздействие на реципиента и придают тексту сильную степень торжественности» (Ялышева 1992: 10).

Дискурс, как известно, определен заранее спланированными стратегиями речевого действия и воздействия. Именно интенции, цели и установки автора лежат в основе становления дискурсивных формаций: высказываний, текстов, жанров, дискурсов. Одной из главных прагматических целей публичного дискурса (кроме информационной) является воздействие на сознание и эмоционально-духовную сферу адресата. Стратегию воздействия на сознание адресата А. Н. Баранов и П. Б. Паршин называют онтологизацией знаний. Под этим термином ученые понимают интеграцию знаний адресанта в модель мира адресата, которая происходит при помощи вариативной интерпретации действительности и тактики навязывания пресуппозиций (Баранов, Паршин 1986; Баранов 1990), что может привести к изменению картины мира, мировоззренческой позиции адресата, системы ценностных установок и оценок адресата. Кроме того в публичном дискурсе адресат подвергается массивному эмоциональному воздействию со стороны ассоциаций, возникающих при интерпретации отдельных речевых средств высказывания, текста и всего дискурса в целом. Изменения эмоционально-психического состояния и сознания адресата являются предпосылкой к выработке у адресата оценочного (позитивного или негативного) отношения к предмету сообщения. Они могут повлечь за собой интеллектуальные, социальные, физические и психологические реакции и действия со стороны адресата. Эту прагматическую составляющую дискурсов ученые определяют как регулятивную функцию, т. е. способность регуляции поведения индивида, отмечая, что наиболее характерной она является для рекламного, а также политического и религиозного дискурсов.

В качестве сильного жанрообразующего фактора, как уже отмечалось, высокая лексика присутствует в документах официально-делового стиля, функционирующего в публичном общении. Это могут быть информационные жанры о дипломатических взаимоотношениях: *японо-американская встреча в верхах*, <...> *его цель состоит в том, чтобы укрепить доверительные отношения между главами обеих стран; «Сотрудничество Российской Федерации и Узбекистана основано на взаимоуважении, доверии», – отметил узбекский премьер* (<http://tass.ru/politika/4697652>). В официально-деловых документах (*высокий гость, визит вежливости, сопровождающие лица, встречи в верхах* и под.) данная лексика подчеркивает официальный статус ситуации общения, конвенциональность и институциональность дискурса, «обслуживающего» такие ситуации.

В роли жанровых маркеров лексика высокого стиля присутствует в текстах религиозного дискурса, функционирующих в публичной коммуникации, – в таких, например, жанрах, как послание церковных иерархов. Примером религиозного дискурса, функционирующего в публичном пространстве, может быть текст *Рождественского послания Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла* (<http://www.patriarchia.ru/db/text/5085787.html>), который имеет ярко выраженную торжественную, высокую тональность. Отметим самые очевидные лексико-стилистические средства создания торжественной тональности. Таким средством являются номинативные цепочки: *в сию святую ночь, праздник исполнения древних обетований о спасении человеческого рода, внимая этим мудрым словам, спросим сами себя: каким образом можем мы украсить эту божественной печатью* и т. д. Практически все языковые средства в тексте *Рождественского послания* участвуют в создании особой торжественной тональности: лексические (архаизмы, старославянизмы, метафоры, эпитеты: *обретать покой, мир, великодушие, воцарится радость, древние обетования, внимать, богоподобие, снисходить* и т. д.); синтаксические (эмоциональный синтаксис, вопросительные предложения, риторические вопросы, повелительное наклонение:

любовью все накрывайте!; сложные предложения, построенные на антитезе: *великодушием ко всем снисходите – и в сердцах ваших воцарится радость*).

Иную функцию стилистическая категория «высокий стиль» выполняет в таких жанрах, как интервью и публицистическая статья церковных деятелей. Эту функцию можно продемонстрировать на фрагменте интервью Патриарха Кирилла: *Вот Максим Исповедник связывает два понятия – «любовь» и «волю». Волевые качества человека. Если любовь оплодотворяет волю, о таких людях мы говорим, что это человек доброй воли. Вот все то, что делают волонтеры, – это проявление доброй воли. Это когда волевые усилия подкрепляются чувством жалости, сострадания и любви...* (<https://ria.ru/interview/20180107/1512227730.html>).

Как видим, слова высокого стиля живут в ткани публицистического произведения, которая фиксирует общественную тематику данного текста, они выражают мировоззренческую позицию адресанта, создают определенную смысловую ткань текста, но при этом не являются необходимой структурно-смысловой составляющей жанра интервью.

Речь церковных иерархов, следуя традиции церковного красноречия/риторики, и в публичном дискурсе насыщается риторическими фигурами, библейскими метафорами, старославянизмами. Именно с фактами присутствия текстов религиозной тематики, религиозной публицистики в публичном дискурсе некоторые ученые связывают возрождение и формирование в литературном русском языке такой разновидности функциональных стилей, как религиозный стиль (О. А. Крылова, Л. П. Крысин и др.).

Для религиозного стиля вообще, как известно, характерна архаически-возвышенная тональность речи, соответствующая высокой цели религиозной деятельности. Архаически-возвышенная тональность речи определяется возвышенностью религиозных мыслей, чувств, ценностных установок, которые предполагают использование соответствующих им своей стилистической окраской языковых средств. В русском языке эту роль часто выполняют церковнославянизмы. Языковые средства в данном случае –

это не только разноуровневые языковые единицы, но и так называемые коммуникативные клише, т. е., как указывает Б. М. Гаспаров, «готовые к употреблению куски языкового материала» (Гаспаров 1996): *Любящий Отец; очистить от грехов; нашего ради спасения; чудотворение Божие; сходить с небес; путь искуса и испытаний; стал жертвой за нас* и т. п. Безусловно, они также являются проявлением возвышенной текстовой тональности, соответствующей возвышенным религиозным мыслям и чувствам. Однако в публичном дискурсе мы сталкиваемся с явлением, когда текст, написанный религиозным деятелем, адресуется не только верующим, т. к. адресат публичной коммуникации чрезвычайно широк. В публичном дискурсе за религиозным стилем остается функция утверждения религиозных ценностей, пропаганды религиозного мировоззрения, но пропадает функция общения между адептами одной религии и общения с Богом.

Средства высокого стиля также маркируют жанры публичных обращений высокого ранга политических и государственных деятелей к народу, нации и жителям страны, которые, как правило, относят к политическому дискурсу. Высокий официальный статус подобных речевых произведений, важность предмета речи требуют особой торжественной тональности. Так, например, тексты новогодних поздравлений В. В. Путина совмещают торжественно-патетическую и интимно-«задушевную» тональность. Торжественно-возвышенная тональность в текстах обращения российского президента создается за счет слов, в семантике которых содержится высокое значение: *устремления; мечты; нуждаться в нашем участии и душевной щедрости; дарить добро; наполнять жизнь истинным; человеческим смыслом; дорогие люди, сплоченность; дружба; бескорыстная любовь; достойные поступки и высокие достижения; заветные слова* (<https://www.1tv.ru/shows/novy-god-2018/novy-god-na-pervom-2017/novogodnee-obrashenie-prezidenta-rossii-vladimira-putina>).

В данном тексте высокий стиль выполняет аксиологическую функцию, создавая положительную оценку предмета речи, де-

монстрирует взволнованность со стороны говорящего субъекта, подчеркивает уважение к адресату, важность и значимость темы. Парадоксально, что в этом статусном официальном общении дистанция между адресатом и адресантом не увеличивается, а сокращается через реализацию стратегии консолидации участников речевого общения.

Эффект употребления высокой лексики может быть и деструктивным по отношению к смыслу текста, так как существует мнение, что в каждом пропагандистском дискурсе (а к нему можно отнести тексты и политического, и религиозного, и публицистического дискурсов) высокая лексика может ослаблять конкретную семантику текста, затемняя смысл и формируя смысловую неопределенность текста. Это явление связано с тем, что словам высокого стиля в публицистическом и пропагандистском дискурсах свойственно «усиление периферийного компонента лексического значения – эмоциональной оценки, иногда при ослаблении предметно-понятийной точности» (Голуб 1977: 18). Высокая лексика, наряду с другими средствами, может формировать смысловую неопределенность текста (Кормилицына 2016).

В теории речевой коммуникации категорию определенности / неопределенности относят к обязательным категориям, выполняющим информативно-организующую функцию общения. План содержания категории неопределенности включает значения неизвестности, неточности, приблизительности, неясности, второстепенности (Захарова 2000: 12–19). Подчеркнем еще раз, что неопределенность считается отличительным свойством пропагандистского дискурса. На это свойство указывает Л. Фразер (Fraser 1957). Неопределенность информации присуща и современным текстам СМИ (Кормилицына 2016), и всему публичному дискурсу.

Именно пропагандистские возможности (потенциал) высокого стиля в полной мере использовались в советском новоязе. Советская речевая словесность ориентировалась на сниженность и бюрократизацию речевой коммуникации, что было связано с идеологическими, политическими и пропагандистскими задачами борьбы с внешним и внутренним врагом, обличением врагов,

борьбой с чуждой идеологией и чуждым буржуазным образом жизни (Романенко 2003, 2008; Купина 1995 и др.). Бюрократизация речевой коммуникации связана с регламентированностью отношений между властью и обществом. Но, с другой стороны, необходимо отметить, что советская речевая словесность сформировала высокую патетичность публичного дискурса, советский официоз, которые закрепили ритуальность общественной коммуникации и отразили ряд идеологических и политических установок. Патетическая тональность в тексте советского новояза становится постоянным стилистическим приемом, отражающим идеологические установки советского общества, т. е. получает идеологическую нагрузку. Нагляднее всего это проявляется в языке советской печати (в таких жанрах, как передовая статья, отчасти в информативных заметках, публичных выступлениях, докладах партийных деятелей и государственной администрации, в речах политических выдвиженцев (на съездах, собраниях, слетах, конференциях) и т. п. Основными идеологическими установками (задачами) советской печати, как известно, было не только разоблачение внешних и внутренних врагов, борьба с буржуазными предрассудками, разоблачение буржуазной идеологии, но и освещение и прославление достижений социализма, прославление вождей в собственной стране и прогрессивных представителей международного пролетариата, а также героев социалистического труда и передовиков производства, утверждение и пропагандирование советского образа жизни. Именно высокий стиль, принявший форму советской официальной патетики, взял на себя обязанность интерпретации, «прославления» советской реальности в особом стилистическом ключе, призванном возбудить воодушевление в советском народе. Высокий стиль, патетическая тональность стала одним из мощных стилистических средств, которые эту реальность создавали, манипулируя таким образом общественным сознанием. Приведенные ниже фрагменты демонстрируют советскую патетику в информационном материале: ... **Слава первооткрывателя прочно укрепила за старым охотником, колхозником села**

Тит. Сын народа коми, советский патриот Виктор Попов всю жизнь прожил в этом селе. Он исходил вдоль и поперек окрестную Большеземельскую тундру, как в молодости, так и теперь охотясь на зверей и птиц тундры <...> Первый уголь Воркуты был найден. Но понадобилось немало энергии, чтобы ценнейшая находка крестьянина не пропала, не затерялась. Виктор Попов действовал настойчиво. С первой верной оказией он отправил драгоценный клад в Москву, в Кремль. Товарищ Сталин направил к народу коми первую геологоразведочную экспедицию... Благодаря открытию простого советского крестьянина родился Заполярный Донбасс... (Известия. 24.12.1947).

Как отмечает Е. В. Какорина, основой стилистической нормы языка прессы советского периода была схема распределения языковых средств в соответствии с тремя классическими стилями: высоким – нейтральным – сниженным: от высокого стиля передовой статьи и разного рода официальной информации до сниженного стиля фельетона (Какорина 1992: 15–18). Идеологизация лексики, по мнению Н. А. Купиной, главное свойство «тоталитарного языка» (Купина 1995: 144). Этот процесс отмечается в лексических коннотациях высокой лексики: в субстантивных номинациях: *вождь* (советского народа); *руководитель* (социалистической партии); *верность* (идеям коммунизма); *человечество* (прогрессивное); *убежденность* (партийная); в предикатах: *не щадил себя*; *отдал всего себя*; *воодушевлял*; *пропагандировал*; *возвестил*; *бичевал*; в оценочных существительных: *авангард* и *под*; в оценочных прилагательных: *несгибаемый* (*несгибаемые коммунисты*); *непоколебимый*; *бессмертный*. В советском новоязе торжественные, патетические коннотации, идеологическая нагрузка речевых средств часто появляются в синтагматических связях: *партийная ответственность*, *партийный дух*; *социалистическое отечество*; *преданность идеям коммунизма* и *под*. Однако наиболее характерной особенностью дискурса советской эпохи является то, что главным средством создания патетической тональности документов советской словесности было употребление слов высокой семантики, т. е. высоких с точки зрения содержания.

Как уже неоднократно отмечалось, языковое наполнение публичного дискурса проявляется в наборе коммуникативно-речевых образований (стилей, дискурсов, текстов, высказываний), функционирующих в этом всеобъемлющем пространстве социальной официальной коммуникации, определенном социальными и культурно-временными факторами. Современный публичный дискурс, прежде всего в своей публицистической части, демонстрирует новые процессы и новые возможности высокого стиля. Первое, что необходимо отметить, – это факт отсутствия в нем «системной» патетики.

Современный публицистический стиль практически лишен установки на патетику, свойственную газетному языку советской эпохи. Возможно, эта риторика сохранилась в публичных выступлениях некоторых общественных деятелей. В основном современный публичный дискурс изжил советскую риторическую. Так, В. Г. Костомаров замечает, что «языковой вкус эпохи характеризуется общей «боязнью громких слов» и торжествующей <...> установкой на стилистическую сниженность». Высокие эмоции, десятилетиями «культивировавшиеся» в отдельных словах, «уже в середине эпохи перестройки обросли уничижительными окрасками, а в речи значительной части носителей языка «всеохватывающее стремление к обновлению» обернулось таким явлением, как «смех ради смеха» (Костомаров 1994: 12). Е. В. Какорина, анализируя язык газет постперестроечного периода, замечает, что тексты в высоком стиле совсем исчезли из прессы (Какорина 1992: 15–18). Переосмысление высокой лексики происходит, как уже отмечалось, на фоне общей стилистической сниженности публичного дискурса.

Высокая лексика в процессе стилистико-смысловой трансформации может, во-первых, терять свой высокий стилистический статус (происходит своего рода стилистическое понижение ранга коннотации). Во-вторых, этот процесс может сопровождаться ироническим и сатирическим переосмыслением, становиться ярким приемом экспрессивизации текста, экспликатором субъективной аксиологической модальности. Иронический оттенок появляется поч-

ти всегда в процессе стилистической трансформации высокой лексики, но особенно ярко он ощущается в идеологических клише, имевших высокие стилистические коннотации. Надо заметить, что высокие слова имеют тенденцию становиться газетизмами и приобретать черты публицистических штампов. Во-вторых, особенностью высоких слов является также то, «что они способны наполняться прямо противоположным содержанием, а каждая социальная группа использует их по-своему и в своих целях» (Коженикова 1997: 228). На эту особенность обращает внимание Е. Н. Басовская, указывая, что «существует корреляция между идеологией редакции и основным вектором высокой лексики в медиатексте» (Басовская 2017: 26). Это было убедительно показано автором на примере анализа существительного **единение** в трех изданиях: в прогосударственной «Российской газете» (далее РГ), просоветско-националистической газете «Завтра» (З) и праволиберальной «Новой газете» (НГ).

Использование высокой лексики зависит от идеологических установок не только печатного издания, но и от позиции автора текста. В этом смысле определенный стилистический феномен представляют публицистические тексты и публичные выступления А. Проханова, в которых высокая лексика (часто с идеологическими советскими коннотациями) и высокая патетика (часто создаваемая с помощью образных средств, метафор, сравнений, эпитетов) – постоянные и ключевые элементы идеостилия публициста, «несущие» конструкцию его текстов: *Приближается день – черный для всей бессовестной российской элиты. День, когда американцы расскажут миру о паучьем гнезде, которое свили в самом центре России банкиры, сырьевые олигархи, высокопоставленные политики. Об этом гнезде, увы, расскажут нам не российские газеты, не российские телеканалы, а газеты и телеканалы врага, который старается создать из России образ пиратского королевства <...> Банкиры – самая мрачная часть российского капитализма. Своими непомерными процентными ставками они душат промышленность, приводят к краху программ, обрекают русскую*

индустрию на увядание <...> Президент, который все эти годы поддерживал баланс между народом и знатью, старался скомпенсировать растущее материальное и духовное неравенство, разъедающее Россию, сегодня уже почти не способен сохранять этот баланс... (З. 17.01.2018).

Журналисты и общественные деятели иной идеологической ориентации предпочитают в своих публицистических произведениях ироническую, критическую, сатирическую интерпретацию действительности. Высокая лексика, прежде всего советизмы, получают в их статьях ироническое, сатирическое переосмысление. Примерами текстов с ироническим переосмыслением высокого стиля могут послужить выступления Д. Быкова, И. Иртеньева, А. Боссарт и др. в передачах радиостанции «Эхо Москвы» и их публикации в НГ: *Как тут спросишь, не кощунствуя: погружается куда? Я в прямую дерзость скатываюсь, как я смею, паразит? Но не святостью, не святостью от субстанции разит. Консерватор возрождается, подголосок сопли льет: это вера возрождается! Да не вера, идиот»* (Д. Быков. НГ. 22.01.2018); *Девиз «Мочить!», с которым наш корректный креститель повел народы к берегу Иордана, он же Терек, следует, конечно, трактовать, как зов первобытной стихии. Народы же, вероятно сбитые с толку действительно странным предложением мочить именно в сортире, устремились за новым пророком, на ходу перестраивая свою довольно разнообразную речь* (А. Боссарт. Газета.Ru. 28.02.2000).

Эстетическая позиция авторов приведенных текстов состоит в принципиальном смешивании высокого и низкого в одном текстовом пространстве, при этом общий принцип выбора лексической цепочки можно охарактеризовать как интеллектуализацию. В целом такая публицистическая практика вполне вписывается в постмодернистскую эстетику словесности, демонстрирующую стиливую эклектизм и интертекстуальность, игру словами и смыслами, использование готовых форм.

Как известно, публичный дискурс постоянно демонстрирует речевую рефлексивность, проявляется она и в отношении высокого

стиля. Языковая рефлексия носителей языка относительно высокого стиля может быть обнаружена через рефлексивы: *говоря высоким стилем; выражаясь высокопарно; патетически; говоря поэтическим языком; говоря пафосно* и под. Мы выбрали для нашего предварительного анализа рефлексив **говоря высоким стилем**: *В них участвуют специалисты из различных регионов страны. Это, говоря высоким стилем, наш вклад в развитие современных методов лечения не только в столице, но и в разных городах России* (И. Краснопольская. РГ. 07.12.2017); *В книге нет того, что отличает рассказ от справочника, – в ней нет сюжета, отсутствует, говоря высоким стилем, драматическая интрига* (В. Покровский. Газета.Ru. 21.11.2013); *Футбол даже в высших своих проявлениях – не панацея. Не здесь, говоря высоким стилем, проходит борьба человечества за лучшее будущее* (В. Мозговой. НГ. 03.07.2017); *А говоря высоким стилем, культура – это философия общества, его фундамент* (С. Ежиков. З. 16.12.2015); *В нем я вижу свое будущее и свою обязанность жить и творить, совершать деяния, говоря высоким стилем* (И. Велетминский. АиФ. 2017. № 51).

Как видно из примеров, высокий стиль осознается носителями языка прежде всего как форма перифрастического метафорического словоупотребления. В тексте реф-

лексив является средством переключения эмоционально-стилистического регистра, тональности текста, экспликации аксиологической модальности, дающей в каждом случае позитивную оценку происходящему.

Как показал наш анализ, стилистическую категорию «высокий стиль» в публичном дискурсе необходимо оценить как проявление особой аксиологической субъективной модальности, которая выражает оценочные смыслы: позитивный, негативный, актуальный, неактуальный, проявляет одобрение говорящим / пишущим самого предмета речи и ситуации коммуникации. Однако на уровне текстового употребления средства выражения высокого стиля (чаще всего лексические) могут – вследствие стилистико-смысловой трансформации – приобретать негативные оттенки (иронические, сатирические и под.). Востребованность высокого стиля в публичном дискурсе определена коммуникативными задачами и в каждом конкретном случае особенностями дискурса, жанра и текста, в котором это средство функционирует, а в конечном итоге прагматическими интенциями говорящего и пишущего субъекта. Историческая и общественно-культурная детерминированность дискурса отражается на необходимости и возможности использования данной стилистической категории и способах ее презентации.

Литература

1. Баранов А. Н. Что нас убеждает? (речевое воздействие и общественное сознание). – М.: Знание, 1990. – 64 с.
2. Баранов А. Н., Паршин П. Б. Языковые механизмы вариативной интерпретации действительности как средство воздействия на сознание // Роль языка в средствах массовой коммуникации. – М.: ИНИОН, 1986. – С. 100–143.
3. Басовская Е. Н. О «неубедительнейшей» из помет: высокая лексика в толковых словарях русского языка XX–XXI вв. // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. – 2016. – № 2. – С. 38–48.
4. Басовская Е. Н. Между пафосом и иронией: высокое слово в современном медиатексте // Стылістыка: мова, маўленне і тэкст. – Мінск: Адукацыя і выхаванне, 2017. – С. 25–32.
5. Бельчиков Ю. А. Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 840 с.
6. Воронцова Г. А. О соотношении понятий *публичный дискурс – язык СМИ – публичная речь* // Вестник Удмуртского университета. История и филология. – 2008. – Вып. 3. – С. 17–22.

7. Гаспаров Б. М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. – М.: Новое литературное обозрение, 1996. – 352 с.
8. Голуб В. Я. Высокая лексика в современном русском литературном языке (по современным словарям и публицистике 60-70 гг.): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 1977. – 18 с.
9. Гольдин В. Е., Сиротинина О. Б. Речевая культура // Русский язык: энциклопедия / под ред. Ю. Н. Караулова. – М.: Дрофа, 1997. – С. 413–415.
10. Захарова Е. П. Типы коммуникативных категорий // Проблемы речевой коммуникации. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2000. – С. 12–19.
11. Какорина Е. В. Стилистические изменения в языке газеты новейшего времени: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М., 1992. – 22 с.
12. Кожевникова Н. А. Poleмика с высокими словами в советской литературе второй половины 50 – начала 60-х гг. // Stylistyka VI. – Opole, 1997. – S. 227–242.
13. Кожина М. Н. Высокий стиль // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под. ред. М. Н. Кожинной. – М.: Флинта: Наука, 2011. – С. 39–40.
14. Кормилицына М. А. Субъективная модальность как средство усиления неопределенности информации (на материале печатных СМИ) // Категория модальности в речевой коммуникации. – Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2016. – С. 27–33.
15. Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи: из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. – М.: Педагогика Пресс, 1994. – 247 с.
16. Крылова О. А. Лингвистическая стилистика: в 2 кн. – М.: Высшая школа, 2008. – 319 с.
17. Купина Н. А. Тоталитарный язык: Словарь и речевые реакции. – Екатеринбург – Пермь: Изд-во Уральского ун-та. – ЗУУНЦ, 1995. – 144 с.
18. Лазуткина Е. М. Прагматика и стилистика разговорной речи. Условия успешного общения // Культура русской речи / под ред. Л. К. Граудиной и Е. Н. Ширяева. – М.: Издательская группа НОРМА-ИНФРА, 1998. – С. 58–68.
19. Новоженова З. Л. Тональность и модальность в эзотерическом тексте // Категория модальности в речевой коммуникации. – Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2016. – С. 174–181.
20. Романенко А. П. Советская словесная культура: образ ратора / под ред. О. Б. Сиротининой. – М.: Эдиториал УРСС, 2003. – 157 с.
21. Романенко А. П. Советская герменевтика. – Саратов: Наука, 2008. – 166 с.
22. Сидоров В. А. Публичный дискурс и медиасфера: условия и субъекты функционирования // Журналистский ежегодник. – 2013. – № 2. – С. 15–19.
23. Солганик Г. Я. Коннотация // Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л. Ю. Иванова и др. – М.: Флинта: Наука, 2003. – С. 265–266.
24. Смерчко А. К. Глагольные фраземы высокого стиля русского литературного языка второй половины XVIII в.: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Калинин, 1974. – 23 с.
25. Химик В. В. Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи (Предисловие) // Русский филологический портал. – СПб., 2004. URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/khimik-04.htm>.
26. Ялышева А. П. Лексика высокого стилистического слоя в современном немецком языке: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. – М., 1992. – 16 с.
27. Fraser L. Propaganda. – London, New York, Toronto: Oxford University Press, 1957. – 218 p.

Александра Ѓуркова

(Институт за македонски јазик «Крсте Мисирков», Скопје, Македонија)

КОХЕЗИВНИТЕ ЕЛЕМЕНТИ И СТИЛОТ ВО БЕСЕДИТЕ НА ГРИГОР ПРЛИЧЕВ

Темата на оваа статија ги опфаќа беседите што Григор Прличев (1830/31–1893) ги искажува најчесто пред своите сограѓани, охриѓаните, по разни поводи: по повод на празниците св. Кирил и Методиј, св. Климент, на завршувањето на учебната година и сл. Анализата ги опфаќа беседите како текстови со оглед на кохезивните елементи и на стилските карактеристики. Притоа, предвид се земени референцијата со оглед на анафората и катафората, конјункцијата и лексичкото поврзување.

Со утврдувањето на покарактеристичните јазични елементи, како: конјункциите **сега**, **оттука** и **сетне**, сложените конјункции **та за тоа**, **та макар**, **ако и да** и др. може да се утврди дека беседите претставуваат внимателно креирани текстови и имаат јасна цел за постигнување ефект на мотивација кај слушателите. Во функција на тоа се и бројните гномски мисли на Прличев упатени кон неговите сограѓани. Како посебна стилска специфика се покажува тенденцијата за употреба на библиски мотиви и цитати во беседите.

Клучни зборови: беседи, Григор Прличев, кохезија, референција, конјункција.

Александра Ѓуркова

(Институт македонскогo јазика имени Крсте Мисиркова в Скопье, Македония)

КОГЕЗИВНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ И СТИЛЬ В РЕЧАХ ГРИГОРА ПРЛИЧЕВА

Тема настоящей статьи – речи, которые Григор Прличев (1830/31–1893) произносил прежде всего перед своими согражданами, жителями города Охрид, в разных ситуациях: в связи с праздниками свв. Кирилла и Мефодия, св. Климента, окончанием учебного года и др. В анализ входят его речи как тексты, с учетом когезивных элементов и стилистических характеристик. При этом учитывается референция в связи с анафорой и катафорой, конъюнкция и лексические связи.

Имея в виду более характерные языковые элементы, такие как конъюнкции **сега**, **оттука** и **сетне**, сложные конъюнкции **та за тоа**, **та макар**, **ако и да** и другие, можно прийти к заключению, что речи являются тщательно созданными текстами, цель которых – достижение эффекта для мотивации слушателей. Такую роль играют и многочисленные гномы Прличева к своим согражданам. Тенденция употребления библейских мотивов и цитат из речей придают им особое стилистическое своеобразие.

Ключевые слова: речи, Григор Прличев, когезия, референция, конъюнкция.

Aleksandra Gjurkova
(Institute of Macedonian Language «Krste Misirkov» in Skopje, Macedonia)

ELEMENTS OF COHESION AND STYLE IN THE ORATIONS BY GRIGOR PRLIČEV

The poet Grigor Prličev (1830/31–1893) during his years spent in his native Ohrid has been actively engaged in the social life of his fellow citizens by giving orations at the occasions of religious holidays and at the end of the academic year at schools where he was teaching. Usually, Prličev addressed problems related to the social life of the citizens in Ohrid – teaching in schools, church issues etc. In this article we take in consideration several orations and their linguistic specifics, especially the cohesion in the orations as texts.

The main objective is to study the cohesion strategies used in the orations and the usage of compound conjunctions, such as: *-no ako i da*, *-ako da ne*, *-ta i*, *-ta za toa*, *-ta makar* etc. The usage of conjunctions in general in the orations by Prličev is to be viewed as a tool to establish the orations as well structured texts. The reference mechanisms as means of cohesion are also taken in regard in our analysis, as well as the use of particles and modal words, as expressive means in the orations and the use of rhetorical questions as means to maintain attention and communication. The analysis comprises a view of several stylistic characteristics, such as using citations from the Bible, linearisation in the nominal group etc. The analysis will enable a precise view of the strategies used by Prličev in writing orations and also, to uncover the poetic side of the orations, giving that Prličev was first and foremost a poet.

Key words: orations, Grigor Prličev, cohesion, conjunctions, reference.

1. Истражувањето на текстот како една јазична единица во рамките на лингвистиката се поврзува и со неговото сфаќање како дејствување преку јазикот, односно јазикот се јавува во облик на исказ, соопштение и сл., како нешто разбирливо за воспримачот. Според тоа, **текстот** се определува како основна единица на јазичниот состав, како основна комуникациска единица и како единица на јазичното дејствување (Glovacki-Bernardi 2004: 5). Дејствувањето претставува составен дел од однесувањето на човекот во општеството, а во врска со тоа како основен концепт се издвојува **интенционалноста**. Притоа, треба да се разликува поимот на интенција кој се врзува со вообичаеното значење на намера од значењето во теоријата на интенционалноста. Во врска со состојбата на интенција според Серл (Searle 1984) се издвојуваат два дела: **-содржина** преку која се дејствува и **-психички модус** односно **тип**, при што една иста содржина може да се појави во различни типови. Така на пример, една содржина може да се реализира како желба, уверување и намера, а основна задача е да се воспостави односот кон реалниот свет. Во врска со тоа е и развивањето на тезата на Заднината на Серл (2014: 175) според која интенционалните феномени т. е. „значењата, разбирањата, знаењата, верувањата, желбите и искуствата функционираат само во рамките на множество Заднински капацитети што, сами по себе, не се интенционални.“ На таков начин, Серл дефинира дека природата на секоја репрезентација, па и на јазичната, може да биде успешна само ако се земе предвид множеството нерепрезентациски капацитети.

Во лингвистичката наука се издвојуваат, генерално, две определби на текстот. Првата е во рамките на структуралистичката лингвистика односно во генеративно-трансформациската граматика при што главна карактеристика на текстот е да биде кохерентен, додека втората определба се јавува во рамките на лингвистичката прагматика и е насочена кон сфаќањето на текстот како комуникациска единица. Како основа на теоријата на текстот се смета граматиката на текстот според Дреслер (Dressler 1973), односно преку анализа на значенската структура

на текстот треба да се постави основата на семантиката на текстот. Како наједноставно средство на семантичката кохеренција се јавува повторувањето на зборови, реченични делови или цели реченици. Се разбира, важни средства за оформување на еден текст се: референцијата, супституцијата и елипсата, конјункцијата и лексичкото поврзување. Секое од овие средства се употребува во поголема или помала мера во зависност од видот на текстот, а треба да се има предвид дека во тој процес е важна и комуникациската ситуација, намерата на испраќачот на информацијата, пораката што се испраќа, контекстот и темата на која се однесува текстот.

2. Текстот, пред с, го сфаќаме како едно семантичко единство коешто се реализира преку реченици, според Халидеј и Хасан (Halliday, Hasan 1976: 293). Додека, единството на текстот се состои во единството што го има текстот во определен контекст. Дали ќе определиме еден определен сегмент за текст зависи од повеќе фактори, па оттаму концептот за текст не е целосно детерминиран. Сепак, секогаш постојат индикатори за текстурата односно ткаењето на еден текст преку коишто цениме за кохезивната структура на текстот. Во креирањето на текстот главна улога има текстуалната компонента (Halliday, Hasan 1976: 299) односно потенцијалот на јазикот и јазичните елементи кои ни стојат на располагање и начинот на којшто може семантички да се оформи определена содржина која е во релација со средината/ околината. Во рамките на вака определената текстуална компонента, кохезијата има посебна улога во оформувањето на текстот. Обезбедувањето на семантичкиот континуитет во текстот, што претставува задача на кохезијата, како и информациската структура и тематските модели се важни сегменти во текстовната текстура. Всушност, континуитетот е важен за оформување, но и за декодирање односно интерпретација на текстот.

3. Во насока на истражувањето на текстот како јазична единица и како состав, на прво место се свртуваме кон структурирањето на текстот и употребата на определени јазични елементи. Преминувањето од една реченица кон друга во рамките на текстот може да биде

линеарно или паралелно, односно реченицата да произлегува од претходната и со неа да се дознае нешто ново во однос на претходната реченица или реченицата се вклопува во општата тема на надреченичното единство. Заменките и заменските зборови (прономина) се најважните елементи за оваа цел, првенствено затоа што се носители на фоличките функции, односно на поврзувањето на конституентите на текстот со оние кои им претходат или елементите кои стојат по нив. Се работи, значи, за референцијата сфатена како однос меѓу два елемента од текстот (Минова-Ѓуркова 2011: 297), при што едниот се идентификува преку другиот. Притоа, се издвојуваат анафорските и катафорските функции со употреба на заменските зборови, присвојните заменски придавки, показните заменски зборови и членските морфемии. Сите тие се карактеристични за ендофората, којашто инаку е определена како кохезивна, за разлика од егзофората која е во функција на креација на текстот со тоа што го поврзува јазикот со контекстот на ситуацијата (Halliday, Hasan 1976: 37). Се разбира, заменките и заменските зборови може да се употребат и за егзофоричка функција.

Во рамките на оваа статија ќе се задржам на употребата на средствата на референција, на конјункциските средства и на лексичкото поврзување во беседите на Григор Прличев (поет од Охрид, 1830/31–1893). Притоа, важен елемент претставува и редот на зборовите во реченицата којшто има комуникациско-граматичка функција. Освен тоа, ќе се осврнам и на средствата со кои се идентификува персуазивноста во беседите, што претставуваат токму текстови кои се исклучиво наменети за искажување пред аудиториум, што значи дека се насочени кон восприимачите на текстот. Во рамките на оваа студија предвид земаме шест беседи на Григор Прличев коишто се искажувани по различни поводи, посветени за прославувањето на св. Кирил и Методиј, св. Климент, на крајот на учебната година и сл. Еден дел од нив се напишани на охридски дијалект, а другиот дел ја имаат базата во охридскиот дијалект со јазични особености од рускиот, црковнословенскиот и бугарскиот. Беседите што ги разгледуваме се

дел од фондот за Григор Прличев во Архивот на МАНУ. За беседите коишто се напишани со грчки алфавит треба да споменеме дека при транскрипцијата се служиме со основите поставени од Бл. Конески при објавувањето во *Македонски јазик* (XVII, 1996) на беседата искажана на 12 јуни 1866 на училишниот испит, со исклучок на пренесувањето на -li- (ли) > лј (лјубов), -ki- (ки) and -gi- (γι) > кј, гј (примери: *кукја, бракја, меѓју*). Беседите напишани на кирилично писмо како основа го имаат охридскиот дијалект со употреба на јазични елементи од рускиот и бугарскиот, поради што претпоставуваме дека можеби биле подготвувани за печат во списанијата како „Македонија“ и „Времја“.

4. Во врска со средствата за референција, првенствено се осврнуваме кон употребата на заменките и заменските зборови. Примери:

(1) – *Денеска је сфетениот ден, шчо го славиме паметот от треста и осумнаесет сфеті отци зашчо тие ја испраија верата наша, тие наредија канони и номој, тие ја устроија црквата Христова. Тие наредија сфите таксој, сфите тертипи, сфето прилегание црковно. Тие ја провозгласиа патрикааната Охритска, шчо ни ја урнаа после Грци патрици. Тие 'и соединија христианите,...За тоа и ние, на името нихно, денеска се собрафме едно стадо, вес грат, за да 'и славиме.*

(2) – *Вистина силна работа је народ голем разумен, собран наедно. Гласот негоф до божии престол фтасфит и достигвит. За тоа и сфетеното писание велит оти глас от нарот је глас господов.*

(3) – *Ушче, не думајте оти горките зборој 'и велјам јас, не! 'И велит сфетеното писание. Него јас го имам водач. От него црпам. Тоа зборвит. Јас не сум друго, саде еден терцуман.*

(4) – *Кјде шчо немат учение немат чувајне. Оваа је дидахиата господоа, чувај се.*

(5) – *Овај ном чувај се го написа госпот во срцето на сфите лјуге и на сфите милети. За тоа сфекој чоек херколку шоп да је, херколку диф да је и со дивотиј да живит, пак се думат за себеси...*

(6) – *Госпот сакат да је столисан векот со сфекакфи диханиа. За тоа тој ном го даде не саде на лјугето, туку и на сфите диханиии. За тоа, јагнето кога да видит волк, бегат, се чуват.*

(7) – Ние толку сме одалечени от доброто, што правиот чоек го имаме за будала, а музевирот за чесен. Сфекое лошо за харно, а харното за лошо. Та за тоа никако не можиме да се зачуваме.

Во врска со наведените примери може да се види дека личните заменки и присвојните заменски придавки се употребени во функција на ендофора, и тоа со упатување кон претходниот текст т.е. анафорски. Во примерите (4) и (5) се употребува показната заменка овој за упатување кон текстот што следува односно катафорски и има препаративна функција. Всушност, би можело да се оцени дека е ваквата употреба во функција на стилизацијата на колоквијалност во беседите на Григор Прличев.

Кај примерот (1) среќаваме јазичен паралелизам, што се изразува преку повторувањето на анафорската заменка тие последователно во неколку реченици. На ваков начин се постигнува помокен ефект кај слушателите, всушност јазичниот паралелизам е одлика токму на јавно изречениот збор.

Во однос на употребата на конекторот односно дискурсниот прилог за тоа во примерите (1), (2), (5), (6), (7) треба да се одбележи дека може да се разгледуваат во рамките на показните заменски прилози или во рамките на показните заменки; конекторот е неселиктивен според семантиката. Во наведените примери е карактеристично тоа дека конекторот е употребен анафорски и се однесува најчесто на целата претходна реченица или пак, на неколку претходни реченици, така што може да се смета дека е показател на конјункцијата со експликативно-причинско значење. Во примерот (7) имаме та за тоа што упатува на последична нијанса на конјункцијата. Сврзникот та се употребува вообичаено во составни (копулативни) независноложени реченици, во составни со причинско-последичен однос, како и во последични зависноложени реченици (Минова-Ѓуркова 2011: 240, 241).

4.1. Оттука- со анафорско значење

(8) – Еден је зборот господоф, илјаким је како коренот от тоа дреото американско, што ветките негој покривеет цело едно поле. Оттука можиме да здумаеме оти со сфети

дух је написано сфетеното писание, оти умшчина божевна се наожцат во сфетеното писание и оти сам госпот зборвит во него. Сфите божевни номој што се наожвеет во црковните книги, сфите госпот 'и собра во еден збор. Чувај се себеси. Оттука можиме да разбериме оти умшчината господоа је глобока без дно...

Во примерот (8) се употребува прилогот оттука како конектор односно референциска единица со која анафорски се упатува на една или повеќе претходни реченици, додека исказот започнат со оттука редовно содржи заклучна мисла со универзално, философско значење. Исто така, како и во претходните примери се среќаваме со личнозаменски форми како референциски единици.

4.2. Во продолжение наведуваме еден подолг сегмент од беседата за црковното прашање преку кој може да се анализираат повеќе кохезивни средства како референцијата, конјункцијата и лексичкото поврзување; пример:

(9) – Ојдоа в Цариград неколцина охријанци да чинеет давиа на пашата: Станче беј, еден од Лигда, и еден други. Овие тројца, како се вртеја околу портата царска, за да се сторит давиата, и наождат патриком грчки Самуил и опитвит: „Шчо сакате?“ И тие, како лјуди добри и со чисто срце, му исказаа нему како на патрик, како на татко, и му се споведоа за свите алои што претргале. И патриком им рече: „Немајте гајле, јас ке ви избавам от таков еден паша зулумкјар.“ И така и застоја на дворот царски под кјошкот, и им рече: „Стојте тука, јас ке ходам пред цара, ке је сторам давиата; и ако ви опитат, вие да отговорите: „Аман, естимеиз, аман, не го сакаме.“... И тие, имаешчем чисто срце, му дадоа вера, и патриком се качи каде царот и је стори давиата не на пашата охритски, туку на патриком охритски оти бил безинсафлиа и зулумкјар. Сетне поелја цар да је опитат охријанците, и три пати се опитаа, и како што им нарача грчкиот патрик, така и отговориа: „Аман, не го сакаме!“ На тие сиромаси им се чинеше оти давиата се стори на пашата, а не знаја оти се стори на патриархот охритски. Сетне дојдоа в Охрит салаорски царски и го зе доа со себе патриком наш покојниј, што

беше от фамилиата Балазовска, и заедно со него и мнука му Георгија Балаза, и однесоа в Цариград и вчас како и извадее на мостот от лиманот в една гемија кумурџиска, и сурдисаа в Света гора на Зографскиот монастир, и тамо двајцата умреа.

Како референциски единици се употребени личнозаменски форми (тие, јас, и, нему, му, им), додека како конјункции се среќаваат: и како адитивна конјункција и сетне како временска конјункција. Честата употреба на и упатува на периодниот стил што е специфичност на колоквијалниот стил, особено при раскажување на определени настани. Што се однесува до лексичкото поврзување, тоа се реализира преку именките и именските групи: -неколцина охријанци, -овие тројца, -охријанците, -тие сиромаси; -патрикот царски Самуил, -патрикот; -патрикот наш покојниј, итн.

5. Конјункцијата односно јункцијата, како што ја именуваат Дреслер и Богранд (Dressler, Beaugrande, 1981: 22), е средство со кое со означуваат односите меѓу настаните или ситуациите во текстот. Средствата со кои се постигнува тоа се наречени јункциски (поврзувачки) изрази (ibid. 1981: 22). Во овој раздел се задржуваме на примерите со различни видови конјункција. Примери:

(10) – За една работа чесна херкого да опиташи ке ти се отгоорит оти је чесна, Хрисјанин бил али Турчин али Евреин али херкој милет. А за лошото сфите пак ке ти се отгореет оти је лошо.

(11) – От една стрна не честит, от друга не пизмит. Али ве пизмам, али ве милвам, али ве познавам за таткојна, али не, тоа го спот го знајт.

(12) – Ама, ке речииш ти, да се чуваме, делми? ех колај било! Не. Многу мајчно је.

(13) – Ама ке речииш ти, како можиме ние да се чуваме от сфе? кога госпот дал рофја, како ке се чуваши? имат, имат. Илјаким кое је чарето не можиме денеска да го велиме. Тоа се учит на схолие.

(14) – ...и така го куртулисфит болниот от смрт. Ама тие боли се мошне горки.

(15) – Кога повеа првиот силен ветер, и нанесе пногу прах во очите Адамови, Адам се зачува и и затвори очите. Ама чунки прахот беше влегол апансас и Адам не можеше да

го извадит, госпот го ужала и му рече. Херкога не можииш да се чуваши сам себе, тога јас ке те чувам.

(16) – Ами ти во дождливо време си излегол по високи места со чадар, та рофјата си ја поводит по целезото и те отепала, кој тие кабаетлиа? ама шчо знам јас оти рофјата се водела по целезото. Ех учи, да знајши да се чуваши.

(17) – Госпот им даде разум, а тие се однесоа како гоода неразумни. Та така столнината охритска падна и протона цели сто години. Илјаким ево денеска дојде саат да си го зејме назат тоа шчо ни требало.

(18) – Сфекој познаат харното и лошото. Илјаким за тоа, ушче појке сме за лексаајне, оти познаваешчем харното, пак сме закопчени за злото.

(19) – Но, како го туркаа гавазите патрикот охритски в гемијата, камилавката му падна, тој си а зеде, исјачи от срце, и кон небо извиши рацете и очите, и го прокална Стамче бега и Лигда. И ден денеска пулите, оти трага не остана от оџакот нихни, а кукјите нихни останаја прах и пепел. Ама ке ми речите, шчо кабает немаа овие сиромаси. Хај хај, сториа голем кабает. За шчо Госпот им даде раце и нозе, а тие сакаа други да им пулит работата.

(20) – Шчо ти требит да го лексааши? Не мешај се со него, имај го за афоросан. Та тога да видиши али не се менвит Охрит, али не се чинит рај господоф.

(21) – Госпот им даде ум и разум, а тие се однесоа како гоода неразумни. Та така столнината охритска падна и протона цели сто години. Илјаким ево денеска дојде саат да си го зејме назат тоа шчо ни требало.

(22) – Ако си болен и таксиратлиа и сиромас, у тебе је кабаетот. Чунки јас не сум кајл да имат таксирати по земјата. Ако сакаши да бидииш довлетлиа чувај се.

(23) – Пиле кога да видит страчка бегат, и кокошката мајка му се фрлјат како орел на страчката, и си го чуват пилето. Зере вистина госпот поелја, поголемите живинје да и јадат помалите, ама и на помалите им поелја да се чувеет. За тоа херкое гоодо, ако крениши рака на него, ке и затворит очите. Кој го научи? Го научи номот господоф шчо му је писан во срце.

(24) – Шчо ке речит да не мамииш? Ке речит чувај се. Оту ако те разбереет оти мамииш, сетне и вистина да велиш никој не ке те вервит.

(25) – Ова рече госпот, и овој је номот не-гоф единак чувај се. Сетне откако се исплоти инсанот, и грехојте се намножиа, го ужалја госпот инсанот и му пушчи пророци и му даде номој писани.

(26) – Дури да се исплоти учението во Охрит, от нас никој жиф не ке останит да го видит тоа добро.

(27) – Тие што мислјат само за себе, тие што мислјат само за доброто свое, та макар цел народ нека гине, таквите, само с име са христијани а со срдце не се.

(28) – Кога мајка болит за чедо, така и мие длжни сме да болеме за братјата си. Ако ли не, горко нам, ние не сме Христосови.

(29) – Кога тоа је шаша, а тебе ти се пулит сокол в очите, и ако да го покарат некој се лјутииш...

(30) – Ако да не царвеше овој темеллиа ном по сфиот свет, мутлак во сто години сфекоа диханиа ке се витневидеше.

Од наведените примери може да се констатира употреба на следниве видови конјункција во беседите на Григор Прличев: –составна со конјункциските средства **а, и**; –спротивна со конјункциските средства **но, а, ама, илјаким**; –алтернативна со **али**; –надоврзувачка со **а, ами** и надоврзувачка со последично значење со **та** (но, не секогаш); –субординација: причинска со конјункциските средства **чунки, оту, зере, зашчо, за тоа**; –субординација: временска со конјункциските средства **сетне, херкога, дури да, кога**; –субординација: концесивна со **та макар**; –субординација: условна со **ако, ако да**. Како покарактеристично конјункциско средство се издвојува -Ама, ке речиш ти- коешто има за цел да ја претстави содржината во една дијалоска форма, со прашање и одговор, што придонесува за воспоставување непосреден контакт меѓу беседникот и слушателите, дури и внесување на полемична нијанса во говорењето. За таа цел, прилично често во беседите Прличев употребува и шема на прашање и одговор, како и реторички прашања. Како посебно (кон)јункциско средство го издвојуваме

конекторот **сега** и тоа, како континуатив којшто често има препаративна функција односно го насочува вниманието на слушателот кон текстот што следува, како во примерите:

(31) – Детето је книга бела. Шчо ке напишиш тоа ке останит во неа. Сега, имаш разум да му дајш насиати добри другему, ама чумо ти е разумот кога сам ти не го слушаш.

(32) – Сега кој је зборот господоф? зборот господоф је еден. Чувај се себеси.

б. Како заклучок кон анализата на кохезивните средства во беседите на Григор Прличев може да се констатира дека авторот се служи со јазични елементи со кои дава единствен, свој белег на изречените беседи. Беседите се структурно и семантички обмислени текстови преку кои Прличев, во согласност со поводот за кој се изречени, ги изразува своите ставови и ги насочува своите философски мисли кон слушателите, своите сограѓани, охриѓаните. Со таква цел, авторот многу често употребува различни именувања при обраќањето, на пример: -браќја, -госпори, -елате, -рисјанине, -чоече и др.; потоа, директно обраќање со второ лице еднина со што се воспоставува дијалоска форма на беседата, исто како и со моделот на прашање и одговор. Со употребата на првото лице множина во беседите авторот постигнува инклузивност во наративот и зборува од аспект на колективната перспектива на заедницата (на пр. – *Та ние не сме достоени за никакоф салтанат*). Исклучително често во беседите се забележува **паралелизам**, односно повторување на некој јазичен или реченичен елемент (прашален збор, сврзник, конектор) за да се постигне посилен ефект кај слушателите при пренесувањето на пораката. Не се ретки и случаите во кои Прличев преку употреба на перфектот изразува иронија, како на пример: – *Та ние сме имале разум? Ние сме се чувале? Шчо да је кабил и таткојната и чедата наши да му ’и продајме на владика, зошчо? Зашчо ни сторил една визита.*

Во врска со средствата на референција, може да се оцени дека е очекувана употребата на заменките и заменските зборови, а како покарактеристични ги издвојуваме: употребата на **овој** со катафорска функција и на

конекторот **за тоа** во анафоска функција, со експликативно-причинско значење. За конјункциските средства е карактеристична употребата на турцизми, како: **илјаким, ама, чунки, зере** и грцизми: **ами, оту (оти)**; во врска со **макар** изложени се мислењата дека потекнува од перс. *meger, megerki* (Јашар-Настева 2001: 231), додека Скок (cf. Аргировски 1998: 178) смета дека е балкански збор од непознато потекло, а веројатно е изведен од стперс. *hakaram*; Аргировски (ibid.) го доведува во врска со грч. *takári, takáron*. Присуството на заемки е вообичаено за охридскиот говор, особено за средината на 20 век, со оглед на тоа што јазичниот контакт на македонските говори со грчкиот, турскиот, ароманскиот и албанскиот е исклучително изразен во југозападниот дел на Македонија. Конјункциски средства кои се специфични за колоквијалниот стил се: прилогот **сега** употребен како континуатив, главно, со катафорска функција и конекторот **сетне** со временско значење, инаку, карактеристичен за охридскиот говор. Во врска со **сетне** Георгиевски (1988: 260, 261) го анализира неговото потекло од старословенското -сетънь, сетъно со значење: последен, краен, полн, совршен; прилошка употреба со значење: воопшто, напивно, подоцна, најпосле, со примери од Супрасалскиот кодекс и од Панонските легенди; во фактот дека автор на житијата на Кирил и Методиј веројатно бил Климент Охридски, Георгиевски (ibid.) ја гледа причината за употреба на лексемата како во старословенските споменици, така и во охридскиот градски говор и во други југозападни македонски говори како: демирхисарските (Слепче), охридските (Оровник, Рамне), преспанските (Стење, Љубојно, Арвати), дојранските, солунските (Сухо) и корчанските (Бобошчица).

Како важна стилска карактеристика на беседите на Прличев го издвојуваме обележениот збороред во именските групи, што како специфика се среќава исклучително често, како на пример: -верата наша, -тарафите наши, -патрикааната охритска, -оцакот нивни, -столнината охритска, -дворот царски, -гемија кумурциска, -зборот негоф, -софрата наша, -ниетот нивнин, -ферман царски

и др. Несомнено е дека овој јазичен елемент е израз на поетската природа на јазикот на Прличев кој успева со оваа специфика да го пренесе автентичниот македонски акцент и ритмичноста на охридскиот говор низ своите беседи. Покрај ова, неминовно треба да се спомене тенденцијата на Григор Прличев да внесе литургиски стилски елементи и библиски алузии и цитати во своите беседи, како на пример: – *Големо собрание во едно место, малоо и големо, женско и мажко, сфи на едно собрани, со взаимна лјубоф и со христијанско срце, такфо собрание је от Бога благословено. Исус Христос рече каде се двајца и тројца собрани во името мое, тамо сум и јас посреде них; – Лјубов, лјубов и всеедно лјубов препорачваше Христос, и след него Апостолите. Това ви заповедвам, велеше Христос, да лјубите друг друга. И Апостол Павел, кто претрпе много маки за спасение на народ, на души човечески, со радост написа на Колосјаните ‘Нинџ радујусја во страдањиха моих по вас’ сирџч сега се радвам за маките што претрпех за вас. Во таква функција е и наведувањето на благослови и молитви кон крајот на беседите на Прличев. Како особена стилска карактеристика на Прличев треба да се споменат и неговите гномски мисли и сентенции коишто изобилуваат во беседите и кои тој ги користи во дидактичка смисла, како на пример: – *Неработејнето је мајка на сфите таксирати; – Госпот не рече да го биеш ветрот со зборој празни, туку да се чуваш; – Иљачот прф шчо лекфит сфекоа штета откорен, је учението; – Кога госпот ти викат чуваш се, многу појке ти викат да си ја чуваш таткојната итн.**

Преку овие сентенции Григор Прличев настојува на правото на неговите сограѓани да се борат за своите права во периодот на 19 век, којшто беше турбулентно време во историјата на Македонија. Некои од овие негови мисли можат и денес да служат за поттик во настојувањето за подобро општество. Наталошните студии на беседите на Прличев од аспект на кохезијата и кохеренцијата можат да дадат сеопфатен приказ на структурата на овие текстови сфатени како комуникациски единици.

Литература

1. Аргировски М. Грцизмите во македонскиот јазик. – Скопје: Институт за македонски јазик «Крсте Мисирков», 1998. – 314 с.
2. Георгиевски Г. 1988. Од историјата на лексемата сетънъ, сетъно // Македонски јазик. – XXXVIII–XXXIX. – Скопје: Институт за македонски јазик «Крсте Мисирков», 1987–1988. – С. 259–262.
3. Дучевска А. Анализа на текстот и дискурсот во македонскиот јазик: докторска дисертација. – Скопје: Филолошки факултет «Блаже Конески», 2005. – 172 с.
4. Јашар-Настева О. Еден поглед врз употребата на лексичко-семантичките заемки во Говорот на Григор Прличев од 1866 година // Зборник во чест на Радмила Угринова-Скаловска по повод 70-годишнината. – Скопје: Филолошки факултет «Блаже Конески», 1997. – С. 95–106.
5. Јашар-Настева О. Турските лексички елементи во македонскиот јазик. – Скопје: Институт за македонски јазик «Крсте Мисирков», 2001. – 301 с.
6. Конески Бл. Еден говор на Григор Прличев од 1866 година // Македонски јазик. – XVII. – Скопје: Институт за македонски јазик «Крсте Мисирков», 1966. – С. 205–215.
7. Минова-Ѓуркова Л. Синтакса на македонскиот стандарден јазик. – Скопје: 2 Август С, 2011. – 419 с.
8. Серл Џ. Р. Преоткривање на умот. – Скопје: Ars studio, 2014. – 270 с.
9. Beaugrande R., Dressler W. Introduction to Text Linguistics. – London and New York: Longman, 1981. – 270 p.
10. Dressler W. Einführung in die Textlinguistik. – Tübingen: Niemeyer, 1973. – 136 p.
11. Glovacki-Bernardi, Z. О tekstu. – Zagreb: Školska knjiga, 2004. – 89 p.
12. Halliday M. A. K., Hasan R. Cohesion in English. – London: Longman, 1976. – 374 p.
13. Searle J. R. Minds, Brains and Science. – Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1984. – 107 p.

Аниса Сидики
(Кабульский университет, Афганистан)

РЕЧЕВОЙ ЭТИКЕТ И ЕГО ОСОБЕННОСТИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ И В ЯЗЫКЕ ДАРИ

В статье рассматриваются особенности речевого поведения в двух разных языках: русском и дари. Оба языка являются показателями двух разных культур. И, естественно, речевой этикет в указанных языках используется по-разному. В статье выявляются сходство и различия правил речевого поведения в этих языках.

Ключевые слова: речь, приглашение, пожелание, вежливость, просьба, соболезнование, отказ, этикет, знакомство.

Anisa Sidiki
(Kabul University, Afghanistan)

SPEECH ETIQUETTE AND ITS FEATURES IN RUSSIAN AND DARI

The article discusses the features of speech behavior in two different languages: Russian and Dari. Both languages are indicators of two different cultures. And naturally, speech etiquette in these languages is used in different ways. The article reveals the proximity and remoteness of the rules of speech behavior in these languages.

Key words: speech, invitation, wish, politeness, request for condolences, refusal, etiquette, acquaintance.

Есть такое понятие – «речевой этикет» – правила общения, соблюдая которые люди лучше понимают друг друга. Правила речевого поведения регулируются речевым этикетом – сложившейся в языке и речи системой устойчивых выражений. Они необходимы в ситуациях обращения, приветствия, прощания, извинения, благодарности, поздравления, пожелания, сочувствия и соболезнования, одобрения и комплимента, приглашения, предложения, просьбы, совета и многих других. Надо отметить, что в национальных языках Афганистана речевой этикет в вышеназванных ситуациях тоже имеет место, но со своими особенностями. Использование речевого этикета можно наблюдать даже в самых отдаленных районах Афганистана. В нашей статье будут анализироваться особенности речевого этикета в языке дари.

Речевой этикет охватывает собой все, что выражает доброжелательное отношение к собеседнику, что может создать благоприятный климат общения. Остановимся на таких ситуациях речевого этикета, как знакомство, приглашение, поздравление, пожелание, согласие, несогласие, благодарность, отказ, замечание, предупреждение, соболезнования и др.

Центральное место в речевом этикете любого языка занимает вежливость. О ее роли Н. И. Формановская пишет: «Роль вербализации вежливости можно приписывать речевому этикету, однако отношение здесь сложнее: и речевой этикет, и вежливость реализуют принятые правила пристойного обхождения людей друг с другом. Однако речевой этикет еще специализирован на установление, поддержание, размыкание контакта коммуникантов, поэтому основная его функция – контактоустанавливающая, разумеется, в рамках принятых социальных отношений, статусов и ролей в иерархии выше/нижестоящий/равный и свой/чужой» (Формановская 2003: 125–126).

Речевой этикет знакомства

Со времен раннего средневековья этикет знакомства был строго регламентирован. Считалось недопустимым завязывать знакомства без участия посредника или специального рекомендательного письма. Хочется

отметить, что в Афганистане и сейчас в селах и аулах многие люди при знакомстве стесняются и не могут знакомиться без посредника. Особенно когда речь идет об их знакомстве со старшими или невестой, с тестем и свекровью. Хотя в наше время прежние правила не соблюдаются, и современный этикет со своими правилами во многом отличается от традиционного.

Этикет – «установленный порядок поведения в какой-нибудь среде, в определенных условиях» (Лопатин 2009: 903). Этикет (французский термин – *etiquette*) – установленный порядок где-либо, например, при переговорах, беседах и пр. (Энциклопедия 2004: 1410).

Итак, есть ли точное определение речевого этикета? Л. А. Введенская в своей книге «Русский язык и культура речи» дает такое определение речевому этикету: «Под речевым этикетом понимаются разработанные правила речевого поведения, система речевых формул общения» (Введенская 2004). Н. И. Формановская приводит следующую формулировку: «Под речевым этикетом понимаются регулирующие правила речевого поведения, система национально специфичных стереотипных, устойчивых формул общения, принятых и предписанных обществом для установления контакта собеседников, поддержания и прерывания контакта в избранной тональности» (Формановская 2007: 277).

Соблюдение речевого этикета людьми так называемых лингвоинтенсивных профессий имеет, кроме того, воспитательное значение, способствует повышению как речевой, так и общей культуры общества.

Какие же факторы определяют формирование речевого этикета и его использование? Л. А. Введенская определяет эти факторы следующим образом: после приветствия обычно начинается целевое общение. Оно определяется ситуацией. Хочется отметить, что эти факторы существуют и в языке дари. Наиболее типичны три ситуации:

- 1) торжественная – «یت افی رشت» [tashrifati];
- 2) рабочая, деловая – «ی راک» [kari];
- 3) скорбная – «متامو وودنا» [andoh].

К первой относятся государственные

праздники, юбилеи, получение наград, открытие офиса, презентация, заключение договора и т. д.

По любому торжественному поводу, знаменательному событию следуют приглашения и поздравления как в русском языке, так и в языке дари.

Речевой этикет приглашения

Приглашение должно быть некатегоричным, мягким. Например: *Я приглашаю вас..., Я хотел бы пригласить вас..., Мне хочется пригласить вас..., Могли ли вы пригласить вас..., Можно ли мне пригласить вас...* Оно может иметь оттенок желательности (*Мне бы хотелось, чтобы вы зашли. Попробуйте, пожалуйста*), обсуждения с собеседником (*Не возражаете ли вы против того, чтобы...*), необходимости (*Надо бы. Нужно было бы. Следовало бы пойти*), просьбы (*Прошу вас приехать*), побуждения (*Давайте сходим в театр. Пойдемте в парк*).

В языке дари тоже существует такое понятие, как приглашение, и для него есть очень много поводов у носителей языка. Например, приглашение на свадьбу: *az akae shuma samimana khwakhish meshawad ke dar morasem arusi nasim jan ishterak nomuda wa ba ma iftekhar bobakhshid* (Искренне прошу Вас, господин, участвовать в свадебной программе Насима, мы будем гордиться Вашим участием).

Надо отметить, что приглашение в дари гораздо длиннее русского.

Приглашение на венчание на языке дари: *az shuma samimana takaza meshawad ke dar morasome namzadi pesaram ahmad ishterak namuda wa ba ma iftekhar bobakhshed* (Искренне прошу Вас оказать нам честь своим участием в церемонии венчания моего сына Ахмада).

Приглашение на тахт джами (после свадьбы, на четвертый день, муж приглашает семью невесты и других гостей на обед, и родители невесты привозят подарки своей дочери): *famil mohtarame shuma ra ba khatore takht jami arosom dawat menomaem*.

Официальные приглашения тоже существуют: *riasad faculteta adabiat az shuma khwahish mekonad ke dar jashne feragat muhasilin ta sahom bigirid w ma ra tamnun sazed* (Де-

кан филфака просит Вас принять участие в праздновании выпуска наших студентов).

Русские примеры: *Позвольте (разрешите) пригласить Вас на ... Уважаемый Антон Павлович, будем рады видеть Вас на ...*

Речевой этикет поздравления и пожелания

Речевой акт поздравления – это вежливое речевое действие, которое реализуется говорящим с целью выразить свою симпатию и радость по поводу настоящего события, соответствующего интересам адресата (Серль 1989).

Подобные формулы поздравления в языке дари тоже употребляются: *ijaza dehed ta shuma ra ba khatore roze perozi tabriki begoem* (Позвольте Вас поздравить с Днем Победы); *Ijaza dehed ke shuma r aba khatore roz benulmelali mubarakhi begoem* (Разрешите Вас поздравить с Международным женским днем); *tabriki samimi man (nashi)kalbi ra bezazired* (Примите мои (наши) (самые) искренние (сердечные, теплые) поздравления...); *Om imeni (po porucheniю) ... pozdravlyam Vas s ...* [*ijaza dehed bo nomaendagi (po prucheniu bo shuma kalban tabriki begoem)*].

Поводов для поздравлений у человека может быть множество. Обычно поздравляют с праздником, с рождением ребенка, с успехом, с удачным началом или завершением какого-либо дела и т. д., используя при этом следующие выражения: *С праздником..., Примите мои поздравления с...* Для придания большей эмоциональности добавляются слова: *от всей души, от всего сердца*. Поздравление часто сопровождается пожеланиями. Наиболее употребительными являются формулы: *От всей души желаю вам всего самого доброго! Успехов вам! Счастья! Удачи! Крепкого вам здоровья!* Поздравляя кого-нибудь, помимо традиционных пожеланий, часто включают что-нибудь оригинальное, эмоциональное, живое, душевное, чтобы доставить другому человеку истинное удовольствие. Кроме праздничных пожеланий, есть речевые формулы, которые используются в стандартных ситуациях, например при отъезде: *Счастливого пути*; за столом: *Приятного аппетита*; после бани: *С легким паром*; перед сном: *Спокойной ночи* и т. д.

Формулы вежливости в русском языке разнообразны. Они складывались веками, ибо связаны с народными обычаями, подчинены определенным традициям. Многообразие этикетных конструкций предоставляет говорящему и собеседнику своеобразный выбор, который, как известно, является делом творческим. Общаясь друг с другом, важно выбрать правильные, уместные выражения, поскольку они позволяют добиться взаимопонимания.

Официальные поздравления должны быть корректными и уместными и не должны затрагивать личные темы. Содержательная часть поздравления – ритуальное выражение радости и ничего более. Нужно отметить, что в языке дари тоже есть поздравления – официальные и неофициальные.

С конца XX в. основное влияние на речевую культуру и на русский речевой этикет оказывают СМИ, а не художественная литература. В XXI в. это влияние осуществляется, прежде всего, не через печатные СМИ, как это было совсем недавно, а через телевидение и все больше через интернет (Пахомова 2008: 189). По мнению О. Б. Сиротининой, «... в отношении кодифицированного и разговорного в современных средствах массовой информации идет явный рост доли разговорного. Этот рост – реакция на прежний официоз, результат сближения речи журналиста с её адресатом...» (Сиротина 1997: 299–310). Т. Ю. Виноградова отмечает, что в настоящее время человечество все чаще сталкивается с новой языковой личностью – личностью, живущей в интернете. В связи с этим происходит не только трансформация сознания личности, но и организация нового сетевого мышления (Виноградова 2004: 63–67). В языке интернета также формируются правила речевого этикета, которые затем оказывают влияние на повседневное общение.

Речевой этикет просьбы

В деловом общении обращение с просьбой должно быть деликатным, предельно вежливым, но без излишнего заискивания. При выборе формулы обращения всегда следует сохранять достоинство. С другой стороны, когда необходимо дать поручение подчиненному, лучше это сделать в фор-

ме просьбы, а не приказа: *Будьте любезны (будьте добры), отправьте это письмо* [mehrabani karda in nama ra rawan koned] или [az rue mehrabani in nama ra rawan kned]; *Разрешите обратиться к Вам с просьбой ...* [ijaza ast ba shuma morajia namuda khwahish konam]; *Сделайте одолжение, выполните (мою) просьбу* [такой формулы на дари нет]; *Пожалуйста, прошу Вас, сделайте то-то ...* [mehrabani koned khwahish mekonab in kar ra anjam kned]; *Пожалуйста, окажите услугу, сделайте то-то...* [такой формулы со словом услуга на языке дари нет]; *Не считайте за труд, принесите, пожалуйста, отчет* [такой формулы на дари нет]; *Не откажите в любезности ...* [такой формулы на дари нет].

В соответствии с правилами вежливости при выражении просьбы тактичнее использовать речевые формулы в виде вопроса-просьбы с частицей «не». Это дает адресату право выбора, возможность сказать «нет»: *Вам не трудно отправить этот факс?* [ba shumamushkel na bashad ke in facs ra rawan kned?]; *Вы не передадите мне журнал?* [shuma mojala ra dada metawaned?].

В деловом общении иногда приходится обращаться с просьбой поговорить: *У Вас не найдется немного времени, чтобы выслушать меня?* [shuma wakht dared ke man ra beshnowed]; *Простите, Вы не могли бы уделить мне несколько минут?* [Bobakhsed metowaned ba man takhsis dehed]; *Можно к Вам обратиться?* [Ijaza ast ke murajea nomam]; *Можно Вас спросить?* [ijafst shuma ra bopursam]; *Вы не заняты?* [shuma masruf nested?].

При выражении согласия, разрешения используют следующие речевые формулы: *С (большим) удовольствием* [ba kamale mel]; *Сейчас (немедленно) будет сделано (выполнено)* [hala dast felhal ijraat meshawd]; *Несомненно* [bedun shak]; *Вы правы* [shuma haq ba jane hasted]; *Совершенно с Вами согласен* [ba shuma mutlaq mowafiq hastam]; *Согласен, поступайте (делайте) так, как вы считаете нужным* [Mowafik hastamkismeke lazem medaned ijraat koned]; *У меня возражений нет* [man mokhalefat na dalam]; *Я не возражаю* [Man mokhalef nestam]; *Я разделяю Ваши сомнения (колебания)* [ba shake tan moafak hastam].

При выражении несогласия и отказа необходимо помнить, что правила вежливости (в частности, максима согласия) предписывают любое возражение, по возможности, начинать с согласия. При невозможности согласиться следует выразить свои сожаления по этому поводу. Для выражения несогласия рекомендуются такие выражения: *Вы, возможно, правы, но я думаю (мне кажется), что здесь есть что обсудить (о чем поспорить, о чем подумать)* [shuma haq ba janeb hastad no ia dumaio ke baed mawzo barrasi shawad]; *К сожалению, не могу с Вами согласиться* [motasifana na metawanem ba suma mowafaq shawam]; *Простите, Вы не совсем правы* [bobakhshed shuma haq bajaneb nested]; *Сомневаюсь в Вашей правоте* [Dar haq budan tan shaq ast].

При организации различных мероприятий, подведении итогов работы может возникнуть необходимость поблагодарить кого-то или, наоборот, сделать замечание, предупреждение, принести свои извинения.

При выражении **благодарности** используются выражения: *Позвольте (разрешите) выразить (большую) благодарность за отлично (прекрасно) организованную выставку (презентацию)* [ijaza dehed ba khatere tanzim nomaesh-ga az shuma samimana tashakuri konam].

Надо отметить, что формы благодарности в языке дари тоже богатые. *Разрешите поблагодарить Вас* [ijza dehed ke fz shuma ra tashaquri konam]; *Я Вам очень обязан* [man dendare tu hastam]; *Я Вам бесконечно благодарен* [man be nehaet ziad momyub hastam].

Ответы на благодарность: *Не стоит благодарности* [farq na mekonad]; *Пожалуйста* [mehrabanî]; *На здоровье (в ответ на благодарность за угощение)*.

Замечания, предупреждения: *К сожалению, вынужден сделать Вам замечание за*

несвоевременную подготовку отчета [motasefana majbur hostam ke molahezate khod raba khatere ba wakht no anjam dadane guzaresh izharkonam].

Извинения: *Простите, пожалуйста, меня* [bobakhshed man khabar na budam]; *Приношу Вам свои извинения ...* [mazerate khod ra pesh mekonam]; *Я должен принести Вам свои извинения ...* [man baiad az shuma mazerat bekhwaham]; *Прошу прощения ...*

Скорбная ситуация, связанная со смертью и другими событиями, приносящими несчастье, требует выражения **соболезнования**. Оно не должно быть сухим, казенным. Формулы соболезнования, как правило, стилистически приподняты, эмоционально окрашены: *Позвольте (разрешите) выразить (Вам) мои (наши) глубокие (искренние) соболезнования* [ijaza dehed hamdardi amiq khod ra izhar konam]; *Примите мои (наши) глубокие (искренние) соболезнования* [gamrazi amiq man (ma) ra bezazired]; *Разделяю (понимаю) вашу печаль (ваше горе, несчастье)* [khod ra dar andoh tan sharik medanam].

Прощание

Когда разговор заканчивается, собеседники используют формулы прощания, прекращения общения, которые содержат пожелание, надежду на новую встречу: *До свидания!* [bamane khoda]; *Всего Вам доброго (хорошего)!* [в дари такого нет]; *До завтра* [ta farad]; *До скорых встреч!* [Ta didar nezdik]; *Надеюсь, скоро увидимся* [ba omed didar].

Соблюдение всех правил речевого этикета повышает эффективность делового общения, позволяет успешно решать сложные деловые проблемы, а также дает возможность избежать многих недоразумений и конфликтов в профессиональной сфере.

Литература

1. Большая российская энциклопедия: в 35 тт. – М.: Большая российская энциклопедия, 2004–2017.
2. Введенская Л. А. Русский язык и культура речи. – Ростов н/Д.: Феникс, 2004. – 384 с.
3. Виноградова Т. Ю. Специфика общения в интернете // Русская и сопоставительная филология: Лингвокультурологический аспект. – Казань: Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2004. – С. 63–67.

4. Вдовина Е. В. Поздравление и пожелание в речевом этикете: концептуальный и коммуникативный анализ: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – М., 2007. – 23 с.
5. Лопатин В. В, Лопатина Л. Е. Иллюстрированный словарь современного русского языка. – М.: Эксмо, 2007. – 928 с.
6. Пахомова И. Н. Новые явления в русском речевом этикете: на материале средств массовой информации: дисс. ... канд. филол. наук. – М., 2008. – 189 с.
7. Сиротинина О. Б. Соотношение кодифицированного и разговорного в средствах массовой информации // Журналистика на пороге XX века: исторический опыт, современное развитие. – Владикавказ, 1997. – Вып. 2. – С. 299–310.
8. Серль Дж. Что такое речевой акт? // Новое в зарубежной лингвистике. – 1986. – Вып.17. – С. 151–169.
9. Формановская Н. И. Избранные статьи разных лет: юбилейный сборник. – М.: Государственный ин-т русского языка им. А. С. Пушкина, 2007. – 328 с.
10. Формановская Н. И. Русский речевой этикет: нормативный социокультурный контекст. – М.: Русский язык, 2002. – 160 с.

СТИЛИСТИКА ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕЧИ

- ◆ Лингвистика текста
- ◆ Семантическая стилема
- ◆ Морфостилистика
- ◆ Лингвистическая поэтика
- ◆ Язык современной басни
- ◆ Индивидуальный стиль
- ◆ Антропоним
- ◆ Референциальный статус
- ◆ Двойная референция

“

Луси (Глигор) Караниколова-Чочоровска:

«Станува збор за интертекстуален пристап преку кој врз семанто-стилемата рака, како показател на душевната состојба на насловната хероина ќе се изведат неколку реторички и лингвостилистички операции, благодарение на што ќе се стигне до таквата семантичка одредница».

«Раката, како самостоен ентитет е исклучително фреквентна, но нејзините придружни елементи (атрибутивни и предикативни) се прилично малку за да доловат толку специфични душевни состојби, како оние на Ана Каренина».

Анна Владимировна Гик:

«Если в области поэтики автор связан особенностями жанра, в области языка – нормами общенационального языка своего времени, то в области стиля баснописец может достаточно полно проявить свою индивидуальность».

«Современная басня использует эмоционально-выразительные и образные возможности всех стилистических пластов языка, рисует речевой портрет современника, насыщенный разговорными, просторечными красками и сниженной лексикой. Сохраняя жанровые особенности, вносит новые сюжетные линии, раскрывающие особенности современной жизни».

Надежда Владимировна Смирнова:

«Антропонимы относятся к ведущим средствам репрезентации субъектной модели повествования. Личное имя персонажа может служить эксплицитным способом выражения авторской интенции, что наиболее очевидно проявляется в так называемых «говорящих» именах».

«Непосредственная манифестация авторской целеустановки в имени действующего лица, свойственная литературе классицизма, в ходе эволюции художественных форм сменилась конструированием сложной сети ассоциаций, связывающей имя персонажа с текстами различных культурных традиций».

”

Луси (Глигор) Караниколова-Чочоровска
(Универзитет Гоце Делчев, Штип, Македонија)

СЕМАНТОСТИЛЕМАТА „РАКА“ ВО РОМАНОТ „АНА КАРЕНИНА“ ОД ЛАВ НИКОЛАЕВИЧ ТОЛСТОЈ (МОРФОСТИЛИСТИЧКИ И СЕМАНТОСТИЛИСТИЧКИ ТРЕТМАН НА ДЕТАЉОТ-РАКА)

Во оваа статија правиме обид за морфостилистички, односно семанто-стилистички третман на една од најфреквентните семантостилими во романот „Ана Каренина“ од Лав Николаевч Толстој, детаљот-рака. Всушност, станува збор за интертекстуален пристап кон овој наративен ентитет, што ја доближува анализата до афинитетите на текст – лингвистиката.

Семантостилемата рака е показател на душевната состојба на Толсто-евата насловна хероина. Но, за да се стигне до таа семантичка одредница, нашата анализа поминува низ неколку фази: најнапред изолација на семантостилемата-рака, потоа потенцирање на континуитетот што таа го покажува по однос на нејзината стабилна семантика (=приказ и показ на душевната состојба на Ана Каренина) низ севкупната маса на романот, како и укажување на значенските (=семантички) варијации на овој исклучително значаен детаљ во романот, во зависност од контекстот, но и надвор од него.

Семантостилемата рака се анализира и морфостилистички, така што се води сметка за афективната вредност на суфиксите и префиксите, но и за значењето и изразноста на детаљот-рака како збор.

Се испитува и специфичната тежина на оваа семантостилема како метафора.

Нашата цел е да се прикаже ефектноста и функционалноста на еден навидум мал, минијатурен наративен ентитет, кој обезбедува суштинско и трајно значење во обемната нарација на романот.

Клучни зборови: текст-лингвистика, дискурзивна стилистика, семанто-стилистика, морфостилистика, семантостилема – рака, детаљ – рака, метафора.

Луси (Глигор) Караниколова-Чочоровска
(Университет имени Гоце Делчева, Штип, Македония)

**СЕМАНТИЧЕСКАЯ СТИЛЕМА «РУКА»
В РОМАНЕ Л. Н. ТОЛСТОГО «АННА КАРЕНИНА»
(МОРФОСТИЛИТИЧЕСКАЯ
И СЕМАНТИКО-СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ТРАКТОВКА
ДЕТАЛИ РУКА)**

В этой статье мы предлагаем морфостилистическую и семантическую трактовку одной из самых частотных стилем в романе «Анна Каренина» Льва Николаевича Толстого – детали *рука*. Фактически речь идет об интертекстуальном подходе к этой описательной сущности, который приближает анализ к лингвистике текста.

Семантическая стилема *рука* является показателем психического состояния героини Толстого. Чтобы достичь этой семантической детерминанты, наш анализ проходит через несколько этапов: сначала – изоляция семантической стилемы *рука*, а затем подчеркивание непрерывности, которую она демонстрирует в отношении ее устойчивой семантики (=изображение и отображение психического состояния Анны Карениной) на протяжении всего романа, а также указание значимых (= семантических) вариаций этой чрезвычайно важной детали в романе, в зависимости от контекста, но также и за его пределами.

Семантическая стилема *рука* анализируется и морфологически, имея в виду аффективную ценность суффиксов и префиксов, а также значение и выражение детали *рука* в качестве слова.

Рассматривается и функционирование этой семантической стилемы в качестве метафоры.

Наша цель – продемонстрировать эффективность и функциональность, казалось бы, одной маленькой, миниатюрной описательной сущности, которая выражает существенный смысл в обширном романном повествовании.

Ключевые слова: семантическая стилема, деталь, семантическая стилистика, морфостилистика, семантика, метафора.

Lusi (Gligor) Karanikolova-Chochorovska
(Goce Delcev University – Stip, Macedonia)

**SEMANTOSTYLEM *ARM* IN THE NOVEL
“ANNA KARENINA” BY L. N. TOLSTOY
(MORFOSTYLISTIC AND SEMANTOSTYLISTIC
TREATMENT OF THE DETAIL *ARM*)**

This article is an attempt for a morphostylistic i.e. semanto-stylistic treatment of possibly the most frequent semantostylem in the novel “Anna Karenina” by Leo Nikolayevich Tolstoy, which is the detail *arm*. In fact, it is about intertextual approach to this narrative entity, which brings the analysis closer to the affinities of text linguistics.

The semantostylem *arm* is an indicator of Tolstoy’s cover heroine mental state. But in order to reach that semantic determinant, our analysis passes through several stages: first, isolation of the semantostylem *arm*, then emphasis the continuity it shows in terms of its stable semantics (= indication of the mental state of Anna Karenina) through the total mass of the novel, as well as indicating to the meaningful (= semantic) variations of this extremely important detail in the novel, depending on the context, but also beyond it.

The semantostylem *arm* is being analyzed morphologically, taking into account the affective value of the suffixes and prefixes, but also the meaning and expression of the detail *arm* as a word.

The specific weight of this semantostylema is also being examined as a metaphor.

The goal of this article is to demonstrate the effectiveness and functionality of a seemingly small, miniature narrative entity, which provides a substantial and permanent meaning in the extensive narration of the novel.

Key words: text linguistics, discursive stylistics, semantostylistics, morphostylistics, semantostylem *arm*, detail *arm*, metaphor.

1. Пристап

На портретистичкиот детаљ – рака, како еден од најфреквентните и за опитниот читател исклучително провокативен наративен ентитет во романот „Ана Каренина“ од Лав Николаевич Толстој во оваа статија му пристапуваме од морфостилистичка и семантостилистичка перспектива.

Станува збор за интертекстуален пристап преку кој врз семантостилемата рака, како показател на душевната состојба на насловната хероина ќе се изведат неколку реторички и лингвостилистички операции, благодарение на што ќе се стигне до таквата семантичка одредница.

Имено, ги ползуваме општите аспекти на лингвостилистиката, поточно морфостилистиката кои се релевантни за наративниот организам на еден роман од ваков сложен формат каков што е Толстоевиот „Ана Каренина“, а кои би придонеле за верификација на нашата и не само наша претпоставка дека имено, раката на Ана Каренина и сите нејзини текстовни варијанти се показ и приказ на психичкиот живот на хероината.

Во таа смисла, најнапред се повикуваме на класичната реторика, благодарение на што го верификуваме синегдотскиот карактер на детаљот, односно семантостилемата рака, а потоа и на нејзин третман од гледна точка на афективната вредност на нејзините појавни варијанти, нејзините изразност и значење, факторите кои придонесуваат за засилување на изразноста, како и условеноста на семантостилемата како збор од потесниот (портретот на хероината) и поширокиот контекст (романот во целост).

Анализата ги има предвид сите или речиси сите варијанти на семантостилемата рака низ обемното ткиво на овој роман. Затоа, според постапките што тука ги применуваме, таа ќе претставува своевидна комбинација од текстолошки и лингвостилистички претпоставки, благодарение на кои треба да се покаже (и не мора да докаже) исклучителната моќ на Толстој како писател кога станува збор за вистинскиот избор на зборови и изрази.

Нашата цел е да се прикаже ефектноста и функционалноста на еден навидум мал, минијатурен наративен ентитет, кој обезбе-

дува суштинско и трајно значење во обемната нарација на романот.

2. Детаљ. Семантостилема

Нана Богдановиќ, во поговорот на изданието на романот „Ана Каренина“ од Лав Николаевич Толстој¹ од 1972 година на српскохрватски јазик, посебно ја истакнува улогата на деталите око и рака во оформувањето на портретот на насловната хероина. Според неа, токму детаљот, како минијатурен наративен ентитет може да придонесе само со истакнување, со набележување да се опфати во нарацијата она што дури и во разговорниот јазик е тешко да се опише со зборови. И самиот Толстој, свесен за неможноста или можеби подобро немоќта на писателот доволно добро да се искаже, кога се работи за потреба од доловување на емоции и психологија на лик, во својот дневник од 1851-та година ќе запише: „Буквите ги сочинуваат зборовите, зборовите – речениците“; но може ли да се опише чувството? Може ли некако во другиот да се прелие сопствениот поглед на природата? Описот е недоволен. Зошто толку тесно е врзана поезијата за прозата, среќата за несреќата? Како да се живее? Треба ли да се трудиме да се спојат поезијата и прозата, или да се ужива во едната, па да се препуштиме на власта на другата?“ (Богдановиќ 1972: 7). Оваа дилема, Толстој ќе ја реши со извонредната творечка концентрација во изнаоѓањето на вистински зборови. Затоа, обилно го користи детаљот.

Зборот детаљ има француско потекло (од detail) и значи дребулија, подробност и составен дел од поголема целина (Миќуновиќ 1990: 157). Такво е неговото буквално значење.

Како литерарен ентитет, реториката го доведува детаљот во врска со метонимијата и синегдохата. Во книгите со учебнички карактер, тој се сфаќа како елементарна единица на опис (опис на лик, т.е. портрет, опис на пејзаж, атмосфера, амбиент и сл.). Постапката на издвојување на детаљот од целината на која припаѓа, подразбира синегдотска операција.

Класичната реторика ја дефинира синегдохата како подвид на метонимијата,

¹ Во натамошниот текст ќе ја користиме кратенката АК од ЛНТ.

која се засновува на замена на два поима, два збора, според количината и обемот на нивното значење. Синегдохата подразбира осознавање на еден поим со посредство на друг, според нивната заемна зависност и логичка врска. Метонимијата пак, според античката реторика е тропа со преносно значење како и метафората, но задолжена за постигнување логичка врска и зависност меѓу поимите според принципот блискост, или соседност (за разлика од метафората која таа врска² меѓу поимите ја обезбедува според принципот сличност). Метонимијата е дотолку позначајна што таа ја имплицира синегдохата, која пак има компетенција да го „изолира“ детаљот како дел од целина.

Ова всушност, значи дека, детаљот, како дел од целина (*pars pro toto*) подразбира апстрахирање (онеобичување) на еден или неколку члена од нивната природна низа и по таков начин се навлегува во значењето што тој елемент го носи во себе, а во рамките на потесниот, односно поширокиот контекст.

Затоа што детаљот е дел од целина нему му е иманентна синегдохата, како аспект на метонимијата. Меѓутоа, семантичкиот аспект на детаљот е најчесто можено благодарение на метафората. Оттука, природно е во третманот да се земе предвид големата придобивка од Јакобсоновата теорија на реализмот за проекција на начелото на истозначност (=еднаква вредност) од оската на избор (=метафоричен пол) на оската на комбинација (метонимиски пол). Тоа веќе значи дека за детаљот, освен синегдохата (и метонимијата) ќе биде релевантна и метафората, зашто имено, кој било однос на соседност (метонимиски) меѓу означителот и означеното, не може а да не имплицира и некаква аналогиска

² Синегдохата може да се јави во неколку облици, така што во замената на поимите, можно е делот да се јави наместо целината (*pars pro toto*), инаку вид синегдоха со која детаљот и најчесто може да се поистовети (најчесто „портретистичкиот“), потоа случај кога целината се јавува наместо делот (*totum pro parte*). Заменувањето по количина во синегдохата се врши така што, можно е едината да се јави наместо множината, како и случаи кога множината се јавува наместо еднината, или кога еднината се јавува како репрезент на видот.

реакција (во основа метафоричка) меѓу нив. Впрочем, до согледувањето на вистинската улога на детаљот (читај – семантостилеме-та) се доаѓа само по пат на таков, метонимско-метафоричен приод. По таков начин, најдобро, иако можеби не и наједноставно се верификува семантичката вредност на детаљот, односно семантостилеме-тата рака – како носител или показател на сложената душевна состојба на Ана Каренина.

Ако семантемата претставува носител на основното значење на зборот, тогаш под семантостилема, лингвостилистиката подразбира „стилистички изразено значење, исто како и преносното“ (Antoš 1974: 41). Станува збор за таков тип категорија на значење за која во семантиката е утврден називот семема. Во основата на овие термини лежи зборот сема, што значи знак. „Под ‘семема’ во семантиката се подразбира стабилна единица на значење, односно означеното, она што во граматиката се нарекува ‘лексема’; упросто, но точно кажано, ‘семема’ е значење на некој збор“ (Андоновски 2011: 228).

Ги користиме овие лингвостилистички и семантички определби (=дефиниции) на категоријите семантостилема и семема, како пандан на нараторската единица детаљ, од едноставна причина што нашата анализа на ентитетот – рака во романот „Ана Каренина“ ќе се повика и на двете. Имено, низ обемиот наративен материјал на романот, секако дека ќе се најде на ситуации кога детаљот рака ќе се однесува како семема, значи во своето лексичко значење, речиси секогаш „украсен“ со соодветни атрибути и како семантостилема, кога тој детаљ има упадливо преносно значење на семантостилема, а чиј заеднички, значенски именител е – изразување на душевната состојба на насловната хероина.

3. Демонстрација

Пристапот кон ентитетот – рака, како преносен (=метафорички) показател на душевната состојба на насловната хероина во романот „Ана Каренина“ од Лав Николаевич Толстој, како наша конечна цел, подразбира двоен, комбиниран лингвостилистички и семиотичко-нараторски третман. Оттука, оваа навидум минијатурна, а во суштина маркантна единица ја анализираме како се-

мема, кога има претставувачка или репрезентативна функционалност и како семантостилема, тогаш кога таа е „исполнета“ со значење.

Квантитативниот биланс на детаљот – рака во романот АК од ЛНТ изнесува вкупно 50 примероци³. Само четири од нив имаат претставувачка или репрезентативна улога. Тие се јавуваат на почетокот од романот и служат за тоа, на читателот да му се „обрне внимание“, да му се „даде на знаење“ дека треба да се „навикне“ на интензивната фреквентност на овој ентитет, кој полека почнува да добива и своја семантичка тежина. Наратолошки, станува збор за т.н. „непотребен“ детаљ, таков што се одликува со значенска празнотија, но е задолжен за предизвикување „впечаток на стварност“ или референцијална илузија.⁴

Така, кога Степан Аркадјич ќе ја пречека сестра си на московската железничка станица, Ана (...) со својата решителност и грација, го обгрна брата си со левата рака преку вратот, брзо го повлече кон себе и цврсто го баци (Толстој 1978: 82/1). Кога Толстој не би сакал да го потенцира овој ентитет, сигурно не би имал потреба да потенцира дека сестрата го прегрна братот токму со левата рака, ами просто само би рекол дека – го прегрна.

Иста таква е улогата на, во случајов семантемата – рака, кога Ана за првпат ќе се сретне со Вронски на перонот на железничката станица во Москва, кога тој: (...) ја стегна малечката рака што му беше подадена и, како нешто особено, му се израдува на тој енергичен стисок, со кој крепко и смело таа му ја затресе раката (Толстој 1978: 83/1). Она по што оваа семантема се разликува од

³ Потенцираме дека 50-те примероци во кои се сретнува детаљот, односно семантостилемата рака се однесуваат на 50 помали контексти, поточно цитати, во кои на раката, како на текстовна единица може да се најде и повеќепати. Оттука, логично е да се констатира дека овој романескен ентитет, преку кој се означува толку битен аспект во портретот на насловната хероина – нејзината душевна состојба, го има во многу поголем квантитет.

⁴ Види: Barthes, Roland: „L'effet de réel“ во книгата „Le bruissement de la langue“, Paris, aux Editions du Seuil, 179-187 p., 1984.

претходната е што таа е збогатена со атрибут, изразен преку придавката во деминутив *малечка*. Тоа, уште повеќе ја истакнува нејзината исклучителност, која овде, само се најавува.

Ќе наведеме уште еден примерок од детаљот – рака со претставувачка улога, поточно семантема со основно лексичко значење, а во кој повторно се има предвид посебноста, поточно зголемениот интензитет на посебност на раката на насловната хероина: *И меѓу нив (меѓу Ана и децата на Облонски, забелешка наша) започнува еден вид игра, што се состоеше во тоа кој поблиску ќе седи до тетката, кој ќе ја гибне, кој ќе ја држи за нејзината малечка рака, ќе ја бацува, ќе игра со нејзиниот прстен или барем ќе се допре до наборите на нејзината облека* (Толстој 1978: 94/1).

Романот АК од ЛНТ низ своите 792 страници печатен текст (од кои 399 првот и 393 вториот том на романот) во изданието на македонски јазик од 1978 – та година⁵, располага со 46 семантостилеми – рака, во кои стилистички е изразено значењето – душевна состојба на хероината. Меѓутоа, велемајсторот на литературата Толстој не би бил тоа ако по ваков начин имплицираното значење беше толку едноставно.

Темелната анализа на овој ентитет покажува можност, тоа, значењето или означеното, кажано со лингвистички вокабулар, да биде класифицирано во три семантички подгрупи.

Првата, која е најобемна, го подразбира оној аспект од душевната состојба на Ана Каренина што ги изразува нејзините вознемиреност, нервна напнатост, психичка напрегнатост, на пати и љубомора, како резултат на напнатоста и вознемиреноста и вознемиреност или грижа заради општествениот презир спрема *неверната жена* од руската аристократија. Оваа значенска подгрупа опфаќа вкупно 28 примероци.

Втората семантичка подгрупа за свое имплицитно означено ја има потребата на хероината од љубов и заштита, како израз на сложената психичка драма заради нејзиниот

⁵ Види: Толстој, Лав Николаевич: „Ана Каренина“, Македонска книга, Култура, Мисла, Наша книга, Скопје, 1978.

престап – да ги напушти мажот и синот, а да замине со љубовникот. Овој семантички блок брои вкупно 9 примероци.

Третиот семантички контекст на детаљот, односно семантостилемата – рака, според критериумот означено е сочинет од корпус од 9 ентитети што ја индексираат љубовта на насловната херојка спрема синот Серјожа. Станува збор за категоријата мајчинска љубов, како имплицитно обележано, а која низ романот, гледано изолирано, има свој автономен развој. Една „фаза“, така да ја наречеме од тој развој, се изразува преку семантостилемата – рака.

Првиот значенски корпус во кој детаљот, односно семантостилемата – рака ги обележува различните нијанси на душевната состојба на Ана Каренина, а за свои заеднички семантички именители ги има нејзината вознемиреност, нервна напнатост, љубомора, претчувство на смртта, па и самиот миг на умирањето, почнува со еден аспект на оваа единица која ја покажува благородноста на хероината, нејзинта емпатичност и способност да се сроди, да сочувствува со болката на другиот. Имено, станува збор за оној момент од почетокот на нарацијата, кога Ана покажува разбирање спрема Доли, изневерената жена на нејзиниот брат Степан Аркадијич: *Те разбираам мила Доли, те разбираам – зборувавше Ана, стегајќи ја раката* (Толстој 1978: 90/1). Значи, душевната состојба на хероината е изразена преку движење на раката, овој пат со глаголскиот прилог стегајќи. Ова пак, ни дозволува да зборуваме за, барем два начина на манифестација на душевната состојба на Ана преку раката – статичко и динамичко – преку движење. Имено, граматички би било логично, оние квалификации за херојката кои што се претставени атрибутивно, да бидат изразени како статички, а предикативните динамички. И едните и другите – со раката на Ана. Во првиот случај, главно и претежно станува збор за претставувачка (=репрезентативна) улога на семантостилемата – рака, а во вториот за динамичка. Бездруго, динамичкиот аспект на семантостилемата – рака што е задолжително пропратен со глагол, а на места именката рака дури и не се споменува, оти глаголот ја подразбира или пак се

сфаќа од контекстот, претставува среќен избор на внимателниот автор, со малку – да каже повеќе. Тоа е релевантен граматички и раскажувачки начин, за душевната состојба на насловната хероина да биде адекватно манифестирана и препознатлива за читателот.

По средбата со Вронски во Москва, Ана Каренина ја сфаќа промената на својата состојба, која, во возот, на пат од Москва за Петроград, ќе биде изразена преку движења на раката: *Сместувајќи се удобно во фотељата на вагонот (...) со своите малечки и вешти раце го отвори и затвори црвеното торбиче (...) Зеде од своето торбиче ноже за сечење книга (...) Таа преместувајќи го ноже-то ваму – таму со своите малечки раце се силеше да чита (...) Ја остави книгата (...) цврсто стегајќи го со обетте раце ноже-то за расечување книги* (Толстој 1978: 128,129/1). Во оваа одломка, една од првите во романот каде индиректно се посочува вљубувањето на мажената жена Ана во Вронски, семантостилемата – рака се споменува седум пати. Заправо, двапати се потенцира, веќе за читателот познатата синтагма *малечки раце*, додаден е и атрибутот *вешти*, а движењата на рацете се изразени предикативно: *отвори, затвори, зеде* (глаголи), *преместувајќи* (глаголски прилог), *ја остави* (глагол), *цврсто стегајќи* (прилог за начин + глаголски прилог). Сите тие го потенцираат „излегувањето“ на хероината од нејзината дотогашна, вообичаена и мирна душевна состојба и зголемиот интензитет на вознемиреност.

Вознемиреноста низ натамошниот тек на нарацијата постојано ќе добива на интензитет, правејќи една замислена амплитуда која има свои кардинални одредници и главно се одликува со растење, за да кулминира со смрт на Ана. Кардиналните точки, кои низ огромната наративна маса на романот се следат и преку рацете ја обликуваат амплитудата така што на вознемиреноста се надоврзува нервната напнатост, на неа напнатоста заради љубомора, потоа вознемиреност заради претчувство на смртта, па различни нијанси на вознемиреност и агонична напнатост која ќе резултира со умирање.

Висок степен на вознемиреност, како мошне честа нијанса на душевната состојба на хероината се сретнува повеќепати. Така,

при средбата на Ана и Вронски во градината на Каренини, возбудата и вознемиреноста на хероината пред да ја соопшти информацијата за својата бременост, детаљот – рака ги нотира мошне ефектно: *Го гледаше прашално одоздола со своите светнати очи под долгите трепки. Раката што се играше со еден скинат лист трепереше (...) Ливчето во нејзината рака се затресе уште посилно, но таа не симињаше очи од него, за да види како ќе го прими сето тоа* (Толстој 1978: 236/1). Семантостилемеата – рака овде има нагласено динамичка функционалност, изразена предикативно: зашто имено, раката, која самата по себе трепери од возбуда и вознемиреност, уште и „си игра“ со еден лист и „се затресува“ уште посилно. Глаголите – игра, тресе, се затресува и трепери имаат афективно дејство – тие се во функција на слојениот психички комплекс на хероината. Афективноста е лингвостилистички релевантна само во префиксираниот глагол – затресува, иако таа имплицитно се насетува и во другите глаголи од овој контекст.

Еден не мал корпус детали ги одразуваат освен вознемиреноста и нервната напнатост на херојката уште и нејзиното помирување со комплицираноста на ситуацијата, губењето сила за борба и најпосле претчувството и потребата од смрт како единствено решение. Така, откако Ана ќе му ја признае на Каренин љубовната врска со Вронски и бременоста, таа ќе западне во состојба на непомирливост, во морална криза, заради фактот што станала *престапна жена* и таква што *не е жена на својот маж: Со опуштени раце и глава, потреперувајќи напати со целото тело (...) таа непрекинато повторуваше – Боже мој! Боже мој! Но, ни 'боже' ни 'мој' немаа за неа никаква смисла (...) Таа знаеше однапред дека помошта на религијата беше возможна само под услов да се откаже од она што за неа претставуваше смисла на животот* (Толстој 1978: 359/1). Семантостилемеата – рака во овој пасус е придружена со множинска форма од глаголската придавка *опуштен*. Теориски, овде имаме една парадоксална семантичка ситуација: глаголскиот збор сам по себе носи динамичност, а овде, лексички, тој подразбира пасивност, односно „опуштеност“, недејствување. И во овој

случај, Толстој, (си дозволуваме да забележиме дека и преведувачот на македонски јазик водел сметка за тоа) прави извонреден избор на збор: се ползува со партицип, кој во македонскиот стандарден јазик се именува како глаголска придавка која всушност значи трпител/поднесувач на дејството, кој, всушност и не подразбира висок степен на динамичност, односно предикативност.

Претчувството на смртта, како имплицитно означено на семантостилемеата – рака е најприсутно во миговите на породилната треска, кога Ана ќе го моли Каренин за прошка: *Јас сега умирам, јас знам дека ќе умрам, прашај го него... Едно ми треба: прости ми, прости ми сосема! (...) Не, ти не можеш да ми простиш. Јас знам, тоа не може да се прости! Не, не, оди си, ти си премногу добар! – Таа му ја држеше со едната вжештена рака неговата рака, со другата го отргнуваше* (Толстој 1978: 511,512/1). И овде, компликувана душевна состојба на Ана се манифестира со раката: таа е карактеризирана како *вжештена*, изразена со придавка, со едната го држи, со другата рака го *отргнува* од себе. Глаголите држи и префиксираниот отргнува, со своите лексички спротивставени значење се сосема релевантни на душевната состојба на хероината.

Од првата семантичка подгрупа на семантостилемеата – рака наведуваме уште два цитати: едниот ја прикажува сложената општествена позиција на „престапната“ Ана Каренина, како руска благородничка, а другиот, нејзината агонична душевна состојба во миговите на умирање.

Хероината е сосема објективна по однос на таа својата *неморалност* и *вина* на кои е изложена во петроградските аристократски кругови, а кои е слободна да ги соопшти на жената на својот брат, Доли: *Тоа значи дека јас, која го мразам, иако ја признавам својата кривица пред него, и го сметам за великодушен – јас да се понижам и да му пишам (...) Ана во тоа време беше на оддалечениот крај од собата. И таму застапа правејќи нешто околу завесата на прозорецот. – Ќе добијам согласност, а си... синот? Него сигурно нема да ми го дадат. Синот презирајќи ме, ќе расте покрај таткото кого сум го напуштила. Разбери дека јас сакам, ми се чини еднакво,*

но повеќе од себе две суштества – Серјожа и Алексеј. Таа дојде до средината од собата и застапа пред Доли, стегајќи ги со раце градите (Толстој 1978: 259/2). Во овој пасаж наидуваме на два примерока од детаљот рака, и двата со динамичка функционалност. Заправо, во првиот случај именувањето на раката отсутствува, а се подразбира во *правењето нешто околу завесата на прозорецот*, додека пак, во вториот, Ана, со двете раце си ги стега градите. Оваа активност е изразена со глаголскиот прилог *стегајќи*, кој, во македонскиот стандарден јазик изразува паралелно со друг глагол дејство.

Последниот цитат од овој семантички круг во кој раката изразува сложени душевни состојби на Ана Каренина опфаќа неколку примероци од оваа семантостилема и совпаѓа со крајот на нарацијата, кога хероината си го одзема животот, фрлајќи се под воз. Веќе се рече дека станува збор кулминирање на нејзината вознемиреност и нервна напнатост до ниво на претсмртна агонија: *Чувството слично на она што ја обземаше кога се приготвуваше при капење да влезе во вода, ја обзеде, и таа се прекрсти. Вообичаеното движење што го направи при крстењето предизвика во нејзината душа цела низа момински и детски спомени (...) Но, таа не го иставаше погледот од тркалата на вториот вагон што се приближуваше. И во моментот кога средината на вагонот се израмни со неа, таа ја отфрли црвената торбичка, вовлекувајќи ја главата во рамениците, падна под вагонот на раце и со лесно движење, како да се приготвува веднаш да стане, се спушти на колена. Во истиот момент се згрози од тоа што го направи. – Каде сум јас? – Што правам? – Зошто? Сакаше да стане, да се отфрли назад, но нешто огромно, неумоливо ја удри по главата и ја повлече за грбот. – Господи прости ми с! – прозборува чувствувајќи дека нема можност за борба (Толстој 1978: 416,417/2). Веројатно оваа е една од најмоќните одломки од овој, во секој поглед колосален роман на Толстој. Раката овде се сретнува неколкукратно и на повеќе начини: се прекрсти – е префиксиран глагол, кој подразбира дејство што може да се изврши само и само со рака, а раката отсутствува, иако се подразбира. Семантичката важ-*

ност на прекрстувањето овде е дотолку поголема што се одликува со повеќезначаност. Освен со религијата, ова дејство се поврзува и со верувањето дека пред смртта, на човека животот му се прикажува како на филмска лента. Писателот тоа експлицитно го потенцира, споменувајќи ги моминските и детските спомени на хероината во тој момент. Прекрстувањето се поврзува и со душевна тегобност, кога природно е човек да му се обрати на Бога. Ана тоа го прави двапати: таа моли за прошка! Треба да се има предвид и фактот што Толстој повторно ги користи, не ги заборава рацете во таков агоничен момент: херојката наоѓа време да се прекрсти, да ја *отфрли* црвената торбичка и со лесно движење *да падне* на раце. И глаголот *отфрли* е префиксиран, се разбира, со цел да добие поголем ефект, додека, пак, *падне* е даден во инфинитивна форма и со партикулата *да*, каков што е всушност и инфинитивот во македонскиот јазик. Во сета таа полисемичност на семантостилемата – рака, која сега го прати претсмртниот час на хероината, може да се најде единствено значење сведливо на сложена душевна состојба, која почна со вознемиреност, на железничка станица, за да финишира со неподнослива тегобност, чија неминовност е смртта.

Втората семантичка подгрупа на детаљот, односно семантостилемата – рака за свое имплицитно означено ја има потребата на хероината од љубов и заштита. Овој значенски корпус, според своите изразност и значење не се разликува од претходниот, зашто и тука, во издвоените 9 примероци одредени нијанси на душевната состојба на Ана Каренина повторно се изразуваат со раката/рацете. Ги селектираме во посебна семантичка подгрупа само затоа што потесно го претставуваат односот меѓу Ана и Вронски, а и затоа што во кризните мигови на раскинување на врските со претходниот живот, во состојба на внатрешна растргнатост, кога хероината се одлучува за живот исполнет со љубов, таа во средбите со Вронски ја искажува својата вознемиреност, страв од непознатото, својата љубов спрема него и неопходната потреба од негова љубов и заштита.

Така, болната и тешка душевна драма на Ана Каренина, кога престапната радост од

љубовта спрема Вронски и среќата ќе се претворат во несреќа, иницирана од чувството на срам, ќе бидат изразени преку само едно движење на раката: – *Боже мој! Прости ми!* – со лопот зборувааше таа, притискајќи ги кон своите гради неговите раце (...) с е свршено (...) Јас немам ништо освен тебе (Толстој 1978: 189/1). Динамичкиот аспект на семантостилемата – рака е претставен преку глаголскиот прилог *притискајќи*, со отсуство на именката рака. Притискањето на рацете на Вронски кон градите на Ана е паралелно дејство со она изразено со глаголот зборува. Само еден збор, овде е силно функционален и сосема задоволително ја одразува потребата на хероината од поддршка, од љубов и заштита.

Среќата од заедничкиот живот со Вронски и остварувањето на нивната љубов набргу ќе се преобрази во несреќа од широки интимни размери за Ана, заради неподносливоста на нејзината состојба, заради осудата на средината и, можеби најмногу од с, заради нејзиниот сомнеж дека љубовта на Вронски спрема неа слабее. Надежта дека таа љубов с уште постои, изразена е преку движења на нејзината рака, најчесто со допир или стисок на раката: *Таа го фати за раката и без да го спушти од него погледот, го гледаше барајќи во мислите што да му каже за да го задржи. – Чекај, имам нешто да ти кажам – и фаќајќи ја неговата куса рака ја притисна на својот врат* (Толстој 1978: 137/2).

Движењето на раката во оваа одломка се среќава трипати – преку глаголот *фати*, глаголскиот прилог *фаќајќи* и глаголот *притисна*. Дури и овие предикативни изрази, набљудувани како семемии, во своето основно лексичко значење подразбираат потреба нешто или некого да се запре, да застане, да се задржи. Како семантостилеми пак, такви што ја придружуваат семантостилемата рака, тие, во потесниот контекст во кои функционираат ја одразуваат потребата на хероината од љубов и заштита од човекот што таа го љуби. Инаку, таквата потреба е психичка последица од вознемиреноста и напнатоста со кои Ана живее, откако се вљуби во Вронски.

Семантичкиот багаж на семантостилемата – рака што се однесува на потребата на

хероината од љубов и заштита само во два наврата не се врзува за ликот на Вронски. Тогаш раката и нејзиниот значенски потенцијал, како минијатурен литерарен ентитет се однесуваат на Левин, оној со кого хероината само еднаш се среќава во романот, а со кого ќе најде потполно, премолчано разбирање: *Таа му дојде во пресрет, не криејќи ја радоста што го гледа. По спокојството со кое таа му ја подаде малечката и енергична рака (...) Левин позна однесување на жена од високото општество, секогаш спокојно и природно и тоа му беше пријатно (...) Левин почувствува (...) како да ја познава уште од детството* (Толстој 1978: 392/2). Овде повеќе станува збор за потреба од разбирање, сфаќање на положбата на хероината, отколку потреба од љубов и заштита, што може да се сфати како и нијанса на значење на семантостилемата – рака, која овде има три, односно четири пројави: една динамичка, изразена со префиксираниот глагол *подаде* и две статички, изразени со атрибутите *малечка* (придавка во деминутивна форма) и *енергична* (придавка). Кон нив се придружува и именката *спокојство*, што како семема е сосема релевантна во овој семантички контекст. Зашто имено: Ана е исто што и Левин, онака како што и Левин е она што е Ана – затоа нивната единствена средба се одликува со спокојство, подавање рака и заемно, безусловно разбирање, без зборови, премолчано...

Третата семантичка подгрупа на семантостилемата – рака за свое имплицитно означено ја има мајчинската љубов, љубовта на мајката Ана спрема синот Серјожа. Наидовме на 9 примероци од детаљот – рака што ја подразбираат мајчинската љубов, категорија која има суштинско место во романот, така што не случајно таа се изразува и преку раката, чија основна семантичка *должност* е да се однесува на душевната состојба на хероината.

С до заминувањето во Москва и вљубувањето во Вронски, настани што го обележуваат почетокот на романот, љубовта на Ана спрема Серјожа е нешто вообичаено. Таа љубов за неа претставува поткрепа во тривијалното секојдневие и единствена можност за себереализација преку љубов. Променетите услови на живот го менуваат и

односот кон синот; имено, љубовта кон него во услови на негово отсуство добива на интензитет, станува нејзина насушна потреба, така што среќата на Ана без таа љубов не е потполна. Љубовта на мајката спрема синот е еден од најимпресивните аспекти на романот: – *Серјожа! Мило мое дете! – прозборува таа задушвајќи се и гушкајќи го неговото меко и дебелко тело. – Мамо! – прозборува тој, движејќи се во нејзините раце, за да се допре до различни места на телото со нив. Смеејќи се сонливо, с уште со затворени очи, тој ги префрли своите дебелки рачиња од заглавјето на постелата на нејзините рамена, се навали на неа и ја обли со пријатен сонлив здив и топлина што ја има само кај децата, и почна да го крие лицето по нејзиниот врат и рамена. – Знаев, – рече отворајќи ги очите. – Денеска е мојот роденден. Знаев дека ќе дојдеш* (Толстој 1978: 129/2).

Манифестациите на семантостилемеата – рака во овој цитат, динамички и статички, сеедно, се силен израз на заемната љубов меѓу мајката и синот, а присутни се со неколку варијанти. Глаголскиот прилог *гушкајќи* е прв показател на таа љубов, оти преградката е моќен израз на љубов. *Серјожа ќе се движи во нејзините раце* (заменска придавка + именка), притоа, настојувајќи со мајчините раце да се допре до различни места од своето тело. И, најпосле, своите рачиња, детето ќе ги стави на рамената на мајката (именка), за да ја возврати преградката, за и тоа да ја покаже својата љубов кон родителката. Значи, рацете на Ана, како семантостилема, овде, се пројавуваат трипати: со глаголскиот прилог *гушкајќи*, со синтагмата од заменска придавка и именка *нејзините раце* и со именката *рамена*.

3.1. Морфостилистички и семантостилистички третман на семантостилемеата – рака

Еден од стожерните поими во теоријата на рускиот формализам беше постапката отстранение (=онеобичување или зачудност, на македонски јазик). Познато е дека се работи за продуктивен начин на изделување и третман (=утврдување на обемот на дејствување) на одделни литературни ентитети во контекстот на едно литературно дело. Може да се рече дека, семантостилемеата – рака во рома-

нот АК од ЛНТ во нашата анализа сосема се сообразува со принципот на очудувањето: најнапред изолирано, одделно, а потоа и во потесниот (=портрет на хероината) и поширокиот контекст од кој таа произлегува, односно му припаѓа. Значи, онеобичувањето (=зачудноста) е можна кога станува збор за детаљ, односно семантостилема, каква што е раката на Ана Каренина во романот на Толстој. Впрочем, самиот факт што се „изделува“ од „природната средина“, допушта поинаку и секако, повеќе и подлабоко да се набљудува, зашто таа има свои метонимиски (и синегдотски), но и метафорички предиспозиции.

Како и да е, рускиот формализам, со сиот „багаж“ што го остави зад себе, допушта на семантостилемеата – рака да се пристапи од солидно теориски позиции.

Формулата на онеобичувањето на еден книжевен ентитет, како што е раката на Ана Каренина, реторички е речиси релевантна на синегдотската операција *pars pro toto*, или перцепција и третман на делот наместо целината, а со цел да се придонесе за конечен впечаток – по однос на целината, во случајов портретот на хероината.

Синегдохата, веќе се рече, е подвид на метонимијата, која античката реторика ја дефинира како тропа со преносно значење, како и метафората, но е задолжена за постигнување логичка врска и зависност меѓу поимите според принципот блискост (=соседност), за разлика од метафората, која таа врска меѓу поимите ја обезбедува според принципот сличност.

Семантостилемеата – рака во романот АК од ЛНТ функционира метонимиско – метафорички, или според Јакобсон, во обидот да се стигне до значењето, односно означеното на еден книжевен факт, се случува проекција на тоа значење од оската на избор на оската на комбинација. Имено, Толстој, во својот исклучителен творечки напор и концентрација избира токму таков начин на портретирање на својата херојка, атрибути и движења на раката/рацете, така што тие најнапред се препознаваат во својата соседност (=блискост), оти и онака се мошне фреквентни, а потоа и според својата сличност, на едно подлабоко, значенско ниво. Раката/

рацете на Ана Каренина се голема метафора на нејзината душевна состојба. Тоа покажува дека еден навидум мал текстовен ентитет, кој онеобичен, односно изолиран (*pars pro toto*) својот семантички ефект го добива спонтано и перманентно, (=оска на избор, соседност) за најпосле, на ниво на значење да придонесе за пополнување на целината портрет на Ана Каренина (=оска на комбинација).

Нашата анализа на семантостилемата – рака покажа дека таа има свој статичен и динамичен начин на манифестација, преку кои посредно или непосредно се стигнува до „означеното“ – душевна состојба на Ана Каренина.

Статичкиот аспект на семантостилемата – рака, барем во цитираните одломки во оваа статија покажува дека граматички, како именка, раката е придружена со с на с 4 придавки (*малечка/малечки, вешти, вжештена, енергична*) и една заменска придавка (*нејзините раце*). Семантостилистички, тие се епитети и имаат своевиден афективен придонес по однос на карактеризацијата на хероината. Зашто имено, „(...) епитетот како семантостилистичка постапка на афективно приобање на именката, ја истакнува изразната вредност на нејзиното значење (Antoš 1974 : 47).

Динамичкиот аспект на семантостилемата – рака е далеку пофреквентен и е изразен најчесто преку глагол и други предикативни форми. Имено, во цитираните одломки во нашата анализа, сретнуваме вкупно 23 предикативни форми, кои придонесуваат не само за изразноста на семантостилемата на ниво на текст, туку учествуваат и во обликувањето на нејзиното значење. Динамичкиот аспект на детаљот рака овде располага со 9 глаголи, 8 примероци од глаголски прилог, кој подразбира изразување паралелно дејство со дејството изразено од глагол, 1 глаголска придавка, што во македонскиот јазик подразбира трпитељ на дејство и 5 префиксирани глаголи. Лингвостилистички, најголема афективност се постигнува со префиксација: *затресе, отргна, се прексти, отфрли, подаде*.

Кога станува збор за основното логичко и експресивно – импресивно значење на зборовите, како битен лингвостилистички

аспект на една семантема, односно семантостилема, може да се рече дека, раката на Ана Каренина во романот на Толстој го задржува своето основно, лексичко значење, речиси секаде и секогаш (дури и во оние ситуации кога отсуствува, а е присутна со одредено движење), додека експресивноста и импресивноста, кои овде не изобилуваат со широк спектар на пројави (тоа и квантитативно го потврдивме), се постигнува од контекстот. Означеното – душевна состојба на хероината и различните семантички варијанти на таа состојба се толку препознатливи и моќни, што и по ваков начин ја потврдуваат Толстојева исклучителност како автор – со малку да каже многу.

Имено, граматички, лингвостилистички, Толстој не се служи со обилна префиксација и инфиксација, ниту пак со широк спектар од атрибути, односно епитети. Тој, едноставно, прави мудар избор зборови, најчесто со одветни глаголи и глаголски форми кои ја придружуваат раката на Ана и како такви го обезбедуваат потребното значење.

4. Коментар

Пристапот кон колосалниот роман „Ана Каренина“ на велемајсторот на литературата Лав Николаевич Толстој од гледна точка на еден минијатурен книжевен елемент, како што е раката на насловната хероина претставува возбудлив истражувачки предизвик и пружа исклучително задоволство.⁶ Предизвикот е во научничката возбуда, кога му се приоѓа на тој минијатурен факт, кога се набљудува во потесниот контекст (портретот на хероината) и, кога ќе се дојде до сознанието дека таа и таква дребулија „учествува“ ни помалку ни повеќе во самиот сижеен развој на обемниот роман, оти, овој детаљ, односно семантостилема зазема значајно

⁶ На оваа проблематика имавме прилика за првпат да работиме пред 22 години, во периодот од 1996-1998 година, кога ја подготвувавме нашата магистерска теза, која беше одбранета на 3-ти јули, 1998 година, на Филолошкиот факултет „Блаже Конески“ на Универзитетот „Кирил и Методиј“ во Скопје. Книгата со наслов „Детаљот во Ана Каренина и Пиреј“ беше објавена во 2013-та година. Види: Караниколова, Луси: „Детаљот во Ана Каренина и Пиреј“, Феникс, Скопје, 2013.

место во една од стожерните бинарни опозиции – среќа : несреќа. И не само таму. Задоволството пак, произлегува од истите причини.

Во секој случај, погледнат од една таква семантостилистика и едновременно наратолошка перспектива, семантостилемата – рака можеби може да даде одговор на дамнешната Толстоева дилема од неговиот дневник – како да се најде соодветен збор, израз, за да се долови чувството. Раката, како само-

стоен ентитет е исклучително фреквентна, но нејзините придружни елементи (атрибутивни и предикативни) се прилично малку за да доловат толку специфични душевни состојби, како оние на Ана Каренина.

Намотсекогашн зачудувала и воодушеувала Толстоевата способност како авторот – со малку да каже многу. Се обидовме да дадеме одговор. Делумен. И во нашата претстава, тој одговор никогаш нема да биде целосен и конечен.

Литература

1. Андоновски В. О(А)бдукција на теоријата. – Скопје: Галикул, 2011. – 399 s.
2. Antoš A. Osnove lingvističke stilistike. – Zagreb: Školska knjiga, 1974. – 159 s.
3. Аристотел. За поетиката. – Скопје: Култура, 1979. – 125 s.
4. Аристотел. Реторика. – Скопје: Македонска книга, 2002. – 360 s.
5. Auerbah, E. Mimesis. – Beograd: Nolit, 1968. – 573 s.
6. Bal M. Opisi (Za jednu teoriju narativnog opisa) // Uvod u naratologii (izbor, redakciju prevoda, uvodni tekst i bibliografju sačinio Zlatko Kramarić). – Osijek: Izdavački centar Revija, 1989. – S. 199–221.
7. Barthes R. L'effet de réel // Le bruissement de la langue (Essais critiques IV). – Paris: Editions du Seuil, 1984. – P. 179–187.
8. Benvenist E. Problemi opšte lingvistike. – Beograd: Nolit, 1975. – 290 s.
9. Bogdanović N. Ana Karenjina (предговор) // Tolstoj Lav. Ana Karenjina. – Beograd: Prosveta, 1972. – С. 3–27.
10. Вангелов А. Исказот и стварноста. – Скопје: Детска радост, 1995. – 377 s.
11. Jakobson R. Ogledi iz poetike. – Beograd: Prosveta, 1972. – 397 s.
12. Караниколова Л. Деталот во Ана Каренина и Пиреј. – Скопје: Феникс, 2013. – 397 s.
13. Лотман Ј. Семиосфера: во световите на мислењето. – Скопје: Три, 2006. – 316 s.
14. Микуновиќ Љ. Речник на странски зборови и изрази. – Скопје: Наша книга, 1990. – 695 s.
15. Рождественски Ј. Принципите на современата реторика. – Скопје: Македонска реч, 2006. – 181 s.
16. Sosir F. Opšta lingvistika. – Beograd: Nolit, 1989. – 183 s.
17. Stojnić M. Ana Karenjina Lava Tolstoja. – Beograd: Zavod za udbenike i nastavna sredstva, 1983. – 97 s.
18. Толстој Л. Ана Каренина. – Скопје: Култура, 1978. – Тt. I, II.
19. Šklovski V. Građa i stil u Tolstojevom romanu Rat i mir. – Beograd: Nolit, 1984. – 305 s.
20. Šklovski V. Lav Tolstoj. – Subotica – Beograd: Minerva, 1977. – Тt. I, II.
21. Šklovski V. Uskrnuče riječi. – Zagreb: Stvarnost, 1969. – 186 s.

ЯЗЫК И ПОЭТИКА СОВРЕМЕННОЙ БАСНИ

В работе анализируется язык и поэтика современной басни. Жанровая специфика накладывает свои ограничения на индивидуальный стиль автора. Некоторые басни смещаются на периферию жанрового поля и сближаются с городским фольклором, с литературной балладой, сказкой. Наличие открытого вывода-морали, который позволяет однозначно соотнести аллегорический рассказ и наставление, не отменяет креативного отношения к языку басни.

Предметом нашего исследования стали более 90 басен современного автора Ирины Белых, члена Московской областной организации Союза писателей России. Современная басня использует эмоционально-выразительные и образные возможности всех стилистических пластов языка, рисует речевой портрет современника, насыщенный разговорными, просторечными красками.

Ключевые слова: язык современной басни, эвфемизмы, окказионализмы, речевой портрет, лингвистическая поэтика.

Anna V. Gik

(V. V. Vinogradov Institute of Russian Language)

CONTEMPORARY FABLE: LANGUAGE AND POETICS

The work is analyzing language and poetics of contemporary fable. Genre specifics makes definite limits on the personal author's style. Some fables are shifting to the periphery of the genre field and become closer to the city folklore, literature ballad, tales. Object of our research are more than 90 fables by contemporary poet Irina Belykh, member of Russia's Writers Union. Contemporary fable is using emotional and image possibilities of all stylistic language layers, showing verbal portrait of contemporary people. The fable becomes polygon for creation new words. "New fable" uses actual plot steps reflecting contemporary life and keeps traditional genre specifics.

Key words: language of modern fable, euphemisms, occasionalisms, speech portrait, linguistic poetics.

В мировой культуре существует специальный дидактический жанр, который призван наставлять читателя, указывать дорогу к идеалам добра, красоты и мира – это жанр басни. Не случайно М. Л. Гаспаров считает, что «басня среди всех литературных жанров оказалась одним из наиболее долговечных и наименее изменчивых» (Гаспаров 1971: 25). Действительно, жанровые структуры и поэтической, и прозаической басни: рассказ и мораль – остаются без изменения. Что можно сказать определенного в век метафизической абсолютизации относительности и условности содержания познания, в век релятивистского отношения ко всем устоям и принципам? Нравится ли современному человеку, когда его учат? В век баттлов и рэпа кто же выберет дидактическую гавань басни? И можно ли обозначить языковые и культурно-философские представления современного человека в форме басни? На первый взгляд – нет. Тем не менее басенное творчество находит свою нишу. Если в области поэтики автор связан особенностями жанра, в области языка – нормами общенационального языка своего времени, то в области стиля баснописец может достаточно полно проявить свою индивидуальность.

Реальное наполнение и авторская интерпретация – народная языковая основа басни передается из века в век. И в XXI в., как и во времена Эзопа, басня остается востребованным литературным жанром. Однако нельзя сказать, что басня находится в центре современной литературной жизни; это, скорее, периферийный жанр. Как считают исследователи, «с середины 19 в. басенное творчество в России и Европе угасает (пародические басни Козьмы Пруткова, А. Бирса), сохраняясь в публицистической и юмористической поэзии (П. Лашамбоди, Д. Бедный)» (Литературная энциклопедия 2001: 74).

Тем не менее на современных интернет-порталах находим новые басни, которые соседствуют с подборками классических басен Эзопа, Лафонтена, Крылова, Маяковского, Михалкова и др. (<https://rustih.ru/search/?q=басни>; Стихи.ру: <https://www.stihi.ru/2016/10/05/6977>). В разделе «Пародии и юмор» есть на сайте и басни Ирины Белых (сайт литмир:https://www.litmir.me/all_genre).

Басня как жанр становится объектом научных исследований (Кимягарова 2006, Полуянова 2001; Рисина 1996). Издаются и переиздаются сборники басен. Например, в сборнике «Русская басня от Хераскова до Маяковского» (М., 2014. 304 с.) представлены басни, авторами которых являются: В. Третьяковский (1703–1769), М. Ломоносов (1711–1765), А. Сумароков (1717–1777), В. Майков (1728–1778), И. Барков (1732–1768), М. Херасков (1733–1807), А. Дубровский (1733–178?), А. Ржевский (1737–1804), М. Чулков (1740–1793), А. Аблесимов (1742–1783), Я. Княжнин (1742–?), М. Попов (1742–ок. 1790), И. Богданович (1743–1803), И. Хемницер (1745–1784), Д. Фонвизин (1745–1792), И. Дмитриев (1760–1837), Н. Карамзин (1766–1826), В. Пушкин (1766–1830), И. Крылов (1769–1844), А. Шаховской (1777–1846), А. Измайлов (1779–1831), Д. Давыдов (1784–1839), К. Батюшков (1787–1855), А. Пушкин (1799–1837), Е. Алипанов (1800–1860), П. Бобрищев-Пушкин (1802–1865), Л. Толстой (1828–1910), В. Соловьев (1853–1900), К. Прутков, Ф. Сологуб (1863–1927), Саша Черный (1880–1932), В. Маяковский (1893–1930).

Предметом нашего исследования стали басни современного автора Ирины Белых, члена Московской областной организации Союза писателей России. Часть басен этого автора вышла отдельным изданием: Басни. 18+. М., 2014. 272 с.; часть басен опубликована на портале Стихи.ру.

Животные – главные действующие лица басни. Эту сюжетную традицию продолжает поддерживать и басня И. Белых.

«Современные жизненные ситуации и житейские типы подводятся под аллегорические категории животных, и сами эти категории, наполнившись живым, конкретным содержанием, приобретают новый, обобщенный, символический и вместе с тем реалистический смысл. <...> В русском народном языке сами названия животных являются характеристиками людей, прозвищами, клеймами (ср. голубчик; осел; ворона; сукин сын; сивый мерин; упрям, как бык; уперся, как бык; лисица; неповоротливый медведь; трусливый заяц; змея; жаба)» (Виноградов 1990: 161).

Из 91 басни, выбранных для нашего исследования, 46 заглавий содержат наимено-

вания животных. Встречается метонимическое наименование льва – «Великолепные клыки» – и коровы – «Копыто».

В тексте встречаются родовые и видовые обозначения животных: баран, болонка, бык, дворовый пес, друзья – приматы, енот, ежик, жираф, змея, кобылка, конь, корова, кот, кот Бегемот, кошка, лев, лисы, лось, макак, медведь, мышь, овечка, пес Барбос, пес Егорка, песик Бобик, слон, собака, удав, уж, хомяк, хорек, червяк, черепаха, шакал, щенок, ящерица. Птицы: ворон, галка, гриф, дятел, какаду, кукушка, кукушкин сын, куры, пташка, птица, сова, сорока, цыпленок. Водоплавающие: дельфин, ерш, карась, окунь, щука. Насекомые: бабочка, блоха, жук-пожарник, комар, муравей, муха, паук, таракан, шмель.

Басни населены уникальными героями. Даже если персонаж басни одно «лицо», характер и особенности поведения, особенно интриги могут быть разными. Например, в басне «Мир-мир» кот оказывается непорядочным другом, оговаривая дворового пса:

Кот зашипел: «Псих – ты и пустобрех!

Забыл, ты, как тебя битьем со мной марили?

*Я выйду из куста на лапах трех,
Чтоб палкой все бока тебе отбили!»*

Кот заорал. И вышел из куста с поджатой лапкой.

Был пес с котом. И пса побили палкой.

В басне «Теле-кот» основная черта кота – лень. Котик смотрит телевизор и не ловит мышей:

Котика купили – толку мизер:

Предпочел охоте телевизор.

Теле-кот был не балбес:

Обожал хозяев и прогресс.

Люди злились: сыр был в мышеловке,

Дома – кот, но мышь в кладовке.

Следующая басня «Кот с моськой» тоже про ленивого и мнительного кота, который не ловит мышей, так как они оказались его умнее:

Кот на даче мышь ловил – упустил...

Из-за маленькой загвоздки: на полу рассохлись доски.

В басне «Сны и дремоты» кот представлен профессиональным экстрасенсом, который обманывает клиентов, водит их за нос, взимая плату за толкование снов:

*Считали все, что кот был экстрасенс:
Специалист по снам и по дремотам.*

Послушал кот щенка, изрек:

*«Над мискою висит смертельный рок!
Я вижу: колбасу, над ней смерть и косу...*

Сиди! Я буду кушать рок твой ...

Когда я упаду, как будто мертвый – ты к миске подходи.

Иначе... я вижу: череп твой и косточки щенячьи!»

Пока щенок испуганный дрожал, кот скушал колбасу и убежал.

В другой басне – «Котик и хозяйка» – кот становится прототипом гулящего мужа:

Кота хозяйка так любила, что чуть ли не икрой кормила.

Но кот сбежал во двор – блистать и кошек с кисками искать.

В басне «Лев и кот» кот прямо назван «балбесом», который решил научить льва («котищу»), как правильно жить. Закончилась такая учеба плачевно для кота: лев съел новоявленного «учителя».

Кот был балбесом. Шел он лесом

*И, встретив льва, на дерево залез сперва,
<...>*

*Вмиг котик с дерева спустился и...
в львиной пасти очутился.*

Пока лев не ходил в учениках,

И не терпел, чтоб кто-то намекал, что ходит в дураках.

В басне «Киса с визой» Белых использует синонимы для обозначения кошки: кошка, киска, киса. Вторым собеседником в басне становится таракан, который, благодаря своему вниманию, такту и наблюдательности, усвоил семиотический код появления еды в миске для кошки. Таракан сумел договориться с кошкой (получил визу для перемещения к миске)! Почему бы и людям не договориться жить без драк и войн?

Может знанье языков превратить в друзей врагов:

Понимание даже в киске дух рождает пацифистский.

Итак, в шести баснях с героем-кошкой-котом-кисой-киской характер животного меняется в зависимости от ситуации и индивидуальных особенностей кота. Но основные характеристики, повадки, привычки остаются востребованными. На их основе и строится каждая из басен.

Название басни также может быть цитатой, метонимически отсылающей к животному: «Кто сказал “мяу”?». Здесь название совпадает со сказкой В. Сутеева. В сказке щенок узнает о том, кто говорит «мяу». В басне речь идет о кошке, которую хозяева замучили своей любовью:

Хозяин кошки кошку обожал: то лапку жал, то целовал, то тискал.

Тут киска руку в кровь разодрала и удрала под шкаф, бандитка.

Бывает, что и ласки – пытка.

Наименования животных в заголовках часто образуют антонимические пары, оформленные как сочинительные конструкции с союзом «и»: *Бык и ящерица; Лев и кот, Удав и жираф, Шмель и пташка* (ср. *Шмель собирал нектар из кашки / И вдруг услышал щебет пташки*).

Иногда заглавие представляет собой словосочетание с оценочным прилагательным: *Великолепные клыки; Улыбчивый паук; Нервный барашек*.

«Обобщенность басенного повествования проявляется прежде всего в том, что действующими лицами басни оказываются животные вместо индивидуальных людей: ведь пример, взятый из жизни людей, может показаться применимым только к этим людям, а пример, в котором действуют лишённые человеческой индивидуальности животные, естественно оказывается применим ко всему роду человеческому» (Гаспаров 1971: 8).

Героями басен также становятся обобщенные образы людей. Выделяются следующие типы обобщений: а) гендерные различия: *мужчины, женщины*; б) профессиональные: *водитель, маляр, менеджер, мойщик автомобилей, охотник, рыбак*; в) должностные: *директор цирка, Президент*; г) возрастные: *баба Шура, девица, девочка, старичок*. Автор использует имена собственные с культурологическим шлейфом и «прозрачной» семантикой: *Ваня, Вася, Вера, ведьма Луша, Иван Бирюков, Кондрашкин Г., Лев Добров, Маша, Миша Глухов, начальник Царьков Кузьма, Степан Ветров*.

На станции с названьем Эм

Шум-гам с утра тревожил веси.

Кондрашкин там мешался всем:

С болтом в руке залег на рельсы.

<...>

Народ кричал вокруг: «Баран!

Разлежся! Чтоб ты провалился!»

Кондрашкин – всем известный хам,

Тому, кто ближе дал по коже,

« <...>Здесь поезда не ходят больше!

Я с рельсов все болты украл!» (Перипетии порядка)

Герой басни «Перипетии порядка» протягивает руку своему чеховскому товарищу Денису Григорьеву – герою повести «Злоумышленник», который свинчивал гайки, закреплявшие рельсы, а потом из этих гаек грузила для рыбной ловли делал. Кондрашкин осознанно украл болты, чтобы поезда больше не ходили.

Наделяются свойствами человека и неживые предметы: *барабан, ботинок, веник, вилка, гардина, гвоздь, грибница, дверь, зажигалка, замок, зонт, игла швейная, карман, картина, кастрюля, ключ, компьютер, кувалда, лом, молоток, мусорный бачок, нитка, «Нокия»* (марка телефона), *ножик, пила, подушка, пылесос, рояль, рюмки, сигаретный бычок, табуретка, труба, часы с кукушкой, шашка, шланг, штопор*.

Штопор высказался *вилке*:

«Открывают мной бутылки!»

Глупо дико, правда, вилка?»

Уколола вилка язвительно: «И действительно!»

Люди глупые, халатные, надоели их дела салатные!»

Гендерная принадлежность самого автора проявляется в выборе героев басен – кухонной утвари и продуктов питания: *бычки в томате, изюм, капуста, кастрюля, помидор, редька, рюмки, творог*. Женский взгляд просвечивает и в морализаторской части многих басен, когда Белых поднимает проблемы семейных взаимоотношений: муж – жена, свекровь – невестка, взрослые – дети:

Когда труды мужей дадут плоды,

То в этом есть всегда их жен труды (Табуретка);

Снохе свекрови сложно угодить,

Что любит о снохе на свой лишь лад судить (Шмель и пташка).

Надо сказать, что жанр басни имеет некоторые модификации: от строго дидактической установки до иронического и гротеск-

сно-бурлескного типа повествования. Басни И. Белых имеют яркую воспитательную установку – в этом смысле принадлежат к ядерным жанровым образованиям, восходящим к классическим басням Эзопа, хотя и написаны, в отличие от Эзопа, в стихотворной форме.

Жанровая специфика отражается в структуре басни, в особенностях построения текста, в наличии открытого вывода-морали, который позволяет однозначно соотнести аллегорический рассказ и наставление. Некоторые басни смещаются на периферию жанрового поля и сближаются с городским фольклором, с литературной балладой, сказочными сюжетами и превращениями, страшилками, чертями и оборотнями.

Басня «Бессониада» написана в жанре городского романса. А название и сюжет соотносятся с «Гавриилиадой» А. С. Пушкина.

Бедный Ваня ночью Лунной

По селу в тоске ступал...

Думал о любви он чудной

И... в историю попал (Бессониада).

Категоричность и дидактичность – основные признаки жанра басни – выдерживаются автором четко. Ни тени иронии, шутки. Все басни серьезны до последней строчки. Но язык басен содержит игровое, активное начало, смягчает строжайшие запреты на инициативу. Важно отметить, что когда Виноградов описывал язык басен И. И. Дмитриева и И. А. Крылова, то основное внимание он уделял как раз обновлению языка в баснях последнего: «Парадная, литературно-условная форма как бы снята с русского языка в басне Крылова... В контраст с этикетным, несколько изысканным и манерным стилем русских европейцев в басенном языке Крылова зазвучали бойкие, живые, социально окрашенные, переливающиеся разными тонами голоса реальной русской жизни, с типичными для нее формами речевого выражения горестей и радостей... Казалось, главным героем басен Крылова стал сам русский язык с заложенными в его системе своеобразиями национально-характеристического выражения, игрой экспрессивных красок, с его художественными возможностями и с свойственным ему складом мысли (Виноградов 1990: 160–161).

Ирина работает с фонической организацией стихотворного текста: использует прием паронимической аттракции, обыгрывает и развивает звуковые ошибки, оговорки и преднамеренные описки, которые отражают разговорную стихию басенного жанра, (*банан не съешь банальный; курятина (о курильщике)*); на лексическом уровне использует игровой потенциал слов (*баран – человек и животное; баранка – сушка и руль машины*):

На мост, стоявший над рекой, лоб в лоб заехали машины...

Решили про себя: «Баран какой!» – сидящие внутри мужчины.

Озлились оба, тормозя, и, встав, на узкий мост глядели.

Увы, развехаться нельзя! И сдать назад не захотели.

Был тем мужчинам разум дан... покуда не покинули стоянку.

Вдвоем кричали: «Эй, баран! Сдавай назад! Крути баранку!» (Баран и баранки).

Одним из важных признаков этого текста становится диалог, автор вступает в разговор с читателем, герои беседуют между собой на «глазах» читателя.

Герои басен – часто бесчестные, необразованные и бескультурные герои – используют стилистически сниженную лексику: от разговорной до просторечной. В последней строфе-морали Ирина обращается к культурному читателю, знакомому с такими именами, как А. С. Пушкин: *Плохой поэт порой таков: / Считает, что он – Пушкин! / Пока не всплыл среди знатоков...* (Лавры и лаврушка), Франц Кафка: *Без любви часто жизнь – для справки – / Походила на ужас Кафки* (Бабочка на булавке), знающему законы литературного языка, правила хорошего тона, универсальные нравственные законы и правила поведения на наемной работе.

Ироничное отношение к предмету описания в басне передается с помощью окказиональных слов. Новые слова становятся экспрессивно-эмоциональными маркерами отдельных басен. Они строятся по моделям современного русского языка. Например, в одно слово включаются части слов, разных по значению: *пшикарный* = пшик (разг. пустота, ничто) + шикарный (разг.): *Жизнь у*

бабочки этой шикарная: стала шишом, но с виду – шикарная!; сорочно = сорока + срочно: – Сорочно я поговорить хотела, по существу! / Взясась трещать сорока та про лес, про елки, про иголки; болтундра = болтун (разг.) + полундра (прост.) // болтун + тундра: Болтала все утро, болтундра!; нужный = нужный + нудный – люди и отношения, нужные из корыстных соображений – нужды: Бурлила шука с карасем... о том, о сем: / Что нужен ей карась мясистый для дружбы нужной, чистой; невнимательный = невнимательный + вынимать – поверхностный человек; изумительный = изюм + изумительный – все, что вызывает позитивные, сладкие ощущения; укомпьютерный = у + компьютерный – выпавший из жизни компьютерный фанат: У компьютера часто фанаты / Без работы сидят и зарплаты, / Укомпьютерные окончательно... / Не живет-ся им замечательно (Укомпьютерная жизнь); оскорбленный = оскорбление + оскорбленный – мнимый оскорбленный; куканула = кукушка + кануть // кукушка + кинула – оставить без внимания, покинуть место события: [кукушка] вспорхнула и восвосяси куканула.

Тексты басен перенасыщены просторечными и разговорными словами, встречаются и фамильярные, и грубо-просторечные лексем:

- имена существительные: балбес, бандитка, бардак, башка, бегодня, бездельник, безобразник, бес, бесовщина, бесстыжий, бестия, блуд, болтун, ведьма, враки, глупец, дрань, задира, зараза, лиходеи, материщина, матрищинник, морда, морока, мужик, нахал, негодник, не дурак, нервотрепка, подвох, подельник, пронира, простушка, псих, пустобрех, работяга, растяпа, сволочь, смехота, спец, спешка, тип (о человеке), халтура, хам, хоромы, шельмец;
- наречия: восвосяси, жуть, кайф, кошмарно, наполоам, паршиво, тишхом;
- междометия и частицы: бах, спозаранку, шарах, эвон;
- глаголы: бахать, болтать, буркнуть, волочить (ноги), врать, вцепиться, допекать, дурить, дурманить, екать, забрехать, заорать, заскулить, замалевать, захихикать, издох, мешкать, мыкать-

ся, оголодать, околеть, орать, подкузьмить, подсиживать, помереть, свинячить, спиться, тарахтеть, усвистать, умотать, шастать;

- фразеологизмы: в гробу видать что-нибудь; вести по-свински; вся я, как с обложки!; в чем мамаша родила; видал?; до жути; еле волочить (хвост); жизнь не сахар; задирать нос; и был таков; молоть чушь; наострить лыжи; не чуют ног; остаться без штанов; отправить к праотцам; плевать на дам; попасть в историю; просить каши (о порванном ботинке); пьяный вдрабадан; срывать зло на ком-либо; тихой сапой; туманить мозги; увести силком; хоть стой, хоть падай; цирк бесплатный; чтоб ты провалился.

Уменьшительные-уничижительные суффиксы также являются одним из средств выражения авторской оценки, также создают «разговорно-просторечную» атмосферу текстов: аккуратненький, бедняжка, ворюшка, горчинка, грудки, губки, девица, дурачок, душка, дядюшка, ежик, идеяка, интрижка, картинка, квартирка, киска, кобылка, комарик, косточки, копытца, котик, котище, курочка, лаврушка (лавровый лист как приправа), лапушка, моська (о лице человека), муженек, муравьишка, мышка, норушка (мышка), окунек, пенек, письмецо, помидорчик, попугайчик, простушка, птичка, рожки, сестрица, сказочка, тропинка, ущица, финтифлюшка, хозяйюшка, цветочки, частенько, шкодница, яичко, ящерка.

Уменьшительные имена собственные: Бобик, Васенька, Верочка, Людка, пес-Егорка.

На другом стилистическом полюсе произведений находится высокая лексика (поэт., устар.): брести, взывать, витать, властвовать, девица, заслуг не счесть, изречь, исход, опочить, осенить, повергать, погост, попиранье, святоша, смятение, ступать, узреть, хлад, чело.

Встречается и специальная лексика, например, из языка сапожника (обувщика): Прошва – ж. <...> 2. 'Узкая полоска материала, вшиваемая в швы одежды (обычно форменной) или обуви' (Толковый словарь Т. Ф. Ефремовой 2000):

«Без жены я...рвутся прошвы, ведь одна – не две подошвы...»<...>

Муж с женой ботинок в роде:

*Если были не в разводе – разделяли жизни
ношу,*

*Дружные, как две подошвы... (Ботинок в
разводе).*

Позволим себе привести авторские строки, потенциал которых может дорасти до «крылатых выражений»: *Бывают типы меж веток липы* (ирон. о непорядочных людях); *Выходит лов, но не выходит Love*; *Претензий, как в подушке перьев* (очень много претензий); *Без любви и щи не сварить*; *Похвалы слаще пахлавы*; *Где только ряд красивых слов – / Там зубы в несколько рядов* (о дружбе на словах, а не на деле); *Царем не стать, одни клыки имея!*

Многие потенциальные «прецедентные тексты» построены на основе закона паронимической аттракции. Слова, сходные по звучанию, обмениваются семантическими признаками: *Сидеть горькой горкой* – быть угрюмым; *Сесть на долговязый вяз* – болтать без умолка; *Драма в раме* – о незначительной проблеме; *Хоть Митя дал пеньку пинка, / Но магазин остался без пивка.*

«Драматизм» басни становится важной составляющей композиции и синтаксической структуры текста. Почти все басни И. Белых содержат диалог персонажей. Каждый герой использует глаголы речи, соответствующие его сущности: *барабан – спорил; рояль – пропел; баран – блять начал; макак – взывал; водители-бараны – кричали, бурчали; Бобик зарычал; ботинок «стал на полке выступать»*, *кряхтел; лев – зарычал; гвоздь – озлился; енот – фыркал; зажигалка – огоро-*

шила; язычок замка – тарактел; бес рывкнул; галка – закричала; жук – зажужжал, дворový пес – забрехал; сова – ухнула.

Основная тематика моральных выводов: отношения между мужчинами и женщинами; между родственниками (свекровь – сноха, муж – жена,) способы выживания в современном мире на работе – «рабочая» этика и мораль, кодекс поведения сотрудников современных офисов; политические темы; тема нетерпимости участников дорожного движения; важность сохранения веры и морально-нравственных устоев, когда вокруг так много искушений (в том числе в виде интернета); автор осуждает пьянство, употребление обценной лексики; действия компьютерных фанатов; выступает против всех форм зависимостей: пьянства, курения, проституции.

Таким образом, современная басня использует эмоционально-выразительные и образные возможности всех стилистических пластов языка, рисует речевой портрет современника, насыщенный разговорными, просторечными красками и сниженной лексикой. Сохраняя жанровые особенности, вносит новые сюжетные линии, раскрывающие особенности современной жизни. В идеологическом плане современная басня опирается на консервативные ценности общества: слушайся начальника, не кради, не прелюбодействуй, люби муж жену, жена мужа и др. Ратует автор современной басни и за чистоту языка: *С уст слетает матерщина – / Душу мает бесовщина* (Череп и сова).

Литература

1. Виноградов В. В. Язык и стиль русских писателей. От Карамзина до Гоголя. – М.: Наука, 1990. – 390 с.
2. Гаспаров М. Л. Античная литературная басня. – М.: Наука, 1971. – 280 с.
3. Кимягарова Р. С. Словарь языка басен Крылова. – М.: Оникс, 2006. – 926 с.
4. Литературная энциклопедия терминов и понятий / гл. ред. и сост. А. Н. Николюкин. – М.: Интелвак, 2001. – 1600 с.
5. Полуянова Л. Н. Лингвостилистические особенности текста басни: на материале англоязычной литературной басни: дисс. ... канд. филол. наук. – М., 2001. – 164 с.
6. Рисина О. В. Поэтическая трансформация универсальных смыслов текста: на материале рус. лирики и басни XIX–XX вв.: дисс. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 1996. – 234 с.

Н. В. Смирнова

(Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова)

РЕФЕРЕНЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС АНТРОПОНИМОВ В РАССКАЗАХ В. НАБОКОВА

В статье анализируется антропонимическое пространство русскоязычных рассказов В. Набокова в референциальном аспекте. Выделяются три типа личных имен собственных с двойной референцией, для которых интегральным признаком является отсылка к персонажу повествования, а дифференциальным – актуализация референта, принадлежащего внеположному произведению универсуму. Отношение, образующееся между двумя референтами антропонима, по аналогии с метафорическими механизмами, рассматривается как интеракция, которая может выстраиваться либо через уподобление сущностных свойств объектов, либо через их расподобление.

Ключевые слова: имя собственное, антропоним, референциальный статус, двойная референция.

Nadezhda V. Smirnova

(Lomonosov Moscow State University)

REFERENTIAL STATUS OF ANTHROPONYMS IN THE STORIES BY V. NABOKOV

The article analyzes the anthroponymic space of Russian-language stories by V. Nabokov in a referential aspect. Three types of personal names with double reference are distinguished, for which the integral feature is a reference to the character of the story, and the differential one is the actualization of the referent belonging to the non-positive work to the universe. The relationship formed between the two referents of the anthroponym, by analogy with metaphorical mechanisms, is considered as an interaction that can be built either through the assimilation of the essential properties of objects, or through their assimilation.

Key words: proper name, anthroponym, referential status, double reference.

Семантическая структура имен собственных (ИС) в художественном произведении преобразуется по принципу усложнения означаемого: в большинстве случаев ИС, не обладающие в языке конвенциональным значением, демонстрируют в пространстве художественного текста приращение смысла. Детерминированность семантики ИС авторским замыслом является ключевым моментом для исследования ономастического пространства произведения.

Антропонимы относятся к ведущим средствам репрезентации субъектной модели повествования. Личное имя персонажа может служить эксплицитным способом выражения авторской интенции, что наиболее очевидно проявляется в так называемых «говорящих» именах. Рассмотрение «говорящих» имен с точки зрения их участия в референциальных механизмах приводит к выводу о том, что, помимо идентифицирующей функции, которая является для собственных имен доминирующей, указанные единицы выполняют так же функцию характеристики, что позволяет видеть в них свернутые субъектно-предикатные структуры. Непосредственная манифестация авторской целеустановки в имени действующего лица, свойственная литературе классицизма, в ходе эволюции художественных форм сменилась конструированием сложной сети ассоциаций, связывающей имя персонажа с текстами различных культурных традиций.

К собственно «говорящим» именам в рассказах В. Набокова могут быть отнесены антропонимы *Гнушке* и *Слепцов*, однако характеризующая функция данных именованных сопровождается в тексте приемами, эксплицирующими авторскую рефлексию, в результате чего употребление «говорящего» имени перестает быть тривиальным. Так, в рассказе «Подлец» персонаж вводится в повествование через развернутую номинацию: *Антон Петрович попал на именины, но он так и не понял, чьи это были именины, – Митюшина ли, спящей дамы или неизвестного господина, оказавшегося русским немцем со странной фамилией Гнушке*. Присутствие рефлексии наблюдается уже в данном фрагменте, о чем свидетельствует оценочное прилагательное *странной*. В дальнейшем

характеризующая природа антропонима раскрывается через непосредственное представление его этимологии: *И говорили, что у этого приятеля прегнусная фамилия. Так что вполне возможно, что это был Гнушке*. Примечательно, что в данном случае наблюдается своего рода «подрыв» статуса «говорящего» имени, поскольку присущая ему предикативная функция, которая должна быть отнесена к носителю имени, преподносится через посредство метонимического определения как свойство самого антропонима (*прегнусная фамилия*), позволяющее идентифицировать стоящего за ним персонажа. Тем самым имя получает относительно независимое от субъекта существование, претендуя на роль самостоятельного персонажа, что является общей тенденцией современной прозы.

В рассказах В. Набокова собственные имена, которые можно отнести к «говорящим» с известной долей условности, являются собой единичные случаи. В соответствии с задачами настоящего исследования нас будет интересовать тот корпус личных собственных имен, который характеризуется особым референциальным статусом. В заданном ракурсе антропонимическое пространство дифференцируется на основании противопоставления нейтрального фона, формируемого не маркированными в референциальном отношении ИС, и значимых фигур, представленных антропонимами с двойной референцией.

Понятие двойной референции в лингвистическом описании характеризует особый тип отсылочной разновидности, присущей производным словам, которые одновременно соотносятся с миром и с лексикологической системой языка (Кубрякова 1998, 48). Привлечение исходного имени ведет к актуализации обозначаемого им предмета реального мира, в результате чего устанавливается связь между объектами действительности, поименованными производным и производящим словами.

Для адекватного представления механизмов двойной референции целесообразно обратиться к интеракционистской теории метафоры. Формализация интеракционистского подхода привела к утверждению о том,

«что метафора есть результат когнитивного процесса, который сопоставляет два <...> референта, обычно не связываемых» (Мак-Кормак 1990, 363). При этом взаимодействие (интеракция) сопоставляемых референтов ведется на основе распознавания как сходных свойств объектов, так и несходных, демонстрируя, соответственно, конструирующую роль принципа аналогии и порождение семантической аномалии, способствующей переосмыслению привычного категориального распределения предметов.

Проекция теоретических установок, связанных с референцией производного слова и функционированием метафоры, на антропонимическое пространство художественного текста позволяет интерпретировать процессы, имеющие место в случае двойной референции личных имен собственных. При немаркированном употреблении антропонима его денотативный статус ограничивается отсылкой к конкретному персонажу. Выделение в общем комплексе личных именованных антропонимов иной отсылочной разновидности, состоящей в одновременной актуализации двух референтов, объясняется производностью данных ИС. Интегральным признаком для всех антропонимов с двойной референцией является соотносительность с персонажем, в то же время они дифференцируются в зависимости от характера второго референта, актуализируемого посредством обращения к исходному именованию. Отношение, образующееся между двумя референтами личного ИС, по аналогии с метафорическими механизмами, будет обозначаться как интеракция, которая может выстраиваться либо через уподобление сущностных свойств объектов, либо через их расподобление. В любом случае антропоним с двойной референцией формирует область семантического напряжения, требующую установления системы корреспонденций между персонажем и тем объектом, который «притягивается» производящим словом.

В корпусе анализируемых произведений В. Набокова в зависимости от характера производящего слова нами были выделены следующие типы антропонимов с двойной референцией (АДР):

1. АДР, производные от апеллятивов (имен нарицательных). Данный тип антропонимов с точки зрения происхождения коррелирует с «говорящими» именами, однако если для последних производящее слово выступает в характеризующей функции, то первым присуща сложная система взаимодействий с референтом, актуализируемым посредством апеллятива.

В рассказах В. Набокова выделяется тематическая парадигма АДР, производных от нарицательных имен, выступающих средствами означивания «энтмологического кода». Выявление второго референта в таких случаях базируется на привлечении сферы знаний, затрагивающей субъекта внетекстового уровня коммуникации – реального автора, информация о котором извлекается из источников нехудожественного порядка, представляющих В. Набокова как конкретное биографическое лицо. Энциклопедические сведения о писателе свидетельствуют о профессиональных занятиях В. Набокова энтмологией. В антропонимическом пространстве рассказов В. Набокова представлен ряд собственных имен, воспроизводящих, благодаря актуализации референта исходного апеллятива, процесс метаморфоза, который определяется в энтмологии как «преобразование в ходе развития, сопровождающееся замещением провизорных личностных органов и структур на дефинитивные, имагинальные» (Словарь-справочник энтмолога 2010, 150). Отсылка к начальной стадии метаморфоза содержится в имени собственном персонажа, действующего в рассказе «Картофельный эльф»: *Фреду Добсону, карлику в мышинных гетрах, Господь Бог подарил тот веселый августовский день, который начался нежным гудком и поворотом вспыхнувшей рамы*. Антропоним *Добсон* является транслитерацией английского слова *dobson*, означающего 'личинка'. Два референта собственного имени – персонаж и личинка – в ходе интеракции ассоциируются на основе общего признака, связанного с величиной.

Антропонимом, формирующим противоположный полюс энтмологической парадигмы, является собственное имя *Лик* из одноименного рассказа. Для его адекват-

ной интерпретации необходимо произвести процедуру, обратную восстановлению апеллятива на основе имени собственного иноязычного происхождения. Слово *лик* переводится на латынь как *itago*, и данным термином (имаго) в энтомологии именуется высшая стадия развития насекомого, достигаемая в ходе онтогенеза (Словарь-справочник энтомолога 2010, 101).

К ряду личных собственных имен, связанных с лепидоптерической тематикой, относится и антропоним *Фальтер* из рассказа «Ultima Thule», содержащий отсылку к лексикологической системе немецкого языка, где *Falter* – *мотылек, бабочка*.

Система антропонимов *Добсон – Лик – Фальтер*, актуализирующих второй референт на основе подключения к энтомологической парадигме, требует опосредующего семантического шага, устанавливающего корреляцию по линии *бабочка – душа*. Компонентом – семантическим посредником между указанными номинациями выступает лексема *Психея* 1. 'По представлениям древних греков – *душа* человека, изображаемая в виде *бабочки* или девушки с крыльями *бабочки*' (ССРЛЯ. Т. 11. С. 1622). Этимологически данная лексема восходит к греческому слову *psyche*, обозначающему одновременно душу и бабочку (Мифологический словарь 1990, 445). В результате развертки семантического потенциала номинаций, отсылающих к объектам энтомологической сферы, усложняется характер взаимодействия между референтами антропонима. Актуализируемые на первом этапе референции стадии развития насекомого в свете соотношения, устанавливаемого на последующем этапе между понятиями *бабочки* и *души*, выступают в качестве метафорических представлений уровней развития человеческого духа.

Взаимодействие двух объектов, относящихся к разным категориальным рангам, за счет механизмов двойной референции проводится не только на основании производности антропонима от апеллятива. Само личное имя собственное в рамках художественного текста может транспонироваться с позиции означающего персонажа на другой объект. Так, в рассказе В. Набокова «Пильграм» антропоним, осуществляющий референцию

к центральному действующему лицу, переносится на объект иного таксономического класса: *Главный товар в магазине оставался незамеченным, – такие уж пошли дети, с горечью думал Пильграм и мельком вспоминал собственное детство... Энтомолог он был превосходный, венец Ребель назвал его именем одну редкую бабочку, да и сам он кое-что открыл и описал*. В данном рассказе статус имени, характеризующегося двойной отсылочностью, приобретает название произведения – «Пильграм», актуализирующее одновременно и персонажа, и объект, которому присвоено его имя, – бабочку. Завершающая текстовую событийность смерть заглавного персонажа позволяет рассматривать второй референт в свете описанного выше семантического посредничества как форму продолжения существования его души.

Интеракция в случае переноса собственного имени с одного предмета на другой отличается от взаимодействия между референтами в случае онимизации апеллятива. Для антропонима, производного от нарицательного имени, главным объектом референции всегда будет являться персонаж, в то время как перенос собственного имени предполагает отсылку к двум фиксированным в повествовании объектам, каждый из которых претендует на право именоваться данным антропонимом.

2. АДР, производные от мифонимов. Особенностью данного типа антропонимов является то, что они актуализируют в качестве второго референта не сингулярные объекты, а прецедентные тексты – мифы. Актуализация прецедентных текстов основывается на механизмах семантической памяти, в которой хранятся усвоенные нами тексты и сообщения.

Мифологическое имя может присутствовать в повествовании, не включаясь непосредственно в систему персонажей: *За шторой рама была отворена, и в бархатной бездне улицы виден был угол оперы, черное плечо каменного Орфея, выделявшееся на синеве ночи, и ряд огоньков по туманному фасаду* (Возвращение Чорба). Антропоним Орфей в данном примере употреблен метонимически, обозначая скульптуру соответствующего мифологического персонажа, что

не препятствует актуализации прецедентного текста. Активизация фрагментов содержательной структуры мифа, совпадающих с участками внутритекстовой событийности, приводит к идентификации заглавного персонажа с мифическим Орфеем. В основе сюжета рассказа лежит та же каузальная цепь событий, что и в мифе об Орфее: женитьба на любимой – её внезапная смерть – стремление вернуть супругу из «царства мертвых». Идентификации способствует анаграммирование, состоящее во введении в вербальное окружение мифонима компонентов фонетической структуры имени центрального персонажа – *Чорба: черное плечо каменного Орфея*.

Двойную референцию антропоним приобретает в том случае, если именование персонажа, реализующего определенную повествовательную функцию, осуществляется посредством мифонима. Подобный тип именования персонажа с необходимостью ставит вопрос о способе взаимодействия актуализируемого мифологического текста с фигурой действующего лица и с комплексом описываемых в произведении событий.

Мифоним может вводиться в произведение вместе с обозначаемым им мифологическим персонажем, включающимся в субъектную модель повествования. В рассказе В. Набокова «Гроза» в канву обыденных событий помещен фрагмент, эксплицирующий сюжет о ветхозаветном пророке Илье, причем центральное действующее лицо прецедентного текста представлено как реальное, чему способствует единая пространственно-временная локализация мифического пророка и инклюзивного повествователя, к которому Илья обращается в ряде реплик: *Ты, Елисей?; Колесо потерял. Отыщи-ка; Отвернись, Елисей*. Мифоним *Илья* обладает единичной референцией, обозначая персонажа мифа, который именуется также посредством дескрипций, опирающихся на те или иные свойства объекта, фиксированные в прецедентном тексте: *громовежце, седой исполин, с бурной бородою, закинутой ветром за плечо, в ослепительном, летучем облачении; пророк*.

Антропоним *Елисей* является единственным собственным именем, обозначающим

повествователя, который в остальных случаях обозначается личным местоимением *я*, поскольку текст представлен как перволичный нарратив. Данное собственное имя реализует двойную отсылочную разновидность, поскольку соотносится как с фигурирующим в повествовании персонажем, так и с мифическим пророком, учеником Ильи. Взаимодействие двух референтов строится по принципу мнимого отождествления: Илья принимает повествователя за Елисея, причем сам персонаж реагирует на приписанное ему имя: на реплику *Отвернись, Елисей* следует реакция персонажа *Я послушался*.

Актуализованный текст мифа, располагающийся в центральной части рассказа, иррадирует на окружающие его текстовые фрагменты, приводя к усложнению референциальных характеристик номинаций. Так, встречающиеся в инициальном и финальном абзацах произведения нарицательное имя *ветер* развивает дополнительную отсылочность за счет соотнесенности с мифологическим событием – явлением Яхве пророку Илье в образе тихого ветра: *Слепой ветер, закрыв лицо рукавами, низко пронесся вдоль опустевшей улицы; ... от легкого ветра колыхнулась пунцовая герань на балконах*.

Действие двойной референции, основанной на производности личного имени от мифонима, может приводить к интеракции, работающей по принципу аналогии, когда свойства мифологического персонажа оказываются сходными со свойствами участника повествования. В рассказе В. Набокова «Совершенство» один из центральных персонажей обозначен антропонимом *Давид*, и в его описании можно выделить характеристики, непосредственно совпадающие с признаками, приписываемыми ветхозаветному царю Давиду: *Белокурый <...> Давид в неудобнейшем положении сидел за столом; С такими глазами нельзя только думать о стоимости различных машин; Иванов не ошибался, – глаза Давида и впрямь не лишены были некоторой дымки*. В библейских текстах о внешности Давида говорится, что «он белокур, с красивыми глазами» (Мифологический словарь 1990, 168).

Посредством мифонимов может формироваться параллельное референциальное

пространство, дающее возможность рассматривать текстовые события одновременно в двух плоскостях. Представленные в рассказе «Встреча» антропонимы *Лев* и *Серафим* на уровне внутритекстовой событийности обозначают двух братьев, встретившихся в Берлине после десятилетнего перерыва. Личное собственное имя *Серафим* восходит к древнееврейскому *šeraḥīm* – огненные ангелы. Серафимами в иудаистической и христианской мифологиях называются ангелы, «особо приближенные к престолу Бога и его прославляющие» (Мифологический словарь 1990, 485). Антропоним *Лев* актуализирует область прецедентных текстов, связанных с библейскими представлениями о мифическом животном, выступающем аллегорией силы, явившегося иудейскому пророку Иезекиилю и присутствующего в качестве одной из фигур Апокалипсиса. Обращение к новозаветным преданиям подкрепляется темпоральной координатой мыслимого мира произведения: *...как раз в этот вечер, было русское Рождество, Лев на последние деньги купил подержанную елочку.*

Апелляция к исходным мифонимам позволяет расширить событийную перспективу, дающую возможность параллельного рассмотрения субъектной модели как на внутритекстовом уровне, так и на уровне прецедентного мифологического текста.

3. АДР, производные от имен реальных лиц. Исходными для данного типа антропонимов являются личные собственные имена лиц известных исторических деятелей, писателей и т. д. Основной корпус личных имен собственных функционирует в речи подобно дейктическим элементам, осуществляя референцию в зависимости от контекста. Для осуществления адекватной отсылки к стоящему за антропонимом объекту необходимо наличие общих знаний коммуникантов.

Собственные имена известных личностей обладают особыми индивидуальными коннотациями, известными подавляющему большинству носителей языка и позволяющими производить идентификацию без ввода предварительных сведений об объекте. Совокупность сведений об исторической личности может быть представлена в виде стереотипа – пучка дескрипций, фик-

сирующих существенные отличительные признаки референта. Набор характеристик, приписываемых определяемому объекту, варьируется в зависимости от уровня развития концептуальной системы индивидов, в силу чего для построения стереотипа известной личности будет использоваться энциклопедическое описание.

В художественном тексте личные имена собственные известных лиц употребляются в разных отсылочных разновидностях. Антропонимы в литературном произведении способны осуществлять первичную референцию, то есть актуализировать своего реального носителя: *Помнишь, как Пушкин написал о вальсе: «однообразный и безумный» (Письмо в Россию); Давным-давно <...> Линней описал распространенный вид дневной бабочки (Соглядатай); Да, мы, русские, сентиментальные чудаки, но поверьте, мы умеем любить со страстью Распутина и с наивностью ребенка (Хват).*

Личные имена собственные реальных лиц могут помещаться в однородный ряд с именами персонажей, что приводит к эффекту «онтологизации» последних: *...вот так погibli и Федченко, и Северцев, и Годунов-Чердынцев, не говоря уже об иностранных классиках, – Спик, Дюмон-Дюрвиль (Круг).* В представленном примере в однородный ряд включены имена известных исследователей и антропоним, обозначающий персонажа – *Годунов-Чердынцев*. Данный прием используется и для создания комического эффекта: *Вайнишок вслух читал азбуку. Столик внимательно следил и на нужной букве стучал. Являлся Цезарь, Магомет, Пушкин и двоюродный брат Вайнишока [речь идет о спиритическом сеансе – Н.С.] (Соглядатай).*

Антропонимы, обозначающие известных лиц, относятся к двойной отсылочной разновидности в том случае, если употребляются в качестве имен персонажей произведений. При этом интеракция между персонажем и реальным лицом производится либо на основе несоответствия стереотипных представлений о биографическом лице свойствам персонажа, либо на уподоблении их сущностных свойств.

Расподобление персонажа и реального лица с аналогичным именем может произво-

даться эксплицитным способом. В рассказе В. Набокова «Случай из жизни» персонаж вводится посредством антропонима *Пришвин*, который сопровождается дескрипцией *не родственник писателя: ...мой хозяин, некто Пришвин (не родственник писателя) поощрительно слушает, безостановочно набивая папиросы*. Описательное выражение представляет собой отрицание базовой составляющей стереотипа реального Пришвина ('писатель'), расширенное за счет релятивной номинации *родственник*. В результате предотвращается ложное отождествление, которое мог осуществить читатель.

Примером уподобления свойств известного лица и персонажа служит антропоним *Никитин* из рассказа «Порт». Данное имя собственное может интерпретироваться в двух направлениях. С одной стороны, антропоним *Никитин* актуализирует реального человека, с которым связывается набор таких дескрипций, как 'путешественник', 'русский', 'побывавший в Индии, Турции, Персии' (здесь и далее дескрипции извлекаются из словарных статей ЭСБЕ). Система описательных выражений, формирующих стереотип Афанасия Никитина, полностью соответствует характеристикам персонажа, вплоть до географических параллелей: он прибыл из Константинополя и собирается отправиться в Индокитай. С другой стороны, антропоним способствует актуализации прецедентного текста – произведения древнерусской литературы «Хождение за три моря Афанасия Никитина». Концептуальное единство рассказа В. Набокова и «Хождения» проявляется в дихотомии «своего» и «чужого» пространства.

Отношение между двумя референтами, актуализируемыми собственным именем, могут выстраиваться путем сменяющих друг друга уподобления и расподобления их свойств. В рассказе «Terra incognita» один из персонажей обозначается антропонимом *Кук*, с которым в сознании реципиента связывается комплекс стереотипных представлений: 'знаменитый мореплаватель', 'съеденный туземцами', 'жертва'.

Игра на отождествлении/противопоставлении характеристик вымышленного и реального лица лежит в основе референци-

альной истории персонажа. Дескрипция *беглый матрос*, которая сопровождает антропоним *Кук* в инициальном абзаце рассказа, ассоциируется с таким фрагментом стереотипа реального Кука, как 'мореплаватель': *...осталось неясным, – или уже я многое начал забывать, пока мы шли, или, – кто он такой, Кук (быть может, беглый матрос)*. Примечательно, что ввод описательного выражения опосредуется показателем неуверенного знания повествователя (*быть может*), ставящего под сомнение достоверность характеристики героя рассказа. Неопределенность статуса персонажа, провоцирующая невозможность его идентификации, выступает предпосылкой для последующего приписывания ему амбивалентных свойств.

Отождествление персонажа и реального Кука проводится посредством актуализации дескрипций 'съеденный туземцами' и 'жертва': *Кук ... стал клясться, что туземцы увели его насильно и хотели его съесть, – ложь, бадонцы не людоеды*. Оценка повествователем сообщения персонажа как ложного приводит к выводу о том, что персонаж осуществляет неудачную попытку заимствования свойств реального Кука. Мнимая идентификация сменяется резким противопоставлением, построенным на конверсии дескрипций 'съеденный туземцами' – 'каннибал': *«Ну, знаете, это дудки, – ответил Кук (или так мне показалось), – дудки. Предлагаю поживиться его мясом, пока он не высох»*. Адекватное прочтение референциальной истории персонажа, взаимодействующей со стереотипом реального Кука, должно базироваться на учете общей противоречивости универсума рассказа. Взаимопроникновение реального и ирреального миров позволяет рассматривать персонаж как плод воображения повествователя, в котором трансформируются представления, связанные с известным мореплавателем.

Двойная референция антропонима способна привести к эффекту взаимообратимости реального мира и мыслимого мира произведения. Подобный прием реализуется В. Набоковым в рассказе «Василий Шишков». Собственное имя, вынесенное в заглавие произведения, допускает многоуровневую систему соотнесения с обозначаемым ею

референтом. При слабом понимании, опирающемся только на знание языкового кода, составной антропоним *Василий Шишков* должен быть расценен в качестве прозрачного именованного, осуществляющего отсылку к персонажу рассказа.

Второй уровень прочтения собственного имени базируется на привлечении экстралингвистической информации, предоставляющей сведения о реально существовавшем Василии Шишкове – эмигрантском поэте, опубликовавшем ряд стихотворений в конце 30-х гг. Руководствуясь данной информацией, рассказ можно рассматривать в качестве биографического повествования, описывающего фрагмент жизни реально существовавшего поэта.

Заключительный этап идентификации референта, стоящего за антропонимом, приводит к реальному создателю рассказа – В. Набокову. Под псевдонимом *Василий Шишков* Владимир Набоков выпустил в эмигрантской прессе несколько стихотворных произведений. Изданный следом рассказ «Василий Шишков» послужил откликом на недоумение критиков по поводу личности неожиданно появившегося талантливого поэта. В этой связи рассказ можно рассматривать как развернутую самоидентификацию, позволяющую

установить, что за псевдонимом Василий Шишков скрывался сам Набоков.

Собственное имя вовлекает в отношения интеракции персонажа и его реального создателя, отождествлению которых служит фиксируемая в рассказе ядерная часть стереотипа – ‘поэт’: *Меня зовут Василий Шишков. Я поэт.* Взаимодействие референтов антропонима сопровождается взаимопроникновением действительного мира и мыслимого мира текста за счет вторжения фигуры реального автора, стоящей за псевдонимом Василий Шишков. «Такое вторжение самым решительным образом раскрывает повествование в область реальной жизни и радикально трансформирует его статус; мы имеем дело не с преобразованием фрагмента реального мира в возможный мир данного текста, а с неким онтологическим парадоксом: сосуществованием и переслаиванием возможного и реального миров» (Левин 1990, 106).

Одновременная актуализация двух референтов посредством антропонима способствует расширению текстового пространства за счет привлечения языковой и энциклопедической информации. Конструируемая автором антропонимическая парадигма характеризуется открытостью для вхождения дополнительных смыслов.

Литература

1. Кубрякова Е. С. Когнитивные аспекты в исследовании семантики слова // Семантика языковых единиц: доклады VI Международной конференции. – М.: СпортАкадемПресс, 1998. – Т.1. – С. 47–50.
2. Левин Ю. И. Биспациальность как инвариант поэтического мира В. Набокова // *Russian Literature*. – 1990. – Vol. XXVIII. – С. 45–123.
3. МакКормак Э. Когнитивная теория метафоры // *Теория метафоры*. – М.: Прогресс, 1990. – С. 358–386.
4. Мифологический словарь / гл. ред. Е. М. Мелетинский. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 672 с.
5. Набоков В. В. Собрание сочинений: в 4 тт. – М.: Правда, 1990.
6. ССРЛЯ – Словарь современного русского литературного языка: в 17 тт. – М.–Л.: Изд-во АН СССР, 1950–1965.
7. Словарь-справочник энтомолога / сост. Ю. А. Захваткин, В. В. Исаичев. – М.: URSS, 2010. – 334 с.

НАУЧНЫЕ СОБЫТИЯ

- ◆ Международная научная конференция «Настоящее и будущее стилистики»
- ◆ Юбилейное заседание Ялтинского дискурсологического кружка
- ◆ Международная научная конференция «Аксиологические аспекты современных филологических исследований»

**Факультет журналистики
Московского государственного
университета имени М. В. Ломоносова**
Международная научная конференция
«Настоящее и будущее стилистики»
13 – 14 мая 2019 года

**Гуманитарно-педагогическая
академия – филиал Крымского
федерального университета (Ялта)**
Юбилейное заседание
Ялтинского дискурсологического кружка
25 – 27 сентября 2019 года

**Уральский федеральный университет
(Екатеринбург)**
Международная научная конференция
«Аксиологические аспекты современных
филологических исследований»
15 – 17 октября 2019 года

Н. И. Клушина

(Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова)

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ СТИЛИСТИКИ»¹

13–14 мая 2019 г. на факультете журналистики Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова прошла Международная научная конференция «Настоящее и будущее стилистики» Стилистической комиссии Международного комитета славистов, поддержанная грантом РФФИ. Конференция осуществила важную задачу объединения ведущих зарубежных и российских ученых для обмена результатами новейших исследований, проводимых различными научными школами в области славянской стилистики, медиастилистики, интернет-стилистики, функциональной стилистики, стилистики ресурсов, стилистики художественной литературы.

Ключевые слова: стилистика, русский язык, славянские языки, медиастилистика, интернет-стилистика, медиалингвистика, дискурс-анализ, функциональные стили, Международный комитет славистов, Стилистическая комиссия.

Natalia I. Klushina

(Lomonosov Moscow State University)

INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE “PRESENT AND FUTURE OF STYLISTICS”

On May 13-14, 2019, the International Scientific Conference “Present and Future of Style” of the Stylistic Commission of the International Committee of Slavists, supported by a grant from the Russian Federal Property Fund, was held at the Faculty of Journalism of Lomonosov Moscow State University. The conference carried out the important task of combining leading foreign and Russian scientists to exchange the results of the latest research conducted by various scientific schools in the field of Slavic stylistics, media stylistics, Internet stylistics, functional stylistics, resource stylistics, literary stylistics.

Ключевые слова: stylistics, Russian, Slavic, media stylistics, Internet stylistics, media linguistics, discourse analysis, functional styles, International Committee of Slavists, Stylistic Commission.

¹ Проведение конференции было поддержано Российским фондом фундаментальных исследований, проект № 19-012-20025.

Международная научная конференция «Настоящее и будущее стилистики» была проведена под эгидой Стилистической комиссии Международного комитета славистов (ЮНЕСКО) 13–14 мая 2019 г. (Москва, МГУ имени М. В. Ломоносова, факультет журналистики) при финансовой поддержке РФФИ (проект № 19-012-20025). Это была пятая, юбилейная конференция, проводимая на факультете журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, которая продолжила научную разработку важнейших теоретических и прикладных вопросов современной славянской стилистики. Предыдущие конференции проходили в 2010, 2012, 2014, 2016 годах на базе факультета журналистики МГУ.

Конференция была призвана осуществить важную задачу объединения ведущих зарубежных и российских ученых, чтобы обмениваться результатами новейших исследований, проводимых различными научными школами в области славянской стилистики, медиастилистики, интернет-стилистики, функциональной стилистики, стилистики ресурсов, языка и стиля художественной литературы. Эта задача была полностью решена. На площадке конференции в рамках пленарных и секционных докладов, а также круглого стола ведущие ученые-лингвисты из разных стран мира доложили результаты своих научных исследований, обсудили назревшие вопросы для дальнейшей научной дискуссии, выработали магистральные направления совместной работы.

На конференцию было подано 200 заявок. В конференции очное участие приняли 146 ученых, в том числе 28 иностранных ученых, 53 российских и зарубежных ученых прислали стендовые доклады, 1 доклад был представлен в видеоформате. В рамках конференции прошли авторские лекции австрийского профессора Бранко Тошовича, посвященные новой отрасли стилистики – генераторской стилистике, и болгарского профессора Орлина Стефанова, посвященные языку и стилю художественной литературы. География конференции была представлена как российскими вузами и академическими институтами, так и зарубежными. С докладами выступили ведущие ученые, представители стилистических школ и лингви-

стических направлений из Москвы (МГУ имени М. В. Ломоносова, ИРЯ РАН имени В. В. Виноградова, Институт языкознания РАН, РАНХиГС, МГЛУ, РГГУ, Литературный институт имени А. М. Горького и др.), Санкт-Петербурга (СПбГУ, РГПУ имени А. И. Герцена, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого и др.), Саратова, Нижнего Новгорода, Ярославля, Челябинска, Ростова-на-Дону, Волгограда, Екатеринбурга, Ялты, Симферополя и многих других российских научных центров.

Активное участие в работе конференции приняли известные ученые из стран ближнего и дальнего зарубежья: Австрии, Белоруссии, Болгарии, Боснии и Герцеговины, Казахстана, Китая, Македонии, Польши, Сербии, США, Турции, Хорватии, Чехии, Эстонии и др. стран.

Важной задачей конференции являлось вовлечение в научное поле славянской стилистики и лингвистики молодых перспективных исследователей. В конференции приняли активное участие и выступили с докладами молодые докторанты, аспиранты, соискатели и магистры из многих российских вузов, а также из Сербии, Турции, Китая, Казахстана, Польши, Белоруссии и других стран. Молодые исследователи активно участвовали в работе секций, в научных дискуссиях, в обсуждении перспектив развития стилистики. Содержание конференции полностью соответствовало заявленной проблематике: было обсуждено как настоящее, так и будущее стилистики, что нашло отражение в тематике пленарных докладов и в направлениях работы секций.

Было проведено 3 пленарных заседания, 8 секционных заседаний, заседание Стилистической комиссии Международного комитета славистов (ЮНЕСКО) и заседание круглого стола «Дискурсивные и стилистические методы анализа стилей и дискурсов».

Открыла конференцию приветственным словом декан факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, член-корреспондент РАО Е. Л. Вартанова, которая отметила необходимость и значимость такого рода международных мероприятий, поскольку они выполняют важную миссию сохранения и развития уникальной

отечественной школы стилистики, у истоков которой стоял академик В. В. Виноградов и другие известные российские ученые (В. П. Вомперский, М. Н. Кожина, В. Г. Костомаров, Г. Я. Солганик и др.). Она подчеркнула, что конференция призвана не только популяризировать достижения отечественных ученых, но и ознакомить широкую научную общественность с мировым опытом исследований и наметить перспективы прорывных научных направлений в данной области.

Декан факультета журналистики МГУ Е. Л. Варганова продолжила традицию награждения Почетными грамотами за выдающийся вклад в развитие стилистики. На прошлых конференциях Почетными грамотами были награждены академик Польской академии наук Ст. Гайда, профессор австрийского Университета Карла и Франца в Граце Б. Тошович, профессор МГУ имени М. В. Ломоносова Г.Я. Солганик, президент Института русского языка имени А. С. Пушкина В. Г. Костомаров. На этой конференции были награждены профессор Института чешского языка Академии наук Чешской республики Я. Гоффманнова, профессор Белорусского государственного университета В. И. Ивченков, профессор филологического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова М. Н. Володина, основатель Саратовской школы стилистики профессор О. Б. Сиротина, профессор Саратовского националь-

ного исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского М. А. Кормилицына, основатель Екатеринбургской школы стилистики Н. А. Купина, профессор Пермского государственного национального исследовательского университета М. П. Котюрова, профессор Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена И. П. Лысакова, профессор Санкт-Петербургского государственного университета В. И. Коньков. На пленарных заседаниях в докладах известных ученых были сформулированы важные проблемы современной стилистической науки, отмечена ее интеграционная роль в развитии современных лингвистических направлений, институализированы новые области стилистики (интернет-стилистика, медиастилистика, мультимедиа стилистика, генераторская стилистика, дискурсивная стилистика).

Польский академик Ст. Гайда в своем докладе раскрыл идею интеграции в стилистике, понимаемой им как объединение в рамках стилистики современных общенаучных и собственно лингвистических методов для создания «интегративной стилистики», которая таким образом будет обогащена необходимым категориальным аппаратом и получит возможность всесторонне изучать человеческую коммуникацию.

Австрийский профессор Б. Тошович свой пленарный доклад, напротив, посвятил изу-

чению не человеческой, гуманитарной, а RT-коммуникации – коммуникации, создаваемой роботами-генераторами. Эту формирующуюся на наших глазах область стилистики Б. Тошович назвал «генераторской стилистикой». Здесь возникают проблемы, связанные не только с функционированием роботизированного языка и сгенерированных текстов, но и с философскими подходами к стилю, который является проявлением гуманитарной составляющей текстов, и с вопросами будущего развития стилистики в условиях трансформации коммуникативных моделей. Председатель Стилистической комиссии МКС, профессор факультета журналистики МГУ Н. И. Клушина в своем докладе рассказала об истории формирования Стилистической комиссии в 2013 г. на XV Конгрессе славистов в Минске (Белоруссия), о ее деятельности на протяжении первого срока ее аффилиации с МКС и продлении на следующий пятилетний срок на XVI съезде славистов в Белграде (Сербия) в 2018 г. Были раскрыты современные концепции стилистики (медиастиликa, интернет-стиликa, мультимедиальная стилистикa, интеракционная стилистикa и др.) и сформулированы задачи работы Стилистической комиссии на ближайшие 5 лет.

Основные идеи пленарных докладов были сгруппированы вокруг дискуссионных вопросов современного состояния стилистики. В первую очередь это наметившийся сегодня именно в российском научном поле пересмотр классической схемы функциональных стилей и расширение ее за счет включения религиозного стиля, рекламного, политического и др. К примеру, в чешской стилистике, развивающей идеи Пражского лингвистического кружка, такого реформирования функциональной стилистики не наблюдается (доклады В. П. Москвина, Е. А. Баженовой, Я. Гоффманновой и др.).

Другая острая проблема, поднятая в пленарных докладах, – это соотношение стилистики и риторики, их дифференциация, с одной стороны, но и интеграция – с другой, особенно в области стилистики ресурсов, которая использует достижения античной риторики (тропы и фигуры) применительно к задачам стилистики (выбор наиболее

уместных и выразительных средств из предоставленных риторикой «каталогов») (доклады И. П. Лысаковой, Г. Г. Хазагерова, Е. Ф. Кирова, Н.Н. Васильковой и др.).

Перспективными с точки зрения будущих исследований стали темы, затрагивающие культуроспецифические аспекты стилистики. Так, стилистические особенности, например, жанра научной рецензии в английской национальной традиции и в российской имеют существенные различия. Различаются не только жанры, но и подходы к изучению стиля массмедиа с позиций немецких, английских и отечественных исследований (доклады Т. В. Лариной, Т. Г. Доброклонской, М. Н. Володиной и др.).

Новым направлением, пока еще недостаточно оцененным с точки зрения стилистики, являются корпусные исследования (доклады В. Е. Чернявской, Е. Г. Борисовой, Л. Л. Шестаковой и др.). Эти исследования важны как для лексической стилистики, так и для стилистики текстов, поскольку позволяют делать важные наблюдения не на случайной выборке, а на относительно полном массиве текстов, с учетом современных технологий big data и др. Интернет-стиликa сегодня наиболее активно развивающаяся область стилистики. Поэтому именно с ней связываются перспективные направления, такие, как словотворчество в интернет-среде, речевая система Рунета, коммуникативная игра и т. п. (доклады М. В. Ивановой, Л. В. Рацибурской, Т. А. Воронцовой и др.).

Тематика секций конференции полностью соответствовала выявленным на сегодняшний день болевым точкам теории стилистики.

В секции 1 «Функциональная стилистика и перспективы ее развития» разгорелась плодотворная дискуссия о статусе религиозного стиля в современной системе функциональных стилей. В работе этой секции активное участие приняли члены комиссии религиозного языка и члены Стилистической комиссии Международного комитета славистов А. Гадомский (Польша), М. Макуховска (Польша), Л. Макариоска (Македония) а также проф. Ван Цзясин (Китай) и др. исследователи функциональной стилистики. Если возможность модификации функцио-

нальной системы в сторону ее расширения за счет религиозного стиля не вызывает особых возражений, особенно со стороны представителей комиссии религиозного языка МКС, то включение в систему рекламного (маркетингового) или политического стиля, наоборот, вызывает серьезные и острые споры. Дискуссию о трансформации функциональной системы решено было продолжить в рамках работы Стилистической комиссии и предложить научной общественности выводы о развитии функциональной стилистики в современных условиях.

На секции 2 «Медиастилистика» были обсуждены важнейшие теоретические и прикладные вопросы данного нового направления в развитии стилистики. Актуальными для медиастилистики стали аспекты, связанные с политической лингвистикой, поскольку политика является центральной темой как электронных, так и печатных СМИ. В этом русле обсуждались доклады о языковой политике в медиадискурсе, о политическом медиавоздействии и его стилистических параметрах, о концепте «война» и его лингвистических компонентах, возможности политической коммуникации онлайн и офлайн, региональной идентичности и т.п. В новых экстралингвистических условиях меняются и жанровые каноны, чему были посвящены выступления о жанрах новости, интервью, телевизионных титрах, нарративах. Интерес вызвали доклады о медиатизации культуры в современном медиадискурсе и источниках прецедентности в СМИ. Работа данной секции убедительно показала научную состоятельность и актуальность новой области общей стилистики – медиастилистики.

Секция 3 «Интернет-стилистика» была посвящена бурно развивающейся новой области стилистики – интернет-стиликтике, которая изучает национальный язык и функциональные стили литературного языка в киберпространстве. В рамках секции были рассмотрены грамматический строй и стилистические особенности интернет-языка, формирование новых жанров в интернет-коммуникации, таких, как интернет-комментарий, пародия, интернет-блог и др., а также их стилистические особенности. Особое внимание было уделено новым вызовам в интернет-коммуникации, связанным с важнейшими социальными проблемами достоверности информации (феномен фейк-ньюс), агрессивными коммуникативными стратегиями (троллинг, кибербуллинг, «язык ненависти») и др., которые соприкасаются с актуальными проблемами лингвоэкологии и лингвобезопасности в интернете.

Секция 4 «Дискурсивная стилистика» отразила интеграционные процессы в современной стилистике – применение дискурсивных методов в стилистическом анализе текстов. Дискурс и стиль после известной дискуссии, инициированной Стилистической комиссией МКС в 2014 г., воспринимаются не как синонимичные категории, а как комплементарные, дискурсивные средства анализа органично дополняют стилистический категориальный аппарат. Такой подход позволил выйти за рамки традиционной стилистики текста и изучать аспекты коммуникации в целом – визуальной, мультимедиаальной и т. п., а также разные типы дискурсов: медиадискурс, политический дискурс, деловой дискурс, спортивный телевизионный дискурс и т.п., не инкорпорированных в систему функциональных стилей языка.

В секции 5 «Прагмастилистика» были обсуждены прагматические эффекты коммуникации, напрямую связанные с интенциональным выбором адресантом лингвистических средств для воздействия на адресата сообщения. Рассматривались прагматические свойства лингвокультурных концептов, прагмастилистические парадигмы репрезентации медиаобразов, прагматические эффекты в формировании информационной картины мира, обсуждались ак-

туальные вопросы лингвоконструирования брендов, а также другие важные проблемы.

На секции 6 «Стилистика художественной речи» интерес ученых фокусировался в основном на идиостилистике, что отражает тесную «материнскую» связь стилистики с теорией литературы, литературоведением, поэтикой. По-прежнему актуальны с точки зрения стилистики произведения русских и зарубежных писателей и поэтов. В докладах прозвучали и перспективные подходы к изучению стиля через категории музыкальности, подлинности, тональности и др.

Секция 7 «Стилистика и риторика: интеграция vs дифференциация» была посвящена «конвергентности» риторических и стилистических приемов и традиций в анализе современных текстов. В докладах рассматривались вербальные стилистико-риторические средства и приемы, а также визуальные и паралингвистические средства, сопровождающие вербальную коммуникацию и имеющие ярко выраженный риторический заряд. Обсуждение касалось риторико-стилистических проявлений персонального имиджа, языка тела (рукопожатие), языковой игры и т. п. Можно сделать выводы о том, что современная стилистика органично включила в себя риторические тропы и фигуры в качестве стилистики ресурсов, дополнив их стилистическим осмыслением в русле интегративной стилистики.

В секции 8 «Прикладные и методические вопросы стилистики» доклады были посвящены практическому внедрению в вузовские программы российских и зарубежных университетов теоретических идей современной стилистики. Особый интерес был проявлен к лексикографической практике и отражению в словарях стилистических помет, связанных с повышением или понижением стилистического статуса лексем. Участники обменялись ценным методическим опытом в сфере преподавания стилистики в школах. Было уделено особое внимание популяризации стилистики через научно-образовательные порталы.

В рамках конференции прошло заседание круглого стола «Дискурсивные и стилистические методы анализа стилей и дискурса» под руководством председателя ко-

миссии по лингвистике дискурса при МКС И. Ф. Ухвановой-Шмыговой и председателя Ялтинского дискурсологического кружка Л. Н. Синельниковой. Были обсуждены основные дискурсивные и стилистические методы анализа. В обсуждении последовательно разграничивались дискурс и стиль, дискурсология и стилистика, отмечались интегративные подходы, при которых стилистика и дискурсология позволяют наиболее полно описать изучаемые феномены. Были намечены дальнейшие пути сотрудничества.

В рамках конференции прошло заседание Стилистической комиссии Международного комитета славистов (соруководители – С. Гайда (Польша), Б. Тошович (Австрия), Н. И. Клушина (Россия)). На заседании решены организационные вопросы, вопросы членства в комиссии. Также были сформулированы основные научные направления современной стилистики для совместного их исследования.

По итогам конференции издан сборник научных статей «Настоящее и будущее стилистики» (Флинта, 2019 г.). Обсуждено и принято решение о дальнейших направлениях деятельности Стилистической комиссии Международного комитета славистов.

Были обсуждены и выработаны важнейшие направления для дальнейшего развития теории общей стилистики и ее новых областей. Будущее развитие современной стилистики как фундаментальной отрасли гуманитарного знания тесно связано с ее интегративным потенциалом. Стилистика смогла «адаптировать» под свои нужды риторические средства языка, что составило суть стилистики ресурсов. Взаимодействие

стилистики и риторики сегодня понимается как актуальная задача, поскольку стилистика расширяет горизонты своих исследований от стилистики текста до стилистики различных типов коммуникации, как вербальной, так и невербальной. На этом этапе в стилистическом анализе важно учитывать риторическую составляющую, сопровождающую коммуникацию в целом.

Еще одной актуальной задачей развития стилистического учения является интеграция в ее категориальный аппарат необходимых понятий дискурсологии и некоторых методик дискурс-анализа. На стыке стилистики и дискурсологии уже сформировалась дискурсивная стилистика, которая исследует различные типы дискурсов традиционными и новаторскими стилистическими методами. Дискурсивная стилистика имеет широкие перспективы, поскольку, в отличие от функциональной стилистики, таксономия дискурсов не ограничена и трудно исчислима.

Самостоятельной научной дискуссии заслуживает современное состояние классической функциональной стилистики, которая трансформируется, без учета важнейших научных принципов, положенных в свое время в основу системы функциональных стилей.

На форуме было принято решение организовать международную научную дискуссию о системе функциональных стилей в современных славянских и неславянских языках. На конференции впервые прозвучали идеи разграничения медиалингвистики и медиастилистики как пересекающихся, но не тождественных новых научных областей, созданных благодаря медийному повороту в современной лингвистике. Эти идеи требуют дальнейшего обсуждения и систематизации. В рамках конференции были институализированы такие новейшие направления стилистики, как интернет-стилистика, мультимедиа-стилистика, генераторская стилистика. Эти направления целесообразно изучать на примерах различных лингвокультур и методами интегративной стилистики.

Участники форума особо отмечают важность подобного рода мероприятий, способствующих развитию фундаментальных гуманитарных дисциплин и координации отечественных и зарубежных научных стилистических школ для выработки новых теоретических концепций и обсуждения методологических принципов проводимых совместных исследований.

Фото Г. Никанорова

Л. Н. Синельникова
(Гуманитарно-педагогическая академия, Ялта)

ЮБИЛЕЙНОЕ ЗАСЕДАНИЕ ЯЛТИНСКОГО ДИСКУРСОЛОГИЧЕСКОГО КРУЖКА

25–27 сентября 2019 г. в Гуманитарно-педагогической академии – филиале Крымского федерального университета – состоялось юбилейное заседание Ялтинского дискурсологического кружка, организованного в 2014 г. На заседании обсуждались актуальные проблемы современной дискурсологии и перспективы ее развития, связанные с описанием когнитивно-дискурсивных срезов, в которых происходят процессы реального речепроизводства.

Ключевые слова: конференция, дискурсология, медиастилистика, поствремя, поэтический дискурс, фронтир, дискурсологическая терминосистема.

Lara N. Sinelnikova
(Academy of the Humanities and Pedagogics, Yalta)

ANNIVERSARY MEETING OF THE YALTA DISCOURSOLOGICAL CIRCLE

On September 25–27, 2019, the Humanitarian and Pedagogical Academy, a branch of the Crimean Federal University, hosted the anniversary meeting of the Yalta Discoursological Circle, organized in 2014. The meeting discussed current problems of modern discoursology and the prospects for its development related to the description of cognitive-discursive sections, in which the processes of real speech producing take place.

Key words: conference, discoursology, media stylistics, post-time, poetic discourse, frontier, discourse terminology system.

25–27 сентября текущего года в Гуманитарно-педагогической академии – филиале Крымского федерального университета – состоялось юбилейное заседание Ялтинского дискурсологического кружка (далее – ЯДК), организованного пять лет назад. Решение о создании такого кружка было принято на 1-й ялтинской конференции «Дискурсология: возможности интерпретации гуманитарного знания» в 2015 г. Сложилась группа единомышленников не по принципу безоговорочного согласия со всем, а по желанию продолжить начатое и реализовать *возможности интерпретации* в области гуманитарных наук (прежде всего – в области стилистики, теории текста и в практике его анализа) через включение широкого круга проблем в динамичное и открытое пространство дискурсологии. Знаком одобрения научной общественностью концепции ЯДК есть все основания считать предоставление руководителю проекта, профессору Л. Н. Синельниковой, возможности провести заседание ЯДК в составе четвертой международной научной конференции «Стилистика сегодня и завтра», организованной кафедрой стилистики русского языка и Стилистической комиссией международного комитета славистов в МГУ имени М. В. Ломоносова (28–30 апреля 2016 г.). В опубликованных материалах этой конференции есть статья «Ялтинский дискурсологический кружок как осознанная необходимость». Осознанность и необходимость учредители ЯДК (в числе которых кафедра стилистики русского языка факультета журналистики МГУ) подтверждали на всех конференциях. Ялтинский дискурсологический кружок объединил исследователей, ориентированных на продуктивный диалог между представителями разных дисциплинарных направлений, – филологов, политологов, культурологов, специалистов по связям с общественностью, оценивающих дискуртологию как целостное и перспективное в своем движении гуманитарное знание.

Юбилей – культурно-социальный феномен, это всегда событие, которое повышает ценностно-смысловой ранг достигнутых результатов и планируемых на их фоне действий. Название юбилейного мероприятия

«Ялтинский дискурсологический кружок: консеквенции и перспективы» соответствует такому пониманию, и это получило подтверждение как в программе пленарной сессии, так и в содержании методологического семинара «5 + программных модулей дискурсологии».

На пленарной сессии прозвучали доклады, содержание которых инициировало дискуссию и на секционных заседаниях: «Ялтинский дискурсологический кружок. Результаты и перспективы совместной деятельности» (Л. Н. Синельникова), «Дискурсивная глубина медиапространства: текст – отзыв – комментарий» (Е. Н. Басовская), «Типы дискурса и картины мира: лексикографический аспект» (Е. Г. Борисова), «Шеф-повар ресторана: лингвокультурный / коммуникативный типаж, лингвoseмиотический феномен и дискурсивно-компетентная личность» (А. В. Олянич), «Постпублицистика как маркер эпохи постправды» (М. В. Иванова), «Перифразирование как маркер саморефлексии говорящего» (К. М. Шилихина), «Поэзия – дискурс или социолект?» (О. И. Северская).

Программа включенного в юбилейное заседание методологического семинара основывалась на тезисе: дискурс – многомодульный феномен, и формула «5+ модулей дискурсологии» дала возможность подтвердить этот факт: цифра 5 ориентирует на актуальные проблемы современной дискурсологии, **плюс** – символизирует незавершенность и открытость проблемного пространства дискурсологии. Концептуализацию модулей обеспечивали эксперты: Н. И. Клушина, О. И. Северская, Е. Н. Басовская, Л. В. Ухова.

Замена традиционного «модераторы» на непривычное «эксперты» объясняется желанием сфокусировать проблему, провести ее идентификацию с позиций знания, достигнутого сообществом дискурсологов, и понимания, обеспеченного личным опытом исследователя. Эксперты – специалисты в области филологии (прежде всего – лингвистики, «расширенной» в сторону междисциплинарных контактов), авторы книг и статей, опубликованных в рейтинговых научных отечественных и зарубежных журналах, разработчики собственных методик интерпретации социокультурного материала.

Модуль 1. «Медиалингвистика, медиастилистика, медиадискурсология» (эксперт – Н. И. Клушина). Эта триада концентрирует множество сложных проблем, связанных с разным пониманием содержания каждой из названных областей формирующегося знания.

Соотношение стиля и дискурса – предмет непрекращающихся споров. В резюме Н. И. Клушина подчеркнула, что дискурс и стиль не исключают, а пронизывают друг друга, и в этом взаимопроникновении кроется гармония методов исследования. Две теоретические концепции изучения текста – стилистическая и дискурсивная – имеют общий предмет исследования (текст) и общий вектор его изучения – коммуникативный, но разные методы анализа и разный терминологический аппарат.

Медиатекст рассматривался с разных сторон: орфоэпической (доклад С. Ф. Барышевой), лингвокогнитивного моделирования (доклад О. И. Нееловой), мультимодальности (доклады С. С. Дикаревой, Н. В. Соколовой), специфики представленности в интернете (доклады Ю. П. Денисова, С. А. Шумилиной). Обсуждался стендовый

доклад Е. А. Кожемякина «Дискурс-анализ в цифровую эпоху: расширение возможностей», и тезис «Новые технологии – новые типы дискурсов» получил поддержку.

Модуль 2. «Эпоха поствремени, ее отражение в современных дискурсах и дискурсивных практиках (эксперты – Е. Н. Басовская и Л. В. Ухова). Приставка *post-* в когнитивном отношении является носителем значения: исчерпанность времени и форм. В дискурсологии *post-* (постэпоха, постправда, постформы, постжанры, постграмотность) ориентирует на проявление дихотомии «правда / ложь», текстовые манифестации которой многообразны: косвенное говорение, эвфемизация, интердискурсивность, продуцирование манипулятивных технологий и многое другое. Докладчики, основываясь на большом эмпирическом материале, подтвердили, что названные признаки проявляются во множестве дискурсов и дискурсивных практик, прежде всего – в политических, рекламных текстах и в интернет-коммуникациях.

Манипулятивный механизм политического дискурса диктует способ подачи информации в нужном адресанту ключе, определяет стратегии и тактики политиков (доклады А. Г. Пастухова, А. Н. Потсар), формирует свойства информационно-психологической войны (доклад С. Л. Кушнерук и М. А. Курочкиной), диктует выбор стилистических и риторических фигур (доклады Н. Н. Васильковой, И. А. Соболевой), проявляется в движении от интенции к рецептивной вариативности (доклад А. В. Люликовой).

Метасемантика *post-* в рекламном дискурсе проявляет себя по-разному: в виде социокультурных кодов, поддерживающих или трансформирующих традиции (доклад Е. В. Гнездиловой), знаков, фиксирующих институциональность и выходящих за ее пределы (доклад Д. Г. Куреновой), межсемiotической игры (доклад Б. Г. Солдатовой и Н. В. Солдатовой).

В эпоху постграмотности меняется представление о формах работы с обучающимися в сторону открытости социокультурного пространства (доклады Э. К. Аметовой, Н. В. Аниськиной, Ю. В. Козиной, Н. А. Лобачевой).

Эксперт Е. Н. Басовская обратила внимание на тенденцию к размыванию жанровых границ и трансформацию жанров СМИ в постжанры медиа.

В обобщающем резюме эксперт Л. В. Ухова подчеркнула, что троллинг становится как неотъемлемой частью современного дискурса СМИ в целом, так и свойством рекламного дискурса: все чаще на смену объективной, достоверной информации приходит искаженный факт, упакованный по желанию заказчика.

Модуль 3 «Поэтический дискурс: схождение проблем институализации» (эксперт – О. И. Северская). Поэтический дискурс пока не получил полноценного описания в системе институциональных дискурсов. Участники модуля проявили внимание к художественному дискурсу в целом – как к стихотворным текстам (доклады Н. Г. Петровой, О. В. Томберг), так и к прозаическим произведениям (доклады А. И. Матвиенко, Д. С. Тыщук). Характерный для многих выступлений методологический синтез был проявлен в докладе искусствоведа Л. К. Лукичевой «Мимесис в изобразительном искусстве как дискурсивная практика». Открытием стал вывод о том, что именно мимесис создает дискурсивный ряд, сближающий поэзию и изобразительное искусство.

Установка на методологический синтез была поддержана экспертами. О. И. Северская назвала признаки социально-поэтического дискурса, которые проявляются в манифестирующих его текстах через совмещение я-социального, я-публицистического и я-лирического. И. И. Чумак-Жунь в стендовом докладе обозначила свое понимание интердискурсивности как взаимодействия институционального и персонального дискурсов (например, поэтического и политического), сопряжение которых продуцирует новые дискурсивные смыслы.

Модуль 4 «Дискурс как территория фронта» (эксперт – Л. Н. Синельникова). Адаптации теории фронта к проблемам дискурсологии и стилистики способствуют такие его характеристики: фронт – граница, разделяющая старое и новое и в то же время создающая контактную зону (зону взаимодействия), которая определяется как зона пересечения, незаконченности и неопределенности, постепенно ведущая к интеграции. Именно через анализ «территории фронта» можно выработать объективный инструментарий для понимания движения к новой норме. Фронтальный подход к норме позволяет увидеть в данных мониторинга не только фиксацию ее нарушений, но и тенденции к эволюции нормы – речевой, стилистической, жанровой, этикетной и т. д.

В трех докладах тема фронта была заявлена эксплицитно: «Крымский фронт в дискурсе травелога» (Л. В. Бондаренко), *«Американский и русский литературный фронт»* (С. С. Царегородцева), «Региональная литература в условиях белорусско-украинского пограничья» (М. П. Жигалова). В двух – усматривается *имплицитный фронт как результат межкультурного взаимодействия*: «Переводческий дискурс: русско-греческие формулы речевого этикета» (Г. Ю. Богданович), «Лингвосомиотика дискурсивного пространства адыгейской глоттонической коммуникации» (А. В. Олянич, Ю. Ю. Хут).

Модуль 5. «Дискурсологическая терминосистема: преодоление несогласованности». Неудовлетворенность терминологической размытостью, многозначностью терминов и субъективным толкованием высказывали все участники.

Два стендовых доклада: «Дискурс и дискурс-анализ: в поиске терминологической определенности» (И. Ф. Уханова) и «Ингрессия концепта и его дискурсивная верификация» (Ж. Б. Селиверстова) – стимулировали дискуссию, которая организовывалась по таким темам: *возможности соблюдения в научном пространстве дискурсологии требования однозначности термина; оправданность терминологических новообразований метафорического характера; возможности и условия достижения дефинитивного уровня в дискурсологическом словаре и нек. др.*

Самостоятельность названных программных модулей относительна: каждый из них связан со всеми остальными.

На конференции состоялась презентация новых публикаций членов Ялтинского дискурсологического кружка: Н. И. Клушина, А. В. Николаева. Стилистика интернет-текста (М.: Эдитус, 2019. 176 с.), О. И. Северская, Л. В. Селезнева. Эффективная бизнес-коммуникация: «волшебные таблетки» для деловых людей (М.: Эксмо, 2019. 406 с.), Л. Н. Синельникова. Стихотворный текст: междисциплинарная интерпретация (М.: Инфра-М, 2019. 267 с.), С. С. Царегородцева. Роман Г. Д. Гребенщикова «Чураевы» в социокультурном контексте (М.: Инфра-М, 2019. 127 с.), Г. Ю. Богданович, И. Г. Балашова, И. А. Георгиадзе, Н. А. Екрасиди, Т. Ю. Новикова. Речевой этикет: русско-греческие соответствия (Белгород: КОНСТАНТА, 2019. 136 с.).

В науке значима сама постановка вопроса и целенаправленная познавательная деятельность в поиске ответов как потребность исследователей. Отслеживание насущных гуманитарных проблем, определение перспектив развития дискурсологии, описание когнитивно-дискурсивных срезов, в которых происходят процессы реального рече-производства, – таковы планы участников Ялтинского дискурсологического кружка.

Опубликованный и размещенный в РИНЦ «Сборник тезисов Юбилейного заседания Ялтинского дискурсологического кружка (2015–2019)» даст возможность более обстоятельного знакомства с содержанием докладов.

Т. В. Ицкович
(Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург)

**МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
«АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННЫХ
ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ»¹**

15–17 октября 2019 г. в Уральском федеральном университете состоялась Международная научная конференция «Аксиологические аспекты современных филологических исследований», поддержанная грантом РФФИ 19-012-20034/19. Проблематика конференции отражает актуальное направление филологической аксиологии – активно развивающегося направления современного гуманитарного знания. Участники конференции обсудили более 120 докладов в рамках двух пленарных заседаний и восьми секций.

Ключевые слова: конференция, филология, аксиология, лингвоаксиология, дискурс, жанр, базовые ценности национальной культуры.

Tatiana V. Itskovich
(Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin)

**INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE
“AXIOLOGICAL ASPECTS
OF MODERN PHILOLOGICAL RESEARCH”**

On October 15–17, 2019, the Ural Federal University hosted the International Scientific Conference “Axiological Aspects of Modern Philological Research”, supported by a grant from the Russian Foundation for Basic Research 19-012-20034 / 19. Conference topics reflect the current direction of philological axiology – an actively developing area of modern humanitarian knowledge. Conference participants discussed more than 120 reports in two plenary sessions and eight sections.

Key words: conference, philology, axiology, linguoaxiology, discourse, genre, basic values of national culture.

¹ Проведение конференции было поддержано Российским фондом фундаментальных исследований, проект № 19-012-20034/19.

15–17 октября 2019 г. в Екатеринбурге на базе Уральского Федерального университета прошла международная научная конференция «Аксиологические аспекты современных филологических исследований». Проект разработан сотрудниками кафедры русского языка, общего языкознания, речевой коммуникации (сектор речевой коммуникации). В конференции приняли участие как известные ученые, так и начинающие исследователи из разных научных центров России, Европы, Азии, их доклады отражают проблематику активно развивающейся аксиологической филологии. Тезисы докладов и сообщений опубликованы: Аксиологические аспекты современных филологических исследований: тез. докл. Междунар. науч. конф. (УрФУ, 15–17 октября 2019 г.) / отв. ред. Н. А. Купина. – Екатеринбург: Издательский дом «Ажур», 2019. – 334 с.

В рамках конференции прошло заседание Стилистической комиссии Международного комитета славистов. Заседание возглавили Почетный председатель Стилистической комиссии Международного комитета славистов, академик Польской академии наук Ст. Гайда и председатель Стилистической комиссии МКС, профессор факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова Н. И. Клушина.

Непосредственно в конференции приняло участие 138 человек, в сборник тезисов вошли публикации 178 авторов. Всего было заслушано 26 пленарных докладов и 97 сек-

ционных. Также была организована работа 8 секций. Молодые ученые (аспиранты, магистранты, студенты) выступили с сообщениями на секции «Молодые голоса».

В пленарных докладах были систематизированы идеи и методы аксиологической филологии (Ст. Гайда), отражены междисциплинарные связи (Цэвээний М.), развитие аксиологической теории оценки (Е. Р. Иоанесян, Н. Б. Мечковская), изложены концепции системной аксиологической интерпретации языка, текста (Л. П. Быков, Н. А. Купина, В. А. Мишланов, В. А. Салимовский, Л. С. Соболева), речевой коммуникации (Е. А. Баженова, Р. Ратмайр, Н. И. Клушина, М. А. Кронгауз, О. А. Прохватилова), вербализованных базовых ценностей национальной культуры в их динамике (Е. Л. Березович, А. Д. Шмелев, И. Б. Левонтина, Т. В. Шмелева). Специально исследованы аксиологические проблемы современной русской лексикографии (Л. В. Зубова, Г. Н. Складарская, В. Д. Черняк).

На секции «Теоретические и методологические проблемы лингвоаксиологии» для обсуждения были выдвинуты проблемы лингвоаксиологии как междисциплинарной отрасли гуманитарного знания (Л. Ю. Мирзоева, А. Н. Еремин). Сформулированы задачи лингвоаксиологических исследований, связанные с выявлением и функционально направленной интерпретацией персональных, групповых, общенациональных ценностей, с особенностями их освоения и тиражирования (О. В. Казаченко, А. В. Шуталева). Специальный предмет анализа – ценностные доминанты в языке советской эпохи и постсоветского времени, вопросы преемственности и изменения ценностных предпочтений и оценок, а также используемые в деструктивных целях механизмы манипулирования коллективным аксиологическим выбором (Ю. А. Сафонова, Л. А. Попова, О. А. Михайлова).

Целый ряд исследователей посвятили свои доклады характеристике ценностных составляющих дискурсов различных типов. В поле зрения ученых – дискурсы политический (И. Т. Вепрева), дипломатический (О. В. Ковальчук), научный (Ю. Н. Михайлова), религиозный (С. Г. Шулежкова, И. В. Шалина, Т. В. Ицкович), массмедийный

(С. В. Ильясова, Т. А. Глебович, Ю. Д. Кравченко), рекламный (Л. П. Амири, Д. О. Ремянникова), PR-дискурс (Л. В. Селезнева), туристский (Е. Ю. Скрябина), интернет-дискурс (И. А. Бубнова, Е. В. Каллистратидис), педагогический (Н. А. Юшкова, Ю. Б. Феденева), дискурс повседневности (Е. Н. Геккина, Ю. Б. Пикулева).

Отдельная секция изучала вопросы репродукции аксиологической реальности в поэзии, прозе (Т. А. Кошемчук, Т. А. Снигирева, А. В. Подчиненов, А. А. Злобин), в драматургических (Л. С. Кислова), мемуарных текстах (Е. Е. Приказчикова). Духовное измерение русской классики (Н. В. Пращерук, Е. Н. Эртнер) и современных художественных текстов (О. Н. Турышева, Е. И. Голованова) осуществляется, по мнению ученых, как с позиции автора, так и с позиции читателя, в том числе инофона. Также были реализованы опыты филологического анализа приемов аксиологического осмысления действительности автором художественного произведения.

На конференции рассматривались проблемы сопоставительной аксиологической филологии. Аксиологические параллели установлены в анализируемых текстах русской и монгольской, русской и индийской художественной литературы (М. Цвэний, Н. Сурьянараян), русской и персидской поэзии и прозы (М. Яхъяпур). На фоне особенностей исламского восприятия дьявола была предложена трактовка «гностической личности» булгаковского Воланда (Дж. Карими-Моттахар). В ряде докладов разрабатываются аксиологические аспекты перевода (Л. В. Кушникова, Е. В. Шелестюк, Д. Е. Эртнер, А. И. Криворучко). Специально анализируются формирование ценностных установок мигрантов в русскоязычной среде (Н. Л. Смирнова, Т. В. Куприна) и современное состояние казахско-русского билингвизма.

Особое внимание было уделено характеристике ценностных доминант жанров художественных (А. В. Кубасов) и научно-популярных текстов (И. Е. Ким, Д. В. Ильина), жанровых разновидностей репортажа (В. А. Амиров) и мемуаров (Н. Б. Лебедева). Исследуется аксиологическое содержание дневников, семейной ссоры, отдельных се-

тевых жанров (Т. Г. Рабенко, Н. В. Гладкая, С. Ю. Данилов).

Ряд исследователей на материале языкового существования в контексте реального пространства и времени осуществляли интерпретацию базовых ценностей русской культуры. В докладах были описаны зафиксированные в разных сферах речевой коммуникации способы грамматической, лексической, образной репрезентации ключевых ценностных смыслов (О. А. Теуш). Отражена эвристичность аксиологического осмысления заимствований (Е. Я. Шмелева).

Отдельно стоит отметить успешную работу Круглого стола молодых ученых – студентов, магистрантов, аспирантов, разрабатывающих проблемы аксиологической филологии на материале русского, китайского, вьетнамского языков. В докладах были проанализированы художественные, публицистические (Ц. Чэн), религиозные тексты (А. И. Келер), выявлены аксиологические доминанты русской афористики и современной эртонимии, речевой коммуникации в ситуациях повседневности. Специальные исследования посвящены моделированию образа Вьетнама (Уонг Минь Туан, Дао Динь Тхао) и репрезентации ценностей и антиценностей китайской экономики в текстах российских СМИ (Чэн Юйсяо).

Подводя итоги конференции, участники конструктивных высказываний пришли к следующему выводу: авторами докладов и сообщений накоплен и систематизирован репрезентативный материал, позволяющий перейти к этапу глобальных – прежде всего лингвоаксиологических – обобщений.

СТИЛИСТИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО КОМИТЕТА СЛАВИСТОВ

- ◆ Отчет о деятельности
Стилистической комиссии за 2019 г.

СОСТАВ СТИЛИСТИЧЕСКОЙ КОМИССИИ МЕЖДУНАРОДНОГО КОМИТЕТА СЛАВИСТОВ 2019

Почетный председатель: Станислав Гайда (Польша)
Председатель: Наталья Клушина (Россия)
Научные консультанты: Бранко Тошович (Австрия),
Александр Киклевич (Польша)
Ученый секретарь: Лариса Касперова (Россия)
Координатор: Мария Васильченко (Россия)

Австрия

Арно Вониш

Беларусь

Виктор Ивченков

Болгария

Владимир Стоев Хънтов

Босния и Герцеговина

Перина Меич

Амела Шехович

Босния и Герцеговина, Республика Сербская

Даниэл Дойчинович

Горан Милашин

Иран

Джанолах Карими-Мотаххар

Марзие Яхьяпур

Китай

Ван Цзясин

Македония

Александра Гуркова

Лидия Тантуровска

Польша

Мария Войтак

Дорота Бжозовска

Александр Гадомский

Ивона Леве

Мажена Макуховска

Эва Малиновска

Йоланта Ноцонь

Марек Пененжек

Россия

Елена Баженова

Светлана Барышева

Евгения Басовская

Татьяна Ицкович

Наталья Ковалева

Владимир Коньков

Наталья Купина

Анастасия Николаева

Ольга Северская

Лариса Селезнева

Надежда Смирнова

Татьяна Сурикова

Валерия Чернявская

Сербия

Ненад Крцич

Страхиня Степанов

Словакия

Алена Богуницка

Ольга Оргонева

Украина

Татьяна Кузнецова

Лариса Шевченко

Хорватия

Тин Лемац

Диана Столац

Чехия

Яна Гоффманнова

Петр Мареш

ВІТАЄМО З ЮБІЛЕЄМ!

Поздравляем с юбилеем видного украинского ученого – члена-корреспондента НАН Украины Ларису Ивановну Шевченко, доктора филологических наук, профессора, заведующего кафедрой стилистики и речевой коммуникации Института филологии Киевского национального университета имени Т. Г. Шевченко, заместителя председателя Украинского комитета славистов и члена Стилистической комиссии МКС. Мы знаем Ларису Ивановну как активного деятеля по продвижению идей украинской стилистики и популяризации украинского языка в славянском мире. Доклад профессора на Международном конгрессе в Белграде в 2018 году пробудил неподдельный интерес аудитории к проблеме интертекста культуры и стал одним из наиболее обсуждаемых докладов в научном сообществе.

Будьте щасливі, дорога Лариса Іванівна!

ПОЗДРАВЛЯЕМ С ЮБИЛЕЕМ!

Осенью 2019 года знаменательный юбилей отметил ведущий российский ученый **Александр Петрович Сквородников** – доктор филологических наук, профессор кафедры общего языкознания и риторики Сибирского федерального университета, советник ректора СФУ, основатель Красноярской риторической школы, воспитавший несколько поколений своих учеников, лучшие из которых стали его последователями и работают рядом со своим учителем. Александр Петрович – создатель и вдохновитель научного направления по изучению эффективной речи, автор более 200 научных публикаций.

А в начале 2020 года круглая дата у Заслуженного деятеля науки РФ **Виталия Григорьевича Костомарова** – доктора филологических наук, профессора, в 90-е годы возглавлявшего Академию педагогических наук, долгое время руководившего МАПРЯЛ. Виталий Григорьевич стоял у истоков создания Государственного института русского языка имени А. С. Пушкина и в дальнейшем возглавил эту организацию. Широкую известность получили его труды «Языковой вкус эпохи», «Жизнь языка», «Русский язык среди других языков мира», «Русский язык на газетной полосе» и многие другие. Всем филологам также хорошо известен журнал «Русская речь», которым Виталий Григорьевич руководил в должности главного редактора более 20 лет.

Весь состав Стилистической комиссии желает юбилярам крепкого здоровья и новых научных успехов!

ОТЧЕТ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТИЛИСТИЧЕСКОЙ КОМИССИИ МЕЖДУНАРОДНОГО КОМИТЕТА СЛАВИСТОВ ЗА 2019 ГОД

IV Международная научно-практическая конференция «Слово в контексте времени» (Минск, Беларусь)

Первое заседание Стилистической комиссии в 2019 г. прошло в рамках IV Международной научно-практической конференции «Слово в контексте времени» («Слова ў кантэксте часу»), посвященной 90-летию доктора филологических наук, профессора Аркадия Иосифовича Наркевича. По традиции в организации мероприятия принял активное участие член Стилистической комиссии Международного комитета славистов, заведующий кафедрой медиалингвистики и редактирования Института журналистики Белорусского государственного университета Виктор Иванович Ивченков. На пленарных и секционных заседаниях выступили с докладами члены Стилистической комиссии из России и Словакии: Н. И. Клушина, О. Оргонева, С. Ф. Барышева, Л. Т. Касперова, Н. В. Смирнова, Т. И. Сурикова.

В рамках конференции состоялось бюро Стилистической комиссии МКС, на котором обсуждался план работы комиссии на предстоящие 5 лет, а также в результате голосования состав комиссии пополнился новыми участниками (*Алена Богуницка* из Словакии и *Владимир Коньков* из России).

Международная научная конференция «Аксиологические аспекты современных филологических исследований» (Екатеринбург, Россия)

15–17 октября 2019 г. в Уральском гуманитарном институте Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина состоялась научная конференция «Аксиологические аспекты современных филологических исследований». Организатором мероприятия стала член Стилистической комиссии МКС профессор УРФУ Татьяна Ицкович. В числе гостей конференции был известный польский ученый – Почетный председатель Стилистической комиссии МКС Станислав Гайда.

Председатель Стилистической комиссии Наталья Клушина вручила Почетную грамоту Стилистической комиссии МКС ведущему профессору УРФУ, известному российскому языковеду Наталии Александровне Купиной.

На заседании Стилистической комиссии были представлены на голосование кандидаты в состав комиссии. Екатеринбург пополнил список членов Стилистической комиссии учеными из Ирана (*Джанолах Карими-Мотаххар* и *Марзие Яхьяпур*), Польши (*А. Гадомский*) и России (*Н. Купина, Л. Селезнева, А. Николаева* и *М. Васильченко*).

Научная конференция «Настоящее и будущее стилистики» (Москва, Россия)

13 и 14 мая 2019 года на факультете журналистики Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова прошла Международная научная конференция Стилистической комиссии Международного комитета славистов под патронатом ЮНЕСКО «Настоящее и будущее стилистики» при финансовой поддержке РФФИ (грант № 19-012-20025). В работе конференции приняли участие ведущие российские ученые и зарубежные исследователи из Австрии, Беларуси, Болгарии, Боснии и Герцеговины, Казахстана, Китая, Македонии, Польши, Сербии, США, Турции, Хорватии, Чехии, Эстонии. По итогам работы конференции была принята резолюция.

В рамках научной конференции в Москве прошло заседание Стилистической комиссии МКС, где был утвержден *план дальнейших мероприятий*.

В **2020 г.** конференция Стилистической комиссии будет организована в Санкт-Петербургском политехническом университете Петра Великого (руководитель – член Стилистической комиссии В. Е. Чернявская).

В **2021 г.** конференция пройдет в Словакии в Университете Коменского в Братиславе (руководитель – член Стилистической комиссии О. Оргонева), а в **2022 г.** гостей примет Институт польской филологии Педагогического университета им. Комиссии Национального Образования в Кракове (руководитель – член Стилистической комиссии М. Пененжек). В **2023 г.** Стилистическая комиссия представит отчет на XVII съезде славистов в Сорбонне (Франция). Общим открытым голосованием в состав комиссии были приняты новые члены: *Ван Цзясин* (Китай), *Марек Пененжек* (Польша), *Ненад Крчиц* (Сербия).

Круглые столы – 2019

В 2019 г. в МГУ имени М. В. Ломоносова в рамках постоянно действующего семинара «Актуальные проблемы стилистики» состоялись открытые лекции и круглые столы, на которых перед преподавателями и студентами факультета журналистики выступили профессора – члены Стилистической комиссии МКС. Александр Киклевич, профессор Университета в Ольштыне, прочел открытую лекцию о фасцинации в современной коммуникации.

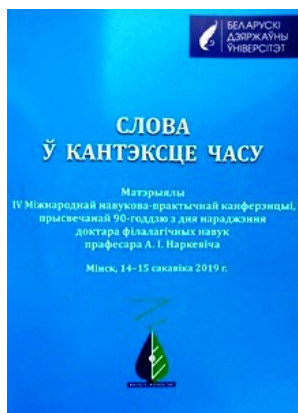
Профессор Политехнического университета имени Петра Великого в Санкт-Петербурге Валерия Евгеньевна Чернявская выступила с научной позицией относительно роли контекста в порождении и восприятии высказывания.

Австрийский профессор Бранко Тошович назвал свою лекцию «Генераторская журналистика» и обозначил для будущих журналов «плюсы» и «минусы» профессиональных перспектив, связанных с постепенным замещением человека роботами. Эта встреча стала третьей в цикле лекций «Генераторская лингвистика – генераторская стилистика – генераторская журналистика», организованных для магистров международным отделом факультета журналистики МГУ.

Вторым тематическим направлением исследований профессора является художественный текст. Бранко Тошович руководит многолетним международным научным проектом «Иво Андрич в европейском контексте» (<http://www-gewi.uni-graz.at/gralis/>)

projektarium/Andric/index.html). В 2019 году он стал вдохновителем и организатором конференции на базе кафедры славянской филологии филологического факультета МГУ «Холода и Зимы Иво Андрича и русских лауреатов Нобелевской премии: Нобелевские крио-поэтики» (Москва, 17–20 октября 2019 г.).

Издательская деятельность

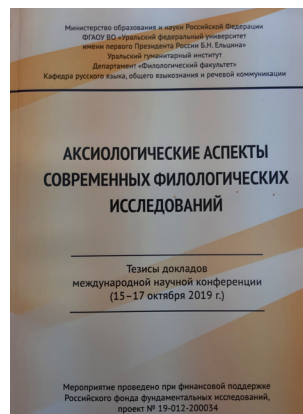
Материалы научно-практической конференции «Слово в контексте времени» (Минск–2019) опубликованы на сайте Института журналистики БГУ в открытом доступе. Сборник включает все доклады, прозвучавшие на конференции, и затрагивает широкий спектр лингвистических проблем.

Слова ў кантэксте часу : матэрыялы IV Міжнар. навук.-практ. канф., прысвеч. 90-годдзю з дня нараджэння д-ра філал. навук праф. А. І. Наркевіча, Мінск, 14–15 сак. 2019 г. / Беларус. дзярж. ун-т; рэдкал.: В. М. Самусевіч (адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск: БДУ, 2019. – 319 с.

Статьи ведущих российских и зарубежных ученых, публикуемые в сборнике материалов научной конференции «Настоящее и будущее стилистики» (Москва–2019), посвящены актуальным проблемам современной стилистики, дискурсологии, медиалингвистики, прагматики, риторики и другим направлениям современной лингвистической науки. Книга будет интересна специалистам в области русской и зарубежной филологии, журналистам, а также широкой общественности.

Настоящее и будущее стилистики: сб. науч. ст. Междунар. науч. конф. (13–14 мая 2019 г. / науч. ред. д-р филол. наук, проф. Е. Л. Вартанова; отв. ред. Н.И. Клушина, С.Ф. Барышева. – М.: ФЛИНТА, 2019. – 856 с.

Авторами сборника тезисов научной конференции в Екатеринбурге выделены аспекты лингвистического и литературоведческого анализа ценностных составляющих дискурсов и текстов разных типов и жанров;

охарактеризовано проблемное поле аксиологической филологии; предложена интерпретация особенностей репродукции аксиологической реальности в текстах художественной литературы и СМИ; разработаны принципы сопоставительной аксиологической филологии; описаны ценности русской культуры в отражении системы языка, кооперативной и конфликтной речевой коммуникации; установлены векторы развития ценностных предпочтений россиян в социокультурном контексте современности, уделено внимание аксиологическим вопросам лексикографии.

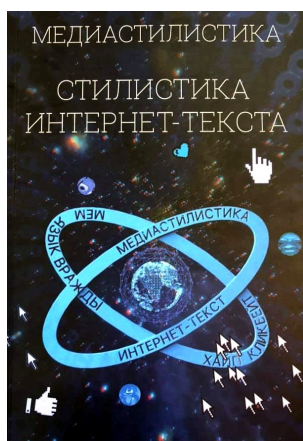
Аксиологические аспекты современных филологических исследований: тез. докл. Междунар. науч. конф. (УрФУ, 15–17 октября 2019 г.) / Отв. ред. Н.А. Купина. – Екатеринбург: Издательский дом «Ажур», 2019. – 334 с.

В монографии членов Стилистической комиссии из Словакии Ольги Органовой и Алены Богуницкой поднимается проблема интерактивной стилистики. Авторы обращают внимание на то, каким образом нужно рассматривать интерактивную

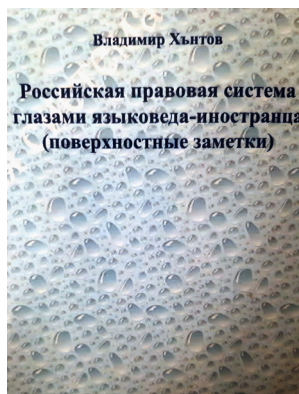
стилистику повседневных диалогов, и предлагают методологические инновации, основанные на субъективном методе интерпретации и подготовленные идеями когнитивных наук.

Orgoňová O., Bohunická A. Interakčná štylistika. – Bratislava: Univerzita Komenského v Bratislave, 2018. – 208 s.

Учебник нового типа «Стилистика интернет-текста», посвященный научному анализу интернет-стилистики, выпущен российскими коллегами Натальей Клушиной и Анастасией Николаевой. В издании изложена авторская концепция интернет-текста, описаны его основные параметры и стилистические характеристики. К стилистическим доминантам отнесены такие явления, как кликбейт, троллинг, хейтспич, хайп и др.

Клушина Н. И., Николаева А. В. Стилистика интернет-текста: учебник. – М.: Эдитус, 2019. – 176 с. – (Медиастилистика).

В 2019 году в Велико-Търново (Болгария) вышло в свет научное исследование юридических терминов и наименований под названием «Российская правовая система глазами языковеда-иностранца (поверхностные заметки)». Автор – доктор филологических наук Владимир Стоев Хънтов, который является специалистом по проблемам переводов специализированной юридической лексики.

В. Стоев Хънтов. Российская правовая система глазами языковеда-иностранца (поверхностные заметки). – Велико-Търново: Изд. «ИВИС», 2019. – 143 с.

Л. Т. Касперова
Фото Л. Касперовой, Г. Никанорова (МГУ),
Т. Ицкович (УРФУ), *journ.bsu.by* (БГУ)

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Барышева Светлана Фридриховна – кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики русского языка факультета журналистики Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; e-mail: barysheva1105@rambler.ru

Ван Цзясин – доктор филологических наук, профессор факультета русского языка Нанкинского университета (КНР); e-mail: wjx@nju.edu.cn

Василькова Наталия Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики русского языка факультета журналистики Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; e-mail: n.vasilkova@mail.ru

Гайда Станислав – доктор филологических наук, профессор кафедры польской филологии Опольского университета (Польша); e-mail: stgajda@uni.opole.pl

Гик Анна Владимировна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела корпусной лингвистики и лингвистической поэтики Института русского языка имени В. В. Виноградова РАН; e-mail: annagik@yandex.ru

Гуркова Александра – доктор филологических наук, профессор / научный сотрудник Института македонского языка имени Крсте Мисиркова в Скопье при Университете имени Кирилла и Мефодия (Македония); e-mail: agjurkova@outlook.com

Ицкович Татьяна Викторовна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации Уральского федерального университета; e-mail: taniz0702@mail.ru

Караниколова-Чочоровска Луси (Глигор) – доктор филологических наук, ординарный профессор филологического факультета Университета имени Гоце Делчева в Штипе (Македония); e-mail: lusi.karanikolova@ugd.edu.mk

Карасик Владимир Ильич – доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания Государственного института русского языка имени А. С. Пушкина; e-mail: vkarasik@yandex.ru

Касперова Лариса Тазретовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики русского языка факультета журналистики Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; e-mail: latael@mail.ru

Клушина Наталия Ивановна – доктор филологических наук, профессор кафедры стилистики русского языка факультета журналистики Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; e-mail: nklushina@mail.ru

Кочай Мир Сахиб Джан – кандидат педагогических наук, профессор кафедры русского языка Кабульского университета (Афганистан); e-mail: m.kochai@mail.ru

Ларина Татьяна Викторовна – доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов; e-mail: tatiana@larina.tv

Малыгина Лидия Евгеньевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики русского языка факультета журналистики Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; e-mail: admlikbez@gmail.com

Малышева Елена Григорьевна – доктор филологических наук, заведующий кафедрой журналистики и медиалингвистики факультета филологии и медиакоммуникаций Омского государственного университета имени Ф. М. Достоевского; e-mail: malysheva_eg@mail.ru

Ма На – аспирант факультета русского языка Нанкинского университета (КНР); e-mail: mana19871214@163.com

Москвин Василий Павлович – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Волгоградского государственного социально-педагогического университета; e-mail: vasmoskvin@yandex.ru

Николаева Анастасия Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики русского языка факультета журналистики Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; e-mail: 9320078@mail.ru

Новоженова Зоя Леонидовна – доктор филологических наук, профессор кафедры языкознания и переводоведения Института русистики и востоковедения Гданьского университета (Польша); e-mail: zln@o2.pl

Рогалева Ольга Сергеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики и медиалингвистики Омского государственного университета имени Ф. М. Достоевского; e-mail: olga_rogaleva78@mail.ru

Сидики Аниса – преподаватель кафедры русского языка Кабульского университета (Афганистан); e-mail: sf_baha@yahoo.com

Синельникова Лара Николаевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русской, украинской филологии с методикой преподавания Гуманитарно-педагогической академии, филиала Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского в Ялте; e-mail: Prof.sinelnikova@gmail.com

Сиротинина Ольга Борисовна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, речевой коммуникации и русского как иностранного Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского; e-mail: skunak@mail.ru

Смирнова Надежда Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики русского языка факультета журналистики Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; e-mail: smirnovanv@yandex.ru

Сурикова Татьяна Ивановна – кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики русского языка факультета журналистики Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; e-mail: surikova.t.i@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Barysheva Svetlana Fridrikhovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Lomonosov Moscow State University, Faculty of Journalism, Department of Russian Language Stylistics, e-mail: barysheva1105@rambler.ru

Gajda Stanislaw, Doctor of Philology, Professor, Opole University, Poland, e-mail: stgajda@uni.opole.pl

Gik Anna Vladimirovna, Candidate of Philology, Senior Researcher, V. V. Vinogradov Institute of Russian Language, Department for Corpus Linguistics and Linguistic Poetics, e-mail: annagik@yandex.ru

Gjurkova Aleksandra, Doctor of Philology, Professor / Scientific Advisor, Institute of Macedonian Language “Krstе Misirkov”, Ss Cyril and Methodius University, Skopje (Macedonia), e-mail: agjurkova@outlook.com

Itskovich Tatyana Viktorovna, Doctor of Philology, Docent, Professor, Ural Federal University, Department of Russian Language, General Linguistics and Speech Communication, e-mail: taniz0702@mail.ru

Karanikolova-Chochorovska Lusi (Gligor), Doctor of Philology, Full Professor, University “Goce Delchev”, Stip (Macedonia), Faculty of Philology, e-mail: lusi.karanikolova@ugd.edu.mk

Karasik Vladimir Ilyich, Doctor of Philology, Professor, Pushkin State Russian Language Institute, Department of General and Russian Linguistics, e-mail: vkarasik@yandex.ru

Kasperova Larisa Tazretovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Lomonosov Moscow State University, Faculty of Journalism, Department of Russian Language Stylistics, e-mail: latael@mail.ru

Klushina Natalia Ivanovna, Doctor of Philology, Professor, Lomonosov Moscow State University, Faculty of Journalism, Department of Russian Language Stylistics, e-mail: nklushina@mail.ru

Kochai Mir Sahib Jan, Candidate of Pedagogical Sciences, Professor, Kabul University (Afghanistan), Department of Russian Language, e-mail: m.kochai@mail.ru

Larina Tatiana Viktorovna, Doctor of Philology, Professor, RUDN University, Philological Faculty, Department of Foreign Languages, e-mail: tatiana@larina.tv

Malygina Lidia Yevgenievna, Candidate of Philology, Associate Professor, Lomonosov Moscow State University, Faculty of Journalism, Department of Russian Language Stylistics, e-mail: admlikbez@gmail.com

Malysheva Elena Grigorievna, Doctor of philology, Head of the chair, Dostoyevsky Omsk State University, Faculty of philology and mediacommunication, Department of journalism and medialogic, e-mail: malysheva_eg@mail.ru

Ma Na, PhD student, Nanjing University (PRC), Faculty of Russian Language, e-mail: mana19871214@163.com

Moskvin Vasily Pavlovich, Doctor of Philology, Professor, Volgograd State Socio-Pedagogical University, Russian Language Department, e-mail: vasmoskvin@yandex.ru

Nikolaeva Anastasia Vladimirovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Lomonosov Moscow State University, Faculty of Journalism, Department of Russian Language Stylistics, e-mail: 9320078@mail.ru

Novozhenova Zoja Leonidovna, Doctor of Philology, Professor, University of Gdansk (Poland), Institute of Russian and Eastern Studies, Faculty of Languages, Division of Russian Language and Translation Studies, e-mail: zln@o2.pl

Rogaleva Olga Sergeevna, Candidate of Philology, Associate professor, Dostoyevsky Omsk State University, Faculty of philology and mediacommunication, Department of journalism and medialogic, e-mail: olga_rogaleva78@mail.ru

Sidiki Anisa, Lecturer, Kabul University (Afghanistan), Department of Russian Language, e-mail: sf_baha@yahoo.com

Sinelnikova Lara Nikolaevna, Doctor of Philology, Professor, Academy of the Humanities and Pedagogics (branch) of V. I. Vernadsky Crimean Federal University in Yalta, Russian and Ukrainian Philology and Teaching Methods Department; e-mail: Prof.sinelnikova@gmail.com

Sirotinina Olga Borisovna, Doctor of Philology, Professor, Saratov Chernyshevsky State University, Department of Russian Language and Speech Communication, e-mail: skunak@mail.ru

Smirnova Nadezhda Vladimirovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Lomonosov Moscow State University, Faculty of Journalism, Department of Russian Language Stylistics, e-mail: smirnovanv@yandex.ru

Surikova Tatiana Ivanovna, Candidate of Philology, Associate Professor, Lomonosov Moscow State University, Faculty of Journalism, Department of Russian Language Stylistics, e-mail: surikova.t.i@gmail.com

Vasilkova Natalia Nikolaevna, Candidate of Philology, Associate Professor, Lomonosov Moscow State University, Faculty of Journalism, Department of Russian Language Stylistics, e-mail: n.vasilkova@mail.ru

Wang Jiaying, Doctor of Philology, Professor, Nanjing University (PRC), Faculty of Russian Language, e-mail: wjx@nju.edu.cn

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал «Актуальные проблемы стилистики» издается факультетом журналистики Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова при участии Стилистической комиссии Международного комитета славистов.

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию.

Объем статьи – 20000–30000 знаков, включая пробелы. Статья принимается одним файлом, названным фамилией автора (соавторов), в формате Word, например: Ivanov.doc

Статьи просим высылать на адрес электронной почты журнала **apstil@yandex.ru** до **31 мая 2020 года**.

Необходимые данные

1. Обязательные сведения об авторе (авторах):

- фамилия, имя, отчество всех авторов полностью (на русском и английском языке);
- полное название организации – место работы каждого автора в именительном падеже, страна, город (на русском и английском языке). Если все авторы статьи работают в одном учреждении, можно не указывать место работы каждого автора отдельно;
- адрес электронной почты для каждого автора;
- корреспондентский почтовый адрес и телефон для контактов с авторами статьи.

2. Название статьи приводится на русском и английском языках.

3. Аннотация (8-10 строк) приводится на русском и английском языках.

4. Ключевые слова (не более 10) приводятся на русском и английском языках.

5. Тематическая рубрика – код УДК

Требования к оформлению статьи:

- редактор Microsoft Word;
- шрифт Times New Roman, формат А4, кегль 14 обычный – без уплотнения;
- текст без переносов;
- межстрочный интервал – полуторный (компьютерный);
- выравнивание – по ширине;
- поля – верхнее, нижнее, правое, левое – 2 см;
- номера страниц – внизу посередине, на первой странице номер не указывается;
- абзацный отступ – 1,25 см;
- ссылки на литературу приводятся непосредственно после фрагмента, требующего ссылки на источник, в круглых скобках, например: (Виноградов 1947: 33);
- список литературы располагается в конце текста (входит в общий объем статьи и формируется по алфавиту, сначала литература на русском языке, затем на иностранном). Например:

Литература

1. Барт Р. Мифологии. – М.: Издательство им. Сабашниковых, 1996. – 314 с.
2. Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. «Свое – чужое» в коммуникативном пространстве митинга // Русистика сегодня. – 1995. – № 1. – С. 93–116.
3. Кондаков И. В. От литературоцентризма – к медиацентризму. URL: http://pravmisl.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=566.
4. Петрухин В. И. Коммуникативные стратегии и тактики российского политического дискурса: дисс. ... канд. филол. наук. – М., 2002. – 185 с.
5. Chomsky N. New Horizons in the Study of Language and Mind. – Cambridge: Cambridge University Press, 2002. – 230 p.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СТИЛИСТИКИ

Ежегодный международный научный журнал

№ 5, 2019

Редактор *Н. А. Примаченко*

Дизайн и компьютерная верстка *Е. Н. Сиротиной*

Подписано в печать 28.12.2019. Формат 60x84/8.
Гарнитура «Minion Pro». Объем 27,20 усл. печ. л. Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии факультета журналистики
МГУ имени М. В. Ломоносова